

САГА

О КАЕ ЭРАИНГССОНЕ

Бутырская Н.В.

Наталья Викторовна Бутырская

Сага о Кае Эрлингссоне

Серия «Сага о Кае Эрлингссоне», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70641844

Сага о Кае Эрлингссоне / Наталья Бутырская: Авторское; Москва;

2024

Аннотация

Каждый норд, видевший тринадцать зим, должен принести первую жертву богам и получить благодать: небывалую силу. Кай, сын Эрлинга, уверен, что уж он-то точно будет замечен богами, ведь до сих пор он был самым сильным и самым храбрым среди мальчишек. К тому же отец подготовил для жертвы не козу и не свинью, а раба. Но что-то пошло не так, и Кай становится изгоем среди прежних друзей.

Содержание

Песнь 1	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	83
Глава 8	97
Глава 9	110
Глава 10	123
Глава 11	137
Глава 12	149
Глава 13	163
Глава 14	175
Глава 15	189
Глава 16	202
Глава 17	217
Глава 18	229
Эпилог	235
Песнь 2	243
Глава 1	243

Глава 2	257
Глава 3	271
Глава 4	284
Глава 5	297
Глава 6	316
Глава 7	330
Глава 8	345
Глава 9	362
Глава 10	382
Глава 11	398
Глава 12	413
Глава 13	427
Глава 14	447
Глава 15	466
ЭПИЛОГ	478

Наталья Бутырская

Сага о Кае Эрлингссоне

© Наталья Бутырская, 2024

Песнь 1

Пролог

Скирир – зимний бог, побратим Фольси, бог-воин. Вышел к первым богам, сбежавшим из морской пучины, и стал их правителем, защищал их от морских чудовищ.

Атрибуты— шлем, доспех, щит, копье и молот.

Я вышел вперед, стиснув в руках отцовский походный топор. Настоящий боевой, уже испивший крови людей и знакомый богам по многочисленным дарам, которые мой отец Эрлинг, лэндерман Стóрбаша, отправил им. Я спиной чувствовал десятки завистливых взглядов других ребят. Еще бы им не завидовать! Чьи жизни они отправили богам в надежде получить их первый дар? Коз, свиней, кроликов... Разве ж это достойные жертвы?

Отец подготовил для меня единственно подходящую жизнь – человеческую. Сначала я, конечно, разозлился, что это был лишь какой-то жалкий раб, да к тому же калека. Его убогая иссохшая рука торчала вбок, словно сломанное куриное крыло, но отец быстро втолковал подзатыльником, что не стоит жадничать.

Раб стоял передо мной на коленях, не имея смелости даже на то, чтобы поднять голову. Правду говорила мать, рабы – это люди, от которых с рождения отвернулись боги, у них неполные души и согнутые спины.

Я замахнулся топором. Позади ахнула какая-то девчонка, Даг крикнул: «Давай, Кай! Убей его!».

Удар!

В последний момент раб захотел посмотреть на своего убийцу, и топор опустился не на шею, а врезался с оглушительным хрустом в затылок. Пахнуло кровью и смрадом. Я с омерзением отшатнулся, но тут же выровнялся и взглянул на отца. Мощный, кривоногий, с рубленой бородой, он выделялся среди серых горожан. И он смотрел на меня с гордостью.

Я ждал, когда же ко мне снизойдет благодать Скири́ра. Отец говорил, что это ощущение ни с чем не спутаешь. «Словно тебе в живот ударил ледяной молот, – сказал он вчера, – но вместо холода и боли ты чувствуешь лишь жар. Маленькое солнце. А потом оно выпускает горячие лучи, что идут по твоим рукам и ногам. В каждый палец. В каждый волосок. И даже уши начинают гореть. И ты становишься сильнее. Намного сильнее!».

Я стоял и ждал, но ничего не происходило. Совсем ничего.

Передо мной лежал человек с расколотой пополам головой, его штаны были мокрыми и воняли дерьмом. Куцая ручонка странно вывернулась, и казалось, что коричневые

ссохшиеся пальцы указывают точно на меня.

Отцовский топор выскользнул из руки и глухо ударился о землю. «Не позволяй лезвию моего топора коснуться земли! Для боевого оружия – это позор!»

Я отвернулся, и меня вырвало.

* * *

– Что случилось, Эрлинг? Почему Кай не получил благодать? Говорила же я тебе, что не стоит покупать для него раба. Пусть бы зарезал козу или, вон, коня, как и все.

– Замолкни, женщина! Коня еще попробуй купи, а этого раба мне за полцены продали, он же совсем негодящий был. В других городах тоже людей как первую жертву берут, не сам же я это придумал.

– Может, Скирир наказал тебя за гордыню?

Отец с силой шарахнул по столу, так что плоски подпрыгнули.

– Да Скирир и есть гордыня. Каждый уважающий себя мужчина должен гордиться собой, своими делами, своим ремеслом, своим сыном! – с каждым словом отец ударял кулаком так, словно хотел разломать толстенные доски.

– Хватит бить стол!

Только мама могла повышать на него голос. И когда она кричала, все в доме переставали дышать.

– Я тебе говорю: дай Каю убить козу. Вдруг это поможет?

Я приподнял голову и мельком взглянул на отца. Он не выглядел взбешенным. Наоборот, он как будто состарился и уменьшился в размерах.

– Давай. Только пусть он это сделает в хлеву.

«Чтобы не опозорить меня во второй раз», – этого отец не сказал, но и так было понятно.

– Кай, вставай, пойдем, – ласково подтолкнула меня мать к выходу. – Возьми нож.

Она подвела меня к козленку, что родился пару недель назад. Смешной. Я видел, как он забавно падал на задние ноги, пока не научился бегать и толкаться безрогой пушистой головенкой.

– Кай, перережь ему горло. Давай, сынок. Смелее, – подбадривала мать, но от этого становилось еще хуже.

Что я ей – какой-то слабак? Трус? Я сегодня убил человека! Просто так. Уж козленка-то я прирезать точно смогу.

Я взял нож, за ухо вздернул голову жертвы и резко полоснул по горлу. Кровь выплеснулась вперед, не коснувшись меня. Я не раз видел, как режут скот, и знал, как нужно встать, чтобы не испачкаться.

Но ни удара молотом, ни летнего солнца в животе не возникло. Я остался таким же слабаком, как и вчера.

Глава 1

Фомри́р – зимний бог-воин, сын Скири́ра и умершей родами великаниши. Искренне ненавидит и презирает всех богов, кроме отца, которого стремится впечатлеть. В битвах против первородных чудовищ случайно прорубил фьорды.

Атрибуты – меч и секира.

Каждое утро я просыпался от запаха маминой стряпни, прибежал за стол, с трудом дожидался, пока отец встанет, плеснет воды в лицо и зачерпнет первую ложку каши, потом со скоростью молодого волка уплетал все, что мне накладывали, и убегал. А что толку торчать в темном доме, когда снаружи столько всего происходило! Можно было помериться силами с друзьями, попинать слабаков типа Лейфа или Нэнне, сходить в пещеры, наловить рыбы, поставить ловушки на птиц, последить за жрецом Мами́ра, самым странным существом в нашем хера́де.

Но сегодня я не спешил.

Отец и так проснулся не в духе, не шлепнул мать по заднице, не похвалил ее стряпню, а он делал это каждый день. Помню, он шепнул мне как-то, что бабу нужно хвалить, когда она поступает, как должно, иначе баба забудет про свои обязанности и будет творить всякую nepoтpeбщиHy. Сейчас он молча ел похлебку, угрюмо уставившись в стену, а когда

я робко сел рядом, то и вовсе швырнул ложку на стол.

– Что? Вместе с благодатью богов ты и храбрость потерял?

Что трясешься, как колос на ветру?

– Эрлинг! – повысила голос мать.

– Дáгней! – заорал и отец. – Это твой сын! Почему он не получил благодать?

– Сходи с ним к жрецу, – тут же сбавила тон мама. – Пусть еще раз посмотрит на руны. Может, он что-то неправильно понял? Может, на Кае лежит какое-то проклятье? Ты же знаешь, наш Кай храбрец каких мало.

– Немощных резать – много храбрости не надо, – проворчал лёндерман, успокаиваясь.

– Кай, ты иди, погуляй пока. Мы с отцом посоветуемся, что дальше делать.

Погуляй! Пожалуй, впервые это прозвучало, как приговор, но выбора у меня не было.

Неподалеку уже поджидали близнецы, те самые, которым доставалось от меня больше всего. И это немного приободрило. Они всегда были слабаками, даже вдвоем не могли меня побить. Я мог спокойно мутузить одного, пока второй бежал вокруг и пытался оттащить меня в сторону.

– Эй, Кай! – крикнул Лённе и тут же обернулся к брату в поисках поддержки.

Я скривился. Даже получив благодать, они оставались трусами. Куда смотрят боги?

– Кай! Видать, Скириру не нужны такие уроды, как ты.

– Лённе, ты видел его первую жертву? Даже коза выглядела грознее.

– Не скажи, Нэнне, Кая же тот раб испугал аж до блевоты. Вместо того чтобы отомстить за все синяки и побои, они кидались дурацкими подначками. Я пожал плечами и ринулся вперед. Когда-нибудь это должно случиться, почему бы и не сейчас? Все равно я хотел проверить, насколько эта самая божья благодать может изменить таких слабаков и нытиков, как Ленне и Нэнне.

Как и всегда, я хотел свалить Ленне на землю, но этот неповоротливый тюфяк умудрился вывернуться и даже толкнул меня в спину, от чего я едва не упал.

– Скирир одарил тебя ловкостью? – сплунув, спросил я. – Как раз по тебе. Сможешь уворачиваться от ударов. Настоящий воин, ха.

– Тогда как тебе понравится мой дар? – сказал Нэнне.

И врезал мне в живот. Я сложился пополам, судорожно сплевывая и пытаюсь вдохнуть. Раньше я иногда предлагал близнецам ударить первыми, и они били, но так нерешительно и слабо, что это и ударами-то нельзя было назвать.

– Тебе дали силу? – прохрипел я.

– Ты всегда был таким слабаком или тебя еще и прокляли старушечьей немощью? – рассмеялся Ленне.

– Представляешь, каким дохляком ты был вчера, если я без благодати тебя одной рукой побивал?

И тут они налетели на меня с двух сторон...

Впечатывая мою голову в землю, Нэнне кричал:

– Ну что, а теперь ты угостишь нас яблочками, верно? Только яблочками не простыми, а конскими. Одно принесешь мне, второе – Ленне, а чтобы тебе было не обидно, третье возьмешь себе.

– Нэнне, у него только две руки. В чем он его притащит?

– Хмм, и правда. Пусть в зубах несет.

Эти болваны даже шутку не смогли придумать, стащили мою. Вокруг уже собрались ребята и смотрели, как избивали их вчерашнего предводителя.

– Даг! – выдохнул я, когда меня отпустили. – А ты-то? Я же всегда за тебя вступался.

Он опустил глаза.

– Ты же говорил, что слабаки сами виноваты.

– Это было до благодати! – выкрикнул я. – До благодати у нас у всех было одно и то же. И ты сам выбирал: быть слабым или нет. Разве я виноват, что эти тупые боги отвернулись от меня?

– Значит, виноват, – буркнул он и отвернулся.

– Так что с яблоками? – влез Ленне.

– Иди и сам сожри! Тебе не привыкать, – рявкнул я и тут же свалился от удара по голове.

Первый раз – самый тяжелый? Как бы не так.

Близнецы проверили новые силы на мне и перестали бояться. После этого меня избивали каждый день, как только я выходил из дома. Я не допускал такого, даже когда был силь-

нее всех, потому что, как и говорил отец, после благодати все меняется. После благодати вокруг тебя не просто обычные люди, а воины. Отец рассказывал, что и в его детстве был сильный мальчишка, который дрался со всеми и побеждал всех, но после первой жертвы это прекратилось. Он начал уважать своих соперников, подружился с ними, возглавил их в набеге, а потом стал лендерманом.

Я думал, что буду как отец: самым сильным в хераде. Соберу свой отряд и поплыву на запад, сражусь с морскими чудовищами, получу много божественной благодати и стану легендарным воином.

А сейчас я хуже бабы, ведь даже женщины приносят первые жертвы. Если я не стал воином, значит, я даже не карл, я как тот изувеченный раб. Жалкий трэль. Кто будет защищать трэля?

Отец и мать видели, что со мной происходило, но не вмешивались. Раньше к лендерману приходили жаловаться родители тех же близнецов, но он только смеялся:

– Мужчина защищает себя сам, а не прикрывается материнной юбкой.

Он видел, как меня били и валяли в грязи, но взрослые не лезут в детские игры. Раньше не лезли, и я считал это правильным. Сейчас я уже так не думал.

Но хуже всего было то, что я ничего не мог сделать. Изодня в день я не уклонялся от драк и честно сражался, но это выглядело, будто щенок отмахивался от матерой псины.

Перворунные смеялись над моими потугами и продолжали избивать меня.

А дома... дома было не лучше. Мать каждый день забира- ла окровавленную пыльную одежду, со слезами передавала рабыне в стирку и без конца спрашивала отца, не может ли тот что-нибудь сделать. Ему тоже приходилось нелегко. Над ним смеялись на совете, спрашивали, не в наказание ли за какие-то проступки самого Эрлинга боги не дали его сыну благодать. Он возвращался домой взъерошенный, взбешен- ный, а тут его встречали расстроенная жена и избитый сын. Он злился и кричал на меня, за то что я не мог защитить себя. Не мог вести себя как обычный мальчишка.

Иногда я оставался дома, чтобы зажили раны и сошли си- няки. Во время очередных побоев мне сломали палец на ле- вой руке, и я просидел дома неделю. Не высовывал носа со двора, как последняя рабыня, и слушал крики ребят с ули- цы. Даже Даг, лучший друг, тот, которому я собирался до- верить спину, был с остальными и вел себя, как они. Преда- тель. Подлец. Трус. Почему ему боги даровали свою благо- дать, а мне нет? Чем я хуже?

Я всегда считал себя лучше других. Избранным богами. Отмеченным молотом Скири́ра. И жрец Мами́ра сказал то же самое. Мама часто говорила, что я родился в грозовую ночь, и мой первый крик совпал с ударом грома. В ту ночь молния ударила прямо в толстенный ясень, стоящий возле нашего дома. Он обгорел немного, но не погиб, и уже на сле-

дующий год зеленел, как и прежде, только часть его навсегда осталась опаленной.

Жрец тогда сказал, что в меня тоже попадет небесная молния, но если я буду стойким, то выдержу это испытание и стану еще сильнее. Вот только как можно стать сильнее, если нет благодати?

Если я не мог защитить себя кулаками и зубами, значит, буду защищаться при помощи оружия. Я больше не хотел проигрывать. Только не близнецам. Не Дагу. Не мерзким подхалимам, которые раньше мечтали подружиться со мной, а сейчас плевали в лицо.

По утрам обычно было тихо: тех, кто получил первую руну, учили оружному бою бывшие воины. До благодати мы бы того не сдюжили, ведь они не привыкли сдерживать руку. Так что я спокойно выскользнул из дома, прихватив отцовский нож.

За убийство своего прогоняли через строй с палками, порой после такого не выживали, но я не возражал. Лучше сдохнуть, чем жить вот так, слабаком.

Я ушел подальше за пределы города и стал ждать близнецов на своем излюбленном месте, на поляне возле ручья. Там мы с Дагом построили хижину и часто представляли, что возвращаемся домой после походов уже сторхельтами, придумывали и пересказывали друг другу приключения, которые прошли, врагов, которых убили, женщин, которых захватили, и богатства, которые привезли в родной хе-

рад. Сочиняли вместе смешные песни, восхвалявшие нас, но Свальди, видать, не проводил лирой над нашими головами, и чаще всего мы смеялись над нескладными строками. Я был всегда Кай Гром, а друг звал себя Дагом Кровавым. Дурацкое прозвище. Я смеялся над ним и говорил, что он кровавый, так как его постоянно ранят, и кровь течет по его телу. А Даг шутил, что я Гром, потому что пержу так громко, что земля сотрясается.

Когда солнце поднялось высоко, я поджег хижину. Они должны знать, где искать.

Их учили обращаться с оружием, поэтому мне не следовало кидаться на них с криками «Убью!» и ножом напоказ. Если в мирное время кто-то обращал оружие против своего, то и на него можно было напасть с тем же оружием. То есть если я промахнусь, то Ленне или Нэнне смогут воткнуть мой же нож мне в живот. И я был не против, но с одним условием: сначала я пырну одного из них. Почему-то я думал лишь о том, чтобы убить кого-то из близнецов. Даже Даг был не столь важен. Одним ударом я мог сделать больно сразу двоим. Ленне и Нэнне были очень дружны и радели друг за друга больше, чем за самих себя.

Я дам им приблизиться, дам свалить на землю, а когда один из них сядет сверху и начнет бить меня моей же рукой, тогда-то я и воткну нож прямо в живот. Непременно в живот. Выпущу ему кишки. Посмотрим тогда, кто из нас слабак. Посмотрим, кто нытик. Посмотрим, настолько ли крута

благодать их бога, чтобы излечить такую рану.

А потом, если успею, то прирежу и второго. А Даг... Пусть он живет. Все равно сдохнет в первом же бою. Подлецы всегда помирают первыми. Так говорил отец.

Они пришли. Всей кучей. Все те, кто был на первой жертве. И близнецы, и Даг, и остальные.

– Что, Кай, не хватает сил, чтобы драться как мужчина? Теперь ты сжигаешь всякие халупы? – насмешливо спросил Ленне.

– На тебя сил точно хватит, – ответил я.

– Как ты говоришь, он себя называл? Грозовым пердуном?

Ленне обернулся к Дагу, тот побледнел и кивнул. Предатель! Я чуть не передумал насчет того, кого надо убить, но все же заставил себя смотреть на Ленне и думать о нем. Нет. Лучше убить Нэнне. Ленне слишком шустрый, вдруг он сумеет увернуться?

– Что поделат, настоящий мужчина даже пердит громко. А как пердишь ты, Нэнне? Наверное, вот так? – и я изобразил тоненький свист.

От неожиданности ребята даже рассмеялись.

– Тебе мало сломанного пальца? Может, тебе руку сломать? – разозлился Нэнне. – Будешь как тот раб с вывернутой рукой. Ты и так не лучше раба, только пока почему-то тебя еще зовут по имени. Но мы это быстро исправим. А потом твоего папашу сместят. Мамка у тебя еще ничего, кра-

сивая. Попрошу отца, чтобы он выкупил ее и трахнул. Как последнюю шлюху. На улице. В грязи.

– Ага, на твою-то мать никто уже не зарится. После твоей тупой башки там уже не узенький фьорд, а целая пристань. Сотня кораблей войти может одновременно.

Теперь уже никто не смеялся. Оскорбление матери просто так не прощается. Этот идиот дал мне полное право убить его. Даже жаль, что я не смогу объяснить, почему захватил с собой отцовский нож еще до оскорбления.

Нэнне взревел и кинулся на меня, швырнул на землю. Я приложился головой так, что не сразу понял, что меня уже колотят. Нож прижало спиной. Я извернулся так, чтобы ухватить его, вытащил и только хотел воткнуть в Нэнне, как раздался отцовский голос:

– Хватит! Пошел прочь!

И Нэнне отлетел в сторону, едва-едва разминувшись с горящей хижинкой. Отец схватил меня за шиворот и вскинул на ноги.

– Отдай, – еле слышно сказал он. Я тут же передал нож. – Пошли прочь отсюда. Все!

Всех тут же как водой смыло. Ленне помог подняться брату и потащил его в город.

– Тебя что, Фомри́р поцеловал? Как ты додумался поднять нож на своего?

– Он оскорбил мою мать!

– А, так это не Фомри́р, а Мами́р! Иначе как бы ты заранее

узнал, что он собирается оскорбить твою мать?

– Я так больше не могу! Лучше сдохнуть от сотни палок, – заорал я. – Лучше пусть меня скормят морским чудовищам, чем терпеть все это. Почему Скирир не взглянул на меня? Я так и не получил этой хваленой благодати! Я не хочу быть трэлем. Лучше уж умереть, но умереть свободным. Пока у меня еще есть силы сопротивляться!

Отец стоял, красный от гнева. Он схватил меня за грудки, и я подумал, что сейчас получу за такие слова. Но он крепко-крепко обнял меня.

– Прости, сын.

Глава 2

Мами́р – зимний бог знаний, рун и судьбы. Обменял девять фаланг пальцев правой руки на горшок крови морского змея Урга и огненного великана Амту. Смешав их кровь, породил первых людей.

Атрибуты – руны судьбы и дорожный посох.

Ближе к ночи отец повел меня в горы. Где-то там находилось жилье жреца Мами́ра по имени Эмануэль. Мы с Дагом часто пробирались туда и искали его пещеру, но так и не смогли найти. В лучшем случае мы замечали самого Эмануэля, тощего и костлявого мужчину, похожего на высушенную рыбу. Я не знал, все ли жрецы Мамира были такими или только нашему хера́ду так повезло, но наш жрец был самым странным человеком из всех, кого я знал.

Пару раз мы видели, как он стоял голым на камне, раскинув руки, словно хотел обнять небо. На левой руке у него не хватало двух или трех фаланг. Отец говорил, что жрецы Мамира часто отрубают себе пальцы в знак близости к богу. Чем больше не хватает, тем лучше он толкует руны и видит будущее. А еще Мамировы жрецы сочиняют песни и сказания, поэтому любят слушать истории о славных походах и интересных событиях.

По словам отца, раньше в нашем хераде жрецы долго не задерживались, так как у нас здесь тихо. Наши воины редко

устроивали собственные вылазки, чаще откликались на чей-то зов и шли обычными хёрдманами на корабли. Отец перестал ватажничать после моего рождения, остепенился и осел на земле. Он был сильнее всех в Стóрбаше, уже на седьмой руне. Поэтому, что бы там не говорил Нэнне, никто не сможет кинуть вызов моему отцу. Его топор прорубит любую кольчугу и расколёт любой щит. В общем, жрецам Мамира было скучно у нас, и они быстро уходили.

Но Эмануэль остался. Вот уже пять или шесть лет он жил в горах, приходил гадать на рождение ребенка и рассказывал о его судьбе. Порой он спускался в херад и говорил о богах, об их появлении и сражениях. Больше всего мне нравилось слушать про приключения Фомрира. Да, Скирир главнее, круче, всех защищает и всем помогает, но он слишком скучен и правилен.

А вот Фомрир вечно влезал в какие-нибудь передраги, и чаще всего из-за собственного языка. Помню, как я хохотал до слез над историей о подарках Фомрира. Хрипловатый голос Эмануэля под треск костра завораживал, и передо мной вырисовывались настоящие видения:

«Однажды, когда мир был молод, а люди только начинали смотреть в небо, Фомрир ворвался в зал богов и возвестил:
– Возрадуйтесь, боги, я убил змея Тоурга и принёс вам подарки.

Удивились боги, ибо никогда не был воинственный Фомрир столь учтив.

Фомрир с мешком подошёл к Скириру и, достав оттуда ужасную голову Тоурга, вручил её отцу, преклонив колени:

– Достойный трофей достойному богу!

Шагнул Фомрир к Нарлу-корабелу и дал ему в руки крылья великого змея со словами:

– Всяко лучше твоих утлых корыт.

С поклоном вручил Орсе яйца змея и промолвил:

– Должны же в вашей паре они быть хоть у кого-то.

Фбльси, мужу Орсы, вручил он мужской признак змея и громогласно сообщил:

– С этим твои дети явно получше будут сделаны.

Кбрлеху, богу-кузнецу, отдал гузно с лапами с едкими словами:

– Меч и секира, что ты дал, сломались о кожу змея. Видимо, руки у тебя из того же места, что и его ноги.

Долго ещё ходил Фомрир по залу, вручая подарки с обидными словами, пока не подошёл к юному Свальди, сыну Фбльси, и, крикнув от натуги, вывалил на него кишки змея.

Вспыхнул Свальди, вскочил с места, наступил на кишки, случайно дёрнул рукой и замер. Он услышал басовитый гул струны, что создал случайно, и задумался, забыв об обиде. Так и была создана первая лира».

Отец взбирался на гору легко, перепрыгивая массивные камни, а мне приходилось перелезать через них, и через какое-то время я запыхался.

– Это потому, что ты на седьмой руне? – с трудом догнав

отца, спросил я. – Поэтому ты такой быстрый? А когда переходишь с руны на руну, сразу чувствуешь изменения? Или они через какое-то время появляются?

– Уже на первой руне ты устаешь гораздо меньше, – ответил он и посмотрел наверх. Впереди был крутой подъем с едва различимой тропинкой, усеянной мелкими камнями.

– А почему Эмануэль поселился так высоко?

– Чтобы люди не приходили ко мне по пустякам, – раздался знакомый голос. Жрец Мамира, к счастью, одетый, сидел на корточках на боковом уступе и разглядывал нас. – Чтобы они смотрели на гору и думали, стоит ли их беда того, чтобы ради нее ломать шею.

– Но рунные легко могут подняться на любую гору.

– Так меня еще нужно найти.

– Мы тебя и вовсе не искали.

– Значит, ваша беда стоит того, чтобы сломать шею.

Отец кивнул жрецу:

– Приветствую тебя, Эмануэль. Ты ведь уже слышал о несчастье, случившемся с моим сыном?

– Несчастье?

Жрец спрыгнул с уступа и оказался рядом с нами, тощий, длинный. Его ступни были босы, и я невольно поморщился, представив, каково ходить по этим камням без крепких башмаков.

– Да. Мой сын, как и положено, принес первую жертву, да не какую-нибудь, а раба, но не получил благодати. Ты мо-

жешь сказать, почему? От него отвернулись боги? На нем чье-то проклятье? Может, это наказание за мое прошлое?

Эмануэль подошел ко мне, схватил за подбородок, повертел мою голову в разные стороны и сказал:

– Не вижу никакого проклятья. Он не слепой, не глухой, не немой. Руки-ноги целы.

– Не шути со мной, жрец, – как обычно, мгновенно разъярился отец. – Почему у него нет благодати?

– А что сказали боги при его рождении?

– Он родился ночью. Была сильная гроза. В яшень, что стоит возле нашего дома, ударила молния, но не сожгла его. Простый жрец сказал, что это хороший знак, что сам Скирир ударил своим молотом, дабы отметить моего сына среди прочих.

– Почему ты думаешь, что я скажу что-то иное? Я служу тому же Мамиру, а у него лишь один рот.

– Слушай, жрец, – отец не выдержал и схватил Эмануэля за грудки. – Мне до задницы, сколько ртов у твоего бога. Скажи, почему мой сын не получил благодати?

– Хорошо-хорошо, – пошел на попятный жрец. – Давай, я раскину руны и посмотрю, что они скажут.

– Сразу бы так, – проворчал отец и отпустил его.

Уселся на ближайший валун, ссутулился, точно старик. Я вновь почувствовал вину перед ним, ведь именно из-за меня он так переживал.

Эмануэль снял с пояса кожаный кошель, потряс им и ска-

зал:

– Руны – это язык богов. У каждой руны – множество толкований, и не всегда простой смертный может прочесть их правильно. Мои руны вырезаны из костей морских и земных чудовищ, каждая – из своего зверя. Опустив руку в кошель и подожди. Ты должен вытащить самую теплую костяшку и самую холодную. Пощупай все, не спеши.

Я кивнул и запустил ладонь в мешочек. Внутри он оказался больше, чем снаружи. Я думал, что сразу наткнулся на множество костяшек, но не нащупал и одной. Я поводил пальцами и коснулся чего-то. Ровный, гладкий, округлый предмет. Он не показался мне ни теплым, ни холодным, поэтому я оттолкнул его. Потом дотронулся до второй костяшки, она казалась более прохладной, чем первая, и более грубой. Третья, четвертая, пятая... шестая чуть не спалила кожу, я схватил ее и резко вытащил наружу.

– Жжет, – процедил я сквозь зубы, чтобы не заорать от боли.

– Клади вот сюда, – командовал жрец и указал на плоский валун возле нас.

Я с облегчением бросил костяшку туда и полез за второй. Через какое-то время я вынул руны, что обжигала холодом, и положил рядом с первой.

– Интересный набор. Руна силы и перевернутая руна жизни, то бишь смерть.

– И как это понимать? – спросил отец.

– Сила обжигала, а смерть холодила, – задумчиво протянул жрец. Его длинная коса, заплетенная на макушке, съехала вперед, скрыв от меня лицо Эмануэля. – Хороший набор. Сложный.

– Жрец... – угрожающе прорычал отец.

– Мамир дает ответ, но не объясняет его. Могу сказать лишь то, что на твоём сыне нет проклятий. Иногда боги выделяют своих любимцев и щедро одаряют их, но человеческий разум скуден и порой воспринимает божие дары, как несчастья. Вспомни историю про дары Фомрира. Свальди мог оскорбиться и выкинуть его дар, но нашел ему достойное применение.

– И какой бог отметил моего сына?

– Фомрир. Но ты и сам знал это, – Эмануэль положил косяшки обратно в кошель и устало опустил на землю, подогнув длинные ноги.

– Что мне делать, жрец? Я не понимаю смысл дара Фомрира. Мой сын без благодати не выживет в этом хераде, и я не могу защитить его.

– Справлюсь, – угрюмо сказал я.

Если меня на самом деле отметил Фомрир, то, зная, как он умеет шутить, я мог предположить любой исход. Некоторые древние герои получали благодать лишь при выполнении какого-то условия. Кто-то должен был убить женщину, кто-то – переспать с ней, а один из героев должен был потерять глаз. Кажется, он сам его себе и выколол, когда попал в

плен. Выбор у него был невелик: либо стать рабом и умереть под детским топором, наделив убийцу благодатью, либо последовать пророчеству жреца. Он выбрал пожертвовать частью своего тела. Я бы выбрал то же самое. Всё лучше, чем быть слабее женщины и терпеть насмешки всю жизнь.

– Знаешь, что меня всегда восхищало в людях, лендерман? – жрец оскалил зубы. – Они задают вопрос и сами отвечают на него. Ты сказал, что твой сын не выживет в этом хераде. Значит, ты уже знаешь, что нужно делать.

Отец ухмыльнулся краешком рта, хлопнул Эмануэля по спине и знаком приказал мне следовать за ним.

– Жена! – взревел он, едва войдя в дом. – Собери одежду и еду!

Мать подошла, вытирая перепачканные мукой руки.

– Что? Куда?

– Я отвезу Кая в дальнюю деревню, к твоему дяде.

– В Ра́странд? Но зачем? Что он там будет делать?

– Рыбу ловить. Расти. Жить!

– Что сказал жрец?

– Его отметил Фомрир, и нужно переждать, пока мы не поймем, что сделать, чтобы Кай получил свою благодать. Собирай вещи!

Мама метнулась к сундукам и начала перебирать пожитки. Отец же отвел меня в закуток, где хранил оружие и броню.

– Я хотел подарить его после жертвы, на первую руну. Но

пусть хоть сейчас попадет в твои руки.

Я непонимающе посмотрел на отца, а он снял со стены небольшой боевой топорик и протянул мне.

– Держи, сын. Твое первое оружие. И пусть оно поможет тебе получить то, что ты пожелаешь.

Глава 3

Нарл – зимний бог-мореход, первый корабель, покровительствует морякам. Третий по силе боец среди богов, защитник мореплавателей от морских чудовищ

Атрибуты – золотой корабль и бронзовый гарпун.

Ра́странд разочаровывал с первого же взгляда. Жалкая дереушка внутри укромной бухточки из пары десятков лачуг, развешанные на ветру сети, стойкий запах рыбы. Навстречу нашему кораблю вышло всего три человека: старик с длинными развевающимися волосами и старуха, ведущая за руку ребенка.

Отец подождал, пока кáрви не уткнулся в песок, спрыгнул в воду и, широко разведя руками, громко воскликнул:

– Хэй, Ове!

– Эрлинг! – из самой большой халупы вышел старый, но довольно крепкий мужчина. Он держал такой же потрепанный топор, как и он сам. – Давненько тебя не было в наших краях. Зачем пожаловал?

– Навестить тебя, старого бирюка. Привез кое-кого в гости.

Лицо Ове странно искривилось, и я не сразу понял, что он так улыбнулся.

– Неужто моя Да́гней решила проведать дядю?

– Нет. Это твой внучатый племянник Кай.

Я спрыгнул вслед за отцом и, придерживая топор, подошел к нему.

– Кай? Что ж, рад познакомиться, Кай. А ты не сильно-то и торопился, Эрлинг. Всего-то тринадцать лет прошло с его рождения.

Ове протянул руку, и я крепко обхватил его запястье. Старик нахмурился и сжал в ответ мою руку так, что я еле сдержал крик.

– Он что, еще не принес свою первую жертву?

– Об этом я хочу с тобой поговорить отдельно. Кай, ступай пока, осмотрись.

Пока люди отца снимали с корабля мои пожитки и подарки для деревни, я быстро обошел все поселение. Лодок на берегу было немного, часть из них болталась на выходе из бухты. Позади домов виднелась узенькая тропинка, которая вела вверх по каменистому склону, так что я решил пробежаться и взглянуть на окрестности.

С высоты отцовский корабль выглядел крошечным, словно детская игрушка с квадратным куском цветной ткани, серое хмурое небо сливалось с таким же серым и хмурым морем. А с другой стороны было серое каменное плато, на котором росли жалкие желтовато-зеленые клочки травы. Поодаль я заметил несколько коз, их пасла девчонка лет шести.

И как в подобном месте я смогу выполнить условие Фомрира и заполучить столь желанную благодать? Если, конеч-

но, этот шутник не загадал смертельную скуку на протяжении всей жизни.

– Кай! – Эхо подхватило отцовский зов, и я слетел по тропинке вниз. – Кай, проживешь какое-то время с дядей Ове, научишься плести сети, ловить рыбу.

Как проклятый трэль! Это всё, на что я способен в твоих глазах, отец?

– Может быть, Ове расскажет тебе, как строить лодки. Быть корабелом – почетное занятие.

Вот только Нарл-корабел не очень-то и дружит с Фомриром. Впрочем, с кем вообще дружит этот зимний бог-воин?

Ове смотрел на меня, словно на вошь, ползущую по волосам на руке.

– Ну, прощай, сын! Я приплыву за тобой.

Отец похлопал меня по плечу, растрепал волосы и, не оглядываясь, ушел к кораблю. Он забыл сказать, когда именно вернется.

Дядя не стал дожидаться его отплытия, ткнул меня в спину и бросил лишь:

– Идем.

Он завел меня в одну из халуп, внутри была всего одна комната, тесная, как стойло отцовского коня.

– Здесь ты будешь спать, – и он указал на ворох тряпок в углу. – Здесь есть, – и ткнул на закопченный угол стола. – Топор свой сними и положи в сундук.

– Это мое оружие.

– Безрунным оружие не положено.

– Это не тебе решать.

Ове шагнул ко мне и с размаху влепил пощечину:

– Это моя деревня. Мой дом. Мои правила. Безрунные оружие не носят.

Вытащил мой топор, швырнул его в сундук и захлопнул крышку. Я чувствовал, что Ове и сам был не особо сильным воином, явно слабее отца. Вторая или третья руна, не больше, но для меня и одной руны многовато.

Я не знал, как бы отнестя ко мне дядя Ове, если бы я получил благодать, но сын его любимой Дáгней, не достигший даже первой руны, ему явно не был по нраву. Он со мной даже не разговаривал, лишь бросал одно-два слова, и если я не сразу понимал, что он хотел, то получал подзатыльник. Утро начиналось с «Встал». Затем он швырял котелок с остатками пригоревшей каши, который я потом должен был отдраить. Даже мать не занималась такой работой, для этого у нас были рабы. Потом я шел к берегу, помогал собрать сети и уложить их в лодку. Затем у меня было полдня свободно. Обычно я вытаскивал топорик, уходил наверх и размахивал им, представляя, как рублю врагов. Сначала у них были лица Ленне и Нэнне, но постепенно они все больше походили на Ове. Потом я спер жердь из тех, на которых сушились сети, вытесал из нее подобие копья и учился работать с ним, тыкая в травяное чучело. Иногда я разговаривал с девчонкой, пасущей коз, но она была слишком маленькой и глупой и вечно

улыбалась.

Когда Ове возвращался, я тащил тяжеленные вымокшие сети и развешивал их. Если в них была дыра, то я должен был их починить. От грубых веревок и соленой воды руки покрывались ссадинами, которые потом долго-долго ныли. Я возненавидел рыбалку, рыболовов и всю деревню одновременно.

Чистить рыбу, сушить рыбу, потрошить рыбу, солить рыбу, жрать рыбу, дышать рыбой, складывать рыбу, кормить скотину рыбой. И так каждый день. Каждый день!

А по вечерам Ове пил странно воняющую брагу и говорил о том, какой придурок мой отец. Что малышка Дагней заслуживала другого мужа и что только от гнилого семени Эрлинга мог родиться такой урод, как я. Хотя я не понимал, на что жаловался этот старик. Отец был воином седьмой руны, могучим и суровым. Его не обошла вниманием удача, ведь он вернулся из походов с прибылью и даже получил целый херад в управление. Мать жила в хорошем теплом доме, ее руки были мягкими и нежными, так как всю грубую работу выполняли трэли. Но стоило мне только открыть рот, как я тут же получал затрещину.

– Безрунные должны молчать, когда говорит настоящий воин!

Воин он, как же. Убил за всю жизнь пару коз да какого-нибудь раба, чтобы получить вторую руну. Я тоже забрал человеческую жизнь. Только мне повезло не так, как Ове. Хотя

я бы не назвал его жизнь везением. Я прожил в Ра́странде всего неделю, а он – много лет. И у меня еще оставалась надежда выбраться отсюда, а у него – нет.

Спустя две седмицы я, лежа на полу и слушая попискивание мышей, вдруг понял, что за целый день не сказал ни слова. Впервые не ходил наверх и не упражнялся с топором. Более того, я не мог сказать, на что потратил весь день. Наверное, снова возился с сетями, но это занятие стало настолько привычным, что я даже не обратил на него внимания. Я как будто растворился в провонявшей рыбьими потрохами деревне с рыбобрюхими жителями, у которых вместо мозгов молóки селедки, а вместо крови течет морская вода.

Может быть, такие мысли возникли и у дяди, поэтому на следующее утро Ове швырнул в меня какой-то железкой, ед-ва не задев ухо.

– Сегодня в море не пойду. После полудня будем колоть свинью. Почисти пока свинокол.

Я взял железку. Видимо, ее не чистили со времен выхода Хунóра на сушу. Я швырнул свинокол на стол. Потом почищу. После обеда.

* * *

Бухта, где находился Растранд, была небольшой, с изрезанными неровными краями. Видать, Фомрир, когда вырезал местный берег, был изрядно пьян. Потому корабль заме-

тили не сразу, к тому же все местные рыбаки сегодня остались на суше – готовились к празднику в честь Хунóра. Хунóр уважал хорошее мясо, а не обрыдлую рыбатину.

Первый бабий визг взлетел лишь тогда, когда драккár почти воткнулся в берег. С него тут же соскочили воины, все оружные и доспешные, словно не деревушку собирались брать, а целый Стóрбаш. Еще не все успели понять, что происходит, как пролилась первая кровь: ту орущую бабу с размаху проткнули копьем.

Я рванул в сторону дома Ове, за топориком. Зачем только я послушал глупого старика и согласился ходить без него? Я не рассчитывал победить. Дядя был прав, безрунным оружие не давали, а значит, против меня будет не просто воин, а воин, достигший нескольких рун. Такой прибует меня, как щенка, и даже не заметит. Но лучше уж помереть с топором в руке, как мужчина, чем сдохнуть, скуля от страха.

За спиной слышались крики, стоны, затрещали от огня сухие крыши. Я затылком почувствовал, что меня заметили. Рывком распахнув дверь, я бросился к сундуку, но не успел. Скорость рунных намного выше моей! От смачного пинка я свалился плашмя на стол, врезавшись носом в доски.

– Вставай, рыбий сын! – голос напавшего звучал довольно грозно, но в конце дал петуха, словно там под шлемом пацан не старше меня. – Хоть сдохнешь как мужчина.

Мне уже не было страшно. Голова была пуста. Я как будто смотрел со стороны: вот я приподнимаюсь на локтях, выти-

раю кровавый нос и понимаю, что под животом лежит тот самый ржавый свинокол, что утром дал Ове. Я схватил железку и развернулся, спрятав ее за спиной.

Я не ошибся. Передо мной стоял мальчишка примерно такого же возраста, что и я, но радужная дорогушая кольчуга, остроконечный шлем с конским хвостом, массивная секира и щит добавляли ему и роста, и мощи. Выглядел он весьма внушительно.

Он усмехнулся, неторопливо занес секиру за голову. Самое время бы напасть, но Ленне и Нэнне показали, насколько же быстры люди даже с одной руной, потому я ждал. Замах. Глухой стук. Секира глубоко вошла в низкую потолочную балку у меня над головой. Я тут же рванул к врагу, выставив свинокол вперед.

Удар. Ржавое лезвие глубоко ушло в открытую подмышку врага, но не успел я обрадоваться, как меня тут же снес к стене удар щита. Я даже расслышал хруст собственных ребер. Но врагу досталось больше. Затихающий хрип. Кровь хлестала из широченной раны: я не успел выпустить свинокол из рук и разворотил ему весь бок.

И тут волна холода прошла по всему телу, смывая усталость и боль, а затем, как и говорил отец, пришло тепло, залив меня солнечным медом с ног до головы. В глазах посветлело, я рассмотрел каждое переливающееся колечко на кольчуге мальчишки, сползшего по рукояти секиры на пол, услышал сотни звуков, доносящихся с улицы, и понял, что

наконец получил благодать Фомрира. Только сейчас он принял первую жертву.

Там, снаружи, продолжалась бойня, но я не собирался отсиживаться. После получения первой руны я почувствовал себя всемогущим. Достал из сундука топор, который казался теперь невероятно легким, попробовал вытащить секиру из балки, но та застряла намертво, поэтому я забрал лишь щит убитого мальчишки. Теперь я полноценный воин и должен защищать это поселение, как бы я его не ненавидел.

Но когда я вышел из дома, жара поубавилось. По всей деревне носились и улюлюкали опьяненные кровью воины, выталкивали из лачуг местных жителей и по очереди резали их, явственно наслаждаясь потоками благодати. Врагов было по меньшей мере полтора десятка.

Незамеченным я оставался недолго. Спустя несколько ударов сердца ко мне подскочил ближайший воин, тоже мальчишка, с ног до головы увешанный оружием: копьё, щит и вдобавок на поясе болтался меч в ножнах.

Он явно не рассчитывал на сопротивление. Излишне широко размахнувшись, он ударил копьём. Оно пробило мой щит и застряло там. Я дернул левой рукой и повернул щит, надеясь, что смогу затормозить противника, но вместо этого легко вырвал копьё из рук мальчишки. Странно, ведь он должен быть равным мне по силе либо даже сильнее. Отбросив бесполезный кусок дерева, я рванул к врагу. Он потянулся к мечу, но я не стал дожидаться. Одним движением отбросил

топором его щит в сторону, основанием левой ладони вбил наполовину вытасченный меч обратно в ножны и ударом головы в лицо сбил мальчишку с ног, после чего вонзил топор прямо ему в лицо.

– Первая руна? – просипел дядя Ове, подходя сбоку. Он успел вооружиться: щит, охотничья рогатина в красных потеках и неизменный топорик на поясе. – Кай, это лишь щенки, которых натаскивают на кровь и получение новых рун. Там еще есть матерая псина, что следит за ними. Я уже убил двоих, ты кого-то. Нам не простят, сожгут всю деревню. Так что я вызову пса на бой, но если меня убьют, беги в горы. Потом иди на север, к отцу.

– А тебя убьют?

– Зависит от пса.

Ове сейчас выглядел не так, как обычно, более грозно и уверенно. Не только я поднялся на руны за этот день.

Он направился к пристани. Один из щенков, как назвал их дядя, бросился было к нему, но вовремя остановился и даже отошел назад. Ове же продолжал идти спокойно и непоколебимо. Возле вражеского корабля стоял мужчина. И хотя на нем не было ни шлема, ни кольчуги, а из оружия лишь потертый меч на поясе, сразу было видно, что это опытный воин. Издалека я не мог понять, на какой он руне, но вряд ли ниже четвертой.

Воин был абсолютно лыс, чудовищно высок и худ. Сложив руки на груди, он ждал приближения Ове, выражение его ли-

да изменилось лишь при виде окровавленной рогатины.

– Кто ты и по какому праву пришел в мое селение? – голос Ове прокатился по всей деревне.

– Тóркель Мачта. По праву сильного. Ты убил моих подопечных?

– Ты убил всех жителей!

– Значит, ты не смог их защитить. Ты слаб и заслужил смерть.

Несмотря на опасность, я не мог не восхититься словами Тóркеля. Он словно писал песнь о себе. Ове проигрывал словесный поединок.

– Я смотрю, ты достиг четвертой руны. Мне твоя смерть не принесет пользы. Где Рбальд? – рявкнул Тóркель.

Мальчишки тут же разбежались по нескольким уцелевшим хижинам, а у меня возникло подозрение, что я знал, где Рбальд.

– Торкель! – один запыхавшийся щенок подбежал к вожаку, но остановился поодаль. – Роальд... он...

– Говори! – Мачта вытянул длиннющую руку и подтащил пацана к себе. – Что с ним?

– Он мертв. Его секира застряла в балке, а сам он... – мальчишка заколебался, Торкель тряханул его так, что зубы клацнули. – Его пырнули свиноколом.

Неудачник полетел в сторону и пропахал боком каменистый берег, но на него никто и не глянул. Весь вражеский молодняк отступил на несколько шагов назад и потупил гла-

за, боясь глянуть на исказившееся лицо Торкеля.

– Роальда закололи, как паршивую свинью? – голос Мачты изменился до неузнаваемости.

Ове не стал ждать продолжения, а подбросил рогатину в воздух, перехватил и с силой швырнул в Торкеля, сразу же рванув следом.

Я впервые видел настоящий не учебный бой рунных воинов. Торкель даже не дернулся к мечу и не стал уворачиваться. Он поймал рогатину одной рукой, развернул её, вбил в щит дяди до перекладки и уклонился от мощного удара топором. Ове тут же отбросил бесполезный щит, сменил хват на секире и бросился в прямой бой. Удар! Еще удар! Дядин топор рассекал воздух с бешеной скоростью и силой. Торкель, несмотря на огромный рост, легко уворачивался от ударов, не пытаясь достать меч или отскочить. Он словно танцевал, точно зная, куда пойдет топор в следующее мгновение, и подстраивался под его движения. И вдруг он оступился. Ове восторженно взревел и, замахнувшись, нанес удар такой мощи, словно хотел расколоть горы и рассечь море, но лезвие почему-то прошло мимо. Торкель отступил на шаг, а когда топор вонзился в землю, наступил на обух, мгновенно выхватил меч и одним движением отрубил дяде голову и обе кисти рук, которыми тот пытался прикрыться.

– Дервню сжечь! Всех убить! И уходим.

Я проглотил кислую слюну и помчался наверх, в горы.

Глава 4

Хуно́р – весенний бог-охотник. Первый из вышедших из моря богов, кто отнял чужую жизнь, убив медведя ради мяса и шкуры.

Атрибуты – медвежья шкура и охотничье копьё.

Изредка благословляет охотников после первой успешной охоты.

Взлетев на каменистое плоскогорье, я заметил всё ту же девчонку с тощими козами. Она смотрела на дым, поднимающийся из низины, и глупо хлопала глазами. Сейчас голосов умирающих слышно не было, всех уже поубивали, но она не могла не слышать криков, стонов и радостных воплей врагов.

Я подскочил к ней и швырнул на землю, зажав рот.

– Молчи и лежи, дура! Иначе сюда придут и убьют нас.

Я спрятал ее в ложбинке за камнем, затем отогнал коз подалее, а сам подполз к краю и принялся наблюдать. Щенки в очередной раз обыскали деревню, нашли лишь старые сети да сожженные ими же дома. Все лодки они порубили и покидали в огонь, а затем быстро поднялись на борт своей скорлупки и отчалили.

Мне не было жаль этой деревни, ничего хорошего я тут не видел, но дядя Ове в последний момент все же сделал попытку защитить меня. И мне изрядно грело душу то, что я, именно я, убил того мальчишку, заколол его как тупую сви-

нью, и теперь Тóркелю Мачте придется нелегко. Рóальд ни капли не был похож на Торкеля, а значит, кто-то богатый поручил Мачте приглядывать за своим сынишкой. Неудачливому няньке хорошенько влетит. Может, его даже прирежет какой-нибудь богатенький мальчик, который боевого топора и в глаза не видел. Прирежет и огребёт благодати на две руны, а потом поплывет в нищую деревушку, чтобы стать еще сильнее, и там его заколет такой воин, как я. Ха!

Корабль плыл неторопливо, никак не хотел скрываться из вида.

А ведь я и впрямь теперь воин! Я получил первую руну из рук Фомрира, только вот так и не понял, какое же условие он поставил. Может, я должен убивать только оружных? Или только в бою? Или только если я чудом выжил? Или могу убивать лишь сверстников? Впрочем, сейчас это было неважно. Потом убью кого-нибудь еще и узнаю.

Главное – это моя новая сила. Я чувствовал, что стал сильнее, чем Нэнне, и ловчее, чем Ленне. Когда я сражался со вторым противником, я никак не должен был вырвать у него копье. У него тоже была руна, мы должны быть наравне. Отец говорил, что до пятой руны отличий между равными воинами почти нет, только умение владеть оружием и только удача могут склонить Фомрира на твою сторону. Но я был явно сильнее. Не зря отец гонял меня по двору, не зря обучал.

Я уже предвкушал, как вернусь в Сторбаш и навалю Лен-

не-Нэнне. Даг, поди, снова подождет хвост и подползет, выпрашивая дружбу как подачку, вот только он ничего не получит, кроме изрядного пинка.

– Теперь можно вставать? – пропищала девчонка.

Троль меня задери, я уже и забыл про нее.

– Да, стой здесь. Я схожу вниз, проверю, не осталось ли кого.

Спустившись, я не нашел живых. Только догорающие лагуги со всем нехитрым скарбом, несколько верещащих свиней, мечущихся по деревне, да исполосованные трупы – видеть, парни не умели убивать так же чисто, как их нянька. Даже на старуху им потребовалось не меньше трех ударов. Трусы.

На берегу я нашел Ове в той же позе, как он и упал. Голова и кисти рук лежали поодаль. Он не оставил мне никакого наследства: рогатина была для меня бесполезна, щит расколот, да и мой топорик удобнее лежал в руке, чем дядина железака. Но умер дядя, как настоящий воин, потому я оттащил его тело к ближайшему пожарищу и бросил в огонь. Голову и руки положил туда же и накидал вокруг побольше бревен. Пусть это не настоящее погребение, но лучше уж лежать в огне, чем на открытой земле. Остальных я тоже положил в огонь, пусть и затухающий. Я не мог позаботиться обо всех.

Потом взял кусок сети, положил туда котелок, воняющие гарью и частично обгоревшие одеяла, несколько сморщенных овощей, всю соль, что сумел отыскать, засунул за пояс

парочку старых ножей и глянул на море. Если бы эти уроды оставили хоть одну лодку, за пару дней я бы смог догрести до людных мест и попросить довести до Сторбаша. Но пешком по этим горам, да еще с мелкой девчонкой, мы будем ползти целую вечность. Напоследок я закинул в сеть немного недовяленной рыбы. Как бы она мне не надоела, жрать что-то нужно.

– Пойдем, – сказал я, поднявшись на плоскогорье.

– Куда? – спросила девчонка, стоя на том же самом месте, где я ее и оставил.

– Туда, – и я махнул рукой на север.

– Зачем?

Я вздохнул. Может, лучше оставить эту дуреху тут? Хотя в таком случае милосерднее будет ее прирезать.

– Все умерли. В деревне больше никого нет. Да и деревни тоже больше нет. Нужно идти к людям. Где тут есть другие поселения? К вам приезжали гости?

– Да. Недавно приезжал целый корабль, забрал всю рыбу и уплыл.

Я стиснул кулаки и процедил сквозь зубы:

– Это был мой отец. А кроме него кто-то приплывал?

Она помотала головой.

– Как тебя звать?

– Ингрид.

Я еще раз посмотрел на нее. Широколицая, плосконосая, белесые волосы торчали как пакля, нос весь грязный. «Ин-

грид» значит красивая, а эта пигалица не казалась даже хоть чуточку симпатичной.

– Так, Ингрид. Мы сейчас пойдем через горы и лес к людям. Будем идти быстро, на нас могут напасть звери, так что держись возле меня и не отставай. Поняла?

Она кивнула и тут же спросила:

– А козы?

– Что козы? – я скрежетнул зубами так, что один из них зашатался.

– Тетка сказала следить за козами.

– Твоя тетка... – закричал я, но осекся.

А ведь это неплохая мысль! Если у нас будут козы, не придется тратить время на охоту. Будем резать их по мере необходимости и есть.

– Хорошо. Раз тетка так сказала, значит, берем и коз.

Я пожалел о своем решении уже через несколько минут. Ингрид по сравнению с козами была как бог Мамір по сравнению со мной: она хотя бы могла понимать человеческий язык. Эти же рогатые твари были бесконечно тупы, не понимали ни слов, ни палки, ни даже топора, обухом которого я приложил одну из них, только жалобно бляели. Как будто ругались на своем козьем и проклинали мою семью вплоть до пятого колена.

За полчаса с дикими мучениями мы с Ингрид смогли дотащить их только до леса, а потом они и вовсе уперлись. То ли боялись темноты и хруста веток, то ли чуяли зверье.

– Так, Ингрид, пусть козы останутся здесь. Мы возьмем с собой только двух.

– А остальные?

– А остальные пусть живут тут, раз им так нравится. И вот еще... Ты хочешь получить свою первую руну?

– Но у меня еще не пошла кровь, – нахмурилась девчонка. – Тетка говорила, что до первой крови руну не получить.

Хмм, а я такого не слышал. Какая еще первая кровь? Неужто она ни разу себе палец не резала или носом не ударялась? У меня нос вообще кривой, Нэнне, урод, свернул его в первый же день, после того как получил свою козью благодать. Но ничего, с помощью Фомрира я вернусь и сверну его сопелку так, что он высмаркиваться на щеку будет.

– А ты попробуй. Если будешь такой же слабой, как сейчас, точно отстанешь, и тебя сожрут волки.

– Хорошо.

Ингрид не выглядела напуганной. Ее полуопущенные веки создавали впечатление, что она то ли дремлет, то ли вот-вот уснет. И от этого у меня руки чесались вмазать ей, чтобы она встряхнулась.

– Что надо делать?

– Все просто. Вот тебе нож! Смотри, не урони его. Я подержу козу, а ты ударишь ей по горлу сильно-сильно. Со всей силы. Если не будешь стараться, боги отвернутся от тебя.

Я схватил за рога первую попавшуюся козу с белым пятном на лбу.

– Ой, только не Беляночку! Она такая красивая, – закричала Ингрид, даже глаза распахнула.

– Хорошо-хорошо, – я отпустил Белянку и подвел другую козу. Девчонка подозрительно зашмыгала носом. – Что, и эта не подходит? Так какую тебе не жалко-то?

– Вот ту, с кривым рогом. Она все время бодается. У меня из-за нее синяки на ногах.

Я сплюнул, догнал криворогую, с трудом подтащил ее к девчонке. Коза упиралась так, словно понимала, что ее сейчас будут резать. Если бы не полученная благодать, так я и вовсе бы не справился с этой животинной.

– Вот, я ее держу. А ты вспомни, как она тебя обижала. Она же твой враг, верно? Настоящий злой враг. Она тебя била, гоняла, и сейчас, если я ее выпущу, сразу же наскочит на тебя и проткнет рогом насквозь. Ты должна ее убить. Отомстить за все синяки. Бей сильно-сильно, в горло, сразу за бородашкой.

Ингрид кивнула, зажала нож двумя руками, напыжилась так, что даже уши покраснели, а потом как воткнет лезвие козе в шею, только сбоку, а не спереди. Криворогая отчаянно забилась в моих руках, заблеяла.

– Режь давай! Дерни нож на себя! – закричал я, с трудом уворачиваясь от бешено молотящих копыт.

Хвала Скириру, Фомриру и Хунору, девчонка послушалась, и спустя несколько минут коза затихла и свалилась на землю. Но я на нее и не глядел. Ингрид стояла передо мной

с окровавленным ножом в руках, вся в мелких каплях крови, с широко распахнутыми глазами, и не очень походила на человека, получившего благодать.

Я подождал немного, а потом спросил:

– Ну как? Есть что-нибудь?

– Нет, – сказала она, едва не плача.

Но тут троллева коза дернулась последний раз, и у девочки изменился взгляд.

– Да, горячо, вот тут, – и она ткнула себя в живот.

– Отлично, а теперь вытри кровь с лица, и пошли. Возьми двух самых послушных коз, обмотай им рога веревкой.

А сам тем временем отрубил заднюю ногу убитой козы, замотал, как смог, в траву – это будет нашим ужином сегодня, а заодно и завтрашним обедом. И мы отправились в путь.

Я решил не отходить далеко от берега, но прямо около воды идти было невозможно, там были резкие каменистые обрывы и неудобные переходы, поэтому придется идти горами и лесами. Ингрид повеселела, даже ее полусонный взгляд стал более осмысленным, и она, ведя за собой одно из животных, засыпала меня вопросами:

– А какой бог меня одарил благодатью? Скирир или Фомрир?

– Ты не похожа на воина. В лучшем случае это был Хунор.

– Бог-охотник?

– Да, он первым из весенних богов вышел из моря, а потом убил медведя.

– А какой был медведь?

– О, это был самый большой и злобный медведь на свете, – говорил я, прорубаясь через валежник и засохшие ветки. – Огромный, в половину того дерева, его клыки были длиной с нож, и когда он рычал, весь лес дрожал от страха.

– И Хунор его победил?

– Хунор не воин, а охотник. Он выследил медведя в лесу и поднял его на рогатину, но когда разделявал его и снимал шкуру, поцарапал руку о его черный острый коготь. Поэтому все охотники после хорошей добычи проливают немного своей крови в знак уважения к Хунору и в благодарность лесу.

– Значит, и я тоже должна пролить кровь, раз я поохотилась на козу?

– Значит, и ты должна. Эй, что ты делаешь?

Ингрид вытащила нож, который я ей оставил, и провела по ладони. Нож был тупым и иззубренным, поэтому там появилась не гладкий ровный порез, а рваная царапина, но пара капель крови оттуда вытекла. Девочка вытерла руку о кору ближайшего дерева и сказала:

– Тебе, Хунор, мой дар! – а потом облизала рану.

– Никогда не режь ладонь, дура! Тебе же ей потом щит держать или топорик. Хотя ты ж девчонка...

Я махнул рукой и пошел дальше. Совсем не соображает, что делает. Я же просто так ляпнул про Хунора. Откуда мне знать, кто из богов решил взглянуть на грязную девчонку,

прирезавшую козу? И вообще, почему этой Ингрид так повезло? В таком возрасте иметь первую руну – это редкая удача. Обычно ждут, пока не пройдет двенадцать-тринадцать зим после рождения. Когда я был маленьким, часто просил отца, чтобы тот позволил принести первую жертву раньше, чем положено, ведь я и так был самым сильным в Сторбаше, меня боялись, меня уважали, со мной считались все безрунные. Отец отмалчивался, и лишь мать, устав слушать просьбы, сказала, что за детьми до семи лет присматривает богиня Орса, а остальные боги не собираются тратить время на несмышленьшей и неслухов, и если боги не примут твою первую жертву, то потом вряд ли взглянут на такого неудачника. После этого я присмирел и ждал своего черед молча.

Через пару часов Довольно скоро даже с благодатью мы утомились. Сначала Ингрид замолчала, потом задышала, как собака на жаре – шумно и с присвистом, затем начала понемногу отставать. А мы все еще не поднялись на первую вершину...

Мы плыли с отцом в Растранд всего несколько часовничего – даже проголодаться не успели. Да, нас подгонял попутный ветер, и мы шли по ровному морю, без гор, оврагов и троллевых зарослей, которые приходилось то и дело обходить. У нас не было двух коз, которые так и норовили вцепиться желтоватыми зубами в ветки, и девчонка, еще не видевшая и семи зим, не тащилась следом. Но я думал, что за несколько дней мы сумеем добраться до самого Сторбаша.

Сейчас я молился Фомриру, чтобы за это время мы доплыли до ближайшей деревеньки.

Пока мы плыли, отец несколько раз указывал пальцем на узенькие извилистые проливы, уходящие вглубь суши, и говорил, что там находится та или иная деревня, говорил, сколько с нее можно получить провизии и какой, и сколько там воинов выше третьей руны. Но разве я его слушал? Я злился, что он отсылает меня в какую-то глухомань. Что мой отец, самый сильный в Сторбаше, самый могущественный человек из всех, кого я знал, кто может решить любой вопрос и надавать по морде любому воину, сдался и просто вышвырнул меня.

Когда Ингрид в очередной раз упала и уже не смогла встать, я понял, что пора делать привал. Я и сам устал, хоть и меньше, чем девчонка. А ведь нужно было еще собрать хворост для костра и жарки мяса, устроить лежанку и приготовить поесть.

Я походил вокруг, нашел подходящее место, расчистил площадку, привел туда Ингрид и сказал, чтобы она собрала хворост. Сам же отправился за нормальным деревом. Тонкие ветки горят быстро, и мы замучаемся их подкидывать. Нашел дерево, упавшее несколько лет назад. К счастью, оно сгнило не целиком, и я смог отрубить несколько крепких сучьев. Стук от топора разносился на всю гору. Зверей он вряд ли приманит, все же середина лета, хищники нынче сытые и осторожные, людей тут тоже быть не должно, но я все равно

хмурился от гулкового эха.

К тому времени Ингрид уже натащила целый ворох сухих веток, я кивнул и отправил ее за лапником. Спать на голой земле даже в летнюю ночь неудобно, и хотя рунные почти никогда не болели, нам нужно было выспаться. Завтра предстояло много пройти.

Я запалил небольшой костерок, засунул туда дрова, с другой стороны приготовил место для второго костра, затем из принесенного Ингрид лапника соорудил лежанку и уложил ее спать. Пусть она отдохнет получше, чтобы завтра бодрее идти. А сам подождал, пока прогорят угли, нанизал куски козьего мяса на прутики и стал его жарить. Лучше бы, конечно, соорудить что-то вроде вертела и зажарить ногу целиком, но у меня живот сводило от голода, и я уже не мог ждать.

Девчонка спала без задних ног, и даже запах жареного мяса ее не разбудил, поэтому я решил, что она не так уж и голодна, и смолотил все мясо, местами обугленное, местами еще сочащееся кровью. Приглушив немного голод, я нарезал новые куски и запек их, накормил Ингрид, даже приготовил мяса впрок, потом запалил костерок с другой стороны, улегся между медленно тлеющих углей и уснул.

Я проснулся ночью и сначала не понял, что меня разбудило. От почти потухших костров еще шло мягкое приятное тепло, Ингрид прижималась ко мне спиной, и все было спокойно. Я глянул по сторонам, ничего не заметил, потому снова улегся на место и закрыл глаза. И спустя какое-то

время услышал шуршание. Совсем рядом. Я резко сел и замер. Тишина. Только где-то в стороне ухают совы. Вдалеке послышался волчий вой. Отец всегда говорил, что волки летом отъедаются на более легкой добыче, чем человек, и что даже однорунный сможет отбиться от пары псин. Я не двигался, и вскоре снова услышал шуршание в паре шагов. Сразу за костерком. Туда я положил остатки козьей ноги.

Я вскочил и пнул тлеющие угли, огонь на мгновение ярко вспыхнул, и я успел углядеть лишь красноватую тень, убегающую с нашей едой.

– Да чтоб тобой тролли зад подтерли! – крикнул я с досады.

Вот дурак. Надо было подвесить мясо на дерево.

Глава 5

*Фольси – весенний бог земли, плодородия, любви.
Побратим Скирира.*

*Первый решился сбежать из моря на сушу, избрёл
земледелие.*

*Атрибуты – серп, серебряный тур и цеп для
обмолота.*

Утром мы доели все запеченные кусочки, козью же ногу с жалкими остатками мяса забрала неведомая лесная зверушка, что перепугала меня ночью. К счастью, она была небольшой и не смогла утащить наши рогатые запасы: козы благополучно пережили эту ночь. Я почему-то не подумал заранее о том, что эти животные – неплохой запас еды не только для нас, но и для всех лесных хищников. Волки легко могли почуять их, а заодно проверить и нас на вкус.

От коз надо было срочно избавляться. Или взять с собой, а при нападении зверей бросить для отвлечения внимания.

Словом, я ничего не решил, и мы потащились в гору в том же составе: я, Ингрид и две козы.

В гору без нормальной тропы было идти сложно. Мы то и дело поскальзывались, обходили колючие заросли, проползали под тяжелыми лапами елей и, скорее всего, изрядно петляли. Только к полудню мы выбрались наверх, но я это понял лишь потому, что земля под ногами перестала быть на-

клонной, а так вокруг были все те же деревья, кусты, иголки под ногами.

– Ой, грибочки, – пискнула девчонка.

Она внешне совсем не поменялась после благодати, и мне было неприятно думать, что у нее та же первая руна, что и у меня. Но ей она досталась как подарок, просто так, а мне пришлось через столько пройти. Клянусь молотом Скирира, у богов дурацкое чувство юмора.

– Ты знаешь, какие можно есть?

В Сторбаше был случай, когда целая семья померла, поев грибов, что собрала и приготовила их рабыня. Ее, конечно, забили плетьюми, хоть она и клялась, что собирала только правильные грибы, но кто ж поверит рабыне? Все знали, что хозяин легко гневался и не раз избивал ее до полусмерти. С тех пор мне грибы опротивели. Я видел посиневшие трупы. Это недостойная смерть, позорная. А ведь глава той семьи был неплохим воином, в свое время ходил с моим отцом в походы, а подох, как какая-то псина.

– Эти вроде можно, – ответила Ингрид, но я все же вышиб из ее рук грибы и запретил их трогать.

На склоне я нашел звериную тропу, и идти сразу стало легче. О чем я совсем не подумал, так это о воде, и теперь надеялся, что тропа приведет нас к какому-нибудь ручейку. Пока мы еще держались. Если станет совсем тяжело, то можно было выпить козьей крови, я слышал, что так порой делали в длинных походах.

– А расскажи что-нибудь про богов, – снова эта пискля.

– Ты слышала про Фольси? Это весенний бог-пахарь. Он вышел из моря, как и Хунор.

– Он его братик?

– Нет. Да. Не знаю, – разозлился я. – Ты будешь слушать или нет?

– Буду-буду.

– Так вот. На самом деле Фольси вышел на сушу даже вперед Хунора. Он был таким красивым и приветливым, что первый же зверь, который увидел его, преклонил колени и позволил Фольси сесть на него. Это был огромный белый тур с гигантскими рогами. Фольси вскочил ему на загривок и поскакал. Когда тур мчался по горам, он копытами взрывал землю. От сильного ветра с головы Фольси сорвалось несколько золотых волос, они упали во взбитую копытами землю и проросли пшеничными колосьями.

– Получается, что зернышки – это Фольсевы волосики?

– Нет, дуреха. Волосы превратились в колосья. А зерна – это просто зерна.

– Ладно. А еще?

– Еще? – я попытался припомнить что-нибудь. – А, вот. Однажды Фольси заметил, что его золотые поля кто-то начал портить, то повытопчет почем зря, то сожрет почти созревшее зерно. Вот он и попросил Фомрира поймать вредителя. Мифы про Фомрира я помнил получше, чем про Фольси.

– Фомрир запросил себе половину урожая за свою по-

мощь. Бог-пахарь не хотел отдавать так много, но делать было нечего, и он согласился. Перед тем как идти караулить поля в первый раз, Фомрир потребовал от Фольси еды и питья на всю ночь. Тот послушался, дал ему целую бочку ячменной браги и воз свежеспеченных караваев, – у меня самого аж слюнки потекли, пока я рассказывал. – Фомрир не стал ждать, слопал хлеб, выпил всю брагу и завалился спать. Наутро приходит Фольси: поля снова вытоптаны, а защитничек дрыхнет. Рассердился Фольси, но ничего не сказал.

На следующий вечер Фомрир снова говорит: «Дай мне попить и поесть, а то вдруг проголодаюсь». Пахарь не хотел соглашаться, но все же опять дал ему бочку браги и воз хлеба. И снова Фомрир всю ночь продрях.

Тогда на третью ночь Фольси сделал по-другому. Он добавил в брагу отвар из ягод жостера. Фомрир выпил всю бочку и уснул. А потом проснулся от того, что у него скрутило живот да так сильно, что никакого терпезу не было. Скинул он штаны, сидит и дрищет так, что гул по всему полю стоит. И пока он сидел, выскочил на него огромный кабан по имени Гарт, который как раз и портил зерно. Фомрир от неожиданности как ударит прямо в пятак Гарту, тот зараз замертво и свалился. Вот так Фомрир спас поля Фольси от разорения.

Ингрид захихикала. Под хорошую историю и впрямь идти было веселее. Правда, я не был уверен, что правильно все рассказал, кажется, мама говорила, что это кабан не заметил спящего Фомрира и навалил ему на сапог, тогда бог-воин

рассердился, миг догнал кабана и убил его ударом в пятак. Но и так неплохо получилось.

Жажда одолевала нас все сильнее и сильнее. Козы тоже не хотели тащиться следом и все время норовили остановиться, чтобы пожевать листья. Поэтому когда мы добрались по тропе до глубокой расселины, из которой явственно веяло сыростью, я обрадовался.

– Так, ты стой здесь и никуда не уходи. Я схожу проверю, безопасно ли там и есть ли вода. Если все хорошо, то сходим и напьемся вволю.

Ингрид кивнула. У нее было одно достоинство: она не ныла и слушалась меня.

Я последовал по тропе в овраг. Там было темно из-за густых нависающих ветвей и очень сыро, ноги то и дело проskalзывали по глине, и все указывало на то, что вода там была. Срубив топориком очередной торчащий из стенки корень, я замер. Показалось, что я что-то услышал, но не долгожданное журчание ручейка. Это было похоже на тихое похрюкивание.

После крутого поворота я вышел на более просторное место, в отдалении и впрямь поблескивала вода, но я уставился на зверюгу напротив меня.

Кабан был просто огромный. Я бывал прежде на охоте с отцом, но тех подсвинков, что мы убивали, было глупо сравнивать с этой махиной. В холке он был примерно мне по грудь, перепачканные землей клыки выступали из нижней

челюсти на целую ладонь, а маленькие глазки уже налились краснотой и яростью. Кажется, я вступил на его территорию.

Громко взвизгнув, он помчался прямо на меня. Единственное, что я успел сделать, так это выставить топорик перед собой. И мне повезло, топориче уперлось в морду, застряв между пятаком и клыками, я проехал по скользкой глине несколько шагов назад и только потом упал, все еще удерживая тушу подальше от живота.

Не, кабан, конечно, далеко не Гарт из мифа, но так и я совсем не Фомрир, чтобы уложить такого секача ударом кулака в пятак.

Отец говорил, что если на тебя безоружного побежит кабан, то нужно уклониться от его атаки и покинуть те места, которые он считает своим домом. Если это не бешеная свинья с поросятами, то, возможно, она не станет тебя преследовать.

Кабан отскочил назад и снова напыжился, собираясь атаковать. Я медленно поднялся, глядя прямо ему в глаза, и стал ждать. Как только он помчался на меня, я отскочил вбок и ринулся обратно по оврагу, молясь всем богам, включая миролюбивого Фольси, чтобы не поскользнуться.

К счастью, за поворотом его владения заканчивались, так что он не стал меня преследовать, но к скучающей Ингрид я вылетел гораздо быстрее, чем спускался вниз.

– А что водичка?

Тут я сполз на землю и истерично захихикал, глядя на пе-

репачканый глиной топор. Тоже мне, великий воин, обладатель первой руны, а едва не был убит бегущей ветчиной.

Когда я успокоился, мы прошли вниз вдоль расселины, отыскивали вытекающий ручеек, вдоволь напились сами и напоили коз. Я понял, что дальше тащить этих тварей нет смысла. Они слишком сильно замедляли нас, поэтому я принял волевое решение и перед следующим подъемом сам зарезал обеих, втайне надеясь на получение второй руны. Ведь после первой руны я убил еще одного парня, и если добавить двух коз... Вот только у Фомрира было другое мнение. Я не получил ничего. То неведомое глупое условие по-прежнему действовало. А ведь ограничения вроде бы дают только на первую жертву.

Любимец богов! Отмеченный с рождения! Притягивающий молнии! Громогласный! Ох, уж эти боги и их капризы.

Мясо я напластал тонкими кусками, пересыпал их солью, надеясь, что оно испортится не так быстро, обмотал широкими листьями поплотнее, чтобы запах не просачивался наружу, закрепил тяжелый мешок за спиной поудобнее. И мы вновь поползли в гору.

Кабаньи тропы я старательно обходил. Сейчас как раз было то самое время года, когда свиньи-мамашки выгуливали многочисленные выводки, сторожа их, как зеницу ока. Мы видели разных зверей, но нечего и думать было о том, чтобы поохотиться на них. Не с топориком, по крайней мере. Эх, мне бы лук или охотничье копьё... Видели и волков, но

те были сыты и не обратили на нас никакого внимания. Не трогайте нас, мы не тронем вас. Увы, это правило работало только среди животных, да и то не всегда.

Я старался идти на север, определяя стороны света по солнцу, и не хотел сильно удаляться от берега, но там, где мы шли, морем даже не пахло. Я надеялся, что ближайшая деревня находится в каком-нибудь заливчике, а значит, мы рано или поздно должны натолкнуться на обрыв и воду.

Ингрид молча следовала за мной. Она уже не просила рассказов о богах, а просто пыхла сзади, останавливаясь лишь для того, чтобы присесть за кустиками. Вечером мы удачно натолкнулись на ручеек, перекусили скукожившимися овощами, рыбой и парой кусочков мяса, но заночевали немного в стороне, чтобы звери, идущие на водопой, не нашли нас.

Еще день похода. Потом еще один. Из еды осталась лишь рыба да подозрительно пованивающие ошметки мяса. Порой мне казалось, что мы топчемся на месте или ходим вверх-вниз по одной и той же горе, настолько все было однообразно. И без того тощая Ингрид осунулась, ее нос и подбородок заострились, и она по ночам вскрикивала от боли, у нее сводило ноги, хотя днем она не жаловалась на усталость. Я уже начал отчаиваться и решил свернуть к морю, чтобы проверить, нет ли где дыма.

Полдня мы добирались до ближайшего берега и обнаружили лишь серые каменные скалы и глухо бьющиеся волны.

– Вон там что-то есть! – пискнула Ингрид и указала на

бухточку, которую осталась позади.

– Что? – спросил я и почти сразу заметил легкий растворяющийся дымок. – Вижу.

Меня тут же охватили сомнения. А чего это днем там что-то жгут? А если там всего лишь чей-то корабль остановился, чтобы пополнить запасы воды? И если это так, то это, скорее всего, враги, так как это наши земли. Свои бы пристали к деревушке, а не рыскали в глуши. От деревни Ове плыть сюда всего ничего, особенно при попутном ветре. Почему же Ингрид не знала про соседей? Хотя откуда ей знать, если она целыми днями разговаривала только с козами, даже историй о богах не слышала?

– Пойдем туда?

Я скривился, но кивнул. Выбора толком не было. Еда почти закончилась, девчонка того и гляди свалится от усталости, да и мне изрядно надоело сбивать ноги. То ли дело корабль. Поставил парус и плывешь куда надо.

Лишь к вечеру мы добрались до нужной расселины, но спуск решили искать утром, когда будет светло. Не хотелось свернуть шею перед возможным спасением. Мы, как обычно, запалили два костерка и улеглись между ними.

Проснулся я от сильного тычка в бок.

– Вы одни?

Я откатился вбок, едва не влетев в затухший костер, и попытался вскочить, но в мой живот тут же уперлось острие копья.

– Не дергайся. Вы одни тут? Откуда?

Передо мной стоял нескладный приземистый мужичок с измятым лицом. Из клочковатой пегой бороденки торчала куриная кость, он обсасывал ее и перекидывал из одного уголка рта в другой. Несмотря на его потрепанный внешний вид, я ощутил резкий страх. От мужичка так и веяло опасностью. И не только из-за копыя в руке.

– Мы одни. Идем уже четвертый день из Ра́странда. Мы единственные выжили.

Кость в его зубах неприятно хрустнула.

– Что, старик Хóлдер не справился там, где смогли выжить два детеныша?

– Мой дядя Ове убил двоих, но Торкель Мачта отрубил ему голову и руки. Я тоже убил двоих, – на всякий случай добавил я.

Не хотел, чтобы этот странный мужчина считал меня трусом.

– Ове – твой дядя? – копые немного отодвинулось назад.

– Не совсем. Он дядя моей матери Да́гней. Я – Кай, сын Эрлинга, лёндермана Сто́рбаша. А это Ингрид, она жила в Ра́странде, спаслась потому, что пасла коз поодаль.

Он убрал копые в сторону, кивнул в сторону топорика:

– Посмотрим. Оружие сними, хватай подружку и пойдем вниз. В следующий раз не пали костер возле деревни, а то можешь не проснуться.

– А твое имя?

– Акун Костлявый.

Я попытался вспомнить кого-нибудь с таким именем, но ничего не приходило в голову. То ли он не сделал ничего достойного упоминания, то ли песни о его подвигах не дошли до нас. Впрочем, не каждому же быть великим героем. Может, он всю жизнь просидел в этой деревушке, ловил рыбу, возделывал землю, а поднялся по рунам только за счет охоты на кабанчиков.

Ингрид не спала, а лишь лежала тихо, ожидая, чем закончится наш разговор, так что услышав, что все прошло благополучно, сразу поднялась, поправила сбившуюся одежду и пошла за нами. Акун разворошил угли, забрал мое оружие, включая ножи, и пошел по еле заметной тропинке вглубь суши. Дорога была неудобной и петлявой, и в конце концов вывела нас к расселине, где тонкой струйкой спадал вниз ручей. Там нашелся и спуск.

Сама деревня была побольше Растранда, находилась в очень удобной долине, которая вся была распахана под огороды. Я насчитал не меньше трех десятков домов, которые выглядели намного лучше лачуг Растранда. Местные жители высыпали на улицу, чтобы посмотреть на новые лица.

– Костлявый, кого притащил из леса в этот раз? – крикнула одна женщина с румяными щеками.

– Неужто там теперь бегают такая дичь?

– Ой, девочка какая тощая. Кожа да кости. Костлявый, ты ее не ешь, пожалей!

Ингрид вцепилась мне в руку.

Аку́н привел нас к самому большому дому и втолкнул внутрь.

– Олов, глянть. Говорят, на Растранд напал Торкель Мачта и всех там поубивал. Они одни спаслись.

В глубине дома находился массивный мужчина с дремучей рыжеватой бородой, которая сливалась с ярко-красной рубахой. Он встал, неторопливо потянулся, заразительно зевнул и кивнул Акуну, мол, продолжай.

– Мальчишка говорит, что он сын лендермана Сторбаша. А девчонка родом из Растранда.

– Главу деревни знает?

– Да, имя правильно назвал.

– Что по силе?

– У обоих первая руна.

Олов впервые взглянул на нас.

– Что, и у девчонки?

– Сам погляди.

– И что сын Эрлинга делал в Растранде?

Я скрежетнул зубами, так как не хотел особо распространяться о былом позоре, но делать было нечего.

– Боги не приняли мою первую жертву. И отец решил на время отправить меня к дяде Ове.

– А ведь я слышал что-то такое... – почесал под бородой Олов, – что сынок Эрлинга не глянулся богам. Так откуда первая руна?

– Когда на Ра́странд напали, я убил одного, и Фомри́р наделил меня благодатью. А девчонку я заставил зарезать козу, безрунная бы не выдержала похода. Я прошу выделить лодку и отвезти меня в Сторбаш. Отец отблагодарит вас за верную службу, – сказал я и тут же прикусил язык, так яростно полыхнули глаза Олова.

– Олов больше не служит Эрлингу! – рявкнул в гневе глава деревни. – Девчонку поспрашивай да отправь ее к кому-нибудь. Пусть накормят, помоют.

– А этого? – Акун пихнул меня в спину.

– Не нравится он мне. Наглый больно. Пусть пока посидит на привязи. Потом решу.

– Олов, не хочешь помогать – твое дело, – крикнул я. – Но вязать зачем? Отпусти, я сам дойду до Сторбаша.

– А вдруг ты Торкелев лазутчик? Решил узнать, какие у нас силы, а потом доложить ему? Не, парень, посиди немножко.

Акун тут же ловко скрутил мои руки веревкой и потащил на выход. Пока он вел меня к небольшому бревенчатому дому, я все пытался вспомнить, говорил ли что-нибудь отец мне про этот фьорд или нет, но бесполезно. Видимо, иногда все же стоит слушать отца.

Глава 6

Карлы – воины с первой по пятую руны

Хускарлы – воины с шестой по десятую руны

Хельты – воины с одиннадцатой по пятнадцатую руны.

Сторхельты – воины с шестнадцатой по двадцатую руны

Воинов выше двадцатой руны славят поименно.

Внутри дома огромный столб подпирал крышу, рядом с ним валялись железные кандалы с длинной цепью между ними. Когда я понял, что меня посадят на цепь, решил, что как только останусь один, попробую освободиться. Но когда меня засовывали в кандалы, то цепь перекинули через столб. Так что я мог двигать руками и ногами, сидеть и лежать, а о большем не стоило и мечтать.

По моим ощущениям, у Акуна была четвертая, если не пятая руна, и он был посильнее Олова, с таким я б не сладил, даже если бы у меня было оружие. Поэтому я смиренно уселся на земляной пол и стал ждать. И ждать пришлось дольше, чем я рассчитывал, хорошо хоть накормили меня, троллевы выродки. И то не сами – на следующий день прислали Ингрид, уже отмытую, переодетую и даже расчесанную. После нескольких дней в лесу казалось, что будет проще ее обстричь, чем разодрать эти космы. И удивительно, девчонка

теперь выглядела не такой уж и страшилой.

Я жадно закидывал в пустой живот кашу с редкими кусками мяса и расспрашивал Ингрид о местных порядках.

– Сколько здесь людей? Сколько воинов? Почему Олов не служит больше моему отцу? Есть ли у них лодки и какие?

Но глупая девчонка мотала головой и говорила, что не знает. Зато вывалила на меня кучу бесполезных сведений.

– Меня отвели к тетке Агнэте, у нее есть козы, одна точь-в-точь моя Беляночка, с вот таким белым пятнышком на лбу. А еще у тетки Агнеты пять детей, три мальчика и две девочки. Вот это платье мне подарили, а старое платье тетка Агнета сказала, что надо сжечь, чтобы не гневить Орсу таким ужасным видом. Еще тетка Агнета много на тебя ругалась, сказала, что нельзя такую кроху наделять благодатью. А дочка Агнеты, я забыла, как ее звать, сказала, что раз я маленькая, то и благодать у меня маленькая, и предложила проверить, насколько я стала сильной. Нам нарисовали круг на земле, и я ее слишком сильно толкнула, она вылетела из круга, упала и сломала руку. Так что я очень сильная! Но тетка Агнета на меня даже не ругалась, она назвала дочь троллевым выкормышем. А ведь та девочка была выше меня, почти как ты ростом. А еще меня тот дядька с костью во рту спрашивал про Ра́странд, я ему ничего не сказала.

– Почему? – еле-еле успел вставить я, пока она набирала воздуха.

– Так ведь они враги!

Я застонал и уперся лбом в столб, не переставая жевать. Мы должны были убедить местных в том, что я обычный парень, который никак не мог навредить деревне, а эта дуреха вслух говорила, что они враги. А ведь ее скорее послушают, чем меня!

– Почему враги?

– Ну как же? Дядька тыкал в тебя копьем, а теперь и вовсе приковал. Разве они не враги? Ничего, – Ингрид прислонилась ко мне и зашептала на ухо, – я ночью приду и спасу тебя.

– Да не надо никого спасать, – заорал я, надеясь, что меня услышат местные. – Они не враги. А меня приковали, потому что думают, что это мы плохие. Так что если тебя еще кто-нибудь будет спрашивать про Растранд, расскажи все, что знаешь.

– И спасать тебя не надо?

– И спасать не надо. Живи спокойно и постарайся больше ничего не ломать.

– Хорошо, – надулась девчонка, но почти сразу оттаяла. – Это хорошо, что они не плохие. Мне тетка Агнета нравится, от нее вкусно пахнет. А еще у нее муж помер в этом году, пошел к Нарлу на корабль. Она сказала, что ему никогда не нравилось грести, а теперь придется всю жизнь просидеть на золотой скамье и ворочать золотым веслом. А почему так?

– Значит, он погиб в битве на море. Вот только с кем он сражался?

– С хубркой, – раздался голос Олова. – Как раз хотел пока-

зать тебе. Если ты и впрямь сын Эрлинга, тебе следует знать, чего стоит слово твоего отца.

Ингрид ойкнула и опрометью выбежала из дома, едва не врезавшись в невозмутимого Аку́на Костлявого с неизменной костью во рту. Кажется, время от времени он их менял, так как на этой еще виднелись остатки мяса, а вчерашняя была обглодана до блеска. Акун расковал меня и шел вплотную, держа копье наготове.

По дороге я встряхивал затекшие мышцы и потирал застывшую на прохладной земле задницу. Еще несколько ночей – и я точно застужу кишки.

Шли мы недолго, поднялись на пригорок возле самого берега, и Олов указал на море:

– Глянь, опять она резвится.

Я не сразу заметил длинную черную тень, лениво двигающуюся в отдалении под водой.

– Что это?

– Это ху́рка. В прошлом году ей приглянулась наша бухта, и она решила поселиться здесь. Иногда она выбирается в открытое море, чтобы поохотиться, но всегда возвращается. Кажется, она поймала китеныша.

Из воды вынырнуло громадное вытянутое тело, серая кожа покрыта черными разводами, морду я толком не разглядел, успел лишь заметить мощные лапы-ласты да длинный хвост с торчащей полоской плавника. Судя по всему, хуорка была размером с дракка́р.

– Она топит наши лодки, не дает выходить в море, распугала всю рыбу в бухте. Мы тут задыхаемся, запертые от всех. Ни торговцев, ни гостей, ни рыбалки.

– А за помощью... – начал было я, но тут же осекся.

Кажется, я понял, почему Олов так зол на моего отца.

– Посылали. Эта тварь утопила две лодки с гонцами, но третья успела проскользнуть. Обрато мои люди вернулись пешком, бросив лодку за пределами бухты. Эрлинг передал, что у него нет сейчас людей, чтобы убить хуорку. Какой же он лёндерман, если не может защитить свои деревни? Мы ему честно платили дань, отправляли воинов, вывозили китовый жир, а единственный раз, когда нам что-то понадобилось от него, он отказался от своего слова! Так что ты скажешь мне, Кай, сын Эрлинга?

– Как можно убить хуорку? – нахмурился я.

Отец казался таким надежным, таким решительным. И мне пришёлся не по нраву его отказ. Должна быть какая-то причина!

В разговор вступил Акун:

– Я слышал, что в прошлом был сторхельт, сумевший убить ее в одиночку.

Сторхельт! Воин выше пятнадцатой руны! Неудивительно, что такой справился с чудовищем. Я настолько сильных людей пока даже не видел. Отец был сильнейшим в Стóрбаше, но и он был всего лишь хускарлом седьмой руны, к тому же без боевого дара. Как он мог справиться с хуоркой?

– Во всем Стóрбаше не наберется денег на сторхельта, – угрюмо сказал я. – Да ее просто так и не убить. Если ранить, она уйдет в море или на глубине заляжет.

– Эрлинг не интересовался нашим урожаем или количеством мужчин. Он приходил и брал, что нужно. Так что теперь и мне плевать, сколько у него денег и воинов!

Возможно, прежде Олов прислушивался к голосу разума, но, проторчав запертым в собственной деревне целый год, не в силах помочь своим людям, он уже не хотел слышать никаких оправданий. И я мог его понять. Сколько они смогут продержаться без притока людей и товаров извне? Как скоро у них закончится железо? Да и рыба всегда была неизменным блюдом на столах. По идее, они могли как-то перетащить лодки за пределы бухты, но я не представлял, сколько времени уйдет на эту затею. Да и первая же буря размечет их по берегу. Оставался лишь один вариант – бросить эту бухту и переселиться всей деревней на другое место, оставив хуорку резвиться в одиночестве. Но это тоже огромный риск. Возвести новые дома, заново распахать землю, построить лодки – и всё это успеть до наступления зимы. А ведь это место было по-настоящему удобным. Много плодородной земли под пашню, крутые скалы за спиной, что защищали деревню с суши, узкая горловина бухты не давала штормам проникнуть внутрь и укрывала от непрошенных гостей. Уверен, что и рыбы в заливчике прежде ловили немало. Здесь поудобнее, чем в Ра́странде.

– Я поговорю с отцом, клянусь мечом Фомрира.

– И что с того? – хмыкнул Олов. – Мои гонцы тоже говорили с ним, а толку?

– Он призовет кого-нибудь. Ведь если убить хуорку, наверное, можно подняться на одну руну? Может, кого-то из хельтов заинтересует такая возможность?

– Если бы. Хуорка ведь не первородная тварь, а просто огромная и тупая зверюга. Ей даже не нужны наши корабли. Она путает их с китятами и нападает, чтобы сожрать. А когда до ее пустой башки доходит, что мяса нет, люди уже мертвы.

– А если загарпунить?

– Так, малец, если тебе вдруг показалось, что знаешь побольше моего, то ты ошибся. Придумай лучше, как уговорить, чтоб я тебя отпустил.

– А зачем кого-то уговаривать? Нет никакого смысла держать меня в плену. Если б ты хотел, то уже бы прирезал. И Ингрид тоже, а то она может и разболтать. Я хуорку увидел, беду осознал, отцу передам. Жаль, что нет возможности довести меня морем. Но без девчонки я и по суше доберусь, особенно если дашь припасы.

Олов звучно рассмеялся, от чего его борода запрыгала по широкой груди.

– А ты еще тот звереныш. Думаешь, так легко дойдешь пешком? Чем дальше, тем сложнее путь. Много трещин и скал, хищники, какие-нибудь твари. Хуорка – не самое страшное, что водится в этих землях.

Я пожал плечами.

– Дойду или нет – не твое дело. Прошу лишь позаботиться об Ингрид. Всю ее семью убили. И коз мы бросили по дороге.

Олов похлопал меня по плечу. Уверен, что там остался изрядный синячище.

– Он и впрямь сын Эрлинга, а, Акун?

Акун ничего не ответил, лишь ловко перевернул кость во рту, оставив снаружи вычищенный до блеска кончик.

– Что ж, сын Эрлинга, больше тебя приковывать не буду. Отдохни пару дней, поговори с людьми, познакомься с деревней. Как знать, может, когда-нибудь и тебе пришлют гонца за помощью...

Судя по всему, Олов был прямым и вспыльчивым, совсем как мой отец: легко загорался, легко остывал. Захотел – посадил на цепь, захотел – отпустил на волю. Мне нравились такие люди.

Когда мы вернулись в деревню, Акун вернул пожитки, включая поломанные ножи и отцов топорик, отвел меня в дом на краю деревни и толкнул в руки мощной женщины с низким, почти мужским голосом.

– Покорми его. Олов велел. Он наш гость.

Она неторопливо вытащила горшок со снедью, положила в миску здоровенный кусок мяса и села рядом, наблюдая, как я ем. Впрочем, это не испортило мне аппетит, и я сметелил все, что дали, обглодал кости и отвалился, сыто срыгнув. Тут в дом ввалились два мальчугана немногим старше меня, на

поясах у них висели ножи. Значит, руну они уже получили.

– Мам, говорят, что Олов расковал пришлого... – рыжий с тонкой косицей на затылке осекся, разглядев меня в полумраке. – Ага. Как тебя звать?

– Кай, сын Эрлинга.

– Вижу, ты уже поел. Хочешь, мы покажем тебе деревню? Я улыбнулся и согласился. Этот рыжий совсем не умел скрывать свои мысли.

Так и вышло. Он вывел меня почти на то же самое место, откуда Олов показывал хуорку, тем временем его брат умчался в другую сторону, стоило нам только выйти из дома.

– Значит, ты и есть сын Эрлинга? Из-за твоего отца к нам не приходят корабли, – как я и ожидал, рыжий начал с обвинений.

– Мой отец пока не повелевает морскими тварями.

– Но он не торопится выполнить свой долг! Неужто в Сторбаше нет достойных воинов?

– Смельчаков полно, как гребцов на золотом корабле Нарла. А вот таких сильных – недостаточно. Ничего. Скоро ты подрастешь и сам завалишь хуорку.

Сзади слышались голоса. Из деревни подошли еще парни, все перворунные, хотя у некоторых уже борода начала пробиваться.

– Что-то он коротковат. Я думал, он будет покрупнее, – сказал один из пришедших, высокий, но тощеватый.

– Копье покороче бревна будет. Да только бревно держит

дом и гниет потихоньку, а копьё пьёт кровь врагов.

– Это ты меня бревном назвал?

– Я-то? Я и имени твоего не знаю. Как я мог назвать тебя бревном?

– Слушай, сын Эрлинга, ты наш гость, хоть и незванный, и Олов не погладит нас по голове, коли ты случайно помрешь. Но он не может запретить рунным мериться силой.

– А давайте, – широко осклабился я. – А то я еще толком не прочувствовал свою руну. Никак не могу понять, то ли я теперь сильный, то ли быстрый...

– То ли тупой, – закончил за меня рыжий.

Все расхохотались, и я тоже. Мне и впрямь было весело, как не было со времен Сторбаша до первой жертвы. Я даже оглянулся по привычке на Дага, но позади было лишь море с резвящейся хуоркой.

– Ну так как? Жребий кинете или гурьбой навалитесь? – с азартом свел я кулаки.

– Я первый. Его девчонка сломала руку моей сестре, – выдвинулся угрюмый парень с тяжелой челюстью. – Каких же коз они там режут? Размером с хуорку, что ли?

– Это Ингрид козу резала. Мне же пришлось рунного убить. Видать, Фомрир посчитал, что я настолько силен, что коза или даже безвольный раб – недостаточная жертва.

Мальчишки столпились вокруг меня, разинув рты.

– Ты убил рунного? Врешь?

– Я же не из Стóрбаша пришел, а из Ра́странда. Туда Тóр-

кель Мачта привел перворунных за благодатью. На меня кинулся настоящий богатырь в радужной кольчуге с огромной секирой. Если бы он попал, то рассек бы меня с головы до пяток. Но домик дяди был таким низеньким, а воин был таким высоким, что секира застряла в потолочной балке.

Кто-то от неожиданности хохотнул.

– Безрунным же оружие не положено, поэтому я схватил свинокол и ткнул в подмышку, пока он пытался вытащить секиру.

– Зарезал как свинью!

– Да. Он меня как долбанет, я влетел в стену, лежу и чувствую, ща помру. Половину костей переломал. А потом благодать! Все раны тут же залечились. Я схватил топор и выбежал на улицу, там убил еще одного, а потом Торкель убил моего дядю.

– Как?

Уже никто и не вспоминал о поединке. Местные слышали истории о битвах и песни, но сами пускали кровь лишь скоту. Олов и Акун вряд ли уделяли много внимания мальчишкам, а тут настоящий живой свидетель сражения между рунными воинами.

Я устроил настоящее представление. Сначала изображал Торкеля, громко и грозно выкрикивал его слова. Потом вставал с другой стороны и показывал действия Ове.

– И Мачта одним ударом отсек дяде голову и руки.

– Здорово!

Мы до ночи проторчали на том мысе, прокручивая тот бой. Рыжий изображал Ове, я – Торкеля, вместо секиры и меча мы размахивали палками, думая, как бы дядя мог защититься и победить ужасного противника. До настоящей драки так дело и не дошло.

Я провел пару дней в селении Олова, передохнул, а потом решил идти дальше

Перед уходом на спину мне взвалили большой мешок с продуктами, дали неплохую рогатину и легкий щит.

– Сколько вы еще продержитесь так? – спросил я Олова перед уходом.

– Может быть, год. Следующей весной будем переселяться. Несколько мест мы уже посмотрели, но все они хуже, чем это.

– Ничего. Когда я стану сильнее, сам приду и убью эту хурку. А потом мы все вместе зажарим ее во славу Фомрира!

– Ахаха, отлично сказано. Вот только жрать будешь ее сам. Говорят, ее мясо напоминает дубовую древесину, такое же жесткое.

Ингрид также пришла меня проводить. Я не стал ничего ей говорить, лишь потрепал по голове.

Акун Костлявый должен был вывести меня за пределы деревни и проводить до ближайшей горы, поэтому мы отправились в путь вдвоем. Он шел быстро, находил самый удобный путь. После отдыха и хорошей пищи я почувствовал се-

бя в два раза сильнее, словно дар Фомрира наконец сумел осесть в моих костях и мышцах, поэтому я не отставал от проводника, хотя мы шли молча довольно долго

– Иди вон к той горе, – спустя несколько часов наконец сказал произнес Акун и указал на отдаленную вершину, выделяющуюся даже среди окружавших ее скал. – Когда доберешься, обойди ее слева, и там выйдешь к реке. Дальше пойдешь по ее берегу, там и будет Стóрбаш.

Он хотел добавить что-то еще, но передумал. Выплюнул кость и двинулся в обратный путь. А я же пошел домой.

Мой путь был так длинен и скучен, что в песнях его бы описали одной строчкой: «На девятый день герой добрался». Я мог бы долго говорить про неудобные и холодные ночевки, хворост, который отказывался зажигаться после проливного дождя, сыпавшего весь день напролет, а ведь я тогда шел и мечтал лишь о согревающем огоньке. Как на следующий день я вывихнул ногу на скользкой земле и прошел так мало, что проще было вообще не двигаться после падения. Как я наткнулся на семейство волков, и мне пришлось отрубить одному ногу, а второму проломить голову. Щенков я не тронул, они и сами помрут с голоду. Как я выкинул мешочек с зерном, который мне положили в припасы, так как он вымок, и ячмень покрылся синеватой плесенью. Как я чуть не утонул в узенькой, но весьма бурной речушке, решив, что смогу перебраться без мостика или даже брода, и как она протащила меня пару десятков шагов, прежде чем я сумел уцепить-

ся за выступающий камень, изрядно приложившись к нему плечом. Но ничего достойного упоминания не случилось.

Я не пытался больше приближаться к морю и отыскивать деревни. Как знать, вдруг мой отец умудрился разозлить всех местных старост? И теперь они ждут не дождутся, когда же к ним забредет сынок Эрлинга, хорошо бы сразу связанный и с кляпом во рту. Не все такие отходчивые, как Олов.

Словом, на девятый день я дошел до указанной горы. Слева серое плато, усеянное разномастными камнями, некоторые выше меня, а другие – мелкие, как сушеный горох. Именно там Акун посоветовал мне обойти гору. Справа же через несколько сотен шагов зеленела трава и даже виднелись небольшие кусты. Еды у меня почти не осталось, лишь кусок сыра, о который можно было сломать зубы, и трижды сушеная рыба. Трижды – потому что после того, как ее высушили в первый раз, я два раза ее искупал – под дождем и в той речушке. Вроде бы уже пора ее выкинуть, но я сомневался. А вдруг эта рыба решит выбор между жизнью и смертью? Вот только я не знал, помру, если съем рыбу, или, наоборот, если не съем. Я вытащил остатки еды, глянул на них и решительно зашагал направо. Там у меня хотя бы был шанс найти что-то съедобное.

Но вот что было странно: чем дальше я уходил, тем неуютнее становилось. Что-то было не так. Да, зеленая трава, цветочки, кустики, но при этом я не слышал трескотни птиц или мышиноного писка, не видел перепархивающих теней и не чув-

ствовал запахов, присущих тем местам, где бродят животные.

А потом я увидел это, точнее, сначала учуял, а потом увидел.

Зеленая поверхность была оборвана. Или обрезана. Или опалена. Словом, поперек долины проходил длинный след, словно кто-то пропахал землю, а потом на этом месте распалил самый жаркий огонь, украденный из горнила Корлеха, бога-кузнеца. Нещадно воняло гарью и чем-то еще, что я не смог распознать.

Я мог бы предположить, что сюда ударила молния, но молнии не вышибают длиннющие и широченные полосы земли в долинах, особенно когда рядом стоит здоровенная гора. И чего этот Акун смолчал? Не мог по-человечески объяснить, что справа творится что-то неладное?

К этому времени я уже обошел гору наполовину, а потому не стал возвращаться. Если эта пакость ушла, значит, ушла, а если вдруг начнется снова, то все равно удрать не смогу. Поэтому я перескочил эту мерзкую полосу и побежал дальше, не оглядываясь. Проглоти меня тролль, если я буду искать тут еду.

Вечером я добрался до реки, переночевал и к полудню следующего дня увидел родной Сторбаш.

Глава 7

Кóрлех – весенний бог-ремесленник. Кузнец, столяр, гончар и строитель. Создал инструменты и оружие богов, построил непреодолимую стену вокруг долины богов.

Атрибуты: молот и наковальня

Меня не было в Сторбаше всего ничего, я проторчал в Растранде месяц пастбища, сейчас в самом разгаре был месяц покоса, а город существенно изменился. Конечно, дома остались теми же, так же пасли скот, работали на земле, суетились женщины, стучали молотами кузнецы, с моря несло сыростью и рыбой. Но настроение было иным. Как за час-незадолго до грозы при чистом и ясном небе в воздухе чувствуется напряжение.

Между городом и лесом начали возводить каменную стену, оставив поля снаружи. Зачем нам стена? Неужто какой-то еще умалишенный рискнет пойти в Сторбаш по суше? Или весть о Кае, великом и ужасном, докатилась досюда, и теперь люди боялись, что я отомщу за свое унижение? Нет, отомстить я, конечно, отомщу, но дома-то трогать не буду.

Одолев последний подъем, я увидел гавань. Вон торговый кнорр, который всегда приплывал в это время и привозил иноземные мечи, тонкие и крепкие, из отличной стали. Вон отцовская кáрви, уткнувшаяся носом в крайний пирс. Вон

стоит самый шикарный в мире драккар, который может принять на борт пятьдесят воинов. Он изрядно послужил отцу во время его военных походов, его не раз подправляли, меняли парус и даже вырезали новую драконью морду, так как старую сильно изрубили в бою, и сейчас она, испещренная глубокими шрамами, красовалась перед дверью нашего дома. Я любил проводить пальцами по неровным краям ран, не обращая внимания на глубокие занозы, которые потом мать выковыривала в неровном свете очага.

Но в гавани были и другие корабли, незнакомые, крупные, с хищными очертаниями и непривычными линиями.

У нас гости?

Меня заметили издалека, и было приятно увидеть, что из города в мою сторону выдвинулась целая дружина во главе с Кнутом, отцом Дага.

– Кай? – удивленно воскликнул Кнут, подойдя поближе. – Ты откуда? Как? Жив?

– Решил не дожидаться отца и пришел сам.

Он сощурил и без того узкие под набрякшими веками глаза.

– Рунный? Ты получил благодать?

– Да, Фомрир, видимо, спал в тот день и прислал свой знак с опозданием.

Кнут обхватил меня своими ручищами. Он был отличным дядькой. Мой отец всегда доверял ему свою спину, а вот Даг...

– Я рад за тебя, Кай. А уж как Дагней обрадуется! Она тебя за мертвого считает. А Эрлинга сейчас нет в Сторбаше. Ну дома всё узнаешь. Сколько ж ты добирался? Не видел чего необычного?

Мы прошли через огороды и приблизились к ограде. Ее заложили с большим размахом, в основании она была не меньше полутора шагов толщиной. Даже если ее начали строить в день моего отплытия, над ней изрядно потрудились. Я заметил телегу, полную крупных валунов и булыжников, которую едва волочили два вола.

– В дне пути отсюда видел широкий жженный след в земле, от которого несло гарью.

Кнут приостановился.

– Уже в дне пути... Ладно, дальше ты сам, дорогу знаешь. И, Кай, не злись на Дага. Он дурак, но дурак честный.

Я криво усмехнулся. Кнут не стал ждать ответа, он явно куда-то торопился.

Вот и мой дом, изрубленная драконья морда, по которой я привычно провел рукой и снова засадил здоровенную занозу. Мне нравилось думать, что эта морда не сдастся даже после того, как ее сняли с корабля, и сражается по мере сил. Пусть она уже не может наводить страх на врага и указывать путь морякам, но она отказывается признавать себя всего лишь жалким украшением дома и выпускает занозы в каждого, кто осмелится ее тронуть.

– Кай! – ахнула мама, когда я вошел в дом. – Кай! Ты цел?

Жив?

Она крепко стиснула меня в объятиях, даже кости захрустели.

– Эй, мам, отпусти. Я уже не ребенок, – выговорил я, на секунду закрыв глаза.

– Но как? Что случилось? – она, наконец, разжала руки, но не выпустила меня полностью, держа за плечи. – Эрлинг три дня назад вернулся из Растранда, сказал, там все сожжено и разрушено, обгоревшие трупы, топор Ове... Он хотел тебя забрать, сейчас в Стóрбаше такое творится! Во имя молота Скири́ра, да ты же теперь карл! Боги не оставили тебя, мой мальчик!

По ее раскрасневшемуся лицу текли слезы, она улыбалась и плакала одновременно, и говорила-говорила.

– А Эрлинг уплыл встречать гостей. Хотя это никому не нужно. Он просто не мог смотреть мне в глаза. Увез моего сына в троллеву даль, чтобы его там убили!

– Мам, я жив! Все хорошо!

– Расскажи! Расскажи мне все!

Я в очередной раз пересказал события в Растранде. Она слушала с жадным вниманием, раскрыв рот и не сводя с меня глаз. Когда я дошел до смерти Ове, мама перестала дышать.

– Так, сын. Никому не говори про Торкеля. И не называй имя того мальчишки, которого ты убил. Понял? Скажи, что убил кабана в лесу по дороге или что-то еще. Да что же я сиюю! Ты, верно, голодный!

Она тут же вскочила, позвала рабыню, и немного погодя я уже уписывал за обе щеки самую вкусную похлебку на свете да еще и с ячменным хлебом, по которому соскучился невероятно. Тем временем мать затопила баню, и это было как нельзя кстати. Я провонял потом, был измазан грязью, искусан мошкаррой, и дико чесалась голова.

Когда рабы притащили огромный чан с водой, я понял, что пора идти. Внутри уже отмыли стены от сажи, и можно было мыться, не боясь заново испачкаться. Раскаленные докрасна камни яростно зашипели, когда я плеснул на них воды, и я растянулся, позволив обжигающему воздуху окутать меня. Я мечтал об этом в течение последних десяти дней.

Я изрядно отощал, причем не только из-за лесной прогулки, но и благодаря дядюшке Ове, который готовил преотвратно и почти всё из рыбы. Чистая одежда, что принесла мать, болталась на мне, как меч Фомрира во фьордах, зато я соскреб всю грязь, кожа аж скрипела.

А потом я уснул прямо за столом, не допив густое ячменное пиво, настоянное с травами.

На другой день я вскочил почти с рассветом. Мне не терпелось встретиться со старыми приятелями, причем обязательно на учебной площадке, куда меня не допускали.

Безрунным оружие не полагается!

Я хотел увидеть лицо Дага, когда тот поймет, что я теперь ничуть не хуже. Нэнне и Ленне, наверное, штаны замарают, когда я туда приду.

– Кай, отдохни! – крикнула мать, когда я уже был на пороге. Я махнул ей рукой, проверил топорик на поясе и умчался.

Тренировал перворунных старик Хакан. Он был не так уж и стар, лишь немногим старше моего отца, но все звали его стариком: его волосы и борода почти полностью были седыми. Отец говорил, что они побелели тогда, когда Хакану отрубили кончик носа. И после того боя Хакан больше никогда не ходил в походы. Может, люди врут, и храбрость сидит не в кишках, а на кончике носа?

Но при этом старик не был неумехой. Он слыл отличным воином, умел стрелять из лука, с топором ли, с мечом ли – побеждал в шуточных боях даже высокорунных, но при мысли о настоящем сражении у него начиналась медвежья болезнь. Поэтому отец и поставил его обучать младших. «Ты научишь их драться, а смелость пусть они отрастят сами», – так он сказал Хакану.

Старик раньше частенько приходил к нам домой ради самого вкусного пива, как говорил он сам, и учил меня бою, правда, я больше вытирал спиной землю, чем сражался. И Хакан повторял, что после первой же руны все изменится. А потом не пустил меня на тренировку. Но на него я не обижался. Он поступил по правилам.

– Кай? Ты жив?

Кажется, вместо «доброго дня» или «будь здрав» меня отныне будут приветствовать словами «Ты жив».

– Жив. И с благодатью. Теперь, старик, ты не можешь ме-

ня выгнать.

– Жив, – изуродованный нос Хакана сморщился, и я едва успел отскочить, чтобы не попасть еще и в его медвежьи объятия. – Ха, вставай к остальным.

Но я не послушался и вышел на середину вытоптанной площадки.

– Раз я получил первую руну, то имею право бросить вызов любому вплоть до пятой руны. Верно, Хакан?

– Так-то оно так, сынок, но...

– Меня зовут Кай, сын Эрлинга. И я бросаю вызов Ленне. Этот трус первым захотел пнуть меня.

Ленне тут же спал с лица, оглянулся на брата и нерешительно вышел вперед.

– Я разрешаю бой лишь на палках со щитами, – сказал Хакан.

– Мне плевать.

Я и на палках его уделаю.

Мы сняли топорики, взяли палки со щитами у Хакана и встали друг напротив друга.

– Знаешь, как я получил руну, Ленне?

– Вырезал сотню коз? – проблеял мальчишка, храбрясь.

Мы медленно сближались, обходя центр площадки по кругу.

– Если бы, – хохотнул я. – Видишь ли, Фомрир видел мою храбрость еще до посвящения и решил, что даже девчонка, видевшая всего шесть зим, может получить благодать за ко-

зу. А настоящий воин должен убить врага!

– И ты...

– Да. И это был не жалкий раб, что глаза боится оторвать от земли, а настоящий воин, рунный, в кольчуге, в шлеме и с секирой.

После этих слов я прыгнул на Ленне, тот отшатнулся, но на этот раз ловкость не помогла ему. С размаху я врезал по его мерзкой роже, он успел прикрыться щитом, но и это его не спасло. Боги разделили дары на братьев поровну. Ленне не сумел удержать удар, и щит с глухим стуком впечатался в лицо, ломая ему нос. Он упал на землю, выронив палку, и скрючился, прижимая пальцы к залитому кровью лицу.

– Как приятно, не так ли? Мой нос тоже был сломан. И я решил поделиться этим прекрасным ощущением. Нэнне, я вызываю тебя.

Хакан вытащил побитого близнеца и приказал крутящемуся поблизости мальчишке, что еще не дорос до руны, привести знахарку.

– Кай, довольно!

– Почему никто не говорил «довольно», когда меня целыми днями валяли в пыли? Нэнне!

Тот решительно схватил палку и вышел в центр, желая отомстить за брата.

– Хуже всего, что у меня не было тогда оружия. Безрунным оружие не положено. Поэтому пришлось убить того воина ржавым тупым свиноколом. Хорошо, что Фомриру пле-

вать, как мы убиваем врагов. Хоть зубами их грызи, – я щелкнул пастью.

Нэнне не отступил. Он был крепче брата и всегда его защищал. Как мог.

Он пошел на меня широким шагом, подняв щит и приготовившись к нападению. Взмах палкой. Я отступил, и удар ушел в сторону. Нэнне был силен, но неповоротлив. Он поторопился и ударил снова, я снова уклонился. Мы словно разыгрывали сражение между Торкелем и Ове, только вот именно я был Торкелем. Я даже не поднимал палку, а лишь избегал его ударов. Он разозлился, отбросил щит, взял дубинку двумя руками и щедро замахнулся, я отступил, слитным движением обошел его, пнул коленом в зад, наступил на выпавшее оружие и широко улыбнулся.

– Кай, не надо. Ты победил! – услышал я голос Хакана.

Вот же глупый старик! Конечно, я победил. И я врезал палкой Нэнне по носу, сворачивая его на другую сторону. Затем обернулся к мальчишкам.

– Теперь Даг.

– Достаточно, Кай. Ты и впрямь силен и быстр. Фомрир щедр к тебе.

– Щедр? Старик, ты называешь это щедростью? Что сделали эти хлюпики, чтобы заслужить внимание богов? Ткнули козе в горло ножичком? Девчонка ростом мне по пояс смогла сделать также. Почему же я выслушивал их оскорбления, хотя моей вины не было? Почему мне, безрунному,

пришлось валяться у их ног? Почему я должен был жить в той занюханной деревне, провонявшей прогоркшей рыбой? Почему я сражался за жизнь и убил рунного воина, а получил такую же благодать, что и они?

– У тебя не такая же благодать, – раздался низкий гортанный голос.

Это подошел к площадке Кнут. Да и помимо него было полно людей, хотя кому интересны сражения перворунных?

– Кай, ты получил сразу и силу, и ловкость. Более того, ты сильнее любого из равных. Я слышал, боги порой проверяют своих избранных. Теперь ты снова лучший из лучших. Позволь им занять место за твоим плечом.

Я невольно дернулся. Кнут считался сильнейшим воином после моего отца. Отец говорил, когда они были детьми, Кнут побеждал любого из равных, точнее, мог бы победить, но ему не хватало желания быть первым. Он не хотел вести людей вперед, зато был прекрасным хйрдманом. Поэтому когда-то именно Эрлинг возглавил поход, а Кнут встал за его спиной.

Даг был таким же. Он был выше меня, его плечи были шире, а ноги устойчивее, но он никогда не пытался встать передо мной. Только за спиной. Только за плечом. Вот только ему не хватило храбрости, чтобы остаться там до последнего.

– Дядя Кнут, это последний вызов. Даг, выходи.

– Кай! – взревел Кнут. – Хакан, запрети ему. Ты же наставник!

– Он в своем праве, – негромко заметил старик. – Они все теперь карлы. Кнут, подумай. Если я им сейчас запрещу, то они подерутся в другом месте. Лучше уж тут, под присмотром.

После этого Кнут заткнулся. Я заметил незнакомых воинов, что стояли неподалеку и со смехом обсуждали наши «потешные» бои. Кто-то из них точно был хускарлом, воином выше пятой руны. Я бы даже сказал, не слабее моего отца. Зачем в наш тихий Стóрбаш забрели такие воины? Может, отец начал собирать армию на хуорку, что досаждала деревне Олова?

– Кай, прости меня, – пробормотал Даг. – Ты же сам говорил, что слабакам не место рядом с воинами.

– И ты посчитал меня слабаком?

– Прости. Я больше никогда не отвернусь от тебя. Позволь встать за твоим плечом.

– Одного раза достаточно. За моим плечом теперь будет только щит. Выходи и дерись. Как мужчина. Как воин. Как карл.

Даг насупился, взял протянутую стариком палку, повесил на левую руку щит и пошел ко мне. Трусом он никогда не был. Лишь дурнем и предателем.

Резкий удар палкой, без замаха. Я едва успел принять его на щит. Дага обучали бою на мечах, излюбленному оружию его отца Кнута, и обучали хорошо, до кровавых синяков и трясущихся коленей. Уход в низкую стойку. Удар в срамное

место, от которого я сумел уйти, лишь откатившись назад.

– Даг, врежь ему! – крикнул кто-то из ребят.

Уроды. Боялись, что потом я примусь за них.

Снова рывок назад. Какой же он мощный! Да и боги не обделили его дарами. Я не видел в его глазах страха, как у близнецов, только мрачную решимость. Дагу не нравилось драться со мной, как не нравилось издеваться раньше. Он просто шел за другими, теми, кто казался сильнее или решительнее. Именно поэтому он никогда не встанет за моим плечом.

Следующий удар я принял на щит. Прежде Даг мог бы отбить мне руку или даже сломать. Сейчас же я понял, что могу сражаться с ним на равных. Палка с треском врезалась в край моего щита, едва не задев лоб. Я поднырнул под его руку и с силой ударил наверх. Даг зашатался и рухнул на землю. Кажется, я перестарался. Из его рта текла кровь.

Кнут перемахнул через хлипкую изгородь, поднял сына и глянул так, что я понял: если Даг не выживет, то Кнут вгонит меня в землю и спляшет на моей голове.

– Если у кого-то еще есть сомнения в моей силе, я готов принять вызов.

Швырнул палку со щитом на землю и ушел оттуда. Нет у меня в Сторбаше друзей. В деревне Олова осталась девчонка, в кишках которой было храбрости больше, чем у всех здешних мальчишек. Там же были ребята, у которых хватило чести вызвать меня на бой и хватило мозгов остано-

ся, когда драка не понадобилась. Почему же здесь выросли такие уроды?

– Это твоя вина, – сказала мать, когда я поделился размышлениями. – Ты сам кулаками им вбивал, что важны лишь сильные, а слабые должны сидеть тихо и не высываться. Ты доказывал это Дагу всю жизнь. Так чего же ты удивляешься, что они последовали твоему примеру? Или ты бы не стал издеваться над Дагом, если бы он не получил благодати?

Я задумался. Я сегодняшний точно бы не стал. Я бы просто его не замечал, как не обращал внимания на многих мальчиков, чьих имен я даже не помнил. Но тогдашний я... Тогдашний я мог бы не простить Дагу такого.

– Именно. Может, Дагу было хуже, чем тебе. Ты не думал? Он же привык следовать за тобой, как за самым сильным. А ты вдруг оказался слабаком. Что он почувствовал? Что ты его обманул! Предал. Лишил опоры. Думаешь, ему было легко? Он не знал, как поступить: быть верным тебе или твоим словам и идеалам. И он выбрал верить тому, что ты говорил.

– погоди! – закричал я, не выдержав такого напора. – Получается, я сам виноват, что меня били? И Даг сделал все правильно?

– Я такого не говорила, – улыбнулась мать.

– Да идут они в задницу к Фомриру! Мне не нужны дурни, которые сами не могут решить, что правильно, а что нет! И плевать, я виноват или нет. Но я точно не хочу никого из них

знать.

– Чтобы быть лендерманом, тебе придется говорить с неприятными людьми.

– А кто сказал, что я хочу стать лендерманом? Мам, у тебя же вторая руна. Ты знаешь, что такое благодать. Я не понимаю, как люди, получившие благодать, могут хотеть чего-то, кроме того, чтобы стать сторхельтом.

– Сторхельтом? Ты не знаешь, как сложно подняться даже до хельта. Твой отец на седьмой руне. Ты представляешь, скольких ему пришлось убить, чтобы подняться так высоко? И далеко не животных и не рабов! Настолько много, что ему опротивело это, и он решил остановиться. А ведь он когда-то тоже мечтал достичь вершины.

– Значит, он слаб. Я смогу... Эй, мам!

Мама неожиданно дотянулась до меня и взъерошила волосы, словно я еще не дорос до штанов.

Глава 8

Морские чудовища и первородные твари появились вместе с миром. Из первых явились весенние боги. Из вторых – зимние боги.

На заре мира твари были многочисленны и могучи, но от большинства остались лишь кости и слабые потомки.

Я тихо и мирно колол дрова позади дома, когда примчался какой-то мальчишка, не больше восьми зим от роду, дождался моего взгляда и выпалил:

– Лёндерман приплыл!

После чего широко оскалился и упрыгал, поддерживая спадающие штаны.

После тройного вызова на ученической площадке сверстники, как и ребята постарше, сторонились меня, а вот вся мелкота, наоборот, вспылала невыразимой любовью. Куда бы я ни пошел, в десятке шагов за мной тащились три-четыре мелкопузых, а если им казалось, что сейчас начнется что-то интересное, например, что я иду к Хакану на тренировку, они сбегались со всего Сторбаша. Так же они оказывали разные услуги, даже если я их не просил. Как сейчас, например.

Детьми мы тоже торчали на пристани, часами подолгу смотрели на бухту, и стоило лишь мелькнуть краешку паруса, как мы кричали: «Корабль! Корабль!». Эти же придума-

ли себе важное дело: ждали именно моего отца. Интересно, как этот пацан вырвал право сообщить мне о прибытии Эрлинга?

Я хотел увидеть отца, порадовать тем, что я стал рунным, узнать про деревню Олова и как он собирается сражаться с хуоркой, поэтому я бросил дрова и поторопился за мальчишкой. Может, спросить, как его зовут? Или он окончательно загордится после этого?

Отцу, видимо, уже сказали, что я вернулся. Мы столкнулись на полпути к пристани. Он сначала остановился, словно не веря своим глазам, а потом рывком подскочил ко мне и крепко обнял. И я вдруг заметил, что уже дорос до его плеча. Еще немного, и я догоню его.

– Сын. Я думал, что ты отправился в дружину Фомрира и уже сразил сотню-другую тварей. Рад, что ты решил задержаться, – у отца странно подергивалась правая сторона лица.

– Отец, я должен рассказать, что случилось в Растранде. И кто убил Ове. И еще я был в деревне Олова. Там нужно убить хуорку. И я получил благодать! Ты видишь? Я не проклят.

– Хорошо-хорошо. Идем в дом, там все расскажешь, – и отец, слегка опираясь на мое плечо, тяжело пошел по дороге.

Когда я закончил рассказ и посмотрел на отца, он, глядя на стол, обронил:

– Мы не можем открыто обвинять Торкеля Мачту.

– Но почему? – я вскочил, не в силах сдерживаться. – Всё

по правилам. У тебя есть свидетель. Я свободный человек, я – карл, в конце концов. Мое слово стоит не меньше его!

– Все верно. А еще ты убил Роальда.

– Я защищал свою жизнь!

– Верно. Но его отец захочет отомстить тому, кто заколол его младшего сына, как свинью. И если я выставлю тебя как свидетеля, у него могут возникнуть вопросы. Ты знаешь, кто отец Роальда?

– Какая разница? Ведь мы правы! наших людей убили.

– Его отец – ярл Скирре Пивохлёб. Он правит городом Тургáр, что находится возле горы Тургхáттен. Сам он хельт, и в его подчинении немало хускáрлов. Я слышал, что он увеличивает силу своих воинов, давая им вырезать небольшие деревеньки, но посылает приглядеть за щенками мелких воинов, которых не жалко и отдать, если что-то пойдет не так. Вот только Растранду не повезло. Будь там обычный карл, Ове бы с ним справился. В Растранд Скирре отправил своего сына, и в няньки приставил не кого попало, а Тóркеля Мачту. У Ове не было и шанса. Да и у тебя, кстати, тоже. Говоришь, радужная кольчуга и огромная секира?

Я кивнул.

– Не пожалел Скирре денег на сына, не пожалел. Вот только кольчуга голову не заменит. Зазнался Роальд, возгордился, убив пару рабов. Фомрир таких не любит, вот и подставил ему подножку.

– Ты так говоришь, словно я мог даже не дергаться. Роальд

бы и сам убился.

– Нет, конечно, – расхохотался отец. – Фомрир дал лишь маленькую возможность, а дальше все зависело от тебя. И ты справился. Как знать, может, Фомрир помогал и Ове, вот только он не углядел его дар.

– Так что ты будешь делать?

– Деревня вырезана, ее жителей уже не вернуть. А я не хочу потерять сына во второй раз. Если у Скірре появится хотя бы подозрение, что это ты убил Рбальда, может, он и не станет нападать на Сторбаш, но тебя убьют, это точно. Либо будут вызывать на бой каждый день. Либо отравят. А скорее всего, он захочет, чтобы тебя привезли в Тургáр, чтобы самому пытаться десять дней и десять ночей. Ты кому-нибудь говорил про Рбальда? Или Тóркеля? Или что-то про нападение?

– В деревне Олова все знают.

– Туда сейчас не попасть и не выбраться. А в Сторбаше?

– Я только маме рассказал. И на учебной площадке сказал, что убил воина свиноколом.

– Кто там был? – отец схватил меня за плечи.

– Да все. Хакан, Кнут, ребята, несколько пришлых воинов. Другие жители. Много кто.

– Больше ни слова не говори. Понял? Может, и пройдет эта беда мимо нас. Может, и не дойдет эта весть до Скірре. Как же не вовремя приполз этот червь!

Меня не сильно напугала возможная месть со стороны че-

ловека по прозвищу Пивохлёб. Звучит не так внушительно, как Крушитель черепов или Кровавая секира. Интересно, а какое у меня будет прозвище? Главное, чтобы не назвали Каем Свиноколом. Все будут думать, что я только свиней и могу резать, а не о том, что я сразил первого врага этой штуковиной. Кажется, и впрямь лучше молчать, как я получил первую руну.

– А что за червь?

– Пойдешь со мной на тинг, там всё и узнаешь.

Это был мой первый тинг. Детей брать туда не положено, и я давно ждал, когда же мне разрешат появиться там. Я, конечно, не раз пробирался и подслушивал разговоры, но разве это может сравниться с полноправным участием, когда и мой голос будет услышан?

Я вошел вслед за отцом в просторный дом, самый большой в Сторбаше. В нем никто не жил, там проходил тинг, там устраивали пиры и принимали гостей из других херадов.

Внутри уже негде было ступить, тингхус был полон людей – как мужчин, так и женщин. Отдельной кучкой стояли незнакомые мне воины. Посередине в очаге горел огонь, разгоняя тьму и освещая сумрачные лица. Отец, не переодевшись, как был с корабля, прошел на свое место, украшенное рогами и костями тех тварей, которых он убил во время походов. Я же остался среди обычных людей. Краем глаза я заметил близнецов с одинаково распухшими носами и темными кругами под глазами, Дага видно не было, зато Кнут уже

ждал.

– Я вижу, гости начали прибывать. Благодарю за то, что откликнулись на зов. Как и обещал, для вас выделены дома, рабыни и угощение.

– Когда выступаем? – перебил здоровенный мужик.

Обычный топорик, висящий у него на поясе, выглядел игрушечным по сравнению с волосатыми ручищами, зато щитом, на который он небрежно опирался, я мог бы укрыться целиком, даже не пригибаясь. Мне показалось, что этот щит толщиной с палец. В смысле – толщиной в длину пальца.

– Скóрни Таран, я высоко ценю твои навыки, – повысил голос отец, – но думаю, что одного щита маловато для победы над огненным червем.

– Так у меня и топорик есть, – под общий хохот заявил Скóрни.

– Твоим топориком только яйца чесать, – выкрикнула незнакомая женщина, видимо, тоже прибывшая с другими гостями.

Я бы такую в Стóрбаше точно запомнил. Высокая, крепкая, но не чересчур, кожаная куртка с нашитыми железными пластинами не могла скрыть ни широких плеч, ни объемной груди. Длинные светлые волосы сплетены в невообразимое количество косичек, которые в свою очередь были закручены в мощные жгуты кос. От нее веяло силой, не меньшей, чем у отца, а, может, даже большей. Я слышал, что бывают женщины, которые отказываются от пути Орсы и встают на

тропу Фомрира, но прежде таких не видел.

– Видать, ты свои уже почесала, Дагна. И где они теперь? – добродушно откликнулся Скóрни.

– Вот тут, – она похлопала по мешочку, что висел у нее на шее. – Я сюда все лишние яйца складываю. Тебе твои не жмут?

– Потом подеретесь, – вмешался еще один незнакомец. В нем я не заметил ничего необычного, разве что вместо меча или секиры он использовал булаву. – Давайте слушаем уважаемого Эрлинга.

Отец кивнул.

– Двадцать дней назад охотники заметили след огненного червя неподалеку от города. Согласно следу он около двух шагов в толщину, а в длину от тридцати до сорока шагов. И он движется к Сторбашу. Думаю, по силе он на уровне пятнадцатой-шестнадцатой руны. Кнут, ты говорил, что есть новости!

– Новости получены от твоего сына. Спроси его, – буркнул Кнут, не глядя на меня.

– Кай?

– Эмм, – я нерешительно поднялся, не зная, чего от меня ждут.

Я-то никакого червя и в глаза не видывал.

– Ты видел какой-то необычный след. Где? Как далеко от Сторбаша?

– А, видел. Меньше дня пути от Сторбаша, возле горы.

Там здоровенная выжженная полоса, только я не знал, что это след червя.

Люди вокруг меня зашумели, обсуждая услышанное.

– Скóрни Таран, Да́гна Сильная, Ма́рни Топот. Ваших сил недостаточно, чтобы убить червя. Скоро придут еще хускárлы со своими дружинами. Я прошу вас лишь задержать тварь, не допустить к стенам Сторбаша. По силе и по сердцу ли вам такая задача?

– А если мы ненароком пришибем червя втроем, сможем забрать внутренности и поделить между собой? – спросила Дагна.

– Как я и обещал. Червя получают все, кто принял участие в его убийстве. Плюс плату от города.

– Договорились. Мальчик, так где, говоришь, ты видел след?

– Я уже не мальчик, – огрызнулся я.

Клянусь бородой Скирíра, я никогда не думал, что если женщина берет в руки оружие, она становится такой невыносимой. Слова, которые я пропустил бы мимо ушей, будь они высказаны мужчиной, из уст женщины жалили сильнее.

– Ой, прости! Когда же ты успел...

– Дагна, во имя Фомрира, закрой рот! – рявкнул Скорни. – Не кидайся хотя бы на тех, кто не хочет с тобой драться.

– Жене своей указывай. А я женщина вольная.

– Парень, не слушай ее. Она уже лет десять врезается своей твердолобой головой в каждую встречную стену. Так где

был след червя?

После моих объяснений Дагна тут же ушла с тинга, а Скорни Таран и Марни Топот еще поговорили с отцом, обсудили, кто проводит их к месту и как можно замедлить червя. Некоторые наши воины также захотели пойти с пришлыми хускарлами и помочь.

Затем, когда гости ушли, отец сказал, что ожидает еще две-три дружины, поэтому нужно подготовить еще несколько домов и угощения, раздал поручения и закрыл тинг. Нужно было ускорить построение каменной стены, которая хоть и не остановит червя, зато задержит, чтобы мы могли увести жителей подальше. Также обсудили, что будет, если пришлые воины не смогут убить червя. Ответ был неутешителен: придется бросить Сторбаш и увезти всех жителей в море, пока эта тварь не нагуляется вволю и не пойдет куда-нибудь еще. Но ведь вокруг наши земли. Если мы не уьем червя до Сторбаша, будут разорены все местные поля, все деревушки, и жителям придется просить защиту у других ярлов. Пригодных к вспашке участков не так много, и, как знать, в качестве кого и на каких условиях их примут? Я бы не хотел видеть свою мать простой батрачкой.

На выходе меня поймал Кнут и спокойно сказал:

– Ты сломал Дагу челюсть. Жрец сказал, что он долго не сможет есть твердую пищу. Если он не поправится, я сделаю с тобой то же.

– Тогда поторопись, пока я не стал сильнее, – ответил я,

вырвался из хватки и пошел за отцом на пристань.

Пару дней мы тяжело работали. Даже я помогал таскать камни для укрепления стены. Теперь она поднялась аж до пояса. Впрочем, мне пояснили, что никто и не собирается делать ее высокой. Даже огненный червь – это всего лишь червь, он не может лазать по стенам или перепрыгивать их, и стена в рост человека будет сдерживать его не хуже, чем стена в три человеческих роста. Тут главное – ее толщина.

Каждый из пришлых воинов пришел не один, а со своими людьми. У Дагны была нанятая дружина, которая привезла ее сюда, а потом заберет и доставит, куда ей захочется. У Сторни и Марни же были свои крепко сбитые ватаги, проверенные боем. И это было привычно. Правильно.

Что делать воину, недавно получившему первую благодать, если рядом не предвидится никакой войны? Идти вырезать деревни? Так если за твоей спиной нет отца-ярла, тебя быстро поймают и живьем закопают, а это самая позорная смерть, ведь ты не сможешь попасть в отряд к Фомриру, а будешь бесконечно долго пожираться тварями, потом перевариваться, вываливаться в виде дерьма и снова пожираться. Лучше уж сдохнуть под пытками! Резать коз или других животных? Даже мясник не сможет поднять больше второй руны, забивая беспомощных зверей. Охотники могут дорастить до пятой руны, если будут убивать кабанов, медведей или лосей.

А чтобы получить шестую руну и стать хускарлом, нужно

сражаться по-настоящему. Либо с рунными воинами, либо с разными тварями, которые вроде бы слабее пятой руны не бывают. Для того боги и наделили людей благодатью.

Поэтому низкорунные прибиваются в команды к высоко-рунным в надежде поучаствовать в какой-нибудь заварушке и отхватить себе кусочек. Многие хельты или даже сторхельты начинали путь обычными карлами под крылом сильных воинов, а потом превосходили их. Порой и за счет убийства хёвдинга. Отец говорил, такое происходит, потому что это не настоящие ватаги. Если каждый хочет только поиметь пользу и не думает о собратях, то предательство случается сплошь и рядом. Либо старшой бросает людей на гибель, спасая свою шкуру, либо кто-то из карлов убивает его, взлетая сразу на две-три руны. Может, поэтому отец и не пошел ни к кому под руку, а собрал свой хирд. Пусть без сильного воина они не смогли высоко подняться, зато не потеряли дружбу. Люди отца до сих пор преданы ему и готовы пойти ради него на многое.

На третий день после тинга прибыли новые гости. Я не хотел их встречать, но отец заставил пойти вместе с ним.

– Ты сын лендермана, и ты должен приветствовать тех, кто прибыл спасти твой город.

– Твой город, отец. Я не хочу становиться лендерманом.

Он лишь усмехнулся себе в бороду, от чего его лицо слегка перекосилось.

– Конечно. Само собой, ты хочешь стать хускарлом, потом

хельтом, потом сторхельтом и даже сравняться с богами. Все дети мечтают об этом.

После моего возвращения из Растранда отец сильно помягчел. Я за все это время не увидел ни одной привычной вспышки гнева и не получил ни одной затрешины. Я хотел бы думать, что дело в том, что я теперь взрослый, но, скорее всего, отец изменился, когда решил, что я умер. И мне это не нравилось. Теперь он вел себя как старик, не кричал на меня, а поучал. Того и гляди, скоро у него начнут отваливаться пальцы, превращая его в жреца Мамира, который только и может, что бубнить о былых временах.

Сначала причалил крупный кнорр, который привез товары, а заодно захватил небольшую ватагу, всего в десять человек, во главе которой стоял некий Тину́р Жаба, худощавый мужчина с насмешливым выбритым лицом. На поясе у него висел небольшой меч, который больше напоминал размерами ножик, зато вслед за ним с кнорра вынесли целую охапку коротких тонких копий.

Отец обнял Тинура и сказал:

– Смотрю, ты уже почти дошел до хельта.

Я выпучил глаза. Неужто он и впрямь уже на десятой руне? От мужчины не веяло опасностью, он не давил на окружающих, как это обычно бывает. Обычный тощий мужик, который зачем-то срезает волосы на лице. Наверное, он невероятно силен.

– Да, рассчитываю, что твой червь поделится сердцами и

поможет пройти грань.

– Пока соперников у тебя немного, и те на восьмой-девятой руне. Знакомься, это мой сын Кай.

Тинур приветливо кивнул и занялся разгрузкой корабля. Затем отец отправил вместе с Тинуром человека, чтобы тот показал выделенный ему дом, а сам остался ради еще одного корабля, чей парус только-только показался из-за скал.

– Может, я пойду помогу на стене? – не особо рассчитывая на согласие, спросил я.

– Жди.

Хотя я ошибся. Эта скорлупка не заслуживала звания корабля. Она и на плаву держалась еле-еле. Несмотря на приличный ветер, люди на борту помогали веслами, наверное, тоже опасались, что она потонет раньше, чем доплывет. Когда лодка подошла вплотную к пирсу, я вздрогнул и тихо сказал отцу:

– Мне лучше уйти. Там... Кажется, там...

– Торкель Мачта, – сказал невероятно тощий и высокий мужчина, сияя лысой, как коленка, макушкой. – Ты Эрлинг?

Глава 9

Огненный червь. Эта тварь вырастает до сорока шагов в длину и двух шагов в поперечнике, имеет весьма твердую шкуру, под которой вместо крови течет едкая огненная жижга, коей червь может плеваться. Испражнения червя делают землю бесплодной и ядовитой.

Снова горячо пылал огонь посередине тингхуса, отец восседал на законном месте, сумрачный, задумчивый, в богатых мехах. Вокруг сидели люди. Не люди – воины. На некоторых из них были плотные повязки, через которые проступали темные пятна.

Дагна Сильная смотрела на огонь и не ярилась на невинные шутки, ее длинная светлая коса теперь свисала лишь с левой стороны головы, а на правой волосы были спалены до самой кожи и торчали обугленными кончиками. Только чудом ей не выжгло глаза и не изуродовало красивое лицо.

Скорни Таран тяжело опирался на знаменитый щит, вот только гладкая поверхность щита пошла выщербинами и буграми, а сам воин прятал израненную левую руку, не хотел показывать слабинку перед другими.

Марни Топот всё время оглядывался на дверь. Двое из его ватаги пострадали сильнее всего, сейчас их выхаживали знахарки, и он ждал, что в любой момент могут войти и сказать,

что они умерли.

Лишь Тинур Жаба да Торкель Мачта сидели со спокойными лицами.

Бу-у-ум!

Я невольно вздрогнул, хоть и ожидал этого.

Музыкант ударил в бодран деревянной костью, и звук прокатился по всему дому, проникая сквозь кожу и продирая до кишок.

Тишина.

Бу-у-ум!

Вслед за бодраном зазвучала тальхárпа, пронзительно и низко одновременно. Короткий смычок скользил по толстым струнам, как ладя по крутым морским волнам.

Треск поленьев в очаге мягко вплетался в тягучие звуки и завораживал весь тинг.

Эмануэль, жрец Мамира, выплыл из темноты так, словно не он двигался, а тьма послушно отступала перед ним, чтобы осветить его лицо.

– Достойным может быть любой, но не каждый сможет стать достойным.

Бу-у-ум!

– Когда мир был еще молод, и люди только-только покинули горшок Мамира, боги сразились с морскими и первородными чудовищами и истребили их.

Бу-у-ум!

– Но истребили они лишь самых крупных, самых злобных

и самых опасных, а мелкая поросль разлетелась по миру и попряталась в глубинах океанов, в горных расщелинах да в глухих чащобах. Вот только мелкими и слабыми твари были лишь для всесильных богов.

Голос жреца звучал глухо и надтреснуто, порой сливаясь с пением тальхárпы, и мне казалось, что сами струны выпевали древнее сказание.

...Однажды после длительного похода вернулись в свои чертоги Скири́р-защитник, Фомри́р-воин, Хунóр-охотник и задумались, как уничтожить оставшихся тварей. Вызывать их на битву? Так бессловесные чудовища дики и неразумны. Выискивать и убивать по одной? Бесконечной будет эта битва, ибо в каждую нору не залезешь, каждый лесок не обыщешь.

Ярился Фомрир, и сами горы сотрясались от ярости его.

Задумчив был Хунор, и леса притихли, чтобы не мешать думам первого охотника.

Грозно хмурился Скирир, и боги, и люди замерли, чтобы его гневный взор не коснулся их.

Тогда пришел к ним мудрейший из богов – Мами́р-судьбоплёт. Набрал он воздуха, дабы разразиться длинной и поучительной речью, как прервал его Фомрир:

– Лучше бы тебе говорить так же кратко, как коротки твои пальцы.

Со спокойной улыбкой Мамир повел свою речь, предпочел не заметить он грубые слова Фомрира:

– Великие боги, защита земли и небес, покровители рода нашего и человеческого, сильнейшие под этими звездами! Ваше могущество застило вам глаза. Вы слепы и не видите того, что находится прямо перед вашим носом. Я не ожидал иного от Фомрира и Хунора, но ты, кónунг богов, как ты можешь низвести себя до простого карла, что ходит вдоль стен и высматривает врагов?

Вскочил скорый на гнев Фомрир:

– Как смеешь ты, Обрубок, поносить моего отца? – но тотчас же сел обратно, почувствовав руку Скирира на плече своем.

– И что предложит нам Мудрейший? – тихо спросил Хунор-охотник.

– Поступить так, как и положено богам, – ответил Мамир-беспалый. – Наделить частицей вашей силы новые творения. Сейчас люди слабы и немощны, прячутся по пещерам и трясутся от страха не только перед тварями, но и перед обычными зверями. Получив же благой дар, они смогут обрести силу вровень с тварями и возьмут на себя их истребление.

– Люди слабы и глупы, они недостойны божьей силы! – прорычал Фомрир.

– Не все ее и получают. Лишь достойные смогут добыть ее, несостоящие же не пройдут этой тропой.

Замолчал Мамир. Три дня и четыре ночи думали боги и наконец дали свое согласие.

Тогда пошел Мамир к Кóрлеху-ремесленнику и попросил сделать большой медный котел, пригласил богов на огненную гору Куóдль, привел туда первых людей. Смешал он кровь богов и людей, подвесил котел над жерлом, бросил руны судьбы, а затем поведал богам и людям, что вышло из их жертвы.

– Теперь люди могут стать равными богам, – сказал Мамир. – Все вы отныне, как и ваши дети, как и дети ваших детей, несете зерно божественности. Каждая ваша жертва будет давать силу богам, а боги будут делиться ею с вами.

– Уж не станут ли от этого боги слабее? – спросил Скирир.

– Нет, кóнунг богов. Только крепче и сильнее станут боги, ибо каждая жертва отныне усиливать будет и богов, и людей.

Торжественно пела тальхárпа, бодрáн вторил ей. Замолчал жрец Мамира, укрыл свои обрубленные пальцы. Встал отец, притихший огонь ожил, щедро рассыпал искры, и на миг показалось, что сам Скирир стоит за спиной лендермана и говорит его устами.

– Мы все несем частицу божественной силы, но тяжела эта ноша. Не каждый может идти по пути бесстрашного Фомрира. Не потому, что слаб или труслив, но потому, что есть и другие дороги. Доблесть не только в том, чтобы убивать тварей, но и в том, чтобы разгадывать плетения судьбы, – отец кивнул в сторону Эмануэля. – В том, чтобы рожать и растить детей, следуя примеру Орсы. В том, чтобы растить хлеб, как научил нас Фóльси. В том, чтобы ковать мечи и лепить

горшки вместе с Корлехом. В том, чтобы вести за собой людей, повинуюсь законам Скирира. И даже в том, чтобы поднимать дух звонкой музыкой, воздавая хвалу Свальди. Нет бесчестья в выборе любого из этих путей.

Странно говорит отец. Если боги дали людям силу, чтобы убивать тварей, тогда зачем мы тратим ее на что-то еще? Хотя если бы не было тех, кто выбрал иную дорогу... без кузнецов у нас не было бы оружия, не было бы хлеба без пахарей, а уж если бы бабы все до одной стали Дагной Сильной, так люди и вовсе повывелись бы.

– Но вы выбрали идти по стопам Фомрира. А это значит – защищать мир от тварей, все еще переполняющих его. Огненный червь не больше муравья перед богами, но для нас это смертельная угроза и в то же время возможность подняться еще на одну ступеньку, стать ближе к богам. Дагна, Скорни и Марни несколько дней сдерживали эту тварь, не давая ей приблизиться к Сторбашу. Завтра же мы должны ее убить.

– Убить! Убить! – закричали воины.

И я тоже закричал, но отец еще не закончил.

– Дагна, расскажи нам о черве.

Женщина устало поднялась на ноги, провела рукой по обугленной стороне головы и заговорила:

– Червь – это здоровенная тварина, длинная и толстая.

– Что, даже для тебя оказалась великовата? – пошутил кто-то из мужчин.

– Ха-ха, посмотрим, как он завтра тебя отымеет, – без обычного задора ответила Дагна. – У него толстенная шкура, прочная, как камень, через которую хрен пробьешься, а если пробьешься, то из дыры хлещет горячая и вонючая жижа, что у червя вместо крови, только желтая. Еще он может этой жижей плевать, и лучше от нее уворачиваться, так как прожигает даже через железо.

– Мой щит не пробивает, – добавил Скорни Таран, – но кольчуга раскаляется так, что жжёт тело даже через две рубахи.

– Плюется он недалеко, шагов на семь всего. Но издалека его шкуру и не пробьешь. Еще он порой начинает пыжиться, и тогда лучше отойти от его переднего конца, так как он резко прыгает вперед и может повалить даже дерево. Именно так и покорежился щит Скорни.

– Так как же его убить?

– Убить его довольно просто. Нужно лишь раздолбать его толстенную шкуру и проткнуть его сердца, которые расположены вдоль всего тела. Червяк очень длинный и не может защитить себя целиком. Но это потребует много людей и много времени.

Она осмотрела воинов. Больше никто не шутил.

– Хускарлы ниже седьмой руны вряд ли смогут пробить его шкуру, поэтому нужно разбиться на отряды. Во главу каждого поставить самого сильного воина с топором или секирой, можно и с булавой, а лучше с молотом Скирира. Он

раскалывает шкуру, а потом остальные с копьями и мечами через рану добираются до сердца и протыкают его. Нужно делать это быстро, ведь выплескивающаяся жижа быстро застывает заплаткой, что ничуть не тоньше самой шкуры. При этом кто-то должен маячить перед мордой червя, чтобы не дать ему сбежать или развернуться и оплевать всех.

Скорни буркнул:

– Видимо, этим снова займусь я.

– Звучит довольно просто. Но помните: червь – не бревно. Он будет ползать и крутиться, пряча пораненные места. Нужно, чтобы каждый отряд знал свое место, не мешал другим и помнил, где проламывает шкуру. Самое опасное место – за пять-восемь шагов от морды, ведь ровно туда он и может доплюнуть. Если кому есть что сказать, говорите.

Все молчали.

– Тогда выйдите вперед те, кто сможет пробить шкуру. Не ниже седьмой руны с подходящим оружием.

Дальше было скучно. Дагна распределяла людей по отрядам, не обращая внимания на то, в чьей ватаге изначально был воин. Тинур Жаба был сильнейшим среди прибывших, но из-за неподходящего оружия, а он использовал метательные копья, его отправили в поддержку к семирунному бойцу с молотом.

Торкель тоже был там и не обращал на меня никакого внимания. Лишь потом я сообразил, что он не видел меня в Растранде, и если бы я держал язык за зубами, то он бы ни-

когда не узнал, кто убил Роальда. Я надеялся, что у гостей не будет времени попусту болтать с нашими людьми, и он так и уплывет из Сторбаша. С другой стороны, отец все равно должен наказать Торкеля за уничтожение деревни. В конце концов, я защищал свою жизнь, а не напал на Роальда, пока тот спал в собственной кровати. Я был в своем праве. Главное, не забыть об этом упомянуть, когда Скирре будет подвешивать меня за ребра над пылающими углями.

Наутро я вскочил ни свет ни заря, но отца уже не было дома. Наскоро перекусив краюхой хлеба и куском сыра, я помчался в сторону леса. Да, я не мог поучаствовать, но и пропускать такую битву мне было не след. Я же собирался встать бок о бок с Фомриром!

Впрочем, я был такой не один. То тут, то там мелькали невысокие тени: все, кто имел хотя бы одну руну, выбрались из домов. Я даже обогнал Ленне и Нэнне. А вот Дага после нашего боя я так ни разу и не видел.

В небольшой лощине между холмами бряцало железо и слышны были крики. Я взлетел на ближайший холм, согнал мелкого пацана с самого удобного места и посмотрел вниз.

Битва уже началась, и мне все было видно как на ладони. Червь и впрямь был огромным. Наверное, вблизи он выглядел еще уродливее и жирнее. Судя по фигуркам людей, в толщину он был мне по плечо, но из-за большой длины казался тощим и вертлявым. Вокруг него уже крутилось множество людей. Даже отец стоял там, держа увесистую секиру.

Скорни Таран, удерживая щит перед собой, бегал туда-сюда перед одним из концов червя, изображая приманку. Тем временем собранные отряды уже выстроились вдоль тела и двигались так, чтобы тварь их не видела.

Громкий крик.

Скорни замер, полностью укрывшись за щитом. Червь странно сморщился, напыжился, приподнял передний конец, и тут к нему подскочила Дагна, в ее руках был крупный молот, посаженный на длинную рукоять.

Мощный удар! Голову червя отбросило в сторону, и струя парящей жидкости прошла на несколько шагов левее Скорни.

И все отряды дружно набросились на червя. Это было похоже на то, как муравьи облепляют еще живую гусеницу, а та извивается, желая сбросить обидчиков.

Послышался треск раскалывающегося камня, первые крики воинов, попавших под брызнувшие обжигающие капли. Кто-то усердно тыкал мечом в образовавшиеся трещины и не успел вовремя отступить. Тварь дернулась и придавила нерасторопного воина. Скорни загрохотал обухом топора о щит, привлекая внимание червя, и ему это удалось. Снова он вел тварь за собой, изредка отскакивая в сторону. И когда червь в очередной раз сморщился, Скорни замер, прикрывшись щитом. Дагна нанесла коронный удар молотом, вот только червь мотнул головой еще дальше и обдал пылающей жижей воина, стоявшего с другой стороны. Его крики

длились недолго.

Какой-то мужчина с секирой подбежал к червю и начал прорубать шкуру, но, прежде чем он сумел нанести десяток ударов, червь провернулся вокруг и, подмяв воина под себя, перемолол его в месиво с торчащими костями.

Тварь металась из стороны в сторону. Скорни грохотал щитом так, что даже у меня закладывало уши, но червь больше не глядел на него. Все трещины и проломы, что были сделаны в шкуре ранее, уже затянулись, и тварь выглядела целёхонькой.

Рядом со Скорни очутился Тинур и начал что-то ему резво втолковывать, размахивая свободной рукой. Дагна тоже подскочила поближе, а потом махнула.

Когда червь немного успокоился, сама Дагна со всей силы врезала молотом по шее твари, расколов его шкуру с одного удара. И тут же Тинур взмыл в воздух, подпрыгнув, как настоящая лягушка, на мгновение завис и швырнул свое копьёцо точно в рану. Струя горячей жижи выплеснулась оттуда, но никого не задела.

– Первое сердце! – заорала Дагна. – Бейте!

Теперь воины распределились иначе. Несколько человек сдерживали червя, не позволяя ему активно мотать мордой. Все мечники отошли в сторону, копейщики не давали твари двигаться. А молотобойцы и секирщики изо всех сил долбили по прочной шкуре.

– Есть! – крикнул еще один воин, в котором я с трудом

смог узнать отца.

И снова взвился Тинур в воздух, позади него стоял парень с охапкой метательных копий и передавал оружие. Удар! И снова Жаба сумел добраться до сердца с одного удара. Впрочем, Тинур был на десятой руне, он был самым сильным.

Не понимаю, кто дал ему прозвище Жаба. Мне он больше напоминал зимородка, что замирает в верхней точке, а потом рывком падает вниз, охотясь на рыбу.

Тинурова задумка переломила ход битвы. Одно за другим копия Тинура уходили глубоко в плоть червя, и тот заметно слабел. Он уже не мог так рьяно биться и лишь подергивался от очередного удара. Выходящие струи горячей жижи жалко стекали по его круглым бокам, и червя не хватало сил, чтобы плевать, как прежде.

Дернувшись еще раз, червь замер. Скорни и Дагна подождали немного, а потом завопили от радости, вздымая руки к небу.

– Тебе, Фомрир! – прокричала женщина с опаленными волосами.

Тинур Жаба, до того не показывавший ни малейшей слабости, вдруг пошатнулся и не упал лишь потому, что успел опереться на копьецо. Сколько же сил отнимали у него такие прыжки?

Дальнейшее больше напоминало разделку китовой туши. Все одновременно разбивали толстенную шкуру, вырезали огромные, размером с голову, сердца червя, которые больше

походили на раздувшуюся посередине кишку. Нужно было торопиться, так как скоро все внутренности остынут и превратятся в серую закаменевшую массу.

Всего сердец оказалось одиннадцать. Дагна, Скорни и Марни получили по две штуки, Торкель Мачта – одно, так как его вклад был не таким значительным. Тинуру отложили три сердца, без него бы жертв было гораздо больше. И одно досталось моему отцу.

Глава 10

Мирийн – бог-рыбак, полукровка, сын Нарла и одной из младших весенних богинь, храмов нет, отдельных жрецов нет, в жертву приносят дары моря.

Атрибуты – лодка и сеть.

Снова жарко пылал огонь посередине тингхуса, отец восседал на своем законном месте, также бил бодрán и выпевала простые мелодии тальхárпа, но настроение и музыка были совершенно иными. Торжество! Победа! Радость!

Дагна Сильная еще до пира успела изрядно набраться и перебрасывалась шутками с десятью воинами одновременно. Ее звонкий голос легко перекрывал общий шум в зале. Затем она резко встала, подняла тяжелый рог, окованный серебром.

– Воздаю хвалу этому дому и его хозяину Эрлингу! У вас, – она гулко икнула, – у вас водятся очаровательные зверюшки. Я надолго запомню этого червя. Во-первых, потому что он поправил мне прическу.

Она кокетливо провела по выбритой правой стороне головы, где червь сжег ей волосы. Я засмеялся вместе со всеми. Я тоже хотел бы так шутить над своими ошибками и ранами.

– Во-вторых, он единственный подарил мне аж два сердца. Вы же, парни, всё пытаетесь подсунуть другие части тела, чуток пониже.

Кто-то от смеха подавился, и сразу несколько тяжелых ударов прилетело ему в спину.

– В-третьих, я стала еще на ступеньку ближе к богам. Сегодня Фомрир ласково посмотрел на меня, и провалиться к троллевой мамаше, если это не заслуживает доброй выпивки.

Она запрокинула голову и выхлебала целый рог крепкой медовухи. Вот это женщина! Жить с такой, конечно, невозможно, но заполучить ее на одну ночь жаждали все мужчины за этим столом.

Следом поднялся Тинур Жаба. Он вел себя тихо и, на мой взгляд, слишком скромно для человека, который сумел переломить ход всего сражения.

– Эрлинг, старый друг! Если бы ты не бросил ватажничать, то стал бы прославленным хельтом. Впрочем, лендерман получился тоже отличный. Не хочу обижать тебя своим невниманием, а прошу понять. Я уже год нахожусь на десятой руне и не могу сдвинуться ни туда, ни сюда. Сейчас в моем мешке лежат три превосходных сердца сильной твари, что помогут мне перешагнуть от хускарла к хельту, и я не могу дождаться этого. Ты позволишь оставить пир, чтобы заняться переходом?

– Тинур, не тебе нужно просить у меня позволения, а я должен был узнать твое желание сначала. Выпей с нами разок и стань ближе к ступням Фомрира.

Тинур опрокинул рог, пролив большую часть медовухи на

себя, кивнул собравшимся и торопливо вышел из тингхуса. Я ему смертельно завидовал. Надо же, он скоро станет настоящим хельтом! А я торчал на жалкой первой руне. По сравнению с ним я все равно что вошь супротив ногтя.

Каждый из участников битвы вставал и говорил какие-то слова. Кто-то восхвалял отца, кто-то описывал тот кусочек боя, который достался ему, кто-то говорил про доблесть Скорни или ловкость Тинура. Эмануэль, Мамиров жрец, сидел неподалеку, потирая обрубки пальцев, и запоминал их слова, чтобы потом переложить в песнь.

А я старался не смотреть на левый угол стола, где сидел Торкель Мачта. Его лысая голова торчала над всеми остальными и невольно притягивала взоры. Один раз мы столкнулись с ним взглядами, и его рот растянулся в кривой улыбке. У меня по спине пробежали мураши. Он словно знал. Знал, кто убил Роальда.

Отец, как назло, усадил меня по правую руку, и я никак не мог затеряться среди остальных воинов. Впрочем, может, так оно было лучше? Пусть этот Торкель узнает, что я не грязерожденный, а сын лендермана, у которого в друзьях почти что целый хельт. И моя шкура стоит немного больше, чем одна руна для неопытных богатеньких мальчиков, которых за руку привели вырезать стариков и детей.

– А еще я хочу поднять пенный рог за своего сына, Кая, который получил руну благодаря наставлению Фомрира. Он сразился не на жизнь, а на смерть с диким кабаном, и стал

настоящим воином. Его путь будет нелегким, раз только в смертных боях он может получать благословение богов, но я уверен, о Кае сложат десятки песен.

– Дранк!

Торкель не сводил с меня глаз во время речи отца и на словах о песнях снова мерзко ухмыльнулся. Я зябко передернул плечами и залпом выпил всунутый в руки рог, закашлялся, взял кусок пирога и запихал его в рот целиком, так как не хотел свалиться под стол первым. Отец был славен не только подвигами и умелым правлением, но и застольной стойкостью, и я не собирался позорить его. Медовый напиток был довольно приятным на вкус, только щипал язык. Я не впервые пил его, но раньше удавалось выпить лишь несколько глотков, а тут сразу целый рог.

Отец хлопнул меня по плечу и отвернулся, заговорив с другими людьми. Я смотрел на застолье, на суетившихся рабынь, которых хватали за крепкие ляжки, на покрасневшие лица воинов, слышал то и дело раздававшийся возглас «Дранк!», рядом пела тальхарпа, сердце стучало в такт бодрану. Весь зал был пропитан запахом жареного мяса и сладким медовым ароматом. Я вдруг подумал, какой у меня замечательный отец. Отличный воин, бесстрашный и умный, да, иногда от него доставалось, но всегда за дело. Он не порол меня почем зря, как, бывало, драли близнецов. Да и вообще люди в Сторбаше чудесные. А Дагна – невероятная красавица, даже с наполовину обритым черепом. Как она залиvisto

хохотала, запрокидывая голову назад и показывая длинную шею! Ее упругая грудь так и манила к себе. А потом Дагна швырнула глиняное блюдо в мужика напротив, рассекла ему лоб, и теперь его правый глаз был залит кровью.

– Эрлинг! – звонко крикнула она. – Твой сынок за такие взгляды должен будет на мне жениться!

Все вокруг рассмеялись, а мне захотелось вскочить и сказать, что я готов. Прямо сейчас. Прямо здесь. Но не успел я выпрямиться, как тяжелая рука отца надавила мне на плечо.

– Пойди-ка прогуляйся, сынок.

Я встал и едва устоял на ногах. Троллева медовуха! Она ослабила мои ноги, хотя в голове было ясно, как никогда. Я протиснулся к выходу и с наслаждением вдохнул свежий воздух. После спертости и жары в зале было так приятно почувствовать ночную прохладу, только в штанах все еще было тесно, да странно бухало в груди.

Из тингхуса выскользнула тень. Рабыня с пустыми кувшинами. Я, уже не особо соображая, что делаю, схватил ее за руку. Она вскрикнула от неожиданности.

– Стой, – язык тоже почему-то перестал слушаться и отказывался выговаривать слова. – Ты. Идем со мной.

– Мне сказали принести еще медовухи, – испуганно проблеяла она.

Дагна бы уже сломала мне нос и вlepила пару пинков. Вот почему не стоит брать рабынь в жены: от них рождаются трусливые дети.

– К троллю их. Идем.

Я потащил ее за собой, но на полпути к дому сообразил, что вряд ли мама обрадуется нашему появлению, поэтому развернулся и потащил рабыню к пристани. Почему-то я был уверен, что лодка – это идеальное место для первой ночи с женщиной.

– Господин, меня будут ругать. Господин, Лисбет гораздо лучше меня. Все выбирают ее. У Лисбет белые волосы и большая грудь. Господин, не нужно. Господин, меня накажут, – она шла за мной и ныла, не замолкая ни на мгновение. Я уже хотел было отпустить ее, но вспомнил, что я уже карл, убил уже трех человек, а еще ни разу не был с женщиной. А это нужно было срочно исправить. Срочно!

На пристани было темно, еле виднелись очертания незнакомых кораблей, я никак не мог разглядеть отцовского дракона.

– Эй, парень! Чего здесь шляешься?

Я развернулся и увидел двух карлов с факелами.

– А, вон чего, – рассмеялся один из них. – Слышь, Краб, может, пустим его на наш?

– А чего ж не пустить? Дело-то важное, я смотрю, – гоготнул второй.

Меня подвели к большому кнорру. Я неуверенно прошел по узенькой дощечке, в середине корабля стояли бочонки и мешки, но места там было предостаточно. Провожатые даже кинули шкуру и, посмеиваясь, ушли. Рабыня перестала ныть

и покорно легла, я рухнул рядом с ней. Больше всего мне хотелось закрыть глаза и уснуть. Я пересилил себя, запустил ей руку за пазуху, там было тепло и мягко, словно залез в свежую опару. Я потянул ее подол наверх и...

Вокруг было темно. Я чувствовал, что проспал много, но почему-то было все еще темно. Я вытянул руку и нащупал плотную ткань. Меня засунули в мешок? Дико болела голова. Хотелось пить. И, наверное, блевать, но я не был уверен. А где рабыня? Я пошарил возле себя, но никого не обнаружил. Штаны были на мне, но пояс с оружием отсутствовал. Что произошло? Точнее, что-нибудь произошло? Я не помнил.

Тóркель. Он странно смотрел на меня на пиру. А потом я выпил целый рог медовухи, вышел из тингхуса, взял первую попавшуюся женщину и пошел на пристань. А там... там, как последний дурак, зашел на незнакомый корабль и, кажется, уснул. Торкелю даже не пришлось напрягаться, я сам пришел к нему в руки. А сейчас меня засунули в огромный мешок и увозят к Скíрре. Оружие, понятное дело, сняли. Только вот разве мешок может сдержать карла?

Я с яростным криком вскочил на ноги, ткань слетела, и я обнаружил, что стою на палубе кнорра, который мирно трет-ся боком о пристань Сторбаша.

– А, проснулся. Пить хочешь? – спросил бородатый мужик, что сидел возле борта.

– Да, – прохрипел я.

– Держи, – он протянул баклажку с водой. Я выхлебал ее целиком.

– А где...

– Пояс? Да вот лежит, рядом. Мы сняли на всякий случай, чтоб не поранился. Слушай, я все понимаю, выпивка, баба, но почему ты выбрал такую старую? Неужто в Сторбаше нет рабынь посимпатичнее?

Я нацепил пояс, махнул ему рукой и пошел было в город.

– Да, парень. Тебя там искали. Где-то под утро. Такая буча поднялась, я думал, что новый червь приперся. Лэндерман чуть не напал на Торкеля Мачту, еле-еле его смогли успокоить. Я сразу и не понял, что это тебя ищут.

– Э-э-э, – только и смог промямлить я.

– Я показал лендерману твое дрыхнувшее тело, но он не стал будить, только сказал накрыть чем-нибудь. Ох и влетит тебе, парень.

Я помотал головой, прогоняя подступившую тошноту, и все же побрел домой. Отец не посмеет ударить карла.

Бумс! Прямо с порога прилетела знатная затрещина, после которой головная боль и озноб как-то быстро перестали ощущаться.

– Ты все мозги пропил за вечер? Какого тролля ты поперся на пристань? Из-за тебя я, я – Эрлинг, нарушил законы гостеприимства и напал на гостя, которого сам же и пригласил! – бушевал отец.

Я пощупал челюсть. Вроде бы все зубы остались на месте.

– Он это заслужил, – сдуру буркнул я, и тут же огреб вторую оплеуху.

– Я же говорил, что не могу его обвинить, не подставив тебя под гнев Скирре! А теперь Торкель точно знает, что ты там был, и подозревает, что это ты убил сраного Роальда, чтоб он сдох на пуповине своей матери!

– Теперь его отправят под суд?

– Когда мне сказали, что ты дрыхнешь на кнорре, что привез Тинура Жабу, я пошел это проверить, а Торкель тем временем удрал. Прямо ночью, как жалкий тать.

Стыдно сказать, но после этих слов мне полегчало. Я все еще не мог забыть, как Торкель отсек одним ударом Ове голову и руки, и мне несколько раз снилось, что он делает то же самое и со мной.

Запал гнева у отца иссяк, он опустил на скамью и, уже притворно хмуря брови, спросил:

– А чего ты пристал к той рабыне? Тебе нравятся старухи? Мать, ты слышала?

Мама благоразумно не подходила во время трепки, а сейчас вынырнула из-за ткацкого станка, за который садилась, лишь когда хотела показать свою покладистость. Я же пытался припомнить лицо той женщины, которую потащил с собой, но вспоминалось лишь ее писк насчет неизвестной Лисбет, пустой рог из-под медовухи и теплота за пазухой.

– Эрлинг, я ведь согласилась взять в дом двух молодень-

ких рабынь, как ты сказал, ради Кая. Теперь он воин, он вышел из-под моей опеки.

Я переводил взгляд с отца на мать и не понимал с похмелья, о чем они вообще говорят. Нет, я помнил, как у нас в доме появились две девчущки, они помогали матери со скотиной, пряли, готовили, даже ночевали в нашем же доме, в его дальней части, но я вообще не воспринимал их как женщин. Они были немногим старше меня, ходили в длинных балахонах, вечно суетились рядом. Да я их и не замечал вовсе. По сравнению с Дагной они все равно что трясогузки рядом с лебедью. А сейчас мать говорит, что взяла их для меня?

До первой руны мужчина не имеет права лечь с женщиной. Ну а потом у меня тоже как-то не заладилось. И почему все говорят про старуху?

Когда мать показала ту рабыню, которую я пытался завалить, я решил, что больше никогда не возьму в рот медовухи. Что я там говорил про Кая Свинокола? Да отличное прозвище! Куда лучше, чем Кай Старушколюб. А ведь это вполне возможно. С таким прозвищем я сам пойду к Торкелю, пусть лучше меня распнут, чем жить с таким именем.

Пару дней я проторчал дома, не хотел показываться на людях. Да, я боялся. Боялся услышать обидное прозвище или тупые насмешки, хотя настоящий воин не должен опасаться ни острых мечей, ни острых языков. Достаточно только вспомнить Фомрира! Вот уж у кого язык был длиннее, чем руки.

Тем временем почти все гости разъехались. Уплыл Тинур Жаба, который сумел перешагнуть через грань и подняться до хельта. Ушли корабли Скорни Тарана и Марни Топота. Вильнула хвостом и Дагна Сильная, забрав сердца червя и кучу мужских сердец в придачу. Торкель, как и сказал отец, ушел ночью со своей небогатой ватагой. Теперь Сторбаш снова погрузится в такую спячку, что жрецы Мамира будут избегать нас еще лет десять.

А к нам в дом зачастили соседи. Или вернее сказать, соседки. Каждой бабе, которой не посчастливилось родить дочь тринадцать-четырнадцать зим назад, вдруг срочно понадобился совет моей матери. То обсудить узор на рубахе, то новую начинку для пирога, то еще чего.

Когда я прямо спросил у мамы, что это с ними, она, смеясь, ответила:

– Так ведь слух прошел, что ты девками начал интересоваться. Вот и водят тебе дочек показать.

– Я жениться не собираюсь.

– Так никто и не неволит. Ты сам выберешь, когда придет пора. Вот только если ты будешь всех избегать, люди невесть что могут подумать.

– Чего это они подумают? – набычился я, не желая слышать ответ.

– Ну, что тебе нравятся женщины постарше, – сказала она и расхохоталась в голос.

– Вовсе нет! – закричал я. – Просто их дочери как бледные

курицы, сидят, молчат, подолы теребят в руках. А мне нравятся побоевители. Вон, как Дагна!

Мать отсмеялась, взяла в руки незаконченную рубашку и принялась за шитье.

– Ты слышал сказ о том, как боги и люди придумали брак?

– Нет.

– Когда мир был еще молод, и боги еще ходили среди людей, увидел бог-рыбак Миринн прекрасную Марру, первожденную великаншу, и тут же возжелал ее. Ведь такой красавицы и среди весенних богинь не найти! Ростом с вольную сосенку, тяжелая рыжая коса до пояса, ноги как молодые дубы, крутые плечи, мощные руки, что способны из камня сок выдавить, пышная грудь, что может вскормить множество детей, глаза подобны звездам – столь же яркие и далекие. И всякое дело у нее спорилось – мамонта убивала одним ударом кулака промеж бивней, за ночь засаливала мясо и сшивала шубу из его шкуры. Ее громоподобный голос было слышно за три дневных перехода, а от песен с деревьев опадала листва.

Я недоуменно посмотрел на мать, уж не смеется ли она надо мной снова.

– Закинул Миринн сеть, и весь улов на подарки отложил: семь дней он коптил, жарил и пек рыбу. И с тремя возами угощений приехал к возлюбленной. Но отказала ему звездноокая Марра, сказала, что провонял он рыбой, и одежда на нем стара и плоха.

Три дня отмывался в море бог-рыбак, стер пять скал до основания, пока соскребал об них грязь со своего тела. Надел он новые одежды, вдел жемчужные серьги, а драгоценное ожерелье, что сам смастерил из добытых в морской пучине жемчужин, в подарок приготовил.

Но отказала ему рыжекосая Марра, сказала, что пропах он морем, и борода его лохмата и страшна.

Десять дней в горных водах отмывался Миринн, ароматными маслами умащивал бороду и усы, без счета перебил первородных тварей, а из их крови выпарил алые рубины и преподнес их возлюбленной.

И в третий раз отказала прекрасная Марра.

Разозлился на Марру бог-рыбак, схватил ее за длинные косы и дал оплеуху. Брызнули звезды из глаз великанши и замерли в небе созвездием Глаза влюбленной. Но Марра не растерялась и ответила обидчику тем же. Прodelал он спиной дыру в доме, снес ворота, полдня летел, сшибая деревья и разбивая скалы, пока не застыл в огромной горе, прорубив там глубокую пещеру.

Вылетел он из пещеры, вернулся к дому Марры и принялся ее колотить, да и она себя в обиду не давала. Целую седмицу сражались между собой Миринн и Марра, без устали избивали кулаками, а потом без сил упали наземь и поняли, что за это время полюбили друг друга. Пообещали всегда жить вместе и не расставаться до конца времен, а чтобы закрепить обещание перед богами и землей, надели они на

руки парные браслеты. Так и появился брачный обет.

– И зачем ты мне это рассказала?

– Может, и впрямь не подходят тебе наши девушки. Но таких, как Дагна, подарками и украшениями не возьмешь. Им по нраву лишь сильные мужчины. Те, что сильнее их или хотя бы не слабее. Сможешь ли ты завоевать такую женщину себе?

Глава 11

Троль – крупная тварь, что, даже стоя на четвереньках, выше обычного человека. Троль жрет всё, но без нужды на зверей не нападает, а вот человека мимо вряд ли пропустит, и ему хватает мозгов, чтобы сражать дубиной и камнями.

Конечно, я не собирался жениться вот прямо сейчас. Да и вообще не собирался. Но если выбирать между теми клушами, что жили в Сторбаше, и Дагной, я бы предпочел Дагну. Однако мать правильно говорит, такие уважают только силу. Поэтому я пошел к отцу и предложил сходить на охоту. Я хотел получить вторую руну. Может, отец прав, и мне нужны бои на грани смерти? На гадании Эмануэля выпало две руны: сила и смерть, а это можно растолковать и так: хочешь силы – дерись насмерть. Хоть это мне было совсем не по душе.

– После того как в местных лесах порезвился червь, все зверье разбежалось. Коли Хунор благоволит нам, в следующем году с добычей будет попроще, – ответил Эрлинг.

– А возле селения Олова кабаны бегают, будь здоров, – сказал я с намеком.

– Ты все про хуорку, – помрачнел отец. – Думаешь, я не тревожусь? Да только кто захочет связываться с бесполезной морской животиной? Я забросил весточку. Мало ли, может, кто и откликнется. Благо сейчас есть чем отплатить.

– Ты о сердце червя?

– Да. Хотел бы, конечно, приберечь его до твоей десятой руны, но ты до нее еще нескоро доберешься: вся польза уже выйдет. Так что лучше я променяю его на что-то толковое. А ты пока набирайся сил, ходи к Хакану, помирись с парнями, а то вокруг тебя одна мелкотня носится.

После того как сломал близнецам носы, а Дагу – челюсть, я перестал на них злиться. Я показал, где их место, и не вспоминал больше об этих слизняках. А вот с Хаканом лучше поладить, уж больно хорошо он дерется, и его опыт мне бы пригодился.

Пока шел на учебную площадку, чувствовал себя великаном среди людей: вокруг меня собрались мальчишки от пяти до двенадцати зим от роду – вся безрунная мелюзга.

– Кай Эрлингссон! – старательно проговорил один. Имен я их не запоминал, да и зачем мне это? – А ты снова бросишь вызов? А скольким на этот раз?

– Зачем мне бросать вызов?

– Говорят, что Даг, который сын Кнута, выздоровел.

– Брешешь? – остановился я.

– И я тоже слышал!

– И я!

– А я видел, как он выходил из дому, – гордо заявил рыжий мальчуган, чье лицо невозможно было разглядеть за россыпью крупных ярких веснушек.

– Говорят, Кнут купил рабов. И Даг стал двурунным. И

все раны сразу излечились! – сказал первый мальчик.

– Как тебя звать?

– Якоб, сын Стига.

– Хорошее имя, Якоб, очень боевое, – осклабился я. – И много рабов купил Кнут?

– Не знаю. Если нужно, мы проследим за Дагом. И за Кнутом.

Я даже призадумался, а потом отказался. Зачем мне это? Разве я их боюсь?

На площадке стоял треск и шум. Настоящие мечи и топоры яростно врезались в настоящие щиты, окованные железом. Хакан учил сражаться пара на пару, и близнецы выглядели самыми сильными. Нэнне стоял насмерть, прикрывая брата, а Ленне из-за его плеча наносил быстрые неуловимые удары. Они могли бы стать отличным пополнением в любой дружине. Слухи насчет Дага оказались верны. Его челюсть выглядела вполне здоровой, судя по тому, как он ее выпячивал, отмахиваясь в одиночку сразу от двоих парней. Он и прежде был неслабым противником, а теперь, на второй руне, мог бы и троих победить. Вот только вид у него был слишком мрачным.

– А, Эрлингссон, – сказал Хакан, – бери щит, вставай к остальным.

Троллеву старик! Я так и хотел сделать, пока ты не сказал.

– Мне и тут неплохо.

– Пожалуй, хватит уже с детишками играть. Пора бы с рав-

ными помериться силой.

– А кто тут равный мне? – вскипел я.

Вот же безносый урод! Смелости меньше, чем у двухдневного зайчонка, а туда же, поучать меня вздумал!

– Если перворунные неинтересны, тут и двурунные воины есть.

Что правда, то правда. Только они на два-три года постарше будут. И поопытнее. Но не отступать же теперь?

– Я готов, старик.

– Даг, встань в пару с Каем.

– Я не буду с ним драться, – неожиданно ответил Даг.

Мелюзга, облепившая невысокую изгородь, только что не пищала от восторга.

– Это почему? Неужто боишься? – нахмурился наставник.

– Не боюсь. Но драться не буду, – с этими словами Даг развернулся, аккуратно повесил щит на стойку и ушел с площадки.

– Хорошо. Кто не трусит? – Хакан обвел глазами учеников.

Я спокойно ждал. Из старших выступил один, с длинной выгоревшей на солнце челкой и выбритым затылком.

– Да никто не трусит. Это ж перворунный. Пусть возьмет кого в пару, иначе неинтересно будет.

– Кай, у нас есть правило. Двурунный сражается с двумя перворунными. Трехрунный – с тремя перворунными. Кого возьмешь в напарники?

Я задумчиво осмотрел парней.

– Есть одна девчонка, Ингрид, шести зим от роду. Вот ее я бы взял в пару. А эти только мешаться будут.

Хакан развел руками:

– Инго, слабейший может отказаться от помощи, если захочет. Тут нет урона тебе или твоей храбрости.

– Да плевать.

Инго вытащил из-за пояса топорик, схватил щит и вышел в центр. Я сделал то же самое.

– Тренировочный бой. До первой крови.

Я глянул на малышню, увидел там Якоба и подмигнул, ухмыляясь краешком рта, хоть не был уверен в победе. Я просто не знал, насколько двурунный сильнее.

– Бой!

Инго не спешил, обошел вокруг меня, небрежно помахивая топором. Он был выше на голову, длинные руки, более длинное топориче. У него было преимущество в дальности удара. Значит, мне стоит выждать и атаковать тогда, когда ударит он. Вот только он явно не собирался бить первым. Гнилой тролль, и он мог так поступать, потому что сильнее. А вот если я затяну с началом боя, подумают, что я боюсь.

Я сделал пару обманных выпадов, но он не повелся, лишь обидно рассмеялся:

– Я слышал, что Кай, сын Эрлинга, храбр и отчаян. Что даже не имея руны, он не бежал от боя. Что убил оружного, будучи без оружия. Но, кажется, меня надурили.

– А вот и нет, – пропищал какой-то мальчишка, висящий на изгороди.

– Что, привык ломать носы только слабакам? – продолжал подначивать меня Инго.

– Я еще не получил прозвище, а Носоломом прослыть не хочется, – огрызнулся я.

– Да не трусь. До моего не допрыгнешь.

– Вот и я о том же пекусь. Вдруг не допрыгну и проломлю ненароком горло.

– Смотри, какой заботливый! Но выше пупка все равно не дотянешься.

Жаль, я ничего не знал про этого Инго, иначе бы смог его разозлить. Тут у него было преимущество.

Я прыгнул вперед, взмахнул топориком, но врезал ему щитом, рассчитывая отбросить хотя бы на шаг. Угу. Я словно в скалу врезался. Отлетел сам, а он только покачнулся. Снова бросок. Ушел вниз. Удар. Инго подпрыгнул, уходя от топора. Я вздернул щит, как раз вовремя. На меня словно обрушилась гора. Я упал на одно колено и откатился в сторону. Вскочил. Он уже летел на меня. Я не замечал ничего вокруг. Только эта глупая челка, падающая ему на лицо. И только чеканный топорик в его руке.

Щит! Левая рука занемела. Я зарычал от злости. Это всего лишь жалкий двурунный. Он получил руны, убив несколько коз. Он ничего не знает о смерти. О страхе. О крови. Он не заглядывал в глаза Фомриру. Разве бои на площадке могут

подготовить к настоящим сражениям?

Оказалось, что могут. Я ничего не мог сделать. Он легко ускользал от атак, я же едва выдерживал его удары. Наигравшись, Инго свалил меня на землю, прижал коленом и аккуратно, почти нежно провел лезвием топорика по моей щеке, оставив длинный порез.

– Не так уж ты и страшен, Кай Эрлингссон, – сказал он напоследок.

– Кай, тебе стоит чаще приходиться сюда, – сказал безносый. – Есть чему поучиться.

Я сплюнул и побрел в сторону дома, не глядя на мелюзгу, что на этот раз не последовала за мной.

Почаще? Приходить! Почаще!

Я взялся за дрова. Представлял, как отрубая головы всем, кто смеялся надо мной. Р-раз, и голова Инго полетела. Два, и Хаканова башка тоже отвалилась. Три. Даг! Отказался драться со мной. Чтоб его тролли сожрали! Теперь, когда он получил вторую руну, я снова стал слишком слабым для него? Недостойным?

Я должен стать сильнее. Чтоб никто никогда не смел смотреть на меня сверху вниз. Чтобы мое имя наводило страх на все окрестные земли. Чтоб мои корабли наводили ужас на все северные моря. Чтоб...

– Кай! Кай, за тобой отец прислал! – позвала мать.

А отец, кажется, не оставлял надежды сделать из меня будущего лендермана. В этот раз он хотел, чтобы я пошел с ним

осмотреть земли, пострадавшие от набегов огненного червя. Я передел рубаху, нацепил пояс с топориком, залез на коня, что подвел неторопливый раб, и поехал к недостроенной да, в общем-то, и ненужной уже стене вокруг города. Там поджидал отец, так же верхом, Кнут вместе с Дагом и еще пара человек. Дядька Кнут тоже решил приобщать сына к оседлой жизни? Или рассчитывал, что Даг все же займет место за моим плечом, когда я встану на место отца?

– Стену разбирать не будем, – говорил отец. – Кому нужны каменные хоромы, пусть сам везет себе булыжники. А стена пригодится. Вдруг еще какая напасть сойдет с гор?

– Тогда, может, поднять ее повыше? Сузить наполовину и сделать хотя бы в три роста, – предложил Кнут.

– А зачем? Волки не перепрыгнут, медведь не перелезет.

– Тролли?

– Троллей здесь лет сто уже не видели.

– А таких червей и того больше! – резонно возразил Кнут.

– Хорошо. Соберем урожай, и займешься стеной. Только не спеши. До снега лучше привезти камня побольше, а зимой можно класть.

– Если класть зимой, летом могут пойти трещины, – с стороны леса подошел Эмануэль, Мамиров жрец, в каких-то неузнаваемых тряпках. А ведь у него есть хорошие одежды. Отец ему каждый год дарит в благодарность за службу и советы.

– А если отложить до лета, то в Сторбаше появится много

погребов, выложенных камнем, а стена не поднимается даже на палец. Так что ты хотел показать?

Жрец жестом позвал за собой и легким шагом пошел в сторону горы. Он вроде бы и не торопился, но нам пришлось перейти на рысь, чтобы поспевать. Отец с Кнудом продолжали спорить насчет стены, а мы с Дагом вынужденно ехали бок о бок позади них.

– Значит, вторая руна? – выдавил я.

– Я этого не просил, – ответил Даг.

– И кого ты прирезал?

– Рабов. Троих.

– Понравилось?

– Не помню. Я горел. Хромая сказала, что сломанная кость начала гнить. Пока не уплыл торговец, отец выкупил всех его рабов. Пообещал свободу тем, кто останется в живых, когда я получу вторую руну.

– Сдержал слово?

– Конечно. Отец всегда держит слово. Пятерых освободил, хотя мать ругалась. У нас ничего не осталось. Ни доспехов, ни оружия, кроме того, что на нас, ни утвари дорогой, ни скота. Одна корова да один конь.

Я глянул на дядьку Кнута. Он, как ни в чем не бывало, в привычной одежде, ехал рядом с отцом и ни словом, ни взглядом не намекал на постигшие его беды. Всегда за плечом. Всегда прикрывает спину.

– А почему он отцу...

– Он запретил. Сказал, что ты в своем праве. Я оказался не таким, как он. И он запретил с тобой драться. Даже в шутку.

– Ну ничего, – натужно улыбнулся я, – ты вон какой здоровенный. Немного подучишься и сможешь в ватагу пойти. Вон, Дагне бы команда не помешала.

– Я не пойду. Останусь тут, буду пахать, строить стены. Помогать отцу.

Я чуть с лошади не свалился. Даже забыл о том, что Даг больше не друг.

– Как? Ты что говорил? Помнишь, как мы собирались стать сторхельтами? Чтобы одним ударом рассекать скалы и одним взмахом весла переплывать моря? А кто обещал, что набьет морду Фольси и возляжет с Орсой? Ты хочешь остаться двурунным на всю жизнь? Шарахаться от жалких червей? Слушать песни о чужих подвигах?

– Мне слава не нужна, – спокойно сказал Даг. – Это ты всегда рвался куда-то и хотел стать равным богам, я же просто шел за тобой. Но и в этом я оплошал.

– А если... – я сглотнул, – если я снова позову?

Он посмотрел на меня.

– А позовешь? – и отвернулся. – Неважно. Ты уже не сможешь доверять мне. А я не смогу, как раньше, прикрывать тебе спину. Ничего. Кто-то должен и пахать, и торговать, и свой город защищать. Я один раз чуть не умер. Мне хватит.

– Даг, а...

– За меня не думай. Я зла не держу. В спину не ударю.

Мы доехали аж до той горы, возле которой я впервые увидел след червя. Зверье и впрямь ушло из этих мест, откочевало в безопасные леса. До полей червь не добрался, так что хлеб не пострадал. А вот земля, по которой он прополз, выглядела чудно, словно огонь не просто прошел по ней, а пропалил там раны. Отец спрыгнул с коня, опустился на колени и пощупал спекшуюся корку.

– Гладкая, как старое топориче, – сказал он и с силой ударил обухом топора по земле. Зазвенело, будто он о железо постучал. – Надо кузнеца сюда привезти. Эмануэль, ты это хотел нам показать? Что это такое и нет ли в этом зла?

– В одной из легенд есть упоминание о камне, что появляется из земли после сильного огня. Там говорится, что мечи из него получаются слишком хрупким, зато ножам нет равных по остроте. Если рассечь руку таким ножом, то даже боли не ощутишь, пока не хлынет кровь. А еще из такого камня можно сделать сильные обереги.

– Эта корка и есть такой камень?

Эмануэль потер обрубленные пальцы.

– Нужно проверить. Но если это так, ты сможешь продать его торговцам.

– Кнут, займись этим. И надо расширить поля. Дагна сказала, что пара деревень хочет перейти под мою руку, если я выделю землю.

– А чего так?

– Вождь помер, а новый не интересуется землями, всё легкую поживу ищет. Пока он с воинами отсутствовал, на тех островах какая-то зверушка завелась, скот режет, на людей охотится. Вот они и хотят уплыть оттуда.

Потом они начали обсуждать, сколько кораблей туда послать, кого попросить, где им лучше строиться, сколько мужиков дать в помощь, чтобы успели дома до зимы поставить. И вообще лес надо заготовить заранее. Сразу после уборки хлеба надо за ними ехать. И все это было так скучно, что я чуть челюсть не вывихнул, пока зевал. Почему бы не спросить, что там за зверушка? Может, всего лишь медведь какой. Хотя медведь медведю рознь. Вон, на отцовской кровати лежит такая шкура, что не дай Фомрир ее хозяина живую увидеть. В пасти две головы разом может поместиться, а если бы он встал на задние лапы, то вытянулся бы в два-три моих роста. А может, там и тролль. Я шкуру тролля ни разу не видел. Только в песнях говорится: вот, мол, герой убил тролля, пять раз чуть не помер, но убил, честь ему и хвала, личный поклон Фомрира. Ха, поклон Фомрира. Для Фомрира убить тролля всё одно, что мышь затоптать. Я ж не кланяюсь всякому, кто мышь убил.

– Кай! – не в первый раз позвал отец. – Ты что думаешь?

– Думаю, что жрать охота. Уже тут полдня топчемся.

Отец помрачнел, но развернул лошадь, и мы вернулись в Сторбаш.

Глава 12

Сва́льди – весенний бог огня и музыки, сын Фольси и Орсы, добр, но вспыльчив. Создатель первой лиры и первый музыкант.

Атрибуты: очаг и лира

Я немного помедлил, толкнул дверь и вошел.

В этом доме я бывал сотни раз, и никогда мне не было так сложно решиться войти, как сейчас. Все стояла были не только пусты, но еще и вычищены. Со стен пропала дорогая броня, секира, пара мечей. Рабы стоят не так дорого, насколько я знал. Меч уж точно стоит больше. Может, Кнут купил не обычных доходяг, а сильных воинов? Скорее всего, торговцы не собирались продавать их в Сторбаше, а планировали отвезти на крупное торжище, чтобы получить побольше денег. Если бы Кнут не освободил оставшихся, а продал, то смог бы возместить потери.

– Сын Эрлинга? Что ты тут делаешь? – нелюбезно спросила М́аргрит, мать Дага.

Раньше она встречала гостей приветливее.

– Хочу кое о чем поговорить с Дагом.

– А он хочет с тобой говорить?

– Не знаю. Потому и пришел.

– Слушай, сын Эрлинга, – она подошла и шепотом продолжила: – Мой муж всю жизнь служил твоему отцу. Один

Фомрир знает, сколько ран он получил, прикрывая его. И даже сейчас, после того, что случилось с Дагом, он остается верным. Даг тоже простил тебя. Но я, я не прощу никогда. Не приходи в мой дом, сын Эрлинга. Не показывайся на глаза. И не смей ничего просить у моего сына! Наша семья уже достаточно отдала.

– Мам? Кай? – Даг вошел следом за мной.

Я улыбнулся Маргрит и сказал бывшему другу:

– Даг, хочу тебя нанять.

– Я уже объяснил, что не собираюсь уходить из Сторбаша. И тебе не советую. С одной руной ты там будешь вроде зайца.

– Я не за этим. Хочу нанять тебя как наставника. Я не вернусь на площадку к Хакану, но мне нужно с кем-то сражаться. Отец слишком силен. Двурунный соперник подошел бы лучше. Я готов платить, скажем, один эре в седмицу.

– Ты уже один раз чуть не убил моего сына! А сейчас хочешь бить его за деньги? – разозлилась Маргрит. – Раз такой богач, найми себе воина. Или купи раба и делай с ним, что хочешь.

– Я хочу платить твоему сыну, чтобы он бил меня. Даг намного сильнее. Пока.

– Согласен, – вмешался Даг. – На той полянке, после восхода солнца.

Получив его согласие, я тут же сбежал из их дома, чтобы не слушать воплей безумной женщины. Пусть она кричит на сына!

Я придумал такую штуку не сдуру. Если я и впрямь буду становиться сильнее лишь в смертных боях, скорее всего, это будут враги, превосходящие меня по рунам. А значит, нужно привыкать сражаться с такими соперниками. Даг – идеальный соперник. Он выше всего лишь на одну руну, он отличный боец, и я знал его манеру боя. Если я не смогу победить его, то вряд ли смогу рассчитывать на победу с кем-либо еще.

Отец не стал возражать и выделил нужные суммы. Он почему-то думал, что я таким способом заглаживал вину перед Дагом, возмещал затраты, которые понесла его семья. Вот только с чего бы мне чувствовать себя виноватым? Это был честный поединок, и я честно победил. Если бы Даг не был таким сильным и увертливым, я бы не врезал ему в подбородок, а выбрал бы другую цель. Но я пока не был столь умелым воином, а потому бил, куда мог. Если так посмотреть, Даг сам виноват, что нарвался на мой удар.

На следующее утро я вскочил раньше матери, схватил топорики, щит, краюху вчерашнего хлеба и побежал на наше с Дагом прежнее место для игр. Он подошел почти сразу за мной.

– Отложи оружие. Тут нет людей, и если кто-то ранит другого, могут неправильно подумать, – сказал Даг вместо приветствия. – Сначала поборемся так. Ты увидишь, как меняет вторая руна.

В этом был смысл.

– Гліма? – спросил я.

– Да.

Мы отложили оружие, сняли рубахи, оставшись лишь в штанах. Взяли друг за друга за ремни правыми руками. Я напрягся, готовясь схватить Дага за штанину и опрокинуть его на землю. У меня было преимущество – я ниже, а значит, крепче стою на ногах. Даг прошептал:

– Раз. Два. Три!

Но не успел я и дернуться, как уже взлетел в воздух и брякнулся со всей силы на спину. Даг тут же отпустил меня и отошел на шаг.

– Еще! – вскочил я на ноги.

Раз. Два. Три.

Я, не отрываясь, смотрел в глаза Дагу, но не заметил никакого напряжения, предвосхищения или чего-то такого. Он легко, словно бы пустые меха переворачивал, схватил меня за штанину и вскинул наверх. Я едва успел перевернуться и упал на колено. Сразу же, не поднимаясь до конца, схватил Дага за пояс и толкнул. Он едва сдвинулся с места. Я вцепился в его ногу, как клещ, но не смог оторвать ее от земли.

– Понимаешь теперь? Я просто сильнее.

– Это не значит, что я не могу победить. Говорят, что безрунный не может убить рунного. Но я это сделал, значит, смогу победить и тебя.

– Сможешь, – согласился Даг. – Но не в прямом бою. Удар в спину. Брошенное копьё. Сильный яд. Нож в горло во вре-

мя пира.

– Не всегда побеждает самый сильный или самый быстрый.

– Да, во время большого сражения и сильнейший может быть убит. Но в поединках один на один...

– Мы еще не пробовали!

Лезвия топориков мы обмотали кожаными обрезками, подняли щиты и рванули друг на друга. Это было почти также весело, как и раньше. Я против Дага! Вот только прежде мы были на равных, а сейчас от каждого его удара меня сносило напрочь. Но и я заставил его изрядно попотеть.

Даг бил с такой силой, будто столб вколачивал в землю. Спустя пару ударов он совсем отсушил мне руку со щитом, а мои удары принимал на щит так, словно от бабочки отмахивался. То, что я знал его манеру боя, совсем не помогало. Он ведь мою тоже знал, а разница в чистой телесной мощи была велика, хотя мои успехи все же были немного выше, чем в борьбе.

Я показал намерение ударить в левое бедро, а когда Даг опустил щит и изменил положение ног, чтобы легче принять удар, рванул к нему. Отвел топор щитом и толкнул всем телом, одновременно попытавшись боднуть головой в подбородок. Теперь-то уж я вряд ли что-нибудь ему сломаю. Даг успел задрать голову, и удар не прошёл, но толчок вывел его из равновесия. Он почти упал, но развить успех я не успел. Даг отскочил назад, и схватка продолжилась. Даг был силь-

нее, немного быстрее и вынослив, как бык. Я был искусней, но при таком раскладе помогало это слабо, а разница в росте и длине рук не позволяла атаковать издалека.

Спустя некоторое время мы просто сидели и отдыхали, я пытался отдышаться, а Даг будто бы и не провёл тяжелую схватку: дыхание было ровное, а румянец быстро спадал.

Домой я не пришел, а притащился. Мать в ужасе всплеснула руками и сверху донизу облепила меня сырым мясом, хотя вряд ли это сильно изменило мою внешность. Я и без ее лечения представлял собой хорошенько отбитый кусок мяса, весь в кровоподтеках и синяках.

– Да что ж это такое? Тебя снова бьют? – мы с отцом не сказали ей про Дага.

– Я тоже неплохо ему врезал. Вроде бы, – пробормотал я, щупая челюсть.

На другое утро я подготовился получше: надел толстые кожаные штаны и прочную отцовскую куртку, которую не всякая стрела сможет пробить. Под куртку надел рубаху и колючий свитер из овечьей шерсти. Шлем отец брать не разрешил, поэтому я захватил с собой зимнюю шапку с меховой опушкой. Да, вид у меня был смешным, и да двигаться во всем этом было не так уж и удобно, но я все равно проигрывал Дагу по скорости, так хоть синяков поменьше отхвачу.

Даг рассмеялся, когда увидел меня, но улыбка тут же пропала.

– Хорошая мысль. Заодно и к доспехам будет привычка.

В конце седмицы я отдал Дагу честно заработанный эре. За месяц он заработает полмарки, а значит, сможет купить корову в дом. А если через месяц я не смогу его одолеть, то какой из меня воин?

После унижительного проигрыша на учебной площадке почти все дети от меня отцепились, нашли нового героя, только двое все еще продолжали таскаться: Якоб, сын Стига, и рыжий мальчуган, чьего имени я не спрашивал. Якоба пару раз били за это, но он не сдавался. Зачем ему это было нужно?

Я как раз оттирал грязь с замурзанного лица возле дома, когда примчался Якоб и закричал:

– Корабли! Три корабля плывут.

На его крик отец, прикорнувший было после обеда, поднялся и вышел во двор.

– Какие еще корабли?

– Ну это... – мальчишка не ожидал, что сам лендерман обратится к нему. – Там, в бухте...

– Да понял я, что в бухте. Не из лесу же они появились. Что за корабли? Какой флаг?

– Два драккара и один кнорр. Все под одним флагом. Синий такой, а на нем какая-то рыба.

– Дельфин? – отец вдруг обрадовался. – Неужто дельфин?

– Мож, и дельфин, далеко было.

– Кай, скорее отмывайся. Глядишь, и разберемся мы с той тварью морской.

Я попросту засунул голову в ведро с ледяной водой и потер лицо, потом отряхнулся и пошел за отцом на пристань, а рядом прыгал Якоб, довольный, что мы ему позволили идти подле себя. Отец глянул на мальчугана и вдруг сказал:

– Глядишь, и у тебя будет скоро такой братец.

– Мать затяжелела?

– Давно уже пора. Не дело, когда один сын в семье.

– Это хорошо. Не все же ей со мной нянчиться!

– А у меня три брата и две сестры, – зачем-то сказал Якоб и тут же отхватил подзатыльник, мол, не лезь, когда старшие разговаривают.

На пристани уже собрался народ, кто с оружием, кто без. Стóрбаш – не сказать, чтобы совсем уж маленькое поселение, от трех кораблей карлов мы отобьемся легко. Но если там будут хускарлы? Или того хуже, хельты? Или хотя бы один сторхельт? До недавнего времени высокорунному воину не за чем было воевать с нами и портить отношения с кóнунгом Ра́гнвальдом Беспечным. Но теперь в Сторбаше было то, ради чего рискнул бы любой воин, стремящийся стать равным богам, – сердце огненного червя. Участники сражения отплыли далеко, весть о своем подвиге разнесли широко, и кто-то отчаянный мог бы напасть на хера́д, в котором самый сильный воин всего лишь на седьмой руне.

Впрочем, репутация кóнунга защищала нас. Беспечный-то он беспечный, да за свои земли порвет любого. Согласно песням и сказаниям, что доходили до нас о Ра́гнваль-

де, упреки, оскорбления или угрозы он встречал с улыбкой, не злился, не кричал в гневе, не стучал кулаком об стол или о морду говорившего. Потому его и прозвали Беспечным, будто ему нет дела до недобрых слов. Да вот только потом с этими смельчаками случались несчастья. То погибнут в нестоящей упоминания сече, то потонут возле родных берегов, а то и вовсе задохнутся, подавившись костью.

Отец, глядя на приближающиеся корабли, обеспокоенности не выказывал. Напротив, широко улыбался, наблюдая, как они один за другим подходят к пирсам, и первые воины уже выскакивают, чтобы привязать их. На флаге и впрямь был изображен дельфин с изогнутой спиной, словно выпрыгивающий из воды. На каждом корабле было по два гарпуна – спереди и сзади. Люди явно хорошо обучены и держались в строгости. Никаких выкриков или шуток, ни один не сошел с палубы, не дождавшись разрешения, сами палубы отдраены, оружие вычищено, даже борта кораблей выглядели чистенькими и недавно выкрашенными.

С одного драккара сильным прыжком на пирс выскочил мужчина с забранными в тугую косу волосами. Больше всего бросались в глаза его плечи. Они были такими широчеными, будто он на шею положил коромысло или небольшое бревно, а сверху нацепил рубаху. А вот живота, как подобает любому солидному воину, не было вовсе.

– Кто лёндерман сего херада? – зычно спросил он.

Голос у него был под стать плечам.

– Я – Эрлинг. А ты никак Флиппи Дельфин, прославленный сторхельт?

– Пока еще хельт.

– Не ждал я таких гостей, потому не подготовился к встрече. Но если есть на то желание, могу устроить великий пир.

– На пирах я побывал изрядно. Я приплыл по делу. Моим людям бы баньку, чтобы смыть морскую соль, да пирогов каких. По хлебу уж больно соскучились, как по твердому, так и по жидкому. А мы с тобой тем временем бы и потолковали.

Отец усмехнулся в бороду.

– Сделаем, как пожелаешь, – и раздал указания.

Подоспевшего Кнута отвел в сторонку и сказал смотреть в оба за людьми Флиппи. Кто знает, как пройдет разговор? А несколько десятков обученных воинов могут натворить много дел в селении.

Мы вернулись в дом, мать уже успела приготовить кое-какую снедь, выставила кружки с пряным пивом на стол. Рабыня поднесла воды гостю умыться с дороги. Флиппи Дельфин едва коснулся воды, а как сел, сразу схватился за пиво и одним глотком осушил посудину. Мать тут же наполнила ее. Вторую гость пить погодил, а перешел к делу.

– Слышал, у вас тут пробегала тварь небольшая.

– Было дело. Хорошо, хоть бед особых не натворила. Добрые воины пришли помочь.

– Я бы тоже не отказался поучаствовать. Жаль, далеко был. Пока весть дошла, уже и добычу разделили и торже-

ственный пир отгуляли.

– То была слишком слабая зверушка для такого воина, как ты.

– Слабая-то она слабая, да у нее есть то, что мне нужно. А если уж что-то очень надобно, сам знаешь, следует постараться. Я говорил и с Топором, и с Тараном, да никто из них не захотел продать добычу.

– А Тинур? У него кусок больше всего был.

– У Тинура сын есть да в хірде некоторые к хельту подобались. Не продал бы. А вот у тебя иначе всё. Сам ты к хельту не рвешься. Сын, как погляжу, еще маловат, ему не скоро потребуется подмога. Вот я и думаю, а не продашь ли сердце ты? Я хорошую цену дам.

– Продам. Отчего бы и не продать, коли цена будет хорошая, – улыбнулся отец и отхлебнул из кружки.

– И какая цена? Могу серебром отсыпать, могу оружием отдать, могу броней: хоть кольчугами, хоть шлемами. Если рабы нужны, придется подождать, с собой рабов не вожу. Что еще? Меха? Скот?

– Серебро, оружие, рабы... Все это хорошо. Вот только я всегда могу взять это у любого торговца, а сердце огненного червя нигде и не выкупишь.

– Как знать. Ты живешь в спокойном месте, твой город никто не трогает, опасных тварей и нет почти. Растишь хлеб, детей, скот. А вот сильных воинов нет. Хороший союзник всегда пригодится.

– Годится он тогда, когда рядом беда. А если внезапно кто с недобрым умыслом придет, когда союзник откликнется и вернется, только пепелище и увидит на месте Сторбаша.

– Ладно. Говори свою цену. Вижу, есть у тебя на уме что-то. И чудится, что не по нраву мне это придется, – вздохнул Флиппи, и даже плечи его широченные понурились.

– Может, и не по нраву, зато точно по силе. Видать, сам Хунор-охотник привел твои корабли на подмогу.

– Хунор? Уж не на морскую ли охоту ты хочешь позвать? – воодушевился Флиппи Дельфин. – У меня есть и китовый ус, и китовый жир.

– Всё, что добудешь, можешь себе оставить. В одном селении неподалеку завелась хуорка, лодки топят, на корабли нападает. Уже год не можем туда доплыть, и оттуда людям не выбраться.

– Хуорка... – лицо Флиппи скривилось так, будто ему протухшую капусту под нос сунули. – Слушай, Эрлинг, может, я тебе серебра отсыплю, а ты кого другого наймешь?

– Год! Целый год. Думаешь, я не пытался?

– Уж больно неудобная тварь эта хуорка. Прибытка с нее никакого, а возни и риску много. Да если она хоть один корабль повредит, я уже в накладе останусь.

– Тебе решать, – развел руками отец. – Вот только, став сторхельтом, ты получишь намного больше. Люди сами будут сыпать в руки золото и серебро, лишь бы ты был на их стороне. И отделяет тебя от этого всего лишь одна хуорка. А

у Дельфина, как я слышал, был опыт сражения с ней.

– Потому и медлю, – ответил Флиппи и почесал затылок. – А точно одна? Они иногда парами селятся. На двух не пойду. Если увижу двоих, тут же уплываю, и стовору конец.

– Мой сын месяц назад сам видел: одна она там. А чтобы не усомнился ты в моем слове, готов отдать сердце сейчас. Заодно и проверишь силу сторхельта в настоящем бою.

Как только отец сказал это, глаза Флиппи Дельфина загорелись.

– По рукам. Вот только не боишься ли, что уплыву и не сдержу слова?

– С кем бы другим боялся. А о Флиппи по всем северным морям ходит молва как о честном человеке, что держит слово, даже если оно во вред идет. Дурная весть, она быстро разносится.

Флиппи выпил новую кружку пива и расхохотался:

– Эх, по нраву ты мне, Эрлинг, даром что прозвища не имеешь.

– Есть у меня прозвище, только я оставил его, когда на земле осел да сына завел. Неподходящее оно для лендермана Сторбаша.

Я удивленно глянул на отца. Всегда считал, что он попросту не совершил ничего выдающегося или запоминающегося, потому и жил с одним лишь именем. Впрочем, дядька Кнут тоже ходил без прозвища.

Флиппи сощурил один глаз.

– Погодь-ка. Эрлинг? А не тот ли ты Эрлинг, что...

– Ни к чему вспоминать то, что давно ушло. Перед тобой уже далеко не тот Эрлинг, о котором ты слышал. Так что, Флиппи Дельфин? Возьмешься за хуорку?

Наконец пиво подействовало на гостя. Он махнул рукой.

– Добро. Но сегодня мы как следует выпьем. Завтра я займусь сердцем, а уже на третий день поплывем к хуорке.

И они крепко стукнулись кружками, отмечая удачную сделку.

Глава 13

Крыльями Тоурга-змея называли паруса, так как Нарл-корабел, получивший в дар от Фомрира Тоурговы крылья, сделал первые паруса именно из них.

При первой встрече я не ощущал от Флиппи большого давления, отец говорил, что высокорунные воины могут при-держивать силу, чтобы люди вокруг не боялись. И я не ожидал, что после сердца червя что-то изменится. Но всё изменилось, да еще как.

Я вскочил с лавки, не понимая, что меня встревожило. Поднялся отец, испуганно вскрикнули девки, спавшие возле очага, заржали кони в стойлах, замычали коровы, истошно закудахтали куры. Все собаки в Сторбаше заголосили разом.

– Кажись, получилось, – выдохнул отец.

– Что получилось?

– Флиппи стал сторхельтом. Пойду его поздравлю.

Я немедленно увязался за ним. Только чем ближе мы подходили к выделенному гостю дому, тем меньше хотелось туда идти. Я словно бы увязал в густом киселе. Колени тряслись со страху, зубы неровно стучали, в животе кишки разом превратились в дрожащий студень. Я глянул на отца, тот, нахмурившись, продолжал идти, хоть и со стиснутыми кулаками.

– Может, лучше домой пойду? – нерешительно сказал я.

Отец оглянулся.

– Это лишь пятнадцатая руна, слабый отблеск силы богов. Как доберешься до ступней Фомрира, если даже такая малость пугает тебя?

С усилием вдохнув, я сжал прыгающие зубы, собрал внутренности в тугой комок и шагнул вперед. Из ближайших домов уже высыпали жители и отбежали подальше, не в силах выдерживать такое давление.

Шаг. Еще шаг. Я чувствовал, как зубы начинают крошиться от чрезмерных усилий. Еще шаг. До дома Флиппи оставалось еще два десятка шагов. Добраться пешком от Растранда до Сторбаша было легче, чем пройти до того дома. Неужто между хельтом и сторхельтом столь большая разница? Почему вчера я мог сидеть рядом с Флиппи, а сейчас помирал со страху, даже не увидев его?

Отец не дошел до двери всего пару шагов. Остановился. Крикнул:

– Флиппи Дельфин! Поздравляю с новым титулом! Поумерь силу, иначе разгонишь весь город.

– Не могу! Пока не получается совладать. Освободи южный проход, я уйду в лес! Как справлюсь, так вернусь.

Развернувшись, отец принялся раздавать указания, уводить людей, но перед тем сказал:

– Пробуй пройти вперед или хотя бы продержись тут подольше. Это поможет тебе в будущем.

Я стоял и обливался потом. Нет таких слов, чтоб описать мои чувства. Это был страх, но не простой знакомый

страх, как, например, перед темнотой, холодом или кабаном, а иной, чуждый, непонятный. Будто я был мышью, а надо мной нависла нога великана, и я знал, что меня вот-вот раздавят, и ничего не мог с этим поделать. Бежать, прятаться, прикидываться мертвым – все бесполезно. Это было ужасно. И страх злил меня.

Я не дурак. Я не считал себя всемогущим или бессмертным. Если передо мной противник заведомо сильнее, я убегу или постараюсь не драться с ним, как тогда, с огромным кабаном в овраге. Я бы и с Рбальдом не дрался, только он забыл меня спросить. А если бы кабан все же напал, я бы сделал все, чтобы победить. Или хотя бы не умереть. Но сейчас, пожелай того Флиппи, он бы убил меня одним пальцем, а я б даже и шелохнуться не смог.

Рядом раздался чей-то стон. Я с трудом повернул голову и увидел неподалеку двуручного юношу. Он также пришел испытать силы и уже находился на грани. А за ним были и другие.

Дверь распахнулась, и волна ужаса заново захлестнула меня. А ведь я почти привык! Еще несколько вдохов, и я бы решился на еще один шаг, маленький, в половину ступни, но все же шаг.

В узкий проход боком протиснулся Флиппи, внешность его была такой же, как и вчера. Но его взгляд! Его мощь! Его дыхание сшибало с ног. Я не выдержал и рухнул на колени. Флиппи хмыкнул, огромным прыжком вскочил на кры-

шу дома, потом оттолкнулся и отскочил на пятьдесят шагов к югу. Пара мгновений, и он исчез в лесу.

Из дому следом вышли и соратники Флиппи, бледные, трясущиеся, взмокшие, но целые. Впрочем, среди его людей карлов не было, только хускарлы да несколько хельтов. Чем сильнее воин, тем легче ему снести чужую мощь.

По подбородку что-то текло, я коснулся рукой и глянул. То была кровь.

Я вдруг вспомнил все слышанные песни о богах. Я слушал сказания и были о них с детства, некоторые были героические, о подвигах и небывалой удали, некоторые звучали как истории о соседях, как они ссорятся, мирятся, женятся. И из-за этого я привык думать о богах как о людях, обычных людях, только чуток посильнее и постарше: забияка Фомри́р, мудрый Скири́р, красавица Орса, сладкоголосый Свáльди. А ведь это было не так. Если я не смог приблизиться к обычному сторхельту, как бы я перенес встречу с тем же Фомри́ром? За тысячу шагов у меня бы лопнули глаза и разорвалось сердце. От его голоса вытек бы мозг. От его поступи раздробились бы кости. И не потому, что он огромен, как гора, или силен, как море, а лишь потому, что он – бог, с мощью, что выше всех рун и людей.

Лишь к вечеру Флиппи вернулся. Он сумел укротить силу и потому уже не был опасен для людей вокруг.

На следующее утро мы наконец отплыли, чтобы поохотиться на хуорку. Флиппи с командой на своих трех кораб-

лях, и лучшие воины во главе с отцом – на нашем драккаре. Я еле упробил отца взять меня с собой, правда, пришлось пообещать, что я седмйцу буду помогать с местными делами. Он всё хотел, чтоб я стал лендерманом.

Если бы я был скальдом, то рассказал об этом плавании больше. Как кони моря мчались по китовой дороге. Как метатели меча, вдохновители Свальди, носители солнц жеребца пучины восседали на крутобоких спинах драконов моря! Как дыхание Нарла наполняло крылья Тоурга! Когда я пытался сложить хотя бы самую немудреную вису, выходил не мед поэзии, а скорее кал орла.

То, что я прошел за девять дней по суше, корабли проплыли за пару часов с попутным ветром так быстро, что рассвет не успевал стать полднем. Бухта с моря выглядела иначе, чем с земли. Проход в нее был узким и каменистым. Отцов драккар остановился у входа. Флиппи Дельфин не хотел, чтобы воины, не знакомые с его ведением боя, мешались и становились под ветер, потому наша задача была проста: не выпустить хуорку из бухты, если та вдруг решится на побег.

– Кай, лезь на мачту. Как поплывет к нам, кричи! – приказал отец, а сам взял одно из копий Флиппи с непривычно широким и плоским наконечником, больше похожим на огромную стрелу без перьев, и встал возле борта с самыми сильными из воинов Сторбаша.

Я взобрался на мачту, уселся на поперечную рею, плотно обхватил столб ногами и во все глаза уставился на поле

грядущей битвы. Два драккара под ритмичный бой бодрана ушли в разные стороны, захватывая хуорку в клещи, а кнорр с самим Дельфином на борту немного отстал и шел к центру.

Хуорка то ли обожралась, то ли отсыпалась, потому не сразу обратила внимание на гостей. Огромное гибкое тело как тень проскользнуло к правому драккару, но стоило зверюге приблизиться на расстояние удара, как гарпун величинной с человека вонзился ей в спину. Тонко взвизгнув, хуорка ушла на глубину вместе с гарпуном.

Флиппи скинул куртку, сапоги, и в одной рубахе и штанах прыгнул с корабля с таким же странным копьём, что держал сейчас отец. Дельфин мгновенно ушел под воду, и я не мог разглядеть даже его тени. Поверхность моря оставалась ровной слишком долго, и я ожидал увидеть медленно всплывающее кровавое пятно. Тут хуорка взметнулась, выпрыгнула из воды, обнажив длинное тело в окружении розовой пены, и на мгновение показался и Флиппи, висящий на копье, что пронзило округлый живот твари. Но каким бы ни был кратким миг появления хуорки, с кораблей полетели гарпуны с толстыми веревками и вонзились в нее с трех сторон. Тварь упала обратно в воду. Флиппи вынырнул неподалеку и громко свистнул. С ближайшего корабля ему перекинули еще одно копье.

Хуорка уже не могла уйти на дно. Ее истыкали странного вида копиями с обратными крючьями, а Дельфин подрезал ей ласты, хвост и пускал обильно кровь. Бухта окрасилась в

багряный цвет. И это выглядело красиво.

Новый свист. На драккаре затрубили в рог, люди Флиппи схватились за весла и бешено погребли, разъезжаясь в разные стороны. Веревки, закрепленные на гарпунах, вышли из воды и натянулись, как струны на тальхárпе. Хуорка слабела, трепыхалась все меньше и меньше. Распятая между тремя кораблями, она уже не сопротивлялась, лишь подергивалась, когда с очередной веревки выбирали слабину.

Флиппи подплыл к хуорке, взметнулся ввысь, как настоящий дельфин, и очутился на спине зверя. Хуорка изогнула длинную шею и сделала попытку прогнать мелкое существо, что царапало ей кожу. Флиппи же бесстрашно пробежал вперед, наотмашь ударил копьём и переливчато присвистнул. От правого драккара отделилась крошечная лодочка на две пары весел и в несколько взмахов приблизилась к туше. Из лодочки выскочил воин, пробежал к голове хуорки, приставил железный кол и одним ударом молота загнал его на всю глубину.

Хуорка в последний раз содрогнулась и беспомощно распласталась на водной глади.

С кораблей Флиппи донеслись победные крики, громко протрубили рога, и я услышал радостные вопли со стороны берега. Там собрались все жители из деревни Олова, чтобы посмотреть на битву.

То, что происходило дальше, заняло больше времени, чем сама охота. Корабли Флиппи медленно отволокли тушу к бе-

регу. Навстречу им от поселения высыпали все уцелевшие лодки. Каждый хотел прикоснуться к трупам твари, что целый год досаждала и не давала людям выйти в море. За веревки ее выволокли на сушу вместе с восседающим на ней Флиппи. Олов торжественно вынес рог с медом, поклонился и вручил его сторхельту. Второй рог преподнесли отцу, как лендерману, что защитил свои земли.

Дельфин, мокрый и соленый, выглядел так, словно сам бог-мореход Нарл вышел из пучины поприветствовать подданных. Широкоплечий, подтянутый, с задубевшими на холодном ветру волосами, еще и рубаха плотно облепила его просторную грудь. И все местные бабы смотрели на него с восхищением. Этой ночью Флиппи точно не будет одиноко.

Олов, Эрлинг и Флиппи обменивались хвалами, Олов громко и обещающе пообещал напоить сегодня всех до упада, отец говорил, что привез некоторые полезные вещи и что направит первых же торговцев сюда, Флиппи спокойно отвечал на вопросы, сказал, что в бухте сейчас не так много рыбы, и кровь может приманить других опасных зверей, потому стоит быть осторожнее. Вдруг появятся крупные хищники?

Десяток топоров врезалось в толстую шкуру хуорки.

– Я отрублю ей голову и сделаю нос для своего корабля, – разгорячено выпалил Олов.

– Не дело это, – возразил Флиппи. – Миринн-рыбак не любит, когда костями морских зверей украшают корабли. Лучше укрась свой дом.

– Так ведь шкурой морских тварей часто обтягивают лодки, а костями укрепляют днища.

– То твари, зимние боги сами сражаются с ними и хвалят тех, кто решается на это. А хуорка – не тварь, всего лишь зверь, как дельфин или кит. К тому ж, она бы и сама ушла отсюда через пять-шесть зим. Она не просто так забилась в эту бухту.

Когда говорил Флиппи, все уважительно замолкали, и потому его слова разносились далеко и были слышны всем.

– А что ж она здесь забыла? – удивился Олов.

– Тяжелая она была, дите носила в животе. Еще полгода-год, и родила бы. Потому так легко ее убить получилось. Обычно хуорки более проворны, в них не так-то просто попасть гарпуном.

Тем временем те, кто разделявал тушу, сумели-таки вспороть брюхо, и оттуда вывалились два мертвых детеныша, у одного была пробита голова, у другого – живот. Потроха тут же забрали бабы, снимаемые пласты кожи оттаскивали в сторону и тут же растягивали на камнях для просушки, мясо, по-видимому, относили на готовку. Соли, как я помнил, в деревне не осталось ни крупинки, и заготавливать впрок мясо тут не могли.

С отцовского драккара выкатили большую бочку.

– Олов, это тебе за верность, терпение и моего сына, – торжественно сказал отец.

– Мы его тут малость в цепях подержали, – Олов почесал

под рыжей бородой, выражая смущение.

– Ничего. Мальцу это пошло на пользу. Только я тебе не пиво привез, а кое-что получше!

Местные вдруг оживились. Олов постучал по бочке и расплылся в улыбке:

– Никак соль?

– Она самая. Раз вас хуорка в черном теле держала целый год, теперь она же вас будет кормить, коли правильно засолили ее мясо.

Понемногу вытаскивали и остальные товары, которые показывались Олову, как главному в деревне, и тут же уносились в дома.

– Мы в долгу не останемся. У нас шкур набралось на целый кнорр. Дикого меда насобирали полно. Зерно неплохо уродилось в этом году, еще немного – и будем убирать.

– Кай! – оглушительно завопила белоголовая девчонка в длинном до пят платье и помчалась с обрыва на берег.

Я расплылся в глупой улыбке, но сразу убрал веселость с лица и нахмурился. Чего это я должен улыбаться каждой мелкой пигалице?

– Кай! Ты приплыл!

Ее глуповатое лицо изменилось. Она округлилась в щечках, стала больше соответствовать своему имени, вечно сонные глаза были широко распахнуты, и вообще вся она ожила, будто гибель семьи пошла ей на пользу.

– Я говорила дядьке Олову, что ты скоро придешь и при-

ведешь подмогу. Я ведь говорила, дядька Олов, говорила? – запрыгала она возле, не замечая моей гримасы.

– Говорила-говорила, – рассмеялся бородач. – Так, Эрлинг, беда же не приходит одна, верно? Вот и у нас, помимо хуорки, завелось еще одно чудовище, языкастое, увертливое, колкое. Может, ты и от него сумеешь нас избавить? К тому ж это чудовище твой сын привел. Она каждый день с утра и до ночи ждала его возвращения, бегала то на берег, то к лесу. Всех девчонок в деревне застрашала, и даже мальчишкам досталось. Всё же неправильно, когда детишки, что под столом, не склоняясь, проходят, получают руну. У них еще и разума нет, а силы хоть отбавляй.

– Это и есть та самая Ингрид, что спаслась из Растранда? – глянул на нее отец. – Что ж, подумаю, что тут можно сделать. Моя Дагней давно о дочке мечтает, может, милостивая Орса в благодарность за эту душу обережет нам ребенка.

Я нахмурился сильнее. После моего рождения мать тяжелела еще несколько раз, но все как-то не складывалось: то скинет ребенка прежде срока, то дите помирало, едва успев на свет появиться. Повитуха говорила, что не будь у мамы второй руны, то и она бы уже давно померла, но божья благодать хранит не только воинов, но и рожениц. Мамиров жрец сказал, что следующий ребенок появится после второго, но станет первым. Если считать, что я уже не дитя, тогда выживший младенец станет единственным. А если родители удочерят Ингрид, тогда и получится, что тот, что в животе матери,

появится после второго ребенка. Хотя я мог напридумывать лишнего, ведь волю богов и слова жрецов простым людям сложно понять.

– Пойдем, Кай, покажу, чему меня тетка Агнета научила. Я теперь и тесто могу замесить, и прясть научилась, а еще я лучше всех жерновки кручу. А еще я доить коз умею. А тетка Агнета сказала, что мою старую тетку надо бить палками за то, что она чуть хорошую девку не сгубила. А теперь я всему выучилась и стану толковой женой.

Отец и сторбашевские воины расхохотались так, что вспугнули птиц, которые клевали ошметки мяса, разлетевшиеся от хуорки.

– Мда, сын, всё как-то не ладится у тебя с бабами, да? То слишком стары, то, наоборот, чересчур молоды. Эх, хороша девчушка. Заберу ее у тебя, Олов, заберу!

Я покраснел, но говорить ничего не стал. Ингрид хоть и получила руну, но ума ей это не прибавило. Что толку на дуру обижаться? Так что я лишь хмыкнул и пошел за девчонкой. Пусть похвастается своими умениями, порадуется.

Глава 14

Второй день празднования победы над хуоркой я не вынес. Ушел в разгар пира, когда воины выпили не по одному рогу хмельного пива. Столы ломились от снеди, и из мясного была лишь эта злосчастная хуорка, чью плоть запекали, жарили, отваривали с репой, замачивали в пиве, выкладывали и огромными кучами, и мелко нарезанными кусочками, плавающими в бульоне. Я заподозрил, что бловцы, раз уж не смогли продать или обменять зерно, дружно заготовили браги, да побольше, чтоб на всю зиму хватило. С каждого двора приволокли по бочонку. И если вчера пили всё подряд, воздавая хвалу Флиппи, Хунору, Эрлингу и их предкам до пятого колена, то сегодня решили сравнить, у кого брага веселее и забористее. К закату все позабыли, с чего начался спор. Я же пить не торопился, помнил, как чуть не опозорился в Сторбаше. В этой деревне я такой славы оставлять не хотел.

Я вышел из гостеприимного дома, вдохнул свежий воздух и тут же скрючился от боли, не в силах выдохнуть.

– Я уже два дня жду, – обвиняюще сказала Ингрид, потирая кулачок. – Обещал посмотреть, что я умею делать, а до сих пор не посмотрел.

– Ты же сама видела. Ребята позвали поговорить, а потом на пир надо было идти.

– Вот теперь пойдём! – она схватила меня за руку и пота-

щила в дом тетки Агнеты. Хватка у нее была недетская.

Не спрашивая ни Агнету, ни дочек-сыновей, Ингрид провела меня в дом, взяла горящее полено из очага и поднесла к столу.

– Видишь, вот эти лепешки я испекла сама. Ешь!

Я провел рукой по переполненному животу, но отказаться не посмел, взял одну лепешку и укусил. Что-то хрустнуло. То ли зуб не выдержал каменной твердости хлеба, то ли корочка все же поддавалась со звуком переломленного ветром дерева. Я осторожно отложил лепешку и потрогал зуб: так и есть, один обломался и больно царапал язык.

– А два дня назад они были мягкими и вкусными! – ничуть не смутившись, заявила Ингрид. – Сам дурак, что так долго шел. А вот тут я соткала полотно, хотела тебе рубаху сшить. А еще вот, – и в меня полетели шерстяные полосатые носки, – под обувь. Ты же все ноги сбил, пока мы шли.

– Ингрид, так не годится встречать гостя! – насупила брови тетка Агнета. – Прибери, выставь угощение, налей ему выпить.

А сама отвела меня вглубь дома, подальше от любопытных ушей Ингрид и других девчонок, усадила на лавку, села рядом, уложила руки на подоле и, вздохнув, заговорила:

– Беда с этой девчонкой. Никакого сладу. Характер как огонь!

– Так вы ж ее и набаловали! В Ра́странде ее не слышно не видно было. Она даже говорила еле-еле, не то, чтобы пе-

речь кому.

– Я тут поговорила с мудрыми людьми, поспрашивала девочку. Нелегкая у нее жизнь была. Мать то ли померла, то ли ушла, а отец не знал, как одному растить девочку, вот и отвез к двоюродной сестре в Ра́странд на воспитание. Уж не знаю, что там да как, но, видать невзлюбила ее тетка, до-сыта не кормила, одежду давала старую да рваную, даже не говорила с ней толком.

Я вспомнил дядю Ове. В ту деревню, кажись, самых нелю-димых да молчаливых отправляли.

– Ингрид совсем дурочкой росла. Ничего не умела, кроме как за козами смотреть, болела часто. Если бы не враги, так бы и померла глупой, до первой крови не дожив. А потом ты заставил ее принести жертву богам, она сразу поздоровела, окрепла, силенок прибавилось, но больше всего у нее в ум ушло. Заметил наверное, что она и говорить стала иначе, и смысленее стала? А рядом был лишь ты, да еще и говорил с ней, заботился, как родные люди не заботились, кормил, грел. Вот она по глупости да по малолетству поставила тебя в один ряд с Фомриром да Хунором. Ты ж не знаешь, но у нее через слово Кай да Кай. «Вот придет Кай, он тебе покажет», «а вот Кай по-другому делал», «Кай лучше всех с топором управляется». Мои дочки тоже кланяться тебе готовы, как божеству какому-то.

Я оглянулся на мелкую, что притащила остальных девок и командовала ими, накрывая на стол.

– Уж скольких я выучила ткать да шить, но так быстро, как Ингрид, никто мое мастерство не перенимал. Она на лету схватывает да еще и вперед забегают. То ли Орса щедро оделила ее своими дарами, то ли благодать божья так легла на ее судьбу. Так я к чему всё это говорю! Не обидь девчонку. Сейчас один ты у нее есть, как лучик солнца среди хмурых туч.

– Да ты, Агнэ́та, почти что скальд! – делано восхитился я. Мало мне почитателей в Сторбаше было, так теперь и Ингрид туда же.

– Скажешь тоже, – рассмеялась она. – Скальд! Переживаю за нее, вот и говорю, не подумавши. Ладно, иди к столу, а то она тебя не черствым хлебом, а скалкой угостит.

Я вернулся, уселся за стол и едва сдержал смех. Ингрид закрутила на голове платок, совсем как замужняя женщина, и хлопотала с серьезным видом, по-хозяйски оглядывала свои владения, то и дело посылала девок принести то другую кружку, то чистой воды сполоснуть руки, то еще чего. И это в ее глупом возрасте! Ох и не завидую я ее мужу.

Лишь только я взял ложку в руку, как она примостилась рядышком и спросила:

– Ну что? Как дела дома? Как отец, мать? Что в Сторбаше творится?

Вокруг нас тихими голубками уселись остальные дети Агнеты, среди которых были и мальчишки, потому я расстался и пересказал, как мог, сражение с огненным червем.

Описал и героев, что приехали на бой, и самого червя, и лютое сражение, и крики погибших, и дележ добычи. Я впервые позавидовал умельцам, что легко слагают висы и песни: меня никогда так внимательно не слушали, замерев и затаив дыхание, боясь пропустить даже словечко. Потом я пересказал и охоту на хуорку. Не все смогли увидеть морское сражение, не все поняли то, что увидели. А я-то был совсем рядышком.

Спать меня уложили прямо в доме Агнеты, накидав шкур и одеяла на широкую лавку.

Воины пировали еще один день. Многие любовно заготовленные бочки с пивом показали дно, а огромная с виду хуорка была обглодана до костей.

Пора возвращаться домой.

Флиппи ушел первым, обнял на прощание отца, Олова, сказал, что вряд ли свидятся, так как он стал сторхельтом, а значит, пришла пора уходить в дальние моря, за славными подвигами и несметными богатствами. Собрал людей и уплыл на трех кораблях.

Мы задержались еще на день. Отец обговорил хозяйственные дела, отказался от дани за этот год, прихватил нескольких молодых воинов, что хотели перебраться в город. И Ингрид... Отец сдержал слово и взял ее с собой.

Пока плыли обратно, я думал, какое все же облегчение, что мы убили хуорку. Не дело, когда на твоих землях и в твоих водах хозяйничает кто-то другой. А потом оглянулся на отца. Тот сидел рядом с кормчим и обсуждал с ним что-то

веселое, борода от ветра растрепалась и то и дело залетала отцу в рот, Ингрид беззастенчиво влезала в разговор, и отец громко смеялся. Он уже год как знал о хуорке и закрытой деревне. Целый год он придумывал способы освободить ее. Это были его люди, его деревня, его владения. Дома он не подавал виду, но, я уверен, не забывал ни на день о беде.

И после этого он хочет, чтобы я стал лендерманом? Может, я и стану, но не здесь и не сейчас. Вот будет у меня сила, которой нет равных, чтобы ни один враг не застал меня врасплох, чтобы ни одна тварь не запугивала моих людей, только тогда я смогу осесть на земле.

На пристани нас уже ждали. Поодаль стоял незнакомый корабль под чужим флагом, я о таких и не слыхивал, в черно-синюю клетку. Кнут нетерпеливо вышагивал туда-сюда по берегу, то и дело кидая взгляд на море. Стоило отцу ступить на причал, как Кнут тут же отвел его в сторону.

– Пошли, мелкая, покажу тебе дом, познакомлю с мамой, – позвал я Ингрид, раз уж отец был занят.

Девчонка легко перепрыгнула на весло, с весла на причал, схватила меня за руку и радостно поскакала вперед.

– Ого, какая у вас пристань большая! Это сколько же кораблей зараз может уместиться? Наверное, два десятка, не меньше. А домов-то сколько! Здесь людей тьма-тьмущая живёт! Как все умещаются? А где столько еды взять, чтобы всех накормить? А тут праздник? Все такие нарядные! Яркие! А блестяшек сколько! А у меня будут блестяшки? А ленты?

Ох, какие ленты красивые!

Я вспомнил Раstrand, где дома выглядели точь-в-точь как их обитатели: серые, покосившиеся, трухлявые, и улыбнулся. После такого и Сторбаш покажется праздником. Хотя во-круг ходили женщины в обычных одеждах: синие сарафаны, желтые ленты. Да, у многих были бусы, а некоторые даже серебряные серьги да браслеты носили. У моей мамы было несколько красивых платьев, а уж украшений отец ей в свое время много подарил.

Мать шла навстречу, встревоженная, а не радостная.

– Где Эрлинг? – спросила она, даже не взглянув на Ингрид.

– С Кнутом говорит. Кто-то важный приплыл?

– Хорошо, – невпопад сказала мать. – Кнут сам все скажет.

Охота прошла удачно?

– Да, Флиппи убил хуорку. Он и впрямь плавает, как дельфин. Прыгнул в воду и ударил прямо в брюхо, а в брюхе, представляешь, двое детенышей. Мы потом вспороли ей живот, и я сам видел их трупы.

Мать побледнела.

– Не хочу слушать. Хватит! А это кто? – заметила она наконец Ингрид.

– Это, мам, Ингрид, та девчонка, что я из Раstrandа вывел. С одной руной, помнишь? Отец сказал, что заберет ее к нам. Ты не думай, – добавил я, глядя в растерянное лицо матери, – она хоть и маленькая, но смышленная. Тетка Агнета

сказала, что Ингрид по хозяйству всё умеет делать. Будет тебе помощницей, когда у тебя живот станет размером с щит. Ну, а ты чего молчишь? – толкнул я Ингрид.

– Доброго здоровьица вам, госпожа! – еле слышно сказала девчонка. – Вы такая красивая, точно кóнунгова жена!

Это верно, мама у меня ого-го какая красивая. Не такая, как Дагна, та словно хищная птица, а другая, внешне мягкая и гладкая, словно лебедушка, но внутри у нее точно меч железный сидит. Никому не сдастся, никому не поклонится.

Мама восторгалась, наклонилась к Ингрид, погладила её по голове и всё же улыбнулась.

– Ты тоже хорошая, вырастешь настоящей красавицей. Правильное имя тебе мать дала. Значит, ты еще и умелица, каких мало? Ну, пойдем, поможешь добрый ужин приготовить, отца и сына накормить с дороги нужно. А ты, Кай, иди к отцу да пригляди за ним.

Вот так меня с порога сразу завернули обратно. Тем временем на пристани все изменилось. С прибывшего корабля сошли люди, первым был старый, но вполне крепкий мужчина с побелевшими бородой и волосами. Я заметил, что носовая фигура корабля не была снята и раззявила клыкастую пасть прямо на наш город. Значит, не с добром пришли!

Седобородый окинул взглядом наших и резким каркающим голосом спросил:

– Кто тут Эрлинг Кровохлёб? Выйди вперед, коли не боишься. Или у тебя рука только на детей поднимается?

Я выхватил топорик и шагнул к старику.

– От старости последний разум потерял? Моего отца зовут Эрлинг, и пока никто не смел обвинять его в трусости.

Тот раскаркался-рассмеялся:

– Отец, говоришь? Значит, будет по чести, если и я его сына убью.

Взлетел в воздух меч и, не успел я уклониться, как он врезался в окованный железом щит: рядом стоял Кнут и прикрывал меня.

– Давно уже не слышал я этого прозвища, – тяжело обронил отец. – Но сына не трожь, не виновен он ни в чем.

– Так и мой сын, мой Ларс, не провинился перед тобой ничем, когда ты его зарубил. Впрочем, я не Кровохлёб, мне детская кровь на руках не нужна. Долгие годы я искал тебя. Хорошо ты спрятался, далеко забился, в самую глушь. Но от правды и мести не уйдешь! Рад бы тебя и во сне убить, и ядом отравить, и стрелу в спину загнать, но согласен и на поединок, хоть и не заслуживаешь ты умереть в бою. Не дело таким, как ты, вставать в дружину Фомрира. Ты должен гнить в земле, служить кормом для червей, стать тем дерьмом, что ты и есть, – старик говорил сначала тихо и даже устало, под конец же речи разозлился.

Я снова рванул к старику, за такие речи и без поединка убить можно, вот только Кнут удержал.

– Ты сбрендил, старик! – выкрикнул я. – Отец в жизни недостойного не делал.

– Умолкни! – рыкнул отец.

На удивление я понял, что он приказывал заткнуться мне, а не глупому старику, что возводил напраслину. Возражать отцу перед лицом врага, а именно так я воспринял седобородого, я не стал.

– Ты пришел отомстить. И я понимаю твои помыслы. На твоём месте я сделал бы то же самое, – отец говорил тяжело, будто задыхался под тяжестью мельничного жернова. – И я не отказываюсь от боя, как не отказывался и раньше, хотя мог бы убить тебя на месте или отдать на потеху Нарлу. Только прошу подумать вот о чем: не ты первый за эти годы нашел меня, и, возможно, потом придут еще, но я стою перед тобой живой, здоровый, со всеми руками и ногами.

– Боги рассудят, на чьей стороне правда, – упрямо сказал седобородый.

– Наши боги привечают не правых, а сильных да удачливых. Моя удача в самой силе: я избавил свои земли сразу от двух тварей: от земной и от морской. В убийстве старика нет славы. Вдруг после твоей смерти удача отвернется от меня?

– Мне нет дела до твоей удачи. А жизнь моя закончилась со смертью Ларса.

– Сейчас солнце уходит за море, негоже в такое время биться. Завтра на рассвете устроим пляску мечей перед лицом Скирира. А сейчас нужно заняться делами.

Отец спокойно повернулся к старику спиной и ушел. Кнут сказал мне, чтобы я тоже убрался подальше от сумасшедше-

го, и последовал за отцом.

Я не стал убирать топорик за пояс.

– Так что, отец убил твоего сына?

Старик вздрогнул, посмотрел на меня и весь ссутулился, скукожился и опустился на землю, положив меч возле себя.

– Твой отец убил многих сыновей, – глухо откликнулся он.

– А расскажи? А то он не любит говорить о своих подвигах и вспоминать былые битвы. Говоришь, ему дали прозвище Кровохлёб? Он был таким лихим бойцом? Или взаправду пил чужую кровь?

Старик поднял лицо к небу и расхохотался. Он хохотал так долго, что в конце концов раскашлялся.

– Кто бы сказал мне прежде, что я буду пересказывать об Эрлинге Кровохлёбе его сыну, я бы не поверил, – сказал он, отдышавшись. – Значит, не гордится Эрлинг своими деяниями, прячет их даже от наследника. Что ж, я не прочь рассказать. А потом скажешь, прав я или нет.

– А какая разница? Даже если ты прав и сумеешь убить отца, я потом убью тебя, – пожал я плечами.

– Силенок не хватит.

– Ты сам сказал: способы разные есть. Ты на наших землях, и корабль твой привязан к нашей пристани.

– И то верно.

Старик ничуть не забеспокоился после моих слов, лишь еще сильнее раскашлялся. Я подозвал крутившегося неподалеку Якоба и попросил принести пива. Если седобородый

будет все время кашлять, то не сможет ничего рассказать.

Старик прикончил кружку одним глотком и начал рассказ.

– В ту пору помер старый кóнунг Зигвард Безухий. Добрый был правитель, славный. В его дружине служили и хельты, и сторхельты, но силой он никого не держал, напротив, помогал своим людям расти, хоть и не так много в наших землях тварей бродит. Детей у него было немало, и каждый нашел дело по сердцу. Взамен Зигварда должен был встать его сын Рагнвальд, в ту пору Беспечным его еще никто не звал. Всем был хорош Рагнвальд: крепкий, как дуб, статный и ладный, как драккар, остроязыкий и отважный. И все были готовы принять его на правление, кроме зятя, мужа сестры. В свое время Зигвард выдал одну из дочерей, белокожую Гунхильду, не за одного из своих хёвдингов или лендерманов, а за пришлого воина, черноголового Карла. Карл пришел сюда с десятком кораблей, воины у него были умелые да высокорунные, никого ниже хускарла. После свадьбы кóнунг выделил им обширные окраинные земли с двумя городами и бесчисленными деревнями, и жили они мирно до самой смерти Зигварда.

– Старик, ты, верно, давно ни с кем не говорил. Мне не нужна история земель. Про отца расскажи.

– Хехехе, Ларс у меня такой же нетерпеливый был. Все бы ему бежать куда-то да сражаться, нет бы послушать тех, кто поумнее да поопытнее. Хорошо, скажу коротко. Карл ре-

шил, что он достойнее Рагнвальда, и пошел войной на родича. Собрал людей со своих земель, часть посадил на корабли и отправил их на стольный град, часть отправил пешком разорять земли и отвлекать войска Рагнвальда. После нескольких поражений Карл выгреб всех рунных, вплоть до мальчишек вроде тебя. Одна-две руны есть? Значит, годится. Отправил их в отдаленные селения, где держал для каких-то целей. Может, думал поднатаскать да и отправить в бой? Кто знает этого черноголового?

Рагнвальд же делал по-другому. В его руках была казна конунга, и он нанимал все свободные отряды, что тогда десятками гуляли по стране, а потом давал им поручения. Дружину твоего отца отправили вычищать дальние деревни. В одной из них были мальчишки, в том числе и мой Ларс. Не выжил никто. Говорят, крови было столько, что Эрлинг вышел из сечи весь красный, тяжело дышал, открывая рот, и чужая кровь стекала по его щекам. Потому и прозвали его Кровохлёбом.

Когда я узнал о смерти сына, начал рыскать по всей стране, искал Эрлинга и его дружину, но они исчезли. И хотя война между Карлом и Рагнвальдом длилась еще год, об Эрлинге никто будто и не слышал. Много лет я мотался по морям и землям, отыскивая всех Эрлингов, о которых проходила молва, но все были не те. Лишь недавно проплывающие мимо торговцы сказали, что у некоего Эрлинга в далеком Сторбаше есть диковинный товар: сердце огненного червя.

Мне оно без надобности, да и не верил я уже, что отыщу следы убийцы моего сына, но снова сел на корабль и отправился в путь.

– А откуда ты понял, что это тот самый Эрлинг?

– В глаза посмотрел.

– Спасибо, старик, за рассказ. Пожелал бы тебе удачи в завтрашнем поединке, так ведь мертвому удача ни к чему.

Я развернулся и пошел домой, выкинув эту историю из головы. Вот же старый дурак! Вместо того, чтобы плавать попусту, лучше бы собрал дружину, стал уважаемым сторхельтом, приплыл к Рагнвальду и потребовал за службу голову врага или хотя бы место, где тот живет.

Глава 15

Отец выглядел сумрачно. Он сидел на лавке, устало опустив плечи, возле него стояла большая кружка с пивом, а мать с Ингрид спрятались за ткацким станком и о чем-то шептались. Рабыни забились в дальний угол и боялись дышать. Отец явно был не в духе.

Проходя мимо стола, я цапнул мягкую свежеевыпеченную лепешку, отхватил от нее изрядный кусок и подошел к отцу.

– Что, теперь, поди, считаешь отца детоубийцей? – нехотя сказал он.

– Нет, с чего бы? – удивился я. – Ты был в своем праве.

– Это почему же?

– Они были рунными. У них было оружие, ведь так?

– Так.

– Они вышли на войну, а значит, уже не дети. Они были воинами и погибли в сражении, пусть даже враг был намного сильнее. Они ушли в дружину к Фомриру. Так чего тут стыдиться? Они сами болваны, если пошли на войну такими слабаками. Их отцы, конечно, вправе мстить за сыновей. Но и ты прав. Неправильно было бы рунному нападать на безрунного! Хотя и тут слабый может одолеть сильного. Фомрир дает шанс каждому.

Отец отхлебнул пива, усмехнулся.

– Надо же, как ты поумнел нынче. Хотел бы я посмотреть,

как ты изменишься после второй руны.

– Я тоже. Вот только на смертный бой мне нарываться как-то не очень хочется. Может, Фомрир дал мне такое условие из-за тебя? Увидел, как ты убиваешься из-за той резни, и сделал так, чтобы я не мог получить силу от убийства слабых?

Отец дернулся так, словно в него молния ударила.

– А ведь ты прав! Этот дурак, Мамиров жрец, только зазря пальцы поотрубал. Впрочем, может, он и не слышал этой истории. Раз мой сын уже пострадал из-за моей глупости, то мне и впрямь нечего стыдиться. Убью этого старика со спокойным сердцем! Пусть отыщет сына в дружине Фомрира и будет счастлив.

На том и порешили. Женщины повыползали из укрытий, защebetали, мать впихнула в руки миску с похлебкой, Ингрид, разряженная, как дочь конунга, похвасталась новыми лентами и первыми побрякушками, которые подарила ей мать. И в доме стало хорошо и весело, как не всегда бывало.

Наутро отец надел любимую куртку с железными пластинами, старый шлем, плотно накрутил обмотки на ноги, вместо топора взял меч. Я тащил за ним тяжелый щит. Многие уже собрались на площади в центре Сторбаша, и старик тоже был там. Он завязал в узел седые волосы, заплел бороду в две косицы и надел чистую рубаху. На нем доспехов не было, лишь добрый меч держал он в руках. От щита отказался.

– Я прошу божьего поединка, потому сражаться буду без

защиты,неважно,на теле или в руке, – сказал седобородый.

Отец мрачно глянул.

– Если за долгие годы не нажил ни кольчуги, ни щита, так нечего и других к тому же принуждать.

– Я просил поединок. Я не ставлю условия.

– Да тебя я и без лишних железок убью, – рявкнул отец, скинув и куртку, и шлем.

Щит так и остался у меня в руках.

– Скирир, отец наш всевидящий! Не победы прошу я, а справедливости. Ты видел смерть моего сына...

– Если твое горе столь велико, тебе стоит присоединиться к сыну.

– Я не хочу возводить хулу на убийцу сына. Не по нраву мне, если назову тебя трусом или хромой кобылой. Ты сильный воин. Ларс погиб от руки сильного воина, – величественно сказал старик.

А я заскучал. Самое интересное в поединке – это его начало, когда бойцы перебрасываются оскорблениями. Порой так смешно получается, что живот можно надорвать. Теперь я хотел, чтобы отец побыстрее убил старика. Как можно быть таким скучным?

Они сошлись в центре площадки. Первым ударил старик, но отец отшатнулся, и меч прошел мимо. Как, впрочем, и в следующий раз, а потом еще и еще. Отец отступал, и с каждым ударом седобородый ярился сильнее, его удары становились быстрее, точнее и всё ближе подбирались к незащи-

щенной плоти, пока со звоном и искрами мечи не столкнулись и не замерли. Сила против силы, ярость против воли. И ярость проигрывала.

Когда меч почти коснулся лица старика, тот вдруг схватился левой рукой за лезвие своего меча и с силой оттолкнул отца. Брызнула первая кровь. По мечу старика струилась его собственная кровь, а по мечу отца – его. После толчка он не удержал меч, и лезвие едва не разрубило ему ключицу.

Несколько ударов сердца они стояли неподвижно. А потом в наступление рванул отец, меня словно оглушило молотом Скирира и с каждым ударом больше вдавливало в землю. Значит, отец так же мог высвободить свою силу, как и Флиппи Дельфин. Но старик держался хорошо – ни один удар не коснулся его тела. Лязг мечей слился в сплошное гудение и скрежет металла. Вот уж поистине пляска мечей! Вдруг – влажный хруст разрушаемого мяса и кости. Отец отступил на два шага, а рука старика, еще сжимающая рукоять меча, упала на землю, орошая всё вокруг дымящейся кровью.

– Хватит! Ты проиграл поединок.

– Я еще не умер, – сказал седобородый.

Он опустился на одно колено, неловко разжал пальцы на отрубленной руке и подобрал меч левой рукой. После чего выпрямился и медленно пошел на отца. Кровь уже не хлестала сплошным потоком, а тяжело струилась по его одежде и телу. Теперь старик не казался скучным. О таком бое мож-

но рассказывать даже внукам!

Несмотря на ужасающую рану, старик продолжил нападать, хотя его движения были медленными, предсказуемыми и неуклюжими. Отец небрежно уклонялся от ударов и не атаковал, до тех пор пока не уверился, что нужный момент наступил. Мощный удар наискось должен был развалить старика от плеча до пояса, но невероятным движением тот сумел уйти из-под удара. Почти. Меч врезался в его бедро и уперся в кость. Старик устоял, качнулся, проговорил:

– Ларс, я иду к тебе.

И умер.

Тело рухнуло, лишь когда отец вытащил свой меч. Пусть старик был слабым, бестолковым и занудным, но умер он, как герой из легенд, стоя. Это замечательная смерть! И все собравшиеся согласились с этим, простившись с душой старика радостными криками.

Отец, не замечая раны, громко выкрикнул:

– Это достойная смерть! Я справлю похороны, как родичу.

Лишь после того, как унесли тело старика вместе с отрубленной рукой, он согласился залечить и свою рану. Зеленая бабка пришла к нам с кривыми иглами и шелковыми нитями, промыла и зашила порез. Мама собрала стол для справления тризны по погибшему. Предстояло много хлопот, но все они были радостными, ведь умер не отец, а его соперник, к тому же преотличный, да и мстить за него никто не будет. На всякий случай и по совету Мамирова жреца мы озаботились за-

щитой: чтобы старик не встал из могилы. Эмануэль выбрал большой плоский камень, нанес на него оберегающие руны, а потом мы положили его на лицо старика надписью вниз. Так и похоронили. Отец предложил было заменить камень доской или бревном, но Эмануэль сказал, что дерево со временем сгниет вместе с рунами, и тогда старик может выйти из могилы и попытаться отомстить внукам.

Тогда никто не задумался, почему у человека, который всю жизнь искал мести, не оказалось даже плохонькой защиты? Чем он заплатил команде корабля, что его привез сюда? И что вообще за люди согласились плыть в Сторбаш ради одного человека?

Их хёвдинг, когда узнал о последствиях поединка, сказал, что обиды не таит.

– Я хочу стать самым сильным торговцем в здешних морях, – сказал полноватый мужик с длинными до пояса волосами. – Вот и плаваю от города к городу, от деревни к деревне, разузнаю, кто чем живет и что может предложить. Ещё рисую карты. А заодно беру людей за плату и довожу их до места. Надеюсь, тот человек не причинил вам бед, и вы не будете злиться на лошадь, что его доставила.

Впрочем, людей своих торговец в город не пускал, везде ходил сам да беседовал со здешними жителями, договаривался насчет будущих товаров, спрашивал, что они хотят купить и чем могут платить.

После похорон жизнь в Сторбаше потекла, как и прежде.

Неспешно достраивали стену позади города. Мама возилась с Ингрид и все больше привязывалась к ней, часто укладывала возле себя. А девчонка быстро научилась командовать рабынями, подралась с соседскими мальчишками того же возраста и доказала свою силу. Я так же ходил на утренние бои с Дагом.

И однажды, когда я возвращался с полянки домой, уставший и измотанный, случилось то, чего мы так опасались, но подзабыли за последними событиями.

Даг убежал вперед, он должен был с Кнудом обсудить предстоящее плавание отца к конунгу Рагнвальду. Тот собирал лендерманов, желая обсудить новые законы и планы на будущий год. Отец сразу сказал, что меня брать с собой не будет, так как туда точно приедет ярл Скирре, отец убитого мной Рбальда. Хоть нападения и сражения во время тинга запрещены, кроме тех, что одобрил сам конунг, но отец посчитал, что Скирре может и тайком навредить мне.

Я же плелся медленно, подсчитывая, сколько в этот раз наставил синяков бывший друг. Пару раз я все же сумел его подловить, и это уже выходило неплохо. Я знал, что на поединок мужчина может вызвать лишь воина своего ранга, то есть карл может вызвать только карла, хускарл – хускарла, а хельт – хельта. Вот только я сейчас слабый карл, всего на первой руне, и против пятой руны я все равно что лучинка супротив огня.

Сзади слышался шум, я резко обернулся, выхватил то-

порик и свалился от удара по голове. Зазвучали голоса, но я уже не мог разобрать, о чем они говорят. Перед глазами все поплыло, и я вырубился.

Мягкое поскрипывание дерева. Размеренный плеск волн. Удары весел о воду. Веселые перекрикивания гребцов. Видимо, они не усердствовали, раз у них хватало дыхания на болтовню. Сильно болела голова. Мутило то ли от качки, то ли после удара. Я перевернулся на бок и выблевал остатки завтрака с желтой пеной.

– Эй, смотри, куда блюешь! Тут и борт недалеко, дополз бы сначала, – возмутился кто-то.

Я поднял голову, с трудом собрал глаза в кучу и рассмотрел полноватого мужчину с жидкими длинными волосами, которые свисали ниже плеч.

Он радостно продолжил:

– А ты говорил, что не очухается. Видишь, очухался. И даже палубу запачкал. Так, парень, ты особо не разлеживайся. Придешь в себя, и давай на весла. Мы тебя просто так возить не нанимались. Хотя нет, как раз на это и нанимались, – и расхохотался, отбрасывая прядь волос, что упала ему на лицо.

– Я к вам и не просился, – пробормотал я, отполз в сторону от вонючей лужи и перевернулся на спину.

На мачте развевался флаг в черно-синюю клетку, который показался знакомым. Я призадумался, а потом вспомнил: это был тот самый корабль, который привез мстителя.

Торговцы.

– А что, вы и свободными людьми торгуете?

– Свобода – она до поры до времени. Вот только что ты был свободным, а потом глядь – и уже никчемный раб без воли и без удачи, – длинноволосый явно любил потрепаться.

– Ты мою удачу не считай, – я замолчал, соображая, какие слова меня зацепили. – Так на что вы нанимались? Если поплавать, так можно было просто позвать, я люблю море.

Вроде бы этот волосатик был на четвертой руне. Остальные же на корабле были послабже: двух- или трехрунные. Для торговцев это нормально. Если торговец будет хускарлом или хельтом, его могут и не впустить в деревню из опаски. И людей обычно много на кноррах не держат, редко больше двух десятков, особенно если грузы возить, а не попутчиков.

Я оглянулся и не увидел берега. Хотя даже если бы и увидел, пловец от шестивесельного корабля уплыть не сможет, да и стрелами истыкать плывущего проще простого.

– Куда плывете? Кто вас нанял? – с каждым вздохом я чувствовал себя лучше и лучше. Проверил – пояса с кошельком и оружием на мне не было.

– Раз не догадываешься, значит, и знать тебе не надо, – хмыкнул длинноволосый. – Отдохнул – и ладно. Иди погребь, разомни косточки.

Собственно, я догадывался, к кому меня везут. Тóркель Мачта. Я глянул на воду и подумал, что умереть от стрел –

не такая уж и плохая смерть. Вот только я служил при жизни Фомриру, хоть и не успел сделать многого, и не хотел после смерти быть в свите Нарла-морехода. Потому решил погодить. Вот ступлю на землю, там придумаю, что делать дальше.

Я быстро стер ладони о весла и с каждым гребком кривился от боли. Сначала я пытался заговорить с соседями, но скоро мог думать только о тяжеленном весле, своей спине и сукровице, что измазала дерево. Никогда! Ни в коем случае мне нельзя тонуть. Только не смерть в море, чтобы не грести вечность на тысячевесельном корабле Нарла.

Наклон вперед, потянуться всем телом, упереть ноги в бревно, рвануть весло на себя: сильно, но мягко. Краткая передышка. Наклон вперед. Рывок. Передышка. Наклон вперед.

Хорошо, что удача все еще была со мной. Некоторые мнили, что она держится за их оружие, другие думали, что удача цепляется за волосы или бороду и никогда их не брили. Отец полагал, что его удача – в топоре, том самом, который он дал мне для принесения первой жертвы, и я надеялся, что не спугнул ее. Я какое-то время считал, что удача лежит на том свиноколе и даже недолго таскал его с собой, но, добравшись до Сторбаша, бросил где-то в доме, там его нашли слуги, отчистили от крови и ржавчины, и свинокол стал выглядеть обычно. Я уже не мог отличить его от других свиноколов и перестал носить. Потому я решил, что удача не может

лежать на оружии или чем-то таком, что легко потерять. Бороду могли отрезать в знак бесчестья или в насмешку, топорик с ножом у меня уже отобрали, одежду также могут снять. Но я-то останусь прежним! Моя кровь будет во мне.

Итак, удача не оставила меня, и вскоре поднялся попутный ветер, который наполнил парус и понес корабль так скоро, что мы отложили весла. У отцовского драккара парус в два раза больше, чем этот, так что он сможет догнать похитителей.

Когда солнце ушло далеко на запад и уже собиралось омыть бок в багряной воде, мы пристали к берегу, вдоль которого шли какое-то время. В крупные бухты волосатик заходить не стал, не желая светить добычу. А эта бухточка была совсем крошечной, ее окружали со всех сторон крутые скалы, вздымаясь на десятки ростов. Я любил такие места. Здесь я ярче всего понимал, что человек – всего лишь мелкая букашка перед богами. Но сейчас это было очень некстати.

– Даже не знаю, стоит ли тебя связывать. Не похоже, что ты умеешь лазать по скалам, как муха, или плавать, как рыба, – сказал длинноволосый, когда почти вся команда сошла на берег.

Кто-то разложил огонь, запахло жареным мясом.

– Я Кай, сын Эрлинга. Вряд ли твое имя достаточно прославлено, чтобы я его слышал прежде, но, может, все же назовешься?

Я устало плюхнулся на галечный берег и вытянулся во

весь рост, с наслаждением ощущая, как перекатываются камешки под натруженной спиной.

– И то верно. Меня знают как Тóре Длинный Волос.

Смотри-ка, я почти угадал.

– А, кажется, я видел твоего отца, когда возвращался из Растранда в Сторбаш. Столкнулся с ним случайно в одном овраге. Здоровенный такой кабан.

Торе беззлобно рассмеялся.

– Ты ошибся. Если бы то был мой отец, ты бы из того оврага не выбрался. Может, со своим отцом спутал?

Мне понравился этот Торе. Неплохой мужик, видимо. Команда его слушается, но без страха, из уважения.

– Слушай, Торе Длинный Волос. Вас же наняли привезти меня? Думаю, что это был Торкель Мачта. Ты же видел Сторбаш, видел отца, слышал рассказ того старика и знаешь, на что способен Эрлинг Кровохлеб. Так зачем тебе куда-то плыть? Верни меня обратно, и отец отблагодарит – не хуже, чем Торкель, а то и больше заплатит. Ты закупишь товар и станешь настоящим торговцем. С другой стороны, держать Эрлинга во врагах крайне накладно. Он будет искать меня повсюду. Скоро будет тинг у конунга. Неужели хочешь, чтобы тебя ославили по всем северным морям, как похитителя свободных людей?

– Говоришь вроде разумно, – кивнул Торе. – Вот только забываешь кое-что. Если сравнить Торкеля и Эрлинга, тогда ты прав. А если сравнивать Эрлинга и ярле Скíрре, тогда

расклад меняется. Торкель сказал, что если привезем тебя, тогда Скирре простит его ошибку, и меня вместе с командой примут на службу в Тургár. А платят там очень щедро, хватит и на жену, и на дом.

– Выбираешь дружбу Пивохлёба вместо Кровохлёба? Ты делаешь ошибку, Торе.

– Эрлинг уже лет пятнадцать как отошел от сражений. Он уже не тот, что раньше. Если бы он просто убил старика, а не рубил ему руки и ноги, я бы еще задумался. Но он размяк возле своей красивой жены.

После Торе замолчал. Меня накормили, напоили, отвели до ветру, а перед сном стянули руки-ноги ремнями. Жаль. Я бы все же проверил эти скалы на неприступность. Если даже сорвался бы, тогда у меня был бы шанс попасть к Фомриру в дружину.

Глава 16

Ветер – это дыхание ужасной морской твари по имени Хьйóлкег, поверженной музыкой Свáльди.

Вскоре все затихло. Потрескивали затухающие костры, поскрипывала галька под ногами воина, оставшегося на страже, мирно плескало море, убаюкивая, точно в колыбели. Где-то высоко попискивали во сне птицы, устроившись в удобных гнездышках прямо в трещинах скал, да посвистывал ветер, выдуваемый тремя из девятнадцати ноздрей Хьйóлкега. Но я толком и не слышал этого за могучим храпом спящих вокруг мужчин.

На небе высыпали звезды. Я нечасто смотрел наверх, лишь в детстве отец вечерами выводил меня на улицу и рассказывал, как определять стороны света по ночному небу, чтобы не заплутать в море. Хотя мало кто плавает после захода солнца. Да и зачем, если проще пристать к какому-нибудь берегу и переночевать там? Мало ли куда заведет ночная дорога? Морские твари охотятся и ночью, и днем, но днем их хотя бы можно разглядеть. Поэтому почти на каждом корабле есть смотрящий в воду, который сидит на мачте. И его задача – не высматривать землю или другие суда, а именно глядеть в морскую пучину, пастбище Нарла¹, и вы-

¹ Пастбище Нарла – иносказательно – море.

глядывать его стада – морских тварей. В песнях часто говорится о том, «как мелькнула в пенном поле² сумрачная тень, пожиратель коня паруса³, вебрь прибоя⁴, как вскинул дракон моря⁵ крыло змея⁶, как взметнулись ясени битвы⁷, и началась любимая песнь Фомрира⁸». А ночью как можно что-то разглядеть? Много доблестных воинов сгинуло безвестно. Наши воды считались спокойными, тех же хуорок редко встретишь. Хуорки были бы и вовсе безобидными, если бы не путали корабли с китятами.

Руки в путах начали затекать. Ремни наложили умело: выбраться я не мог, но и кровь в кистях не застаивалась. Я пошевелил пальцами, сжал кулаки, почувствовал, как треснули заживающие мозоли, вновь потекла сукровица. И тут мне пришла в голову одна мысль: а что, если...

Руки мне стянули спереди, зубами ремни за ночь все равно не перегрызть, ножом и то пилить долго придется. Кожа на ремнях сухая, старая. Я вывернул руки так, чтобы сукровица потекла прямо к путам, и поскреб ногтями по ранам. Я не рассчитывал, что такая малость размягчит кожу до такой

² Пенное поле – иносказательно – море.

³ Конь паруса – иносказательно – корабль, пожиратель корабля – морская тварь.

⁴ Вебрь прибоя – иносказательно – морская тварь.

⁵ Дракон моря – иносказательно – корабль.

⁶ Крыло змея – иносказательно – парус.

⁷ Ясень битвы – иносказательно – копье.

⁸ Песнь Фомрира – иносказательно – битва.

степени, чтобы ремни растянулись, для этого нужно было бы подползти к морю и засунуть их туда на часок-другой хоть сколь-нибудь долгий срок, но если я размочу хотя бы некоторые участки и смогу вытащить одну руку, тогда я освобожусь от пут.

Я провозился немало времени, прежде чем понял тщетность этого занятия. Ладони горели огнем, а из достижений было лишь то, что я вдобавок стер кожу на запястьях. Теперь мне казалось, что я мог постараться на веслах и посильнее, тогда мозолей было бы побольше. Я уже и плевать пробовал, пока в горле не пересохло окончательно, и слюней совсем не осталось. Тогда я опустил руки вниз, осторожно завозился, приспуская штаны. Там-то жидкости побольше будет. Прицелился, несколько раз проверил положение ремней и не только, напрягся и... чуть не взвыл от боли. Моча, попав на раны, ожгла их огнем. Резкий запах быстро смело ветром с моря. Я покрутил руками, поднапрягся, растягивая ремень, и потихоньку-полегоньку сумел вытащить одну кисть. По ощущениям вместе с кожей. Скинул путы, потянулся к ногам и на ощупь, не спеша, развязал ремень вокруг щиколоток. Покрутил руками и ногами, разгоняя скованность в суставах. Я не был уверен, что смогу достаточно крепко сжать нож, но готов был проверить это на деле.

Все спали, а мои шебуршения за храпом расслышать было невозможно. Сторож сидел спиной к костру и смотрел в сторону моря. Может, спал.

Лезть на скалы? Это всегда успеется. Сначала я хотел забрать несколько жизней. Негоже к Фомриру идти без подарка.

Я огляделся. Рядом лежали двое, закутанные в одеяла по самые уши. Оружие они держали там же, под одеялами. Не вытащить. А ползти по мелким камушкам – все равно, что бить в бодрán: услышат все. Впрочем, я хотел попробовать. Перекатился к ближайшему, заглянул ему в лицо. Спит. Обычный парень, молодой, не больше двух десятков зим. И две руны за плечами. Таких и в Сторбаше полно. Но, взяв в руки оружие, каждый должен быть готов умереть в любой момент. Так почему бы и не сейчас?

Я взмолился Фомриру о том, чтобы этот парень не оказался левшой, запустил руку под ткань, нащупал нож с правой стороны, резко рванул и воткнул несколько раз ему в грудь. Он успел лишь раскрыть глаза, судорожно вдохнуть и что-то просипеть. Лежащий неподалеку что-то почувствовал, приподнялся на локте и только собрался что-то сказать, как я одним прыжком перенесся к нему и полоснул по горлу.

Сторожевой вскинулся, обернулся, закричал, подняв остальных. Но я уже несся в сторону скалы, схватил нож в зубы и, сам не знаю как, взлетел наверх. Потом запал поутих. И я обнаружил себя, цепляющимся за трещины в скале, с ножом в зубах.

Преследователи подкинули дрова в костры, огонь взметнулся, освещая крошечную бухточку и людей внизу. И я по-

нял, что поднялся не так высоко, как хотелось бы: всего на три-четыре роста. И тут меня накрыло. В животе вспыхнуло пожарище, окатило огнем и холодом, застонали кости, зашевелились мышцы. Ободранную кожу на ладонях стянуло, и возникло мерзкое ощущение, будто там копошились черви. Впрочем, через несколько вздохов оно исчезло. Уставшая за день спина распрямилась, плечи налились новой силой. Даже пальцы, которые соскальзывали с неровных уступов, окрепли и впились в камень. Я едва не расхохотался, лишь нож, стиснутый в зубах, помешал этому. Хвала великому Фомриру, что даровал новую благодать и вознес меня на ступень выше! Посчитал ли он это за смертный бой? Или ему было достаточно того, что убитый враг сильнее меня?

– Эй, Эрлингссон! – крикнули снизу. – Гляжу, ты малый не промах. Убил двух моих людей. Спящих. Думаешь, это достойный поступок для мужчины?

Я проверил прочность опоры, быстро перехватил нож одной рукой и засунул его за подвязку штанов. Лезвие, правда, упиралось в бедро, но это было лучше, чем остаться вовсе безоружным.

– Это ты, Торе?

– Я.

– Я мало что понимаю в достоинстве. Зато я видел, как подлые наемники притворились торговцами, вошли в город, украли свободного человека, подкараулив его уставшего, к тому же низкорунного. И все для чего? Чтобы продать за се-

ребро не менее подлomu Торкелю, вырезателю старух, уни-
чтожителю деревень, пастуху щенков. Что по сравнению с
этим мой поступок?

– Как теперь смотреть в глаза их матерям? – продолжал
стыдить Торе. – Как сказать, что они умерли сонными и не
попали на службу Фомриру?

– Так же, как ты обещал славу и богатство, забирая их
сыновей на нечестное дело.

Длинный Волос помолчал, понял, что пристыдить меня
не получится, и завел новую речь:

– Недалеко ты поднялся. До тебя не то, что копье или стре-
ла – любой камень долетит. Спускайся подобру-поздорову, а
то сорвешься, сломаешь спину.

– И то верно. Торкель Мачта может и огорчиться. В чем
радость пытать калечного? – крикнул я, подтянулся и про-
полз немного выше.

Сейчас я не хотел умирать ни за что на свете. Я получил
вторую руну! Я здоров и силен. Почему бы не подняться на-
верх и не удрать по суше? Мне не привыкать бегать по незна-
комым лесам.

Рядом с головой ударился камень, осыпав лицо мелкой
крошкой.

– Эрлингссон, мои парни могут сбить чайку на лету. Если
не хочешь умереть под камнями, слезай.

Я полез еще быстрее, рискуя сорваться. Следующий ка-
мень прилетел уже в спину. Я охнул, но даже не оглянулся.

Шорох. Я еле успел отдернуть руку, как туда врезался еще один булыжник. Несмотря на яркий огонь, костры не могли осветить всю скалу, и мне оставалось совсем немного до границы спасительной тьмы.

Сосредоточившись на подъеме, я не сразу заметил, что внизу все переменилось. Лишь после того, как лязгнуло металлом и раздался крик умирающего, я посмотрел в бухту. Из темноты со стороны моря выскальзывали тени и резали людей Торе. Те, ослепленные светом, отмахивались вслепую и гибли на месте. Некоторые даже оружие вытащить не успели, так как собирали камни для меня.

На свет вышел высокий мужчина. Сначала показалось, что старик, так как его волосы были очень светлыми, почти белыми, зато аккуратно подрубленная борода оставалась темной. К тому времени в живых остался один Торе. Он держал меч и щит, всматриваясь в пришедшего.

– Это ты, Альрик Беззащитный? – спросил он. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Догадываюсь, – ответил пришедший. Его голос прозвучал неожиданно молодо. – Как тесен мир и как мал океан, раз мы снова свиделись за такой короткий срок.

– Ты следил за мной.

– Я следовал велению сердца и души. Поверь, не только мое сердце, но и прочие внутренности рвались к тебе. Не иначе, как сам Нарл подталкивал мой корабль.

Торе оглядел трупы своих людей и с горечью сказал:

– Зачем убивать всех? Вызвал бы меня на хольмганг, как и подобает честным людям.

– Так то честные люди. А разве ты считаешь себя таковым, коль украл нашу работу? Честные люди поглядели да решили, что раз мой хирд не подходит Торкелю, так и вовсе не годится ни для какого дела.

– Мой корабль лучше подходил.

– Да? – развел руками Альрик. – С чего бы? У меня та же четвертая руна, мои люди так же умеют обращаться с оружием, а мое судно столь же быстроходное. Неужто я бы не справился с доставкой одного несчастного старика? Нет, я считаю, что ты либо цену взял слишком маленькую, чтобы втереться в доверие, либо еще и приплатил. А это несправедливая игра. Я расстроился. Впрочем, я и не предполагал, что управлюсь так легко. Ни один мой человек не погиб и даже не ранен, плюс я обзавелся новым корабликом. Удачно Мамір напустил безумие на того малого.

– Я не безумец! – крикнул я. – Они меня похитили. И двоих убил я. Их оружие – мои трофеи.

– Вона как! – удивился Альрик. – Слыхал я о том, что похищают девиц или рабов. Но не слыхал, чтобы раб поднял руку на воина.

– Я не раб! Я свободный человек, карл! Мое имя Кай, сын Эрлинга, который известен под прозвищем Кровохлёб.

К тому времени всех убитых оттащили в сторону и сложили кучей, сняв с них мечи, топоры, кольчуги и всю броню.

Только Торе стоял, за одну ночь лишившись всего. Я спускаться не торопился. Вдруг этот Альрик захочет довести работу Торе до конца, доставив меня Торкелю?

– Вот теперь не знаю, что и сказать, – негромко сказал Беззащитный, обращаясь к своим людям. – Судя по всему, Торе, я должен принести тебе извинения. Теперь понимаю, почему Торкель выбрал твой хирд. Я бы никогда не согласился похитить карла. Я слышал о Мачте прежде. Не думаю, что он попросил доставить мальчишку, чтобы жениться на нем, да и в рабах нынче нет недостатка, а значит, он хотел его наказать за что-то. Или подарить кому-то. В храбрости Торкелю не откажешь. Получается, Эрлинг Кровохлеб знает его в лицо и знает, что Мачта хочет украсть его сына. Поэтому Торкель и подобрал наемников для грязной работы.

– Твои извинения ни к чему. Воинов они не вернут.

– Да я и не собирался извиняться. Я зря сердился на тебя из-за украденной работы, но прощать похищение свободного человека не стану. Эрлингссон, спускайся. Тебе не причинят вреда, даю слово, а слово Альрика Беззащитного крепко, как сталь. Если отец будет рад тебя видеть, могу доставить обратно.

– Хорошо! – и я начал спускаться.

Костер уже затих, освещая небольшую полосу, так что я ничего не видел. Ощупывал каждый выступ и каждую щель, проверял их на прочность и лишь потом переносил туда вес. Когда до подножия осталось совсем ничего, я все равно не

стал спрыгивать. И только почувствовав твердую и, главное, ровную, землю под ногами, я разжал пальцы, схватил нож и осторожно обошел Торе.

Альрик не был седым. Его лицо было гладким и свежим, видимо, он осветлял волосы щелоком, поэтому они были желтовато-белыми, а бороду не трогал. При этом он не носил ни шлема, ни кольчуги, даже жилета или толстой куртки не было. Простая шерстяная рубаха поверх льняной, широкий пояс, – вот и вся его защита.

– Ого, двурунный! – весело приветствовал меня Альрик. – А ведь совсем еще мальчишка.

Торе выругался под нос. Он знал, как я получил вторую руну.

– Хоть твоих людей вырезали ночью, тебя, Торе Длинный Волос, я убью утром, под ярким солнцем, чтобы боги не думали, что Альрик не чтит законов. Пока же ложись спать. Клянусь, ни один человек тебя не тронет, если не нападешь первым. Утром сможешь отомстить. Или хотя бы попытаешься.

Я с любопытством посмотрел на Торе. Теперь он, по сути, оказался в моей шкуре. Вокруг него было примерно столько же врагов, тот же берег, то же море и те же скалы. Правда, по голове его никто не бил и меча не отнимал. Он мог наброситься на Альрика или его людей, чтобы добраться до моря. Мог развернуться и полезть по склону. Мог попробовать откупиться или отговориться. Но он выбрал сдаться.

– Согласен. Утром проверим, кому из нас благоволит Фомрир. Но если я одержу верх, отпустят ли меня твои люди?

После этих слов я утратил остатки уважения к этому человеку, поэтому отвернулся и пошел искать своих мертвецов. В хирде Альрика были только молодые мужчины, они прожили немногим больше двадцати зим или чуть меньше. Двое или трое были едва старше меня. Не было никого ниже двух рун, хотя и до третьей добрались немногие, и те, как я понял, получили ее только этой ночью.

Меня весело приветствовали. Один парень даже поблагодарил:

– Если бы ты не поднял такую бучу, мы бы так легко не отделались. Надо же, заставил их разжечь костер и смотреть в обратную сторону от моря! Даже сам Мамир не сумел бы повернуть такой трюк.

Угрюмый мужчина со шрамом на лбу, дальний конец которого уходил к затылку через всю голову, отдал топорик, меч, два ножа, два кошелья, самодельные клепаные шапки из толстой кожи да длиннополую куртку без рукавов, сшитую широкими стежками. Такая не защитит ни шею, ни рук, зато не стеснит движений.

– Я как знал, сразу отложил всё в сторону. Подумал, раз не мы их убили, так не нам и вещи брать.

– А если б я помер? – уточнил я, примеряя безрукавную куртку.

– Продали бы и поделили на всех.

– И то правда.

После чего я нашел место неподалеку от пыхающего теплом костра и уснул.

Разбудил меня косоглазый парень. Я первый раз увидел такого: один глаз смотрит прямо, а другой глядит в сторону. Интересно, как он стреляет из лука? Куда летит его стрела – по правому глазу или по левому?

– Пойдем. Пропустишь поединок. Как тебя там?

– Кай. Сын Эрлинга.

– Ага, а меня зовут Энок. Прозвища еще нет, но многие кличут Косым.

Площадку для поединка уже расчистили, убрали крупные камни. Торе стоял мрачный, с длинным мечом в одной руке и тяжелым на вид щитом в другой. Шлем, кольчуга, железные пластины на плечах. А напротив него приплясывал Альрик в том же, в чем был ночью, то есть без доспехов и щита.

– А чего это ваш хёвдинг щит не берет? Или он двурукий бой знает? – спросил я у Косого.

– Да нет. Это Фомрир его отметил. Если Альрик бьется без защиты, тогда у него и благодать растет, и руны прибавляются. А стоит лишь взять плохонький щит или там толстую куртку, так всё. Хоть сотню тварей поубивай, а ни капли силы не прибавится. Потому он и Беззащитный.

– А зимой как же?

– Зимой не так часто драться приходится. Альрик гово-

рит, что в хорошей драке не замерзнешь, а ради плохой и раздеваться не стоит.

– И то верно. У меня тоже есть условие, только я его еще не понял. Думал, что должен убивать лишь в смертельном бою, а сейчас получил руну за убийство спящих.

– Альрик умеет угадывать желания богов, особенно Фом-рира. Поговори с ним потом.

Тем временем поединщики начали обмениваться колкостями, и мы с Косым замолчали. Я заметил, что хирд Альрика высоко ценил своего хёвдинга.

– Тебе щит руку не оттягивает? Кольчуга не давит? А меч сможешь поднять выше пояса в таких-то наплечниках? – смеялся Беззащитный. – Уж извини, что я не нацепляю на себя железо. Не хочу ползать, как каменная черепаха.

Торе закрылся щитом от колен до шеи, втянул голову. И правда походил на черепаху. Я даже на мгновение подумал, что без доспехов на самом деле лучше, хотя прекрасно понимал, что это не так: любой порез, случайная стрела, малый женский нож, – и ты труп. Да, в доспехах ты не так быстр, но чем больше рун, тем меньше это заметно, а вот кожа с ростом силы почему-то толще не становится.

– Сегодня за меня будет говорить меч, – мрачно буркнул Торе.

– Да будет так, – откликнулся Альрик.

Насколько я понимал, это не был хольмганг с его жесткими правилами. Не расстелены плащи, нет воззвания к богам.

А значит, допускались любые удары, даже самые коварные.

Бой начался с быстрого обмена ударами, меч Альрика дважды прозвенел по оковке щита и отвёл клинок Торе небрежным движением. На несколько мгновений хёвдинги замерли, а потом Альрик начал заходить справа. Слева, если смотреть от Торе. Странно, обычно стараются зайти со стороны, не прикрытой щитом, но, видимо, у Альрика был свой план.

– Слушай, – шепнул я Косому, – если он всегда без доспехов, то как он справляется в большой сече или в морском бою? Там же стрелы летают только так! Без щита не выжить.

– Он же не дурак, – шепнул в ответ Энок. – У Альрика свой щит на корабле. Это только в поединках или при охоте на зверей он доспехи не надевает.

– А-а-а, – протянул я.

Так все стало гораздо понятнее.

Торе не спускал глаз с выписывающего ломаные круги меча соперника и поворачивался вслед за его шагами, прикрываясь щитом, меч подрагивал в руке, готовый змеиным жалом выскочить из-под прикрытия досок и железа. На миг Альрик остановился, и Торе бросился в атаку. Все закончилось быстрее, чем я смог это понять: Беззащитный шагнул навстречу врагу, его меч блеснул молнией, отскочил от щита, одним движением отвел лезвие врага и подрубил открытое колено. Торе упал, Альрик шагнул к нему, наступил на вражеский меч и ткнул клинком в глазницу врага. Беззащитный зашипел от боли, грязно выругался, выдернул меч и воткнул

в землю.

– Вепрь, достань мазь и обмотку.

Вепрь оказался реально похож на вепря. Он подошел, несмотря на массивные руки и толстые пальцы, ловко закатал хёвдингу рукав и, не обращая внимания на шипение и ругательства, быстро покрыл длинный порез на левом предплечье густой мазью и перемотал куском ткани.

Я еще раз глянул на труп Торе и усмехнулся. Моя удача все еще была со мной.

Глава 17

У Альрика было немного людей, всего-то два десятка, но сейчас ему пришлось разделить их, чтобы забрать корабль Торе. Беззащитный рассчитывал продать его в Сторбаше и поделить полученное серебро на всех.

Хьйблкег все еще выдувал воздух из западной ноздри, и мы не могли поставить паруса. Потому все, кто был, сели на весла. Альрик сам сел рядом и спокойно греб, подлаживаясь под силу и ритм остальных. Я после получения второй руны сравнялся с прочими и не испытывал тех трудностей, что на пути сюда. Энок посоветовал обмотать ладони тканью, а сверху кожаными обрезками, чтобы не содрать кожу заново, и это изрядно облегчило работу.

Когда я вошел в ритм и задышал спокойно, Альрик спросил:

– Ты славный малый, Эрлингссон. Я бы с удовольствием взял тебя в хирд, хоть и молод ты еще. Вот только никак не могу взять в толк, с чего бы Торкелю пятирунному охотиться на такого мальчика? Если ты его обидел, так почему он тебя сразу не пришиб, не глядя на разницу в силе?

– Эта история лучше всего прозвучит в доме моего отца, рядом с горящим очагом, когда жарится мясо и плескается в кружках пиво.

– Понимаю, я еще не заработал твое доверие. Но я тебе

вот что скажу: хоть мое имя не так известно, но слово Альрика Беззащитного крепко, как кулак Скирира. Я сказал, что отвезу тебя к отцу, значит, сделаю это, даже если в пути потеряю оба корабля и всю команду. Не потому, что ты такой ценный, а потому, что мое слово ценно. Скажу еще вот что. Когда я был ребенком, часто обманывал мать и отца. Говорил, что кувшин с маслом разбила служанка, хотя это сделал я, говорил, что натаскал хворосту, хотя этого не делал. Много чего говорил. И ведь врал ради мелких поблажек, ради похвалы или чтобы не заругали. Отцу это надоело, и когда он поймал меня на очередной лжи, то высек до крови, а потом сел рядом со мной, избитым, плачущим, ненавидящим всех и вся, и сказал: «Если так нравится лгать, подумай вот о чем. Когда лжешь каждый день, то получаешь маленькую выгоду только в начале, а потом и того нет, потому что тебе никто не верит. Даже если начнешь говорить правду, люди не поверят. И что еще хуже – не будут доверять. Ты останешься один. А вот если будешь говорить правду по мелочам, тебе будут верить и в крупных делах. И если солжешь всего один раз в жизни, но в правильное время и в правильном месте, ты получишь сразу настолько большую выгоду, какую бы не получил и за десять лет вранья. А знаешь, что еще будет? Люди не поверят тому, кому ты солгал. Они будут говорить: "Как так? Ведь Альрик известен честным словом. Наверное, ты что-то напутал". Понимаешь? Что лучше: лгать каждый день и не получать выгоду или сказать неправду один раз и получить

сразу много выгоды?». Я подумал-подумал и решил, что отныне буду говорить только правду. И солгу лишь один раз.

Альрик усмехнулся себе в бороду.

– Ты, Эрлингссон, несмотря на отвагу, все же мелочь. И я не буду лгать ради мелкой выгоды, ибо и Торкель Мачта тоже мелочь. У меня большие планы, и нет смысла тебя обманывать.

– Так ведь, кроме меня, никто не узнает о твоём слове, – заметил я.

– Мои люди знают. Знают боги. Знаю я. И этого достаточно. Ты вернешься домой и расскажешь о своём спасении. Об этом узнают люди Сторбаша, их родственники, друзья твоего отца. Разве этого мало?

Я подумал, что ведь, правда, не так уж и мало.

– Альрик, мне сказали, что ты умеешь толковать знаки богов.

– Верно. Я сам сумел распутать свою судьбу и найти решение. И так было не раз. Тебе тоже выпал непростой путь?

– Не то слово, – вздохнул я. – На первую жертву отец приготовил для меня раба. Больше никто в Сторбаше не выставлял человека на жертву, но все, кто убили животное, получили руну, а я – нет. Отец отослал меня к дяде матери в рыбацкую деревню. Там я пробыл почти месяц, когда на деревню напали. Защищаясь, я сумел убить однорунного и получил благодать Фомрира. Там же я успел убить ещё одного однорунного, а потом сбежал. Мамиров жрец дал выбрать руны,

и я вытащил «смерть» и «сила». Я решил, что получаю силу лишь в смертном бою. Но вторую руну взял, когда убил людей Торе спящими.

Альрик задумался. Мы успели взмахнуть веслами еще три десятка раз, прежде чем он заговорил снова.

– А сколько рун было у спящих?

– По две.

– Ха, вот тебе и ответ. Ты получаешь силу только за смерть сильных. А именно – за тех, кто выше тебя хотя бы на одну руну. Поэтому неважно, как ты их убиваешь: в честном бою или подлым ударом. Так что ты можешь выбрать, кем стать: великим героем или ночным хорьком, что перегрызает глотки спящим.

– Боги точно наградили меня этим из-за отца. Ты слышал, как он получил прозвище Кровохлёб?

– Да, слышал. И, возможно, ты прав. Отец моего отца был известен осторожностью. Он избегал открытого боя и предпочитал сражаться из-за укреплений. Не вступал в сражение, если не набирал воинов вдвое больше, чем у противника. Всегда носил полный кованый доспех, который выкупил у приезжих торговцев за огромные деньги, отдал целое стадо коров за него. А потом утонул в этом доспехе посреди моря. Даже крикнуть не успел.

Я хотел спросить еще, но у гребца, что сидел передо мной, случилась какая-то заминка. Он никак не мог вытащить весло из воды. Со смехом Альрик вскочил, закричал на весь ко-

рабль:

– Рыбак снова что-то выловил!

Все разом поднялись с мест и разбежались по кораблю. Кто-то схватил копье, двое уже подняли щиты, закрывая людей на борту. Альрик сказал:

– Давай, Эрлингссон, помогай, – и первым навалился на весло, которое никак не хотело выходить из воды.

Я присоединился к нему. Впятером мы надавили на длинную рукоять, с трудом преодолевая сопротивление. Копьеносец уставился в воду, а затем вонзил острие во что-то, что не видели мы, а он сумел высмотреть. Сразу после этого весло поддалось и вышло из воды. Лучники тут же истыкали лопасть стрелами. Я осторожно выглянул из-за щита. Другой конец весла выглядел так, будто его обмотали розово-серыми тряпками в сто слоев.

– Что это за дрянь? – спросил кто-то позади меня.

И я согласился: выглядело оно противно.

Внезапно сверток дернулся, начал разматываться, оставляя студенистые куски плоти в тех местах, где его пригвоздило к дереву. Оно слой за слоем сползало с весла – неторопливо, размеренно. Лучники больше не стреляли, выжидая команды, но Альрик не хотел причинять этой твари вред. Он ждал, пока та раскрутится до конца и уйдет подобру-поздорову. Когда же последний слой стек, оказалось, что лопасть весла скукожилась и уменьшилась в два раза.

– Всё, посмотрелись. Все по местам! – сказал Альрик. –

Кроме Рыбака. На сегодня нам зрелищ достаточно.

Бледнокожий парнишка с растерянно-глуповатым лицом сел было около борта, но его со смехом прогнали в середину корабля, подальше от моря.

– Ты уж, Рыбак, не сердчай. Мало ли кто позарится на твою лакомую шкурку!

– Это для твоего же блага.

– А что будет, если его целиком в море кинуть?

– Думаю, вылезет праматерь всех морских тварей, бабушка Хунора и Фольси.

Альрик сел на прежнее место и пояснил:

– Халле – неплохой малый, отличный боец, но боги надели его особенной удачей. Где бы он ни залез в воду или, вот как сейчас, ни держал весло, всегда выловит какую-нибудь живность, даже если там ее и быть не должно. Потому его и прозвали Рыбаком. В бане в него вцепляются пиявки, хотя вроде бы брали чистую воду. В луже хотя бы жалкий головастик да застрянет в его обуви. А уж стоит ему взять удочку, так каких только рыбин он не вытащит!

– А у тебя в хирде все со странностями?

– Странности? – рассмеялся Альрик. – Нет, скорее, с особенностями. Я люблю людей, так или иначе отмеченных богами, у них своя удача, а я хочу, чтобы мои походы всегда были удачными.

– Но ведь Торе Длинный Волос сумел взять ту работу, что ты хотел для себя.

– И это очень хорошо. В моей жизни нет неудач. Даже если кажется, что тебе не повезло, значит, боги прикрывают неудачей твой счастливый случай.

– Как это?

– Ну, подумай сам. Если бы Торкель сказал открыто, для чего нужен мой корабль, я бы ему отказал, тогда он попытался бы меня убить. Не знаю, получилось бы у него или нет, но целым бы из боя я не вышел. Так удача это или неудача?

– Наверное, удача, – неуверенно сказал я.

– Если бы отец оставил тебя в Сторбаше, а не отвез в деревню, смог бы ты получить первую руну?

– Нет. Кто бы всерьез напал на безрунного в городе? Хотя нет. Возможно, бы и получил. Я как раз собирался прирезать одного из бывших друзей.

– Если бы тебя не украл Торе, ты бы не получил вторую руну. Видишь, все к лучшему.

Его слова странным образом перекликались с некогда сказанными отцом. Эрлинг говорил, что Фомрир дал мне возможность убить Роальда, но если бы я промедлил, то был бы убит сам. Получается, удача действует, только когда и ты сам не сидишь без дела, но стоит опустить руки, никакой счастливый случай не поможет.

Мы долго говорили с Альриком. Он был легким человеком со своим взглядом на жизнь. Казалось, он относится к любому событию одинаково. Выпить пива, сражаться на смерть, сидеть на веслах собственного корабля – всё для него

было в радость. Но это не означало, что он легко прощает обиды, Торе Длинный Волос мог бы подтвердить.

Злобный Хьйолкег никак не хотел дышать через другую ноздрю, и ветер не менялся, а на веслах с половиной команды идешь медленнее, чем с парусом. Потому Альрик остановился на ночь на небольшом островке. Мы с Рыбаком отправились собирать выброшенный на берег плавник⁹ и, пока тащили крупные изогнутые коряги к лагерю, наловили крабов на обувку Рыбака.

– Хорошо еще, тут мелко. Я ведь так и не научился плавать, – рассказывал Халле. – Как ни зайду в воду, всякая тварь так и норовит цапнуть. Вся задница и ноги в шрамах.

– Как же ты согласился пойти в море?

– А я подумал, что раз уж боги уготовили смерть от воды, так и не стоит прятаться. К тому ж, я люблю море.

– А у Энока Косого что за особенность?

– Э, нет, – рассмеялся Рыбак. – У нас не принято говорить о других. Захотят – сами расскажут.

Пока готовилась похлебка, я вглядывался в лица парней, пытаюсь угадать, что у них за история. Заметил, что многие из них, подражая Альрику, осветлили волосы. У кого-то была выбелена челка или длинная прядь на виске, у других – лишь усы или косичка в короткой бороде, один парень выбелил вообще все – и волосы, и еле заметную щетину на лице, даже кожа у него была, как морская пена. Я услышал, что его

⁹ Плавник – выброшенные на берег деревья, ветки, коряги.

кличут как Хвит или Сно́хвит, то есть Снежный Хвит.

Когда все поели, Альрик обратился к Снежному с просьбой:

– Сегодня твой черед рассказывать историю. Какую выберешь?

– О себе я уже рассказывал, – мягким медовым голосом отозвался Хвит, – потому расскажу о богах. Захотелось как-то Нарлу-мореходу поплавать на синих просторах, взошел он на свой золотой корабль, оттолкнулся шестом от берега и проплыл три дня и три ночи, не останавливаясь. Только после этого корабль начал замедляться, тогда бог оттолкнулся шестом еще раз от острова, и проплыл еще три дня и три ночи. В то время еще не было людей на земле, а потому не было гребцов на его морском коне¹⁰. На седьмой день пути углядел Нарл фонтан воды до неба, схватил серебряные весла и стал грести, да так, что вода позади корабля вздымалась бурунами. Хотел он поймать Лóта – великого кита. Несколько дней и ночей без усталости гнал Нарл свою добычу и лишь потом сумел его загарпунить. Содрогнулся от неистовой боли великий кит, всколыхнулась огромная волна, она обошла весь свет и выплеснулась за край земли, а у Нарла выпали да поломались все весла. Целую седмицу сражался Нарл с Лотом, седмицу таскал за собой Лот золотой корабль и лишь в самом сердце бездонного океана испустил дух.

Хвит отхлебнулпряного пива и продолжил:

¹⁰ Морской конь – иносказательно – корабль.

– Долго разделявал Нарл великого кита Лота, а когда разлил китовый жир по бочкам, засолил мясо да сложил кости в сундуки, вспомнил, что больше нет серебряных весел на его корабле. Задумался мореход, не знал он, как вернуться в свои владения. Даже его длинный шест не мог достать до дна океана.

На этих словах раздались тихие смешки, я расслышал шепот: «Знать, не настолько уж длинный шест у Нарла».

– Смотрел мореход на бесконечную гладь океана и не мог ничего придумать, пока не увидел альбатроса, что парил в небесах на раскинутых в стороны крыльях, и ни одно перо не шевелилось у него. Тут вспомнил Нарл про крыло змея Тоурга, которое дал Фомрир, вынул из сундука. Ветер едва не вырвал крыло у Нарла из рук. Тогда встал мореход в середине корабля, вогнал ноги по колено в палубу, поднял руки – и помчался по океану быстрее птицы. Хорошо ловило крыло змея ветер. Всего за три дня и три ночи домчался Нарл до берега. Срубил он столетний ясень, поставил в середине золотого корабля, закрепил на нем крыло Тоурга, но первый же порыв ветра сломал дерево, как тонкую щепку. Срубил тогда он пятисотлетний ясень, вновь привязал к нему змеиное крыло, но и его сломал ветер. Не могло выдержать дерево, что и двое мужчин с трудом обхватили бы, воздушного напора, настолько велико было то крыло. Тогда обошел Нарл сто гор и тысячу лесов, нашел тысячелетний ясень, ствол его был настолько огромен, что десять человек

потребовалось бы, чтобы обхватить его, и настолько длинен, что задевал верхушкой облака. Не стал рубить его Нарл, а попросил Фольси-землепашца, покровителя всех трав и деревьев, помочь. Прикоснулся Фольси к грубой коре, рассказал ясеню про море, про ветер, про корабль, что летает по синим волнам, и согласился ясень стать частью Нарлова корабля, захотел сам увидеть морские просторы. Врос тысячелетний ясень корнями в золотые доски, слился с ними воедино, подхватил крыло змея Тоурга, расправил его, и отправился Нарл-корабел в новое плавание. Теперь быстрее его корабля не было ничего на всем свете.

Замолчал Снежный Хвит, молчали и остальные воины. Я никак не мог представить, какого же размера был корабль Нарла, раз там мачтой стал тысячелетний ясень, который лишь десять человек могут обхватить. И какого размера был змей Тоург, раз его крыло пришлось впору на такую мачту. Я слышал, когда Нарл выходит в море, он весь ветер ловит в свой парус, потому иногда случается полное безветрие – штиль. А какой же силой должен обладать Фомрир, раз он смог победить такого огромного змея?

– Хорошо бы завтра ветер сменился, – негромко заметил кто-то. – У нас хоть парус не из змеиной шкуры, а из обычной шерсти, но тоже неплохо справляется.

Альрик рассмеялся, поблагодарил Хвита за хорошо рассказанную, хоть и всем известную историю и сказал, что завтра встаем с рассветом. После этого все быстро разошлись,

лишь двое остались стоять на страже. Меня в стражу не включили, раз уж я не входил в хирд Альрика.

Утро. Твердые лепешки с закаменевшим сыром. Снова надоевшие весла. Когда солнце поднялось на две ладони от горизонта, Альрик посмотрел на смурные лица команды и сказал уйти подальше в море.

– Может, там ветер сменится?

Корабль Торе с носовой фигурой в виде козлиной морды последовал за нами. Через какое-то время мы смогли поставить парус. Чтобы чего дурного не вышло, Рыбак сел подальше от бортов, прислонился спиной к мачте и задремал. Внезапно из воды выскочили несколько рыбин и запрыгнули прямо на палубу, а парочка с размаху врезалась в Рыбака, разбудив его. Халле вскочил, взмахнул топориком и замер, не понимая спросонок, откуда идет угроза. Ребята дружно рассмеялись.

– Эй, Рыбак, никак твоя мать изменила мужу с Миринном!

– Да, никто, кроме сына бога-рыболова, не смог бы выловить рыбу во сне.

Халле потер лицо и ответил:

– Моя мамаша говорит, что я лицом пошел в отца. Разве приличный бог согласится ходить с такой рожей?

С таким утверждением было трудно поспорить. Вот так, с шутками и смехом мы вошли в бухту Сторбаша.

Глава 18

– Значит, тот старик был лишь для отвода глаз, – сказал отец, переводя тяжелый взгляд с меня на Альрика.

– Старик-то был настоящий. Но единственной причиной их прибытия был я.

– Ты словно притягиваешь несчастья. Отправил тебя в Растранд – Торкель напал, оставил дома – украли прямо из-под носа, как строптивую девку.

– Девка бы не прирезала двоих разом. И вторую руну бы не получила, – прорычал я.

Надо же, сравнить меня с девчонкой! За такое на хольмганг вызывают.

– Смотря какая. Вон та егоза бы точно прирезала, – и он махнул в сторону Ингрид, которая, несмотря на строгий запрет, пробралась обратно в дом и сейчас высовывала личико из-за сундука. – Так что с тобой делать? Приставить людей для охраны? Так ведь поубивают их за милую душу. Засунуть в самую глушь? Там какая-нибудь лихая зверушка объявится. Наверное, и огненный червь за тобой приполз, просто не успел сказать об этом.

– Угу, ты еще и хуорку на меня повесь.

Альрик с улыбкой смотрел на наши семейные разговоры и ждал возможности поговорить о награде.

– Говоришь, Беззащитный со своим хирдом тебя спас?

– Выручил. Я бы и сам выбрался, только до Сторбаша добирался бы намного дольше.

– И что, Альрик, ты хочешь за спасение моего сына? Выдал бы за тебя дочь, да, как видишь, подходящей по возрасту нет.

– Хочу продать корабль, – блеснул зубами хёвдинг. – В столице бы получилось выгоднее, из-за Кая пришлось сделать крюк, да еще и на веслах.

– Видел я тот корабль, – проворчал отец, – с козлиной мордой. Маленький, уже не новый. И торговать не поторгуешь, и далеко в море не выйдешь, и много воинов не захватишь.

– Что верно, то верно. Зато на нем можно обходить свои земли, заглядывать в отдаленные деревни, учить мальчишек морскому бою и умению управляться с кораблем, пойти на долгую рыбалку. Да мало ли для чего еще. Сыну отдайте, пусть он погоняет свою ватагу, проверит заплечного на прочность.

Отец вновь тяжело глянул на меня.

– Нету у него заплечного. Был раньше, но он ему челюсть сломал. И ватаги нет.

– Пап, хотя я сбежал сам, но Альрик мне все же помог. Если это не большое дело, то зря я попросил его приплыть в Сторбаш.

– Ладно, – махнул отец рукой. – Заплачу полную цену. А пока располагайтесь, отдыхайте.

– Теперь я могу рассказать, почему меня ищет Торкель, – заметил я.

– Не нужно, – отмахнулся Альрик. – Я уже и так понял. Еще когда ты говорил, как первую руну получил. Я слышал про внезапную гибель младшего сына Скирре.

Он усмехнулся своей хитрой улыбочкой, попрощался и вышел из дому.

– Так что теперь? – всерьез спросил отец. – Закрывать Сторбаш от чужаков? Поднимать людей на Торкеля, а значит, и на ярла Скирре? Вынести дело на суд Рагнвальда на грядущем тинге? Я знаю, что сделаю. А что думаешь ты?

– Я сам убью Торкеля. И Скирре тоже убью, когда стану сильнее. Но я не хочу до той поры сидеть в отцовском доме и прятаться за мамкиной юбкой. Лежа на лавке, сильнее не станешь. Потому я хочу пойти в вольные охотники, – сказал я и сам удивился тому.

– Я тоже думал об этом. Только кто согласится тебя взять? У тебя всего две руны и целых два врага. Не каждый хёвдинг примет такого воина. В хёрде хускарлов тебе, конечно, бояться будет нечего, но там двурунные и вовсе не нужны.

– Альрик возьмет. Его воины равны мне, а сам он ничего не боится. И если скажет, что не выдаст меня без боя Торкелю, значит, умрет, а не выдаст.

– Не нравится мне этот Альрик. Без защиты недолго он сможет пробегать. Волосы белит странно. И зубы все время скалит.

Я рассмеялся:

– Как будто мужа для дочери подбираешь. Что за дело мне до его волос и зубов? Он отважен, отличный боец, я видел его в деле, умен, удачлив и честен со своими. Чего ж еще желать от хёвдинга?

Отец призадумался, а Ингрид выскочила из убежища, вцепилась мне в руку и завопила:

– Опять меня бросаешь? У тетки Агнеты бросил, за хуоркой уплыл – бросил, потом просто бросил и уплыл непонятно куда. И сейчас бросаешь?

– Э, Ингрид, ты чего? Я мужчина. Мужчины всегда уезжают, а женщины сидят дома да хозяйство ведут. Вон, глянь, у мамы связка ключей на поясе висит. Это почему?

– Потому что она все кладовые открывает.

– Вот. А почему?

– Потому что как иначе?

– Вот и сиди дома, слушайся маму, помогай с хозяйством, радуй отца. А я поеду добывать славу. И тебе красивые сережки привезу.

– С камушком?

– Конечно, с камушком. Как же без него?

– Тогда ладно, плыви, – согласилась девчонка. – Только обязательно привези, не забудь. А то уже вон сколько раз плавал и ничего не привез.

Я лишь развел руками. И что это я, на самом деле, сбежав из плена, сережки не привез? Непорядок. Придется за-

глаживать вину теперь.

– Ты сам с Альриком поговоришь? – спросил отец.

Я кивнул и пошел к пристани.

Беззащитный на мой вопрос ответил также – кивком, словно сразу знал, что я к нему попрошусь в хирд.

– Понимаешь, что должен будешь слушать мои приказы и выполнять их? Я могу взять работу, которая придется не по душе, или наняться к людям, которые будут не по нраву. У меня свои порядки на корабле, и каждый должен подчиняться им.

– Понимаю и согласен. Я говорил с тобой, понял, что ты за человек, и думаю, ты не выберешь тот путь, который покажется мне неверным.

– Я беру людей с оружием и хоть какой-то защитой. У тебя с этим затруднений не возникнет. И еще одно условие – если три человека из хирда откажутся принимать тебя, тогда и я откажу, так как не хочу вражды среди своих людей.

– Согласен. Ведь в следующий раз уже я буду решать, с кем хочу плавать. А мои враги? – спохватился я напоследок. На что Альрик обнял меня за плечи и доверительно шепнул:

– А это, Эрлингссон, главная причина, почему я хочу тебя взять. Вот уже год, как я оставил семью, дом и плаваю по этим водам, да так и не нажил ни одного недруга. А без хорошего врага трудно идти наверх. Я так и не получил ни одной руны за это время. Нам нужен кто-то за кормой, хорошо бы сильнее, но ненамного. И раз Торе Длинный Волос

не справился с этой задачей, то уж Торкель Мачта отлично подойдет, как тебе кажется?

Обряд принятия прошел до обидного просто. Альрик привел меня к ребятам, спросил, что они думают насчет нового хирдмана по имени Кай Эрлингссон, и ни один не высказался против. За всех ответил Вепрь:

– Ты принес удачу, еще не будучи в дружине. Интересно глянуть, на что ты способен в настоящем бою.

Сборы не заняли много времени. Часть полученных трофеев я взял в качестве запасного оружия и брони, а остальное отдал Кнуту со словами: «Это вира за ту рану, что я нанес Дагу». И я говорил не про вывихнутую челюсть.

Мама ничего толком не сказала, в ее глазах я увидел и слезы, и одновременно гордость за меня. Я один из немногих, кто покидал родной Сторбаш ради славы и силы.

Спустя два дня мы с попутными ветрами отплыли.

Эпилог

В просторном зале такой высоты, что там свободно бы раскинул ветви столетний ясень, шел пир. Мощные колонны, что поддерживают свод, раскрашены в ярко-красный цвет и увиты резными узорами в виде диковинных зверей и чудовищных тварей. Можно часами бесконечно разглядывать их сплетения, водить пальцем по длинным изогнутым телам и угадывать, где заканчивается одно и начинается другое.

Ярко пылает огонь в центре зала – не для приготовления еды, в этом доме еду приносят из отдельного строения – готовильни, а для освещения. Повсюду расставлены и развешаны масляные лампы, оставляющие темные пятна копоти. На стенах блестит в свете ламп начищенное и смазанное маслом оружие: вот огромная двуручная секира, которую не каждый человек поднимет, вот меч с позолоченной рукоятью, за такой можно отдать небольшое стадо коров и не пожалеть ни на мгновение, вот топорик с вытравленными по металлу рунами, в бой такой не возьмешь, только хранить как оберег и украшение дома.

А еще висят на стенах шкуры, да не простые волчьи или лисьи, которыми дом любого карла полон, а медвежьи, собольи да песцовые. Моржовые бивни да кости неведомых тварей украшают дом.

А вдоль стен стоят щедро накрытые столы, и бегают взад-вперед рабы, без усталости таскают новые угощения и напитки. А за столами сидят могучие воины, куда ни глянь – всё именитые люди со звучными прозвищами, о подвигах которых сложена не одна песнь. Горячий у них нрав и быстрая рука, потому оружие свое они оставили снаружи, лишь ножи при себе оставили. А как за столом без ножа? Ни ароматное мясо напластать, ни кусок ко рту поднести, ни длинный язык укоротить.

Но нет сейчас распрей или вздорных речей, лишь шутки да смех разносятся по залу. Нет-нет, да и поднимется один из приглашенных скáльдов и скажет хвалебную вису, где воздаст честь гостеприимному хозяину. Только празднично сидят музыканты, молчат их инструменты, что взбодрили бы сердце и усладили слух новыми песнями, ибо печаль на душе у ярла.

Всё вроде бы хорошо у него. На нём и на его жене, что сидит подле, яркие шелковые одежды, кои ценятся выше золота, сидение его обито мягкими шкурами, все пальцы в серебряных перстнях с самоцветными камнями. А цепь, что давит на мощную шею? Не обычная серебряная, в таких пусть карлы ходят. Переливается она золотом, вызывая зависть даже у богатых гостей, отблескивает камнями, а звенья на ней размером с фалангу пальца. На хмурое чело надвинут простой железный обруч, дань памяти отцу, который из обычных хускарлов вознесся на место ярла.

Вошел в залу слуга из доверенных и, невзирая на неудовольствие гостей, сказал шепотом ярлу что-то, после чего ярл нахмурился пуще прежнего и кивнул. Умчался слуга, и вошел новый гость, неожиданный и незванный. Высокий настолько, что едва не касался лысой макушкой толстых дубовых балок, худой и прямой, как мачта на драккаре.

– Торкель Мачта! – проревел на весь зал ярл, приподымая грузное пузо. – Я сохранил тебе жизнь за былые заслуги с одним условием: больше не должен являться ты передо мной ни живым, ни мертвым. Так зачем же ты вернулся? Жизнь не мила стала?

Гость не смутился под злыми взглядами и спокойно ответил:

– Я принес тебе весть об убийце твоего сына Рбальда.

Женщина, что все это время не шелохнулась, вскочила с места:

– Он жив? Скажи, Мачта, что он еще жив!

Скирре Пивохлёб подал знак, и тут же с балок опустились пушистые многоцветные ковры, отделяя ярла от основного зала. Ни звука не выйдет из этой комнаты, пока не захочет того ярл. Впервые за вечер забухал бодран, загудели дудки, запела арфа, и вовсе заглушая тайный разговор.

– Я отправился из славного города Тургár с печальным сердцем, ибо и я любил Роальда, и не знал, куда отправиться, а потому положился на волю богов, – сказал Торкель. – Услышал я, что в отдаленном городке Сторбаш объявился

огненный червь, и тамошний лендерман собирает воинов на битву с ним. Я знал, что моих сил недостаточно, но решил, раз боги подали знак, значит, такая у меня судьба. Славные воины собрались там: Мэрни Топот, Скóрни Таран, Дáгна Сильная, Тинур Жаба. Вместе мы смогли справиться с опасной тварью. Но услышал я кое-что интересное в Сторбаше. Местный мальчишка, едва достигший первой руны, похвалялся, что получил ее, убив некоего воина свиноколом.

Женщина смотрела на Торкеля Мачту так, словно хотела вспороть горло и вытащить из него несказанные слова побыстрее.

– Я стал расспрашивать и узнал, что этот мальчишка – сын лендермана Сторбаша, Кай Эрлингссон. Он не получил благодати богов на первой жертве и был услан в Ра́странд, ту самую деревню, куда я повез Роальда поохотиться. И Эрлинг, его отец, всё время смотрел на меня волком. Он знал, что это я вырезал его людей, но обвинения не кидал, хоть и был в своем праве. А почему? Потому что боялся за жизнь сына, знал, что ты, ярл Скирре, захочешь отомстить.

– Так что же ты не украл его? – воскликнула женщина, стискивая кулаки так, что ногти впились в её нежные ладони и на них выступила кровь

– Я хотел дождаться, пока не разъедутся друзья Эрлинга, и схватить мальчишку, но тут он сам куда-то пропал, и лендерман чуть не придушил меня, думая, что это я его взял. Потому пришлось мне уплыть из Сторбаша в ту же ночь.

– И это все, на что ты способен, Торкель Мачта?

– Уймись, женщина. Дай ему сказать, – осадил жену ярл.

– За огненного червя я получил одно из его сердец, которое потом продал, а на вырученные деньги нанял хирд Торе Длинный Волос. Они невысоко поднялись в рунах, а потому не вызывали подозрений. Они должны были приплыть в Сторбаш под видом торговцев и выкрасть мальчишку. Не знаю, что пошло не так, но я получил весть, что корабль Торе с козлиной мордой вернулся в Сторбаш, но ни Торе, ни его людей там не было.

– А мальчишка? Мальчишка жив?

– Жив, здоров, получил вторую руну.

– Какое счастье, не так ли, Скирре? Он жив, а значит, скоро я смогу его повесить за большие пальцы над этим очагом и смотреть, как обугливаются его пятки. Две руны! Больше, чем было у моего мальчика. Значит, он сможет выдержать много разных пыток!

Правильные черты лица женщины исказились, стали напоминать уродливую деревянную маску. Скирре невольно вздрогнул. Никогда он не видел жену в большей ярости, чем в тот день, когда Торкель с повинной головой привез тело сына в радужной кольчуге.

– Значит, этот Эрлингссон сейчас в Сторбаше?

– Потребуй у лендермана виру за Роальда. Виру головой его сына! – обернулась женщина к мужу. Ее глаза горели жаждой мести.

– А он потребует виру за ту деревеньку.

– Заплати ему золотом. Отдай хоть эту цепь, хоть все мои украшения, – и она лихорадочно начала срывать с себя кольца, серьги и бусы, швыряя их на стол, точно мусор.

– Не думаю, что Эрлинг любит сына меньше, чем ты Рольда. Не согласится он выплатить такую цену.

– Тогда уничтожь его. Подними дружину. Сколько можно жрать и пить за твой счет, сидючи на одном месте? Что такое Сторбаш против твоих земель? Что их воины против твоих?

– Ты не понимаешь, женщина. Тут дело не между мной и Эрлингом. Кбнунгу Рагнвальду уже дважды жаловались на моих людей и на разорение прибрежных селений. Рагнвальд пригрозил, что если будет еще одна жалоба с живым свидетелем, тогда он лишит меня земель, что даровал моему отцу за подвиги в той войне.

– Ну и пусть! Что такое земли по сравнению со смертью моего сына? – вскричала женщина. Ее голос услышали даже за пределами комнаты, потому что затихло все за коврами. Жену Скирре тут уважали и боялись не меньше, чем самого ярла.

– Замолчи. Никак совсем помешалась от горя? Иначе бы поняла, что без земель мы не сможем кормить дружину и содержать столько кораблей. А значит, не сможем никому отомстить. Только жалкий трэль мстит сгоряча, умный муж возвращает обиды с холодной головой, зато уж сторицей.

– Ты прав, мой дорогой муж, ты прав. Но как сдержать мне

чувства? Как не переживать? А вдруг заболеет мальчишка? Вдруг сожрет его какая-нибудь тварь? Вдруг его настигнет внезапная смерть, что безболезненно отправит его в дружину Фомрира? Как мы взглянем потом в глаза Роальда, зная, что он умер неотмщенным?

Торкель стоял, опустив голову, не поднимая глаз. Он знал, что в любое мгновение гнев женщины может обрушиться на него и переломить шею.

– Ты правильно сделал, что приехал, Торкель, – сказал Скирре, немного успокоившись. – Ты доказал, что до сих являешься моим верным дружинником. Что посоветуешь? Как выловить мальчишку?

– Судя по тому, что я видел, Эрлингссон недолго высидит в тихом Сторбаше. Как и его отец в свое время, он рано или поздно отправится за славой и божьей благодатью. В море каждый год пропадают сотни молодых воинов, и некого винить в их гибели, кроме богов и плохой удачи. Нужно лишь держать ухо остро и следить за Сторбашем.

– Отличный совет. Раз уж ты, Мачта, начал это дело, так тебе и заканчивать.

– У меня и не было другого желания. Только кораблик мой мал да плох, и людей не хватает.

– Возьми «Чайку», самый быстрый корабль, набери людей, каких пожелаешь. Жена даст денег. Но без мальчишки больше не смей возвращаться в мой дом.

– Благодарю, ярл. Скоро Кай Эрлингссон будет у ваших

ног.

Ковры распахнулись, и ярл Скирре торжественно объявил, что не держит больше зла на Торкеля Мачту, а потому разрешает ему взять корабль и набрать хирд для выполнения одного поручения. И что он, Скирре, щедро вознаградит всех, кто примет участие в этом походе.

Заскучавшие без дела воины приветствовали его слова радостными возгласами, каждый выкрикивал, почему нужно взять именно его в поход, но Торкель словно бы заранее продумал выбор. Он оглашал имена, названные карлы и хускарлы поднимались из-за стола и горделиво выпячивали грудь, радуясь, что их заслуги оценили по достоинству.

Никто не обратил внимания, что Торкель выбирал не самых знаменитых, не самых сильных и не самых отчаянных. Он выбирал воинов, известных беспринципностью и жестокостью.

Песнь 2

Глава 1

Я поднялся на последний пригорок, остановился, широко раскинул руки и вдохнул полной грудью. Наконец-то море! Мрачное, с крутыми волнами и морскими тварями, такое серое, что непонятно, где заканчиваются тучи и начинается вода. А воздух? Густой, хоть ложкой ешь, он пропитан солью, ветрами и рыбой. Я впервые с Ра́странда скучал по рыбе! Любой, хоть просушенной над очагом, с ароматом ко́стра и моря, хоть сырой, нежной, трепыхающейся.

Ветер налетел со спины, растрепал длинный белоснежный мех на плаще. Я рассмеялся и крикнул:

– Ну, здравствуй, море!

– Что, Эрлингссон, совсем ошалел от счастья? Твоя рыбацкая душонка соскучилась по морю? – подошел Альрик и хлопнул по спине. – У меня тоже сердце не на месте. Как там «Волчара» поживает? Хорошо ли перезимовал?

– Решил-таки, как назвать корабль? – усмехнулся я.

За время долгой зимовки мы придумали сотни разных имен, но Альрику все было не по душе, все не ложилось ему на язык.

– А разве есть выбор? – он оглянулся, и я вслед за ним.

По узкой дороге медленно поднимались хирдманы Беззащитного, кто верхом, кто пешком, кто на телеге. Рослые, побледневшие за зиму, в длинных белых плащах из волчьих шкур, с развевающимися волосами, в которых промелькивала хотя бы одна высветленная прядь.

– Настоящие снежные волки, сноульверы! Да и носовая фигура у корабля немного смахивает на волчью. Решено. Сегодня же шепну ему его имя.

И хёвдинг зашагал вниз. К морю.

Проболтавшись впустую пару месяцев по прибрежным деревням, Альрик к началу зимы был сильно зол. Для крупной работенки мы мелковаты, а с небольшой местные мужики и сами справлялись. Он даже подумывал распустить нас на зимовку по домам, хоть никому это не было по душе, особенно мне. Будут говорить, что, мол, не успел уплыть, как вернулся, поджав хвост. А потом через десяток рук дошел слух, что одна вдовушка ищет людей на зиму для охраны поместий. Ее муж захотел славы и легких денег, на все средства построил корабль, собрал мужчин со своих земель да так и пропал невесть в каких водах. Так как свободных денег у вдовы осталось немного, она могла предложить только стол, кров и сражения с дикими зверями. От безысходности Альрик согласился на эти условия. Оставил корабль в бухте под присмотром и вместе с нами отправился вглубь суши, к землям вдовы.

В целом, там было неплохо. Нас разделили натрое по чис-

ду поместий, но в течение зимы Альрик заставлял людей меняться друг с другом, иначе бы мы совсем рехнулись от одних и тех же разговоров и шуточек. Так как одиноких женщин было больше чем предостаточно, первое время ребята развлекались с ними, но чем дольше мы там находились, тем угрюмее становились лица и чаще вспыхивали ссоры.

Я еще раз оглянулся и нашел взглядом Тулле Скагессона, своего друга. Сперва он показался мне скучным: за разговорами и выпивкой чаще молчал, а если и открывал рот, то лишь чтобы урезонить спорщиков. Когда приходил черед его истории, он говорил о хуторе отца, о стадах овец и коров, о земле и урожаях, о тамошних кузнецах и ремесленниках. Причем Тулле рассказывал очень подробно, настолько подробно, что я потом мог назвать по имени каждую тощую коровенку в тех краях. Непонятно было только одно – почему он вообще ушел оттуда, если так любит хозяйствовать.

Как-то вечером он вернулся после дневного обхода, замерзший, уставший, на пустой живот выпил горячего пива и от пустячной шутки взбеленился. Его голубые глаза выцвели до белизны, на шее взбухли толстые воловьи жилы, он зарычал и кинулся на обидчика. В таком состоянии можно убить даже близкого человека. Я сразу это понял, потому накиннулся на него сзади, опрокинул на спину и стиснул глотку, что было сил. Сначала Тулле рвался из захвата, рычал, только что пена изо рта не шла, но скоро захрипел, глаза закатились, и я отпустил его. Когда он очухался, то просипел:

– Спасибо, Эрлингссон, век этого не забуду.

Мы разговорились. Тулле на самом деле оказался спокойным вдумчивым парнем, из тех, что сто раз отмерит и лишь потом отрежет, но порой на него накатывало бешенство, и тогда он мог покалечить любого, кто попадет под руку.

– Пока маленьким был, меня утихомиривали. А после получения руны стало хуже. В первый раз я поломал слугу да так, что он больше не сможет ходить. А во второй и вовсе... – он помолчал. – Убил маминого брата, который приехал погостить. Потому решил, что нельзя оставаться дома, иначе поубиваю там всех. Некоторые хотели взять меня в хирд, думали, что берсерк. Да только в бою я редко злюсь, а вот так, на пустом месте, могу и сорваться. Альрик знал. Сказал, что сумеет меня сдержать. Да, как видишь, не оказалось его рядом. Если б не ты...

После того мы и сдружились. По складу душевному Тулле напоминал Да́га, я даже пару раз по ошибке назвал его так. Хоть Тулле был старше на несколько зим, но ему не зазорно было слушать меня.

А кроме выпивки, мяса, хлеба и женщин, на землях вдовы было много снега, темноты и снежных волков. Это такие зверюги в холке по пояс мужчине. Их белая шкура сливается со снегом, огромные пушистые хвосты заматают след, и лишь черные пятнышки на кончиках ушей да черные глаза и носы выдают их. Голод выгоняет их волков лесу к людям: резать скот, разорять дома. Хоть в легендах о богах и говорится, что

простые звери не могут получить божью благодать, и лишь твари морские и земные, из которых и вышли боги, имеют мощь, сравнимую с нашей, но снежные волки обладали силами двурунного воина, не меньше.

В начале нам приходилось туго. Несколько коров эти сволочи все же утащили, несколько наших были поранены, и рваные укусы не спешили заживать. А потом мы выучили их повадки, ходили только парами, как и они, и стало полегче. Особенно когда один за другим хирдманы начали получать дары богов. Теперь в хирде почти все были трехрунными, кроме меня и Альрика. Против нас работали наши условия. Волки не были сильнее меня, а Альрик не собирался торчать на морозе в одной рубахе, к тому же не зная, придет ли стая в этот раз, а если та приходила, то и раздеваться было некогда.

За зиму силы нашего хирда выросли преизрядно, и Альрик рассчитывал, что весной мы сумеем найти неплохую работенку. И просчитался.

Мы неделю проторчали в одном торговом городке под названием Мэссенбю. Здесь собирались торговцы со всех концов страны, а потому сюда стекались разные слухи. Отец наемников на огненного червя искал тоже через Мессенбю.

И ведь не сказать, чтобы не было вообще ничего. Было! И довольно много. Но некоторые поручения были нам не по зубам, другие дурно пахивали, а на третьи нас не брали, так как никогда не слышали об Альрике и его сноульверах. Мы подходили лишь для выполнения несложных работ, а их

заказчики, как правило, людьми были небогатыми и боялись приглашать в свои земли незнакомого хёвдинга с целым хирдом. Мало ли, вдруг он передумает и решит, что проще ограбить, чем трудиться за небольшую плату? Потому брали тех, чьи имена хоть как-то слышали.

Я и не думал, что быть честным воином так сложно. Раньше казалось, стоит только уйти из дома, как на меня посыпятся разные твари, враги, поединки и сражения, и я сразу стану хускарлом, или даже хельтом. А тут оказалось, что мало иметь корабль и подходящих людей, нужно еще как-то прославиться, да только как это сделать, если никто не соглашался дать работу? Может, зря Альрик нос воротил от сомнительных поручений? Славы с них не получишь, зато можно силу поднять да денег заработать.

Но Альрик лишь покачал головой:

– Один раз вляпаешься, потом век не отмоешься. Дурная слава, она побыстрее доброго имени бежит.

Там же, в Мёссенбю, я услышал и про Тóркеля Мачту. Он теперь ходил на новом быстроходном корабле, собрал хирд из сильных воинов, почти все хускарлы, и успешно ватажничал. Когда хёвдинг узнал об этом, то лишь усмехнулся:

– Значит, нам надо поторопиться.

Вот только подходящего дела никак не отыскивалось. В конце концов Альрик, не желая просиживать целый месяц попусту, махнул рукой и сказал отправляться в отдаленную область, которую называли обычно Темным Заливом. Безза-

щитный пояснил, что там не совсем залив, скорее, небольшое море, отделенное от нашего россыпью островков и очерченное далеко выступающими мысами. Там был ярлом Торир Тугая Мошна, знаменитый своей скупостью. Чтобы заставить его распустить завязки на кошеле и вынуть серебро, требовалось изрядно постараться, и не столь делами, сколько долгими речами. Я не представлял, чем мы можем пригодиться ярлу. У него ведь и воинов полно, и кораблей должно быть в достатке.

Добрались мы туда не в самом лучшем расположении духа, по пути попали в шторм, изрядно потрепавший корабль и чуть не вынувший из нас души. Шикарные плащи из волчьих шкур превратились в мокрые облезлые тряпки, сорвало несколько щитов с борта, последняя бочка с пивом выскользнула из креплений и треснула, едва не зашибив Вепря.

Альрик ступил на пристань взъерошенный, злой и с твердым намерением добиться работы, взял с собой Рыбака, меня и Тулле. Ярл Торир любезно согласился нас принять.

Не глядя на залу, единственным украшением которой служили искусно вышитые гобелены, где были изображены сцены из сказов о богах, Альрик сразу прошел к ярлу, наклонил голову и сказал:

– Я слышал, ярл Торир, что Темный Залив постигла беда. Вам нужны отважные воины, что сумеют справиться с ней.

Торир Тугая Мошна выглядел как мелкорунный воин-неудачник: худой до сухости, блеклые волосы затянуты в

хвост на затылке, полотняная рубаха с неброской вышивкой по вороту, тощая серебряная цепочка на шее да пара простеньких колец. Либо дела в последние годы у Торира шли неважно, либо он не хотел тратить деньги даже на наряды и украшения. Хотя жена, полноватая женщина с решительным выражением лица, все же носила красивое дорогое платье и золотые серьги.

– Я не слышал твоего имени прежде, Альрик Беззащитный. Но даже если бы это было не так, я уже нанял подходящих людей и не собираюсь тратить сверх того ни эйра.

– Позволь же узнать, ярл Торир, кого ты нанял! – и, предупреждая вопросы, Альрик поднял руку и добавил: – Я не собираюсь устраивать свары или силой доказывать мое превосходство. Путь к тебе был долог и непрост, и я хотел узнать, нет ли среди них знакомых.

Торир рассмеялся:

– Если ты не дурак, то не будешь ввязываться с ними в драку. Я нанял Хро́ара Золотой Зуб, у него два корабля отменных карлов, и Да́гну Сильную, которая пришла одна. Как видишь, это знаменитые воины, чьи мощь и хитроумие известны по всем северным морям.

– Это верно, ярл Торир. Мое сердце возрадовалось, услышав их имена, ибо это и впрямь отличные воины и честные люди. И как давно они гоняются за той тварью, что изводит твои воды?

Помрачнел Торир:

– Уже две седмицы плавают туда-сюда по всему Заливу. Тварь словно чувствует, где они, и нападает всякий раз в другом месте.

– А если я скажу, что есть способ приманить тварь в нужное место?

На этих словах Рыбак побледнел.

– Отвечу, что похвалиться любой может, а вот доказать на деле – уже не каждый.

– Я не прошу задаток. Прошу лишь позволения поговорить с Хроаром и Дагной, предложить свой план. Они проверят мои слова на деле, и когда морская тварь, что докучает тебе, пугает рыбу и топит корабли, будет поймана, только тогда ты и заплатишь мне.

– Хроар и сам справится, – недовольно буркнул Торир.

– Не сомневаюсь в этом. Вот только когда? К середине лета? Или, может, ближе к зиме, когда тварь отъестся и уплывет сама по себе?

Тут всполошилась жена Торира:

– Ближе к зиме? А как же наша Инга? Ей что же, еще год тут сидеть? А ну как жених не станет ждать? Ты говоришь, что можно приманить тварь. И как быстро ты сможешь это сделать?

– Да хоть когда, – широко улыбнулся Альрик. – Хотите, прямо сюда призовем ее, к вашей пристани?

– Не надо! Ты что? Торир, ну чего ты думаешь-то? Если он врет, так ты ничего не теряешь, а если нет, так решится

наша беда.

– Я не могу нанимать людей, не посоветовавшись с теми, кого уже взял, – ярл сделал последнюю попытку отговориться.

– Так и я хочу с ними переговорить. Шли весточку Хроару и Дагне.

Когда мы покинули дом Торира, Рыбак дрожащим голосом спросил:

– Альрик, ты ведь не думаешь ловить эту тварь на меня?

– А что делать, Халле? Сам видишь, нет для нас работы. А тут хоть наши имена будут упоминать. Но ты не бойся. Я придумаю способ, чтоб тебя не ранило и не убило.

– А какая эта тварь с виду? – спросил я.

– Кто его знает? Говорят, что она быстрая. Очень быстрая. Может пробить борт корабля. Торир объявил о найме лишь после того, как потерял один из своих кнóрров вместе с грузом и людьми. Никто не выжил. Нам повезло, что тварь на «Волчару» не напала, а то бы кормили сейчас рыб.

– Да ворочали бы веслами на корабле Нárла, – проворчал я, лишь сейчас прочувствовав риск.

Через день прибыли два драккара Хроара, и Торир нехотя устроил пир для всех прибывших.

Дагна выглядела точно так, как я ее и помнил: высокая, дерзкая, смешливая, правую сторону головы она продолжала брить наголо наперекор всем устоям и традициям. Едва она вошла в зал, как все головы поворотились в ее сторону.

– И где, ярл Торир, те хвастуны-рыбаки, что умеют вылавливать тварей в океане, точно свиней из лужи? – она увидела Альрика, замерла на мгновение, потом хищно улыбнулась. – Так это же совсем малыши, только-только из-под материнской юбки выползли.

Она выглядела не старше Альрика, скорее всего, она так сказала про силу, ведь Альрик был всего лишь карлом, тогда как у нее была уже восьмая руна.

Альрик поднялся с места, тряхнул белой шевелюрой.

– Давно мечтал увидеть Дагну Сильную воочию, ибо слухи о тебе ходят разные, и уже вижу, что красота твоя ничуть не преувеличена.

– Как и остальное! Так что поосторожнее со словами.

Дагна села возле Хроара и ярла Торира, Альрика же посадили поодаль, так как у Золотого Зуба были люди посильнее нашего хёвдинга. Я разозлился, увидев такое отношение к своему предводителю, но Тулле насильно усадил меня, всунул в руки кружку с пивом и шепнул:

– Если Альрик будет оскорблен, он и сам скажет за себя. Не лезь и не порти ему дело.

Я стиснул кулаки и промолчал.

– Так что, – Дагна снова заговорила, – значит, ты можешь подманить любую морскую зверушку? Уж не на свою ли портянку? Хотя ведь тогда рыба на сушу выбежит.

– Есть у меня в хирде человек, в ком течет кровь Миринна-рыболова. Стоит ему опустить удочку в воду, как в

нее вцепляются рыбины, стоит зайти в море, как все твари в округе сплываются, чтобы сожрать его.

– Сожрать наша тварь может легко, это точно. Одного укуса хватит, – кивнула Дагна, – а твой человек согласен быть наживкой?

– Это мой человек и мое с ним дело. Тебе же достаточно того, что уже сказал я, – холодно отбрил ее Альрик.

– И то верно. Что думаешь, Хроар? – повернулась она к сидящему рядом с ней мужчине.

– Сначала проверить надобно, – утробно пробасил тот. – Да хоть раз взглянуть на эту тварину. Все кишки уже вымотала, чтоб ее тролли сожрали.

– Значит, завтра и попробуем закинуть твою наживку. Просмотрим, какова тварь на вид да на силу, а потом решим, как ее лучше убивать.

После Дагна не обращала на нас внимания. Я думал, что она меня узнает, а она даже не посмотрела в мою сторону.

– Альрик, – зашептал Рыбак, – я не хочу в это влезать. Одно дело – осьминог или рыба какая, а тут тварь, которой я на один укус. А если она ногу отхватит, как я потом жить буду?

– Халле, обещаю, что на тебе даже царапины не будет. Вымокнешь, только и всего. Но ты ж воды не боишься. Так что – веришь мне или нет?

Я с интересом глянул на Рыбака. Смерти я не боялся, но остаться без руки или ноги было бы страшно. Как бы я решил

на его месте? С одной стороны неведомая тварь, не рыба, не морское животное, а самая настоящая тварь, далекий потомок тех существ, из которых вышли весенние боги, такие как Хунор, Фольси, Корлех. С другой стороны Альрик, который держит слово и нарушит его всего лишь раз в жизни.

– Хорошо. Я согласен.

– Вот и молодец. Ты получишь тройную долю!

– Прежде чем ее убивать, надо понять, как это лучше сделать, – сказала Дагна.

– А что думать? Знай себе тыкай копьем да руби топором, – рассмеялся незнакомый мне мужчина, по-видимому, из ватаги Хроара. – Вечно женщины во всем подвох ищут.

– Мужчинам только дай во что-нибудь потыкать, – спокойно поддакнула Дагна, а потом швырнула нож, которым нарезала мясо, и едва не проткнула руку возразившего. – Если бы в огненного червя просто тыкали копьями, то погиб бы не только тот дурень с копьем, но и все остальные воины, и город в придачу. Верно я говорю, Эрлингссон? – внезапно обратилась она ко мне.

Неужто узнала?

– Это верно. Даже Тинур Жаба на десятой руне не справился бы в одиночку, пусть и с десятком копий, – ответил я.

Тут вмешался ярл Торир:

– Я лично пригласил Дагну Сильную, хотя по чести, ее стоило бы называть Дагнай Хитроумной, так как эта женщина лучше всех умеет распознавать повадки тварей и приду-

мывать, как их лучше убить.

После этого больше никто с ней не спорил.

Глава 2

Проверять отправились в то место, где тварь видели в последний раз, но поплыли только на одном Хроаровом корабле. Альрик сказал, что если «Волчара» будет поврежден, то обещанная плата окажется слишком мала. Ярл отказался давать свои суда, мол, уже потерял один, так что пускай рискуют те, кому он платит. Хроар скрепя сердце выделил самый большой из своих драккаров, предварительно усилив борта.

Альрик взял весь хирд, так как именно мы будем заботиться о бедном Рыбаке.

– Раз морские твари мечтают тебя сожрать, надо укрепить защиту, – сказала Дагна.

И это было сделано.

Никогда еще ни один воин не носил столь много железа. На Рыбака надели тулуп, кольчугу, сверху нацепили дорожные латы, в которых Халле выглядел, как орех в скорлупе, на голову надели шлем, закрывший ему лицо.

– Даже не знаю, почуют ли рыбы вообще его кровь? Может, пустить немного? Чтоб наверняка приманить? – задумчиво протянула Дагна, глядя на железное чудище. Халле что-то промычал, но слов было не разобрать. – Так, жизнь вашего приятеля в ваших руках. Как только я говорю, вы сразу тянете веревку. Рывком. И не останавливаетесь, пока я не скажу. Поняли?

Мы стояли в середине драккара, держа толстый канат с узлами, что был перекинут через рей, и я не был уверен, что под тяжестью такой «скорлупки» мачта не обрушится на нас. На другом конце веревки находился несчастный Рыбак. Теперь он и впрямь стал наживкой.

Драккар стоял неподалеку от одинокой скалы, высоко торчащей из моря. А на ней сидели двое смотрящих. Они должны были заметить приближение твари и сообщить об этом.

– Начали.

Мы подтянули канат к себе, а потом потихоньку стравили его, опуская Халле в воду. Не до конца, конечно. Лишь по пояс. Удерживать его было не так уж и сложно, пока на наживку не клюнуло. Халле что-то промычал, замахал руками, а канат рванулся у нас из рук.

– Вверх! – рывкнула Дагна, и мы, как тягловый скот, уперлись ногами и рванули. – Еще! Еще! Опускайте!

Халле подцепили крюком, подтащили на палубу и повалили вместе с его добычей. Его ноги были полностью опутаны длиннющими фиолетовыми щупальцами, на конце которых висел мерзкий на вид мешок. Это был огромный осьминог.

– Отцепите от него эту штуку!

Люди Хроара кинулись к Рыбаку и попытались отрубить щупальца, соскрести присосавшиеся к железу конечности, но все было тщетно, пока Дагна не подошла и не разрубила голову-мешок. Щупальца еще какое-то время шевелились, а потом безвольно повисли. Лишь после этого смогли убрать

осьминога. По палубе растеклась вонючая черная жижа, частично попавшая и на Рыбака. Альрик подошел к несчастному Халле, поднял забралю у шлема и влил парню в глотку горячей медовухи.

– Очухался? Второй заход. Начали.

И снова Рыбак оказался в воде. Мы вытащили еще морскую змею длиной в десять шагов, не меньше. Дагна сказала, что она может быть ядовитой, и змею просто истыкали копиями, не приближаясь. Потом ногу Халле пыталась сожрать какая-то мохнатая рыбина, больше похожа на уродливый заросший мхом валун. Каждый раз Альрик для успокоения и согрева вливал в Рыбака горячий мед, и тот уже изрядно набрался и размяк. Лишь на четвертый раз смотрящие крикнули:

– Плывет. Пятьдесят шагов!

К тому времени мы уже умаялись таскать тяжеленного одоспешенного Рыбака, взмокли, несмотря на холодный ветер, но от этих слов сил сразу же прибавилось, и мы уже хотели рвануть канат, как Дагна сказала:

– Стоять!

Палуба под ногами уперевшихся пятнадцати воинов закрипела и прогнулась.

– Двадцать шагов!

– Стоять!

Вздутые мышцы вот-вот разорвут мокрую рубаху.

– Десять шагов!

– Стоять!

Стиснутые челюсти свело от напряжения.

– Пять шагов!

– Давай!

Мы одновременно выдохнули и сделали шаг назад, Рыбак взлетел до середины мачты, а за ним выскочила плоская и заостренная к концу штуковина. Дагна так склонилась над бортом, будто хотела сама нырнуть в воду.

– Копья!

Люди Хроара уже держали их наготове.

– Давай!

В воду обрушилась лавина копий. Безумная женщина с наполовину выбритой головой со всей силы ударила ладонями по борту и рассмеялась:

– Не берут! Ее не берут копья! Хроар, уходим! Вытаскивайте червяка и за весла!

Нас не пришлось долго уговаривать, Халле уложили на палубе, и драккар словно на крыльях помчался к берегу. Дагна долго всматривалась в воду, и лишь когда смотрящие, оставшиеся на скале, знаками показали, что тварь ушла, выдохнула.

Альрик снял с Рыбака шлем, и оказалось, что этот болван уснул прямо в мокрой одежде и железных доспехах.

Тем же вечером мы собрались снова. Дагна и Хроар должны были сказать, что они увидели и как собираются убивать тварь.

– Эта тварь очень быстрая. Пятьдесят шагов проплыла за несколько вдохов и при этом особо не спешила. Угнаться за ней мы не сможем ни на веслах, ни при попутном ветре, – задумчиво теребила косичку Дагна. – Значит, нужно загнать ее в ловушку.

– А как она выглядела хоть? – спросил Вепрь.

– Не особо крупная, шагов пятнадцать в длину. Три глаза разной величины, по левой стороне плавники крупнее и шире, изломанное тело. На морде костяной нарост, напоминает лопату. Видимо, наростом она и пробила борт ярлова корабля. Думаю, что она может протаранить только с разгону. Может, вообще сослепу врезалась и не поняла, что случилось. Пасть усеяна разномерными зубами не только спереди, но и внутри. Шкура покрыта некрупными шипами, так что копыта соскальзывают. На пузе шипы еще больше, так что там тоже не пробиться. Сторхельт, может, и сумеет ее проткнуть, но ребята с пятой и шестой рунами не смогли.

Описание морской твари напомнило один случай. Когда-то давно в Сторбаш приехал очередной жрец, изломанный, с отрубленными кончиками пальцев, слева тяжелым грузом давил на него горб. Я был еще совсем ребенком и впервые повстречал такого урода, перекобоченного и несуразного. Близнецы, помню, тогда перепугались и заплакали, я швырнул в него камень, выломал палку и хотел было прогнать его, как паршивую собаку, как вдруг этот урод рассмеялся. Звонко, переливчато, словно бы и не он это был.

– Добрый воин вырастет из такого славного мальчугана, – сказал он. – Убийца тварей!

– А ты сам разве человек? – спросил я, позабыв о палке.

– Был когда-то.

– А теперь?

– А теперь я уже и сам не знаю.

Этот жрец и рассказал, что каждый зверь, каждый человек, каждая рыба или птица по-своему прекрасны. У них два глаза, одна спина, нос и рот, парные конечности. И если сравнить левую половинку с правой, то они получатся похожими друг на друга, вон как Ленне и Нэнне. Так получилось, потому что боги любят красоту. Твари же уродливы. И не потому, что они злые. Волки тоже нападают на людей, медведь может задрать ребенка, но их не считают злыми или уродливыми. У тварей же нет красоты и соразмерности. У них может быть шесть глаз: два справа, три слева, а один – на затылке. У них непарные конечности, неправильные тела, несколько сердец.

Мы спросили тогда, не превращается ли сам жрец в такую тварь? Ведь у него уже некрасивое тело. А жрец ответил, что когда-то он был красивым, высоким и стройным, а потом довелось сразиться с одной тварью, которая переломала ему спину, после чего и вырос горб.

– Может быть, когда-нибудь я сам стану богопротивной тварью, но сейчас я не чувствую в себе зла, а милосердный Мамір охотно откликается на мои вопросы.

Потом жрец ушел, и я больше никогда его не видел.

Говорят, что Мамир потому и отрубил себе девять фаланг пальцев, чтобы приблизиться к облику тварей и черпать скрытые знания у их праматери, бесконечной черной Бездны, чьё имя никто не знает. Его примеру следуют и жрецы, что хотят познать запретное.

А еще говорят, что порой рождаются дети, которых коснулась Бездна: с рассеченной верхней губой, без руки или ноги, с белыми незрячими глазами или наростами на лице. Если дать им вырасти и получить благодать, то покажется наружу их тв́арский нрав, и будут они сражаться на стороне тварей с людьми и богами. Потому таких уродцев сразу убивали: либо относили в лес Хунóру, либо топили в море для Нárла, либо отсекали голову во имя Фомр́ира.

– ... так и заманим в ловушку, – закончила речь Дагна.

– И как ее потом убивать? – уточнил ярл Торир.

– Да как хочешь. На суше она не опасна, рано или поздно шкура ее поддастся копыю или секире. Или и вовсе задохнется, как обычная рыба. Либо можно обложить ее дровами и сжечь.

– Заодно и жареного мяса поедим! – сказал тучный краснолицый мужчина.

– И то правда. Отрастишь себе еще один глаз, плавники и будешь служить Хроару в море, пока не потопишь корабль и не сожрешь своих же собратьев, – отрезала Дагна. – Я слышала, раньше были глупцы, что жрали твариное мясо, только не слышала, чтобы они выжили после этого.

На том и порешили.

Ни мы, ни Альрик нужны не были. Слишком низкорунные. Лишь ради Рыбака, вокруг которого и строился весь план, нам было позволено участвовать. Жаль, что кроме себеля, мы ничего не получим: ни сердца твари, ни крупицы силы, зато посмотрим на сражение и поучимся у более опытных воинов.

Спустя несколько дней подготовка была завершена. Мы приплыли в крохотную бухточку, вход в которую был настолько узким, что драккар не смог войти туда, и мы добрались до берега на лодках. Над входом в бухту подвесили решетку, сколоченную из толстых бревен. Достаточно перерубить веревки, как решетка рухнет вниз и перекроет вход, а чтобы она не выпала, в скалах вырубали пазы.

Перед тем как выбрать именно это место, опытные пловцы проверили здешние скалы на подводные расщелины. А вдруг вывернется тварь да и уйдет в море?

Берег тут неласковый, скалистый, а дно бухты усеяно невидимыми зубьями, так что тварь не сможет свободно плавать и набирать скорость. Уже сколотили двойную клетку и гостеприимно подняли дверь, которая держалась на одном хитром узле. Одна часть ловушки – для твари, вторая – для Рыбака. В этот раз тварь будет настороже и станет подкрадываться к лакомой наживке медленнее, потому Дагна решила не портить запах железом и засунуть Халле в воду, как он есть. А чтобы Рыбака не сожрали до срока, его часть клетки

обтянули сетями и внутри, и снаружи.

Рыбак держался молодцом: то ли уже привык быть наживкой, то ли мед оказался слишком крепким. Он спокойно полез в свою часть клетки, хотя даже мне было не по себе. А вдруг тварь проломит общую стенку внутри ловушки? А вдруг Халле запутается в сети и захлебнется? А вдруг он не сумеет выбраться наружу?

– А все-таки не нравится мне твой замысел, Дагна, – неожиданно сказал Хро́ар, глядя с обрыва на клетку. – О чем потом будут петь скальды? О могучих топорах, срубивших клетку? Об отважном Халле, что собственной задницей прибил тварь?

– Так я тебя не держу! – тут же обозлилась она. – Давай, прыгай в море, маши там здоровенной секирой, а потом скальды сложат не одну вису о Хро́аре Тупоголовом. Доблесть и бесстрашие, конечно, прекрасны, но нужно же еще и голову иметь.

– А водичка холодненькая! – проорал Рыбак из клетки. – Вот уже какая-то дрянь полезла!

Мы напряженно всматривались в воду вокруг него. Твари тут пока не было. За ней следили люди на скалах, обрамляющих вход в бухточку, и должны были предупредить о ее прибытии. Только кто его знает, что тут живет в обманчиво спокойных водах? Может, тут спит прабабушка этой морской твари, наполовину выросла в скалы и покрылась песком от старости? А сейчас она почует Рыбака и захочет посмот-

реть на него. И вздрогнут скалы, что на самом деле лишь крохотные шипы на ее спине, всколыхнется вода, вздымаясь крутыми бурунами, захлестнет клетку, закружит ее в вихре, и захлебнется Халле, так и не увидев огромной пасти, что поглотит его. О чем, сожри меня тролль, я думал?

Вода возле клетки и впрямь заколыхалась, но лишь от мельтешения рыбешек и барахтанья крабов. Судя по всему, никого крупнее в бухточке не водилось.

– Ай! – скорее удивленно воскликнул Халле. – Кто-то пробрался через сетку.

– Ты справишься? – крикнул Альрик.

– Если увижу, то справлюсь.

У Рыбака с собой были топорик и нож, как раз на такой случай.

– Оно жжется! – снова отозвался Рыбак.

– Клянусь отрубленными пальцами Мамира, я еще никогда так не ждала прихода твари, – пробормотала Дагна, вглядываясь в смотрящих.

– Больно жжет! Я ноги не чувствую.

Альрик склонился над обрывом и негромко сказал:

– Еще немного, и я его вытащу. Я обещал, что он не пострадает.

– Подожди. Она еще не почувяла.

– А может и не почувствует! Вдруг его дар так далеко не действует?

– Мы взяли его одежду и опускали в воду два раза в день,

подводили тварь сюда. Она неподалеку, – тихо ответила Дагна.

Я смотрел на клетку, на воду вокруг нее, выглядывая то, что обжигает Халле. Потом выхватил копье у ближайшего воина и спрыгнул вниз.

Рыбак с закотившимися глазами опускался на дно клетки, а всему виной был прозрачный студень, сумевший запустить длинные щупальца, похожие на лохматые старые веревки, сквозь ячеи сети. Я вскарабкался на клетку, перевернул копье и древком отпихнул медузу в сторону. Затем перехватил копье поудобнее, рывком зашвырнул студенистую медузу голову на ближайший камень и пару раз ткнул острием. Несколько щупалец оборвалось и застряло в сети, потому я отрезал кусок от рубахи, обмотал ладонь, чтобы самому не обжечься, и вытащил их. Рыбак все еще не приходил в себя. Я подлез под сеть, протиснулся между бревнами решетки – в одном месте их специально поставили пошире, чтобы Халле смог вылезти, перебрался через вторую сеть и схватил Рыбака, подняв его голову над водой.

– Дыши, Халле, дыши!

Его голова безвольно болталась на шее, точно подрубленная. Одна штанина была порвана, и меж лохмотьев виднелись посиневшие в холодной воде рубцы.

– Дыши, задери твою мать тролль!

Его кожа была ледяной, да я и сам уже продрог.

– Вытаскивай его, Кай!

Сверху послышался голос Альрика. И почти сразу же звук рога с моря – показалась тварь.

– Продержитесь еще немного! – а это уже Дагна.

Я врезал Халле по спине.

– Дыши, Рыбак!

Снова протрубил рог, значит, тварь прошла в бухту. С тяжелым плеском опустилась решетка, перекрывая выход.

Я бессильно тряс Рыбака. Уже поздно вытаскивать его из клетки, мы не успеем. Надо дожидаться, пока тварь заплывет в ловушку.

Третий раз прозвучал рог. Она близко! Я обхватил Рыбака покрепче за пояс, прижался к дальней стенке, одной рукой вцепился в бревно. Теперь я и сам видел тень, что двигалась к нам с огромной скоростью. Я успел заметить лишь разномразмерные глаза, тупое вытянутое рыло, многозубую пасть, как она врезалась в решетку между нами. Хлестнула в лицо волна, я замотал головой, пытаюсь стряхнуть воду с глаз и разглядеть, выдержали ли бревна. Наверху что-то вопила Дагна, срывая глотку.

– Получилось?

Я обернулся. Халле, бледный, как луна, и холодный, как айсберг, широко открытыми глазами смотрел на тварь, беснующуюся перед нами. Ее рыло впечаталось в решетку и застряло, она никак не могла его вытащить, била плавниками, вертела изломанным телом, разевала пасть так, что я мог бы пересчитать ее бесчисленные зубы. Но самое главное – у нас

получилось. Мы ее поймали.

Я отпустил Халле, выхватил топорик из-за пояса и начал бешено рубить им по морде твари. За мой испуг, тварь! За чуть не умершего Рыбака! За тупые замыслы и их создателей! За всех богов, вышедших из моря!

– Стой, – еле слышно просипел Рыбак и дернул меня за пояс. – Не ты должен убить ее.

– Да ей хоть бы что! – прорычал я, но остановился. – Ни единой царапины! Только зарубы на топоре.

– Вытащи меня. Я не чувствую пальцев ног. Да и вообще уже ничего не чувствую.

– Конечно.

Рубанул еще один раз, попал прямо в глаз и с наслаждением смотрел, как тварь корчится, как вытекает белесая жидкость, смешиваясь с соленой водой.

– Кай!

Я скорее почувствовал его голос, чем услышал. Убрал топорик, схватил Халле и потащил его из клетки. С обрыва нам кинули веревку, я привязал еле дышащего Рыбака и полез следом. Ребята подхватили бедолагу, тут же на берегу раздели догола, растерли жиром и замотали в волчьи плащи. На его ногу было страшно смотреть. Медуза обожгла ему всё от лодыжки до колена, там вздулись огромные синевато-красные рубцы. Кровь прежде не шла из-за ледяной воды, но теперь она засочилась из ран и текла по ноге, пачкая белую шерсть.

– Значит, говоришь, не буду я ранен? – прошептал Рыбак, кривясь от боли.

Хвала Формиру, пальцы на его ногах не успели замерзнуть и сейчас походили на кровяные колбаски. Я тоже скинул задубевшую одежду, натерся жиром и накинул свой плащ.

– Я говорил про тварь, – усмехнулся Альрик. – Кто знал, что эта медуза сумеет пролезть через заслоны? Не бойся, Рыбак. Ты получишь десять долей. Я отдам свою часть.

– Нет. Пять. И пять отдай Каю. Он спас мне жизнь.

Кто-то всунул мне в руки кружку с обжигающе горячим медом, резко пахнущим какими-то травами и специями. Я вылебал его несколькими глотками и почти сразу поплыл... Глаза безудержно закрывались. Я не стал сопротивляться, лег там, где стоял, и мгновенно уснул.

Глава 3

Альрик ворвался в дом, где нас поселили, с шумом. Захлопнул дверь, пнул ее со всей силы так, что доски затрещали. Сел на лавку, врезал кулаками по столу, снова вскочил и прошелся за нашими спинами.

– Чтоб на него пьяный тролль сел! Чтоб на его земли пришла праматерь тварей! Чтоб его мошонку черви источили!

Хёвдинг не сдерживал силу, и от него пыхало жаром. Впрочем, по сравнению с тем, как оно было у Флиппи Дельфина, перенести это было несложно, а вот остальные хирдманы, не обжигавшиеся прежде о рунную силу, невольно отодвинулись от Альрика подальше.

– Чтоб ни одна женщина больше не взглянула на него! Чтоб его дети оказались мужеложцами! Чтоб его оседлал великан!

Вебрь молча сунул Альрику кружку с пивом, тот, не думая, схватил, отхлебнул глоток, потом взревел еще сильнее и швырнул кружку в стену. Косой еле успел отдернуть голову.

– Даже его пиво на вкус как моча! Моча дряхлого больно-го проказой осла! Каждый ярл как ярл! В благодарность после подвига закатывает пир и открывает бочонки с лучшими напитками. А этот Торир Тугая Мошонка даже накормить нормально не может! Что за дрянь он нам прислал?

– Тушеную репу. И вареную курицу, которая вылупилась

из яйца, когда моя бабка издала первый крик.

Тулле положил мне руку на плечо, напоминая, что я обещал сдерживаться. Как раз вовремя.

– Он не хочет платить? – срывающимся от злости голосом спросил я.

Оглянулся на Рыбака, что лежал на лавке под тремя одежами и трясся от холода, который забрался в его кости во время охоты на морскую тварь и никак не хотел выходить обратно.

– Да он... – Альрик еще раз треснул кулаком по столу, – он не отказывается. Он не может отказаться. Но вертит хвостом похлеще матерой лисы. Говорит, что издержался, пока Хроар с Дагной попусту гонялись за тварью две седмицы. Говорит, что заплатит через месяц. Или к концу лета. Или в следующем году.

– А что Хроар? Неужто он стерпит?

– Хроару он заплатил сразу. Попробуй не заплати хускарлу с двумя кораблями и полусотней воинов.

– От его кораблей и воинов не было никакого толку.

– Как видишь, был. Они помогают выбить оговоренную плату. Хроар еще и сердце заполучил.

– А Дагна?

– Ей отдали право умертвить тварь. Так что она теперь девятирунная.

Против этого мне нечего было сказать. Дагна заслужила это право. Богаче она не стала, но я бы отдал всё серебро

мира за возможность стать сильнее.

– А мы? – чуть слышно спросил Рыбак.

Голос его пропал, и из горла шел только сип.

– А мы можем и подождать.

Я рванулся было, но Тулле еще сильнее надавил на плечо, усаживая обратно.

– Может, еще раз искупать Рыбака в прибрежных водах? – предложил Тулле. – Созвать сюда всех морских тварей, и пусть ярл разбирается с ними.

– Согласен, – просипел Халле.

– Ты тогда и вовсе помрешь, дурак.

Дверь со стуком распахнулась, в наш дом ворвалась Дагна и внесла за собой целый ворох запахов: дыма, копченого мяса, острого пива и крови. Она выглядела пьяной и довольной собой.

– Ну что, мои червячки, готовы поплавать?

Альрик нехотя поднялся с места, чтобы поприветствовать ее.

– Нам еще за прошлую рыбалку не заплатили.

– Ох, уж этот Торир Тугая Мошон... Мошна. Все время путаю это его прозвище. Лучше уж в одно слово. Да, он скопидом еще тот. Но мне и Хроару он выплатил все сполна, потому что... потому что не дурак.

Тут она заметила закутанного по самые уши Рыбака и расплылась в улыбке:

– А вот и главный червячок. Как ты, малыш?

От такого обращения у меня снова зачесались кулаки. Халле, конечно, не отличался высоким ростом, да и борода у него пока не выросла, но он был старше меня по меньшей мере на пять зим. Дагна и сама еще не старуха, как она может так говорить?

– Подожди пару дней, и я покажу, какой я малыш, – выдавил Рыбак.

Дагна заливисто рассмеялась, точно услышала забавную шутку, растрепала его слипшиеся от пота волосы, звонко поцеловала в лоб.

– Договорились! Я вообще зачем к вам пришла...

– Чтобы посмеяться? – предположил я.

– Есть способ выбить из Торира деньги. Но придется сделать кое-что еще, – Дагна согнала пьяную улыбку с лица, села за стол, глотнула пива, скривилась и отставила кружку. – Думаете, он просто так раскошелился на меня и Хроара? Да, тварь ему мешала, но не сильно. Гоняла рыбу, пугала людей, сдуру потопила корабль, но всего один. Да он бы еще год собирался с духом, если не одно обстоятельство.

– Какое?

– Дочь у него на выданье. Он все никак не мог подобрать достойного мужа и решиться дать приданое. Но вот минуло ей два десятка зим, жена взяла за горло, и жених нашелся. Сын ярла Гвена. Нужен кораблик, который доставит дочку к жениху.

– Пусть к Хроару идет, – сказал кто-то из наших.

– Его помощь слишком дорого обойдется. Да и боится Торир, что не довезет Хроар его дочь в целости и сохранности. Все же пять десятков мужчин. А ну кто как глянется дочурке? Или дочурка кому глянется? Так что ее честь и достоинство были поручены мне.

Дагна самодовольно выпятила и без того пышную грудь.

– Только у меня нет корабля. И нет своего хирда. Я предложила Ториру вашего «Волчару» и пояснила, что с любовными порывами твоих людей я как-нибудь справлюсь, но ему придется заплатить за вашу работу. Хочу сразу пояснить. Не Торир нанимает твой корабль, а я. Задание поручено мне.

Альрик поднялся.

– Готов отплыть, как только получу плату. Думаю, Рыбаку станет лучше, когда мы уберемся из этого гнилого места.

Спустя два дня с изрядно потяжелевшими кошельками мы покинули негостеприимный дом ярла Торира. Как и обещал Альрик, мы с Рыбаком получили по пять долей, и я себя почувствовал настоящим богачом. Шутка ли – иметь две марки серебром? Это же целых четыре коровы можно купить! Или двух рабынь. Да хотя бы одну купить и стать уже мужчиной во всех смыслах. Во время зимовки все наши, даже глуповатый Рыбак, нашли себе женщин, пусть и староватых. Все, кроме меня. Девчонки подходящего возраста сторонились нас, хотя некоторые и заглядывались на Тулле из-за его высокого роста и мягкого нрава. Женщины постарше видели во мне лишь мальчишку и не воспринимали всерьез. Я про-

жил уже четырнадцать зим, но из-за роста выглядел младше, и волосы на лице никак не хотели появляться. Отец говорил, что тоже долго выглядел ребенком, а потом за одно лето резко вытянулся, так что мне ничего не оставалось, кроме как ждать.

Для дочери ярла и пары ее рабынь мы соорудили навес посередине корабля, сложили туда ее сундуки и рухлядь, и с попутным ветром тронулись в дорогу. Дагна не обращала внимания на порученных ей девок и большую часть времени проводила с Альриком и с нами, рассказывала о своих приключениях, обменивалась похабными шутками, порой садилась на весла, не гнушаясь простой работы.

– Думаете, почему я до сих пор как бездомная собака, без своего корабля и хирда бегаю? Потому что вы, мужики, не умеете думать одной головой. Стоит только прибиться к чьей-то ватаге, сразу же там затеваются склоки: парни начинают решать, кто будет делить со мной одеяло. Один раз я ради смеха дождалась окончания спора. Было много драк, сломанных носов, отрубленных пальцев, хёвдинг уже и не рад был, что согласился меня взять в хирд. А потом победитель торжественно приперся ко мне и объявил, что отныне я буду спать с ним. Вот он удивился, когда я вышвырнула его прочь, пищал, что это нечестно, и что он заслужил это право. Еще бы ему не пищать после того удара промеж ног! Хуже всего, что после этого спор не затих! Ну хёвдинг и распроштался со мной поскорее, пока еще у него оставались люди.

Пробовала я собирать свою ватагу, но и там начались драки. Так что я плюнула на это дело и решила плавать одна. Или вот с такими временными попутчиками, как вы.

Рассказывая это, Дагна размеренно гребла, и все парни любовались на то, как перекачивались мускулы на ее плечах. Ярлова дочь выглядела иначе: рыхлая, мягкая, округлая, от нее веяло уютом и домашним теплом. Она была точно коврига пресного хлеба: безвкусная, сытная и подойдет к любому блюду. Дагна же была похлебкой с щепоткой иноземной пряности: остро, жжется, слезы градом текут из глаз, но оторваться просто невозможно.

Плыли мы спокойно, без приключений. Лишь пару раз увидели другие корабли. Первый мелькнул на горизонте и ушел дальше, а второй внезапно заинтересовался нашим «Волчарой». Медленно и неуклонно он приближался к нам, великолепный драккар на тридцать пар весел, а значит, там было не меньше пяти десятков воинов.

Дагна ухмыльнулась, дождалась, пока драккар приблизился на две сотни шагов, схватила копье и швырнула со всей силой девятирунного воина. Оно воткнулось в середину щита, вывешенного на борту, и ушло на ладонь вглубь. Люди на корабле всё поняли и резко изменили курс.

На третий день плавания Дагне стало скучно, и она ради шутки привязала один конец веревки к руке спящего Рыбака, а второй закинула в море. Дул отличный попутный ветер, мы тоже заскучали, сидя без дела, а потому не стали ей ме-

шать.

Какое-то время все было спокойно, а потом веревка начала разматываться и уходить в море.

– Да неужели? – воскликнула Дагна, схватилась за конец, уперлась ногами в борт и принялась ждать рывка.

Мы с Тулле переглянулись и тоже взяли за веревку позади Дагны, а за нами встали и остальные ребята. Альрик взял копье и застыл возле борта, готовясь отразить любую атаку.

В самый последний момент, когда вся свободная часть веревки стравилась в воду, Дагна Сильная рванула ее на себя, и из воды вылетела крупная, размером со взрослого мужчину, рыбина. Альрик метнул копье, и на палубу рыбина рухнула уже мертвой. Ярлова дочь и ее рабыни завизжали от неожиданности, а Дагна расхохоталась.

– Будет что на ужин пожарить!

После этого мы уже не разрешали ей шутить над Рыбаком, да она и сама не пыталась. Поняла, что таланты Халле работают, даже когда он лежит в беспомощности, накрытый десятью волчьими плащами.

Старина Хьйолкэг расстарался, и почти всю дорогу нас подгонял попутный ветер, потому на пятый день «Волчара» коснулся пристани возле города Кривой Рог, названный так за искривленную скалу, которая, казалось, вот-вот отвалится и рухнет в море, но держалась так уже не один десяток лет.

На берегу ждал будущий зять Торира, закутанный в медвежью шкуру, поверх которой лежала тяжелая серебряная

цепь. Он ласково принял ярлову дочь, приказал взять ее сундуки с рухлядью, вежливо поблагодарил Дагну Сильную за хорошую работу и дал ей серебряный браслет в оплату. Дагна покрутила его, покрутила, затем положила на бревно и разрубила пополам.

– Альрик, твоя часть, – и кинула половину браслета хёвдингу. – Ну, прощайте, сноульверы! По желанию Фомрира свидимся еще. Хотя никакие вы не волки, так, червячки еще.

Махнула нам рукой и ушла, покачивая самой великолепной задницей на свете.

Альрик подождал, пока она уйдет, а потом объявил, что мы остановимся тут на несколько дней. Нужно обновить припасы, починить оружие и доспехи, кому потребно, подлечить Рыбака. Я захотел прикупить наручи, нагляделся, как те самые снежные волки рвали в клочья запястья. Куртка, что досталась от оставшегося безымянным убитого из хирда Торе Длинный Волос, была без рукавов, и руки у меня оставались самыми незащищенными. Тулле согласился прогуляться со мной.

Кривой Рог впечатлил бы меня больше, будь он первым увиденным городом после Стóрбаша, но и сейчас я был удивлен, углядев каменные дома. Неужто удобно жить в доме, сложенном из холодного камня? Это ж как будто в погребе живешь, и зимой, и летом зябнешь. Деревянные срубы как-то уютнее и ближе. Подивился я и огромной площади, на которой торговцы разложили товар и скликали народ посмот-

реть да пощупать его своими руками. Я загляделся на выставленных рабынь, некоторые из них были молоды, с хорошими белыми зубами и крепкими грудями, но Тулле вовремя напомнил, что Альрик не пустит на корабль с рабынями, какими бы красивыми они не были.

Еще удивил мужик с черными кучерявыми волосами и такой же кучерявой бородой. Он размахивал ножницами и гребнем и кричал:

– Кому бриться-стричься! Волос крашу, завиваю, укладываю. Кудри будут как настоящие.

Я сначала даже не понял.

– Да и зачем? Своих рук, что ли, нет, чтобы себя постричь?

– Молодой воин! – он заметил интерес и тут же вцепился: – У тебя отличный волос, густой, пышный. Могу осветлить так, что само солнце позавидует золотому блеску на твоей шевелюре.

Я тоже поддался веяниям нашего хирда, но выбелил не отдельные пряди или челку, как остальные, а заплел тугую косу и сверху намазал щелочью, потом смыл и распустил. И получились белесые пятна словно у пегой лошади. Мне нравилось.

– Мне и так хорошо. А ты чего же с ножницами здесь сидишь? Иди лучше в море! У тебя всего одна руна, разве это дело?

– Я не воин. Я цирюльник. Это мое ремесло, и им я зара-

батываю на жизнь. Иди отсюда, раз не хочешь стричься.

Мы с Тулле ушли, но я еще долго оглядывался и спрашивал друга:

– Как может быть ремеслом стрижка волос? Неужто он больше ничего не умеет? Каждый мужчина должен уметь многое: и убивать, и на корабле ходить, и с рогатиной охотиться, и детей растить, и дом поставить, и поле вспахать. А он только ножницами машет? Что это за мужчина такой?

Тулле смеялся:

– В городах еще и не такое можно встретить. И разве ты не понял, что не из наших он? Пришлый какой-то. В чужих землях, я слышал, у каждого лишь одно умение. На многое разумения не хватает.

К счастью, вскоре мы наткнулись на кожевенника, и тот быстро спроворил наручи из твердой, как дерево, кожи. Крепкие, толстые, они плотно облегли руку от кисти до локтя, не мешая движению, и затягивались прочным шнурком, который можно было хитро спрятать внутри.

Я все еще разглядывал обнову, за которую отдал аж полмарки серебром – целую корову за пару наручей! – как из толпы вынырнул невысокий тощеватый парень, видевший не меньше двадцати зим. Некрасивый, с черным кучерявым волосом на макушке и лице, он сразу мне пришелся не по душе, напомнив иноземного цирюльника.

– Тулле, сын Скаге, ты ли это? – притворно ослабилась он, широко распахнув руки.

– Свартольв, сын рабыни, – холодно поприветствовал его Тулле. – Далекó ты ушел.

– Так ведь после убийства отца, единственного, кто хоть как-то признавал меня, я уже не мог там оставаться. Ко мне относились, как к презренному трэлю.

– Кем ты и являешься.

– Наполовину. А наполовину – я сын твоего дяди. Счита́й, двоюродный брат.

– Дядя тебя не признал, и я не стану.

Тулле хотел уйти подальше от этого Свартольва, обогнул его и двинулся дальше, как тот крикнул на всю площадь:

– Слышал, ты баб избегаешь. Теперь выгуливаешь пегую кобылку?

Я в одно мгновение развернулся, прыжком очутился рядом с рабым сыном, вытащил нож и приставил снизу к его подбородку.

– Все слышали? Он назвал меня кобылой! – рявкнул я, едва сдерживая руку. – Кто готов засвидетельствовать?

– Хакáн, сын Эйна́ра! – отозвался парень неподалеку.

– Эрик, сын Свэ́рра.

– Фб́лке, сын Анлафа.

– Этого достаточно, – сказал я и вонзил нож до самого нёба.

Свартольв, даром что имел три руны, распахнул рот и заорал, располозовав язык до самого кончика. Я улыбнулся ему в лицо и выдернул нож. Из его поганой пасти пена ме-

чей¹¹ хлестала ручьем. Он свалился на землю и судорожно заикал, захлебываясь собственной кровью.

– А теперь я готов сообщить любому, кто спросит: Кай, сын Эрлинга, собственной рукой подрезал слишком длинный язык Свартольву, сыну рабыни, за смертельное оскорбление. Я из хёрда Альрика Беззащитного, наш корабль называется «Волчара». Сделаю то же самое, если будет на то нужда, и отвечу на любое обвинение.

Никто не выступил в защиту Свартольва, так что мы с Тулле пошли дальше.

– Почему ты просто не убил его? – спросил меня друг. – Ему придется помучиться перед смертью.

– Не хочу, чтобы он попал в дружину к Фомриру и продолжал трепать своим языком. Пусть сдохнет, как жалкая овца. Надеюсь, ты не будешь мстить? Все же он был твоим родичем.

– Никто в семье не признавал его родней. Лишь в его голове мы были равны. Если бы он был достойным человеком, дядя мог бы его возвысить из рабов в свободные люди.

– Вот и ладно. Не хотел, чтобы между нами была кровная вражда.

И мы направились в ближайшую пивную, чтобы отметить покупку таких славных наручей.

¹¹ Пена мечей – иносказательно – кровь.

Глава 4

Разбирательство по убийству Свартольва было коротким. Местный ярл, отец жениха, пригласил весь наш хирд, опросил свидетелей. Дагна подтвердила, что знает меня и моего отца, что я свободный человек и достойный карл. Защитников или кровников у Свартольва не нашлось, а потому мне даже виру не пришлось выплачивать.

Благодаря столь кровавому и прилюдному убийству хирд Альрика Беззащитного прославился во всем городе, и новая работа не заставила долго ждать.

К нашему кораблю подошли два мужа, одинаково косматые, бурые и неразговорчивые, попросили позвать хёвдинга и сказали, что есть одна беда, с которой своими силами они справиться не могут.

Было видно, что Альрик им не глянулся. Наверняка в их глазах он был слишком ухоженным, с выбеленными волосами, уложенными в красивую прическу, да и ширина его плеч не потрясла воображение. Хорошо хоть, Вепрь как раз вернулся из города, и мужики, оценив его могучую фигуру и звериное выражение лица, повеселели.

– У нас того, свой хутор, хозяйство справное. Сотня коров, две с половиной сотни овец, своя земля, три дома, ну и всякое прочее – амбары там, загоны. Рабов одних только десяток, – заговорил один из них. – Женки, понятное дело,

дети. Мы живем сами по себе, привозим на продажу мясо да ткани, покупаем то, чего не можем сделать сами. Я ковать немного умею, брат одним топором что хочешь смастерит: хоть миску, хоть лавку или сундук. Мы ни к кому не лезем и у себя никого видеть не хотим.

– Уважаю ваш выбор.

– Со всякой мелочью, вроде волков и медведей, мы и сами справляемся. Твари спускаются редко, и ярловы люди охотно берутся за их изничтожение. Вот только по весне появилась в наших лесах новая зверушка.

– Не тварь? – уточнил Альрик.

– Не тварь. Твари-то всегда неправильные, кривые, а эта хоть и страхолюдная, но вполне себе нормальная: две лапы сверху, две снизу, одна голова. Любит коров задирать и утаскивать в лес. Уже штук пять увела.

– Троль это, – буркнул второй мужик.

– Мы ловушки ставили, да обходит он их. А вдвоем брать такого в копыта страшно. А ну как не пробьют они его шкуру? Порвет ведь за милую душу, а потом и до домов наших доберется. Ярл говорит, мол, сейчас у него свадьба на носу, так что через месяц-другой отправит людей.

– Еще два десятка коров уведет, – снова подал голос второй.

– Двадцать коров – это десять марок серебром, не меньше. Вот мы с братом покумекали и решили найти ватагу, что изничтожит тролля. Готовы заплатить марку за работу.

– Марку? – удивленно вскинул брови Альрик. – Ты посмотри на мой хирд. Все как на подбор третьей руны, я сам на четвертой. А самый меньшей мой, Кай Эрлингссон, поди слышал о нем, вчера трехрунного одним ножом уложил.

– Потому и пришли. Слышали, как мальчик из пришлого хирда, не моргнув глазом, язык раскроил хулителю.

Я чуть не зарычал при слове «мальчик». Две руны, а все туда же – «мальчик». Может, и ему язык отрезать, раз пользоваться не умеет? Тулле шагнул вперед, перекрывая дорогу. Вот же здоровенная орясина, вымахал размером с того же тролля! Сразу и не обойдешь.

– Вот и подумали, что, может, возьмутся эти пришлые за нашу беду.

– Одна марка вроде бы и много, – сказал хёвдинг, – а раздели ее на всех – даже по эре на нос не получится. Думаю, три марки было бы в самый раз.

– Три марки? Это ж шесть коров можно купить. На ваш кораблик столько и не влезет.

– Да мы люди боевые, серебро не скотом меряем. А один меч стоит поболее трех марок.

– А что, у тебя ватага оружием бедна? Так ведь тролля палками и не заковыряешь. Может, нам кого другого поискать? Посильнее да пооружнее? Или за полторы марки возьметесь?

– А что, может, и поищи, – улыбнулся Альрик. – Ваш ярл народу созвал немерено, может, кто и согласится за марку

променять веселый пир на горного тролля. А мы – люди простые, нам лишь бы удаль свою проявить. Хошь, на морскую тварь выйдем, хошь, тролля побьем. И всего-то за две с половиной марки рискнем жизнями своими.

– Удадь – дело хорошее, славное. А слава – это и есть богатство воина. Мало кто нынче может похвастать троллевой шкурой. Мы ведь на шкуру и потроха не заримся, нам лишь бы стада сберечь. Так что полторы марки – это не просто полторы марки. Это еще и слух по всем северным морям о победе над троллем, и морда его в доказательство, и шкура, что даже топоры не берут. Выделай – и будет готовый доспех, получше всякой кольчуги. А за кольчугу не меньше шести марок берут. Эх, хоть с тебя деньги бери за такую работу!

– Мне кольчуга ни к чему. Беззащитный я. Фомрир хочет, чтобы я удаль проявлял в бою, не прикрываясь ни железом, ни дубленой кожей, ни звериной шкурой. А вот серебро не запретил, – показно вздохнул Альрик.

– Потому мы Хунóру приносим жертвы. Хунор-охотник таких глупостей не придумывает. Последнее наше слово – полторы марки серебром, всё, что с тролля возьмете, ваше, а еще снабдим хирд припасами на месяц. Вяленое мясо, овощи, лепешки, что не портятся целую седмицу, рыба и бочонок домашнего пива, такого крепкого и густого, что в нем топорик не тонет. Всего два таких осталось с прошлого года! Храним в погребе для дорогих гостей.

Альрик прикинул, подсчитал и согласился.

Рыбака мы оставили в городе под присмотром, он уже не трясся, как осиновый лист, и жаром от него не пыхало, но воспалились раны на ноге, оставленные щупальцами медузы. Хёвдинг пригласил местную женщину с благословением Орсы, чтобы та осмотрела раны и вылечила бедолагу, но дожидаться результатов не стал. Мы собрались и в тот же день тронулись на земли братьев, которых мы прозвали попросту Видарссоны, по имени их отца, так как внешне различить их невозможно. И как только жены не путают? А может и путают. Кто поймет этих лесных жителей?

Видарссоны, как и подобает рачительным хозяевам, спустились в город не только в поисках помощи, заодно прихватили шкуры, припасенные за зиму, ткани, колбасы, другую снедь, выгодно продали всё ярлу под свадебный пир, закупили всякую всячину, и обратно телеги возвращались также не пустыми. Потому нам пришлось плестись следом за тяжелыми повозками. Хорошо хоть время братья рассчитали четко, и к хутору мы подъехали в самые сумерки. Еще б чуть-чуть, и пришлось бы идти наощупь.

– Вы уж простите, но в главный дом пустить не можем. Да и места не хватит. Переночуете в сеннике. Угощение сейчас принесут, – сказал один из Видарссонов перед въездом.

В прыгающем свете масляных ламп мы увидели их семейства, выстроившиеся перед дверью дома. Женщины с до времени увядшими лицами, двое парней моего возраста, девчонок целый ворох и еще несколько мелких детей непонятно-

го пола. Рабы, несмотря на позднее время, засуетились еще сильнее, засновали по двору, с подъезжающих телег на ходу снимали груз и утаскивали в другие постройки, широко раскиданные по двору.

– Жена, принеси мяса да пива. Хлеба тоже неси.

Один Видарссон тут же нашел, за что можно обругать рабов, и с упоением принялся их чихвостить, а второй отвел нас в сенник, принес несколько одеял, в дверях принял еду от женщины и сам передал нам.

– Много не наливаю, так как на охоту за троллем лучше идти со свежей головой.

Едва за ним закрылась дверь, как мы расхохотались. Я так долго сдерживал смех, что аж живот заболел.

– Странно, что они нас сегодня же в лес не выперли. Это ж мы целую ночь будем просто так лежать, сено мять, – вытирая слезы, сказал Снежный Хвит.

– Альрик, а ты уверен, что нам заплатят? Того и гляди, они за постой деньги потребуют.

– Уверен. Если откажут, мы им всё хозяйство по бревнышку раскатаем. Тут мы сила.

Наутро нас снова накормили до отвала, и я должен признать, еда у Видарссонов была отменной. А потом братья и впрямь выпроводили нас на охоту, показав, где пасется скот и где тролль в прошлый раз волок корову.

Целый день мы прочесывали лес в поисках этой животины, и ведь далеко не мелкий зверь, но, видать, еще не отле-

жался после прошлого сытного обеда. Потому вечером, сидя у разожженного костра, Вепрь предложил новый план.

– А зачем нам его искать да ноги бить? Сделаем, как со снежными волками.

– Подождем у пастбища?

– Вы видели то пастбище. Пока с одного конца добежишь, он уже и корову сожрет, и проголодаться успеет. Пусть лучше он сам к нам придет. Сделаем приманку.

– Но и коров оставлять не стоит. Эти Видарссоны ясно сказали, что если еще хоть одна корова пропадет, они нам оплату уменьшат, – уточнил Альрик.

– Теперь я понимаю, почему они живут далеко от людей. Иначе их уже прибили бы, – сказал я.

– Трое останутся возле коров. Их дело – отпугнуть тролля и, если что, позвать остальных. Мы же будем подманивать.

Альрику пришлось выдержать настоящую битву с Видарссонами за несчастную овцу. Братья стояли насмерть, не желая отдавать даже одно животное ради победы над троллем. Они говорили, что и так потеряли немало скота, и не хотят больше кормить зверя. Лишь когда мы с Тулле тайком пробрались к стаду, сломали ногу одной овце и дождались, пока перепуганный раб притащит вопящую скотину на хутор, Видарссоны согласились ее прирезать и отдать зверю.

Два дня лёжки в засаде наконец-то начали оправдываться. Я немного задремал, когда Тулле ткнул меня в бок: к нашей

приманке, выпотрошенной и слегка протухшей овце, приближался тролль. Для существа таких размеров он двигался удивительно бесшумно. Опираясь на костяшки несуразно больших рук и семеня короткими задними лапами, тролль подошёл к туше, опустил голову, принюхался к мертвой овце, потом выпрямился во весь рост, поднявшись на задние лапы, и шумно втянул воздух. Густой дух тухлого мяса и резкий аромат трав, которыми мы заранее натерлись, надёжно отбили человеческий запах, а тролль не настолько чуток, как волк или собака.

Насторожённость зверя прошла, и он принялся за трапезу. Он рвал мясо и жевал так, что только треск стоял. Я начал понемногу напрягать и расслаблять руки и ноги, чтобы разогнать застоявшуюся кровь.

Тинь! Пропела тетива, и стрела вошла троллю в спину. Это был сигнал.

Я вскочил и изо всех сил метнул первое копьё в тролля, даже попал, но оно лишь скользнуло по косматой шкуре. Только два копья и ещё одна стрела пробили кожу зверя, наверняка, это были броски Вепря и Альрика. А с луком лучше всех в хирде управлялся, как ни странно, Энок Косой.

Подхватив второе копьё, я побежал на тролля. Даже не оглядываясь, я знал, что и остальные ребята рванули к нему. Тролль поднялся на задние лапы и гортанно заревел, ударил руками по бочкообразной груди. От этого рыка показалось, что кишки превратились в студень, и сильно захотелось об-

легчиться. Ещё одна стрела вошла троллю меж рёбер, но он этого даже не заметил.

Зверь дернулся в одну сторону, в другую, повсюду его окружали острия копий. Троль затравленно озирался и вертелся. Даже почудилось, что он вот-вот что-нибудь скажет, точно человек.

Я дождался, пока зверь не повернулся ко мне спиной, и сделал мощный выпад копьём, впрочем, не я один был такой умный. Жаль, что толку вышло куда меньше, чем хотелось бы: густая свалывшаяся шерсть и толстая кожа поглотили всю силу удара. Энок с переменным успехом осыпал тролля стрелами, некоторые даже глубоко входили в тело, но зверю они были нипочем. Бой складывался не лучшим образом: мы не могли убить тролля, а троль никак не мог вырваться из нашего круга.

Дело решил сам троль: невзирая на копья, он подскочил к Вепрю и снес его. Удар чудовищной руки переломил древко копья, как тонкую хворостину, и отбросил огромного Вепря на двоих товарищей, сбив их с ног. Именно в эту брешь троль и рванул, перескочив мешанину шевелящихся тел.

– Чего застыли?! За ним, бегом! – рявкнул Альрик и первым бросился за зверем.

Погоня продолжалась целый час, ноги гудели от усталости и грозили отказать в любой момент, легкие жгло огнём, каждый вдох отзывался болью под рёбрами, пот заливал гла-

за. Я хрипло дышал, судорожно пытаюсь собрать хоть немного слюны, чтобы освежить пересохший рот. Впереди мчались несколько наших и тролль, что любезно пробивал нам путь сквозь подлесок. Со стороны мы походили на двуногих снежных волков, которые травят дичь: беззвучные белые тени мчались за шумным гигантом, загоняя добычу.

На бегу я смахнул пот, и все переменялось. Тролль стоял спиной к расщелине и яростно размахивал длинными ручищами, желая разорвать Альрика, но тот, как ветка ивы на ветру, изгибался и не давал коснуться себя даже одним когтем. Из груди и живота тролля сочилась темная кровь, пачкающая бурую шерсть, на губах его пузырилась розовая пена, но раненый и загнанный в угол зверь был не менее опасен, чем прежде. Снова прогудела тетива, стрела чиркнула по вытянутой голове зверя, Косой тут же пустил следующую, и она нашла глаз тролля. Зверь утробно взревел, мои кишки снова сжало.

Тролль вскинул лапы выдернуть стрелу, именно этого Альрик и ждал, чтобы достать копьём горло зверя. Тролль покачнулся, едва не упав в расщелину, но хевдинг поймал его за лапу и изо всех сил потянул на себя, я бросился на помощь. Обидно, если такая туша пропадёт. Общими силами мы оттащили мертвого тролля от обрыва и попадали рядом. Наконец-то мы могли передохнуть!

Когда мы немного отлежались, и уже не хотелось выплюнуть свои кишки, Альрик заканчивал снимать шкуру трол-

ля. Хёвдинг выглядел настолько свежим и полным сил, что у меня появилось предположение...

– Никак пятая руна? – опередил меня Вепрь.

Альрик задорно улыбнулся и тряхнул полученным трофеем.

– Точно! Теперь хоть не стыдно называться хёвдингом. Мясо его жрать все равно никто не будет. Отдохнули? Давайте порадуем братьев Видарссон выполненной работой. Хвит! Ты отлично держался. Так что тебе и шкуру тащить.

Я и раньше подмечал, что Хвит, белоловый и сладкоголосый товарищ, отличался от остальных бестолковостью в некоторых привычных делах. Например, он мало что понимал в охоте, хотя с мечом управлялся отменно. Как рассказали ребята, Хвит мечтал стать скальдом, научился играть на тальхárпе и лире, выучил множество песен и сказов. Голос ему достался в дар от самого Свáльди-музыканта: он мог заморозить любого. Необычно белые, почти седые волосы тоже были Хвиту на руку. Да вот беда: слагать вiсы он так и не сподобился. Слова никак не хотели вязаться в ладные строки, а те жалкие подобия стихов, что Хвит порой выдавал, вызывали лишь смех. Вот и решил он податься в хирд, подумал, что жаркие схватки да походы помогут его дару, и песни сами собой польются из его уст.

Впрочем, я слышал и не такие истории. Может, Свáльди сжалится над бедолагой Хвитом и направит благодать не в крепость телесную, а в талант скальда.

Так что Хвит благодарно кивнул хёвдингу, вскинул свернутую рулоном шкуру на плечо и двинулся за нами в сторону хутора Видарссонов. Надо сказать, что летняя троллева шкура не вызывала восторга. Она была бурой с рыжими проплешинами и зеленоватыми пятнами плесени, полинялая, погрызенная жуками и мышами. Оставалось надеяться, что того, кто ее будет носить, она защитит получше, чем первого хозяина.

Тем временем Хвит начал странно подергиваться, перекидывал шкуру с одного плеча на другое, то и дело вскидывал руку, чтобы почесаться. Мы за его спиной переглядывались и сдавленно хихикали, зажимая рты.

Движения Хвита становились все резче, теперь он почти приплясывал под шкурой, передергивал плечами, бил пятой по заднице, проходя мимо деревьев, терся боком о шершавую кору. Смех сдерживать становилось все сложнее.

Наконец, он не выдержал, швырнул шкуру на землю, стащил с себя куртку, обе рубахи и принялся с остервенением чесать кожу на плечах, спине, животе. Мы же заржали во весь голос.

Альрик подошел к Хвиту, похлопал его по плечу, стараясь в то же время держаться подальше.

– В шкуре тролля блох и вшей живет немерено. А как туша остынет, они лезут на ближайшее теплое тело. Так что теперь у тебя намного больше попутчиков!

Хвит, яростно скребя ногтями по затылку, ничего не от-

ветил. Я знал, что больше всего он мечтал сейчас о купании в море или, на худой конец, в первой попавшейся луже. Несколько лет назад отец также пошутил и надо мной. Думаю, остальные ребята прошли через подобное в детстве, а теперь и Хвит знал, что не стоит хвататься за шкуру свежеубитого зверя.

Глава 5

Не успели мы пройти и половину пути до хутора Видарссонов, как донесся протяжный звук рога. Это был сигнал от ребят, которые остались возле пастбища. Альрик нахмурился:

– Что за беда? Мы же убили тролля!

– Может, коров не только тролль таскал? – предположил я. – Может, медведь?

– Уж с одним-то они сами бы справились, а стаями медведи не ходят. Волки? Вряд ли, они бы попытались отбить овец. Так кто там может быть? Тулле, ты легок на ногу, сбегай, посмотри, что там. Хвит, отнеси шкуру к Видарссонам, покажи, что работу мы сделали, и предупреди, что опасность не миновала, но за нее плата будет отдельная. В торги не лезь, тверди, что хёвдинг придет и всё решит. Двигаем к пастбищам.

Хвит яростно сплюнул, но спорить не стал. Ему бы все же отыскать ручеек, медленно и постепенно опустить шкуру в воду, чтобы вши успевали переползти на сухое место, и когда на поверхности останется лишь крошечный кусочек, сплошняком покрытый зловредной мелочью, отсечь его и пустить по воде. Вот только шкура и сухой-то была тяжелой, безрунный бы точно не смог ее даже приподнять, а с вымокшей, возможно, и трехрунный не справится.

Тулле рванул в ту сторону, откуда прогудел рог, а я, сплюнувшись от злости, крикнул хёвдингу:

– Я за ним! – и побежал следом.

Мало ли что там случилось?

Но того, что там увидел, я никак не ожидал. Бьярне, Ивар и Ларс при помощи факелов и копий с трудом отбивались от еще одного тролля. Зверь выглядел в точности как тот, кого мы недавно убили: тот же потрепанный буроватый мех, те же огромные передние лапищи, та же тупая морда с глубоко посаженными маленькими глазками. Как только Энок Косой умудрился вогнать стрелу в глаз? Его и разглядеть-то было сложно.

Хуже всего, что мы изрядно устали от первого тролля, копья по большей части пришли в негодность, да и стрелы у Косого почти кончились, Вебрь после пропущенного удара прихрамывал. Второй такой погони никто, кроме Альрика, не выдержит.

Тулле выхватил меч, но я крикнул:

– Иди к нашим. Предупреди их о тролле.

За что я ценил друга, так это за сметливость. Он не стал спорить, тут же развернулся и бросился обратно в лес.

Бьярне, отскочив от тролля, выпалил:

– Так чего? Вы зря два дня проторчали в засаде?

– В том-то и дело, что не зря. Только что убили тролля.

Альрик поднялся на пятую руну.

– А это тогда кто, тролль тебя задерит?

Копья у меня не осталось, а моим топориком рубить эту шкуру бесполезно, даже если бы под ней никого не было. Удивительно то, что втроем ребята умудрились держать тролля в стороне от коров так долго. Тот зверь, которого мы убили, разнес бы их в два счета.

Я пригляделся и рассмеялся.

– Да это же троллиха.

Зверь был поменьше предыдущего, два пустых мешка свисали на объемистый живот, да и клыки в нижней челюсти казались не такими большими. Я выхватил шест из изгороди, подскочил к ребятам и начал лупасить по лапам и пузу троллихи. Да, убить это ее не убьет, зато даст Бьярне и остальным небольшую передышку. Она еще разевала угрожающе пасть, размахивала лапами, но я чувствовал, что это была притворная ярость. Наконец зверюга не выдержала, повернулась объемистым задом и удрала в лес, опираясь на пальцы передних лап.

– Пусть бежит! – донесся голос Альрика.

Троллиха удрала в тот момент, когда увидела наш хирд, выходящий из-за деревьев.

– Больше полутора марок платить не будем, – сразу сказал Видарссон.

– Хорошо, – согласился Альрик. – Тогда мы забираем припасы и уходим в город.

– Но работа не выполнена!

– Мы договаривались на одного тролля. Вот шкура этого тролля. Если нужно, Тулле покажет, где лежат его кости и мясо. Давайте деньги и еду. Про бочонок пива не забудьте.

– Что ж, второй тролль так и будет красть наших коров?

– Конечно. Он уже привык к говядине.

– Тогда мы тебя ославим, как лжеца.

– Шкура тролля докажет мою правоту!

Хёвдинг спорил с Видарссонами не один час. Они торговались, посыпали друг друга проклятиями, угрожали дурной славой, давили на совесть, взывали к богам. Сначала мы с ребятами рьяно поддерживали Альрика, смеялись над его шутками и сурово хмурили брови в нужных местах, но вскоре нам это надоело. Кто-то заснул, оглашая сенник раскатыстым храпом, Вепрь рассматривал синячище на поврежденной ноге, Хвит шевелил губами, складывая вису о нашем подвиге, и выщелкивал блох, выживших после трех ведер ледяной воды. Мы с Тулле неподалеку соревновались, кто дольше сможет продержат в воздухе оружие, не уронив его. Только я подбрасывал и ловил топорики, а он – мечи. И детишки Видарссонов смотрели на нас, как на великих и всемогущих богов, спустившихся на землю.

Альрик упорно отстаивал интересы хирда, сражаясь аж с двумя братьями сразу, но хирдманам были очевидно, что он это делает смеха ради. Ну и из упрямства. Решение он уже принял, только не хотел озвучивать его просто так. Видарссоны постепенно согласились, что заказ был всего на одного

тролля, и его мы выполнили, и разговор перешел в область торга. Земледельцы никак не хотели добавить хотя бы один эре к плате, взамен предлагая шкуры волков, полотна из чистой шерсти «на паруса», вязаные носки, еще какие-то мелочи, но хёвдинг вполне оправданно не хотел работать иначе как за серебро.

В конце концов, Альрик хлопнул в ладоши и сказал:

– Впрочем, хозяева, мы вас не торопим. Подождем, пока вы соберете еще полторы марки на второго тролля. А сейчас нам бы отдохнуть после славного боя...

Вот тут Видарссоны призадумались всерьез. А как только они ушли, Альрик тихо сказал:

– Тролля убивать будем в любом случае. Я за один бой сумел подняться на руно. Хорошо бы поднять еще кого-то из хирда.

Потому я и уважал хёвдинга почти так же, как отца, а то, может, и больше. Кто другой мог приказать загнать зверя ради собственной силы, не считаясь с мнением ватаги, но только не Альрик. Он вступал в бой наравне с остальными, не брал сверх положенной доли, вел переговоры, занимался припасами и оснасткой корабля. Я прежде хотел собрать свою ватагу, захватить драккар и самому вести людей, но, посмотрев на Беззащитного, понял, что таким хёвдингом мне не стать. Это ж почти что лёндерман, только не на земле, а на корабле – те же скучные хозяйственные дела. Такое было не по мне.

Наутро Видарссоны обнаружили пропажу теленка и согласились доплатить еще полмарки.

– Это ж не целый тролль, а всего лишь мелкая троллиха. Да и нет у нас больше серебра. И так с жен последнее сняли.

В этот раз мы решили не кормить мошкарку, а сразу пойти по свежему ночному следу. Каждый в хирде умел ходить звериными тропами, кроме Снежного Хвита. Я вспомнил о том странном мужчине с ножницами и гребнем. Как он живет, умея лишь стричь и завивать волос? Такой, поди, на опушке леса заблудится и с голоду помрет.

Логово троллихи мы нашли уже в сумерках. Там оползень обнажил глинистый бок холма, в котором виднелась рукотворная пещера. Лезть туда никто не захотел, да и не нужно было: забросили внутрь несколько горящих сосновых веток и стали ждать с копьями наготове. Напротив широкого зёва пещеры приплясывал Альрик, ему не терпелось опробовать новую силу на достойном противнике.

Когда из пещеры повалил дым, и троллиха выскочила наружу, я понял, что с ней придется все же повозиться. Это зверюга была ниже, но намного толще, мощные мышцы перекатывались под лоснящейся темной шерстью, покрасневшие от дыма глаза сверкали яростью. Она также грозно рычала, но её вопли не вызывали такого страха, как вопли большого тролля.

Все разом мы кинулись на чудовище, наши копыта окрасились красным, а по округе разнесся крик боли.

Ни один удар не пропал зря!

Каждый выпад и каждый укол рвали шкуру и плоть неповоротливой самки, что не могла никого достать: как только толстая медлительная троллиха кидалась на кого-то одного, так сразу же получала удары с других сторон.

Наш хирд был словно стая волков: каждый понимал другого без единого взгляда. Вот я делаю два шага влево, и копьё Тулле, прикрывая мое отступление, разит тролля, Альрик в полушаге неожиданно пригибается, и в двух пальцах над его головой пролетает стрела, пущенная Эноком. Хвит оступается, и его придерживают, не глядя. Мы, как одно могучее создание, которое разделилось на двадцать тел. Такого единства я не чувствовал никогда в своей жизни.

Я отступил за молодую сосенку толщиной с ногу, и удар, который должен был переломать мне все кости, обрушил дерево. Ответный выпад копьем разрезал троллихе губы и противно скрежетнул по зубам. Она заревела от боли, и горячая кровь, резко обдав запахом железа, брызнула на меня. Несколько копий вонзились рычащей самке в спину, но ярость и боль от моего удара застили ей все остальное. Троллиха поднялась на задние лапы, широко раскинула чудовищные руки, будто хотела меня обнять, и рванула вперед.

Сзади кустарник, мимо этих объятий явно не проскочишь, хирдманы что-то орали, остервенело рубя и коля зверюгу, но ей всё было нипочём. Видимо, твёрдо решила отправить меня в дружину Фомрира раньше срока!

Ну уж нет! Если и попадать туда, так верхом на чудовище! Решив это, я и бросился навстречу троллихе. Тяжелое пузо неожиданно легко поддалось копыю, лохматые ручищи сграбастали меня и прижали к обвислой груди. Что-то хрустнуло, обдав холодной болью: то ли древко моего копья, то ли рёбра и правая рука, прижатая к груди тролля.

Задыхаясь от застарелой вони и линялой шерсти, я левой рукой дотянулся до пояса, выхватил нож и слепо вонзил в троллиную тушу. А потом еще раз. И еще. В каждый удар я вкладывал весь гнев, все желание жить, всю жажду крови, что поглотила меня, оставив лишь пелену перед глазами.

В рот и нос набилась воняющая потом и кровью шерсть, беспорядочные удары то попадали, то соскальзывали с толстой шкуры.

Грохот сердца заглушал все звуки.

Рукоять ножа от крови скользила, но я сжимал её так, что дерево трещало под пальцами.

Последний удар внёс новый звук в окружающие шумы, и этот звук был приятней всего, что я слышал прежде. Предсмертный хрип чудовища отозвался в душе нарастающим теплом. Мы грохнулись оземь, и я почувствовал, как жидкий огонь бежит вместо крови, с каждым ударом сердца наполняя пьянящим восторгом победы и новой силы.

Я вскочил на ноги, по телу пробежало то самое ощущение от потягивания после долгого сна. Что-то хрустело и чавкало, но боли не было.

Я выплюнул сгусток мяса и шерсти изо рта и заорал от переполнявших меня чувств. Глаза, нос, рот были залиты троллевой вонючей кровью, волосы слиплись в кашу.

– Ну и видок у тебя, Кай! Как будто в крови искупался! – услышал я голос Альрика.

Отбросив нож, я попытался стереть липкое густое месиво с лица, с трудом разлепил веки и ощерил рот в улыбке.

– Третья руна, – а потом заорал во все горло: – Третья руна! Тебе, Фомрир!

– О боги! – пробормотал кто-то поблизости. – Его отец был всего лишь Кровохлёбом, а сын в крови прямо-таки купается. Но пусть меня сожрет тролль, если я знаю, как такое можно назвать.

Я обернулся на троллиху. Ее грудь и живот были попросту растерзаны в клочья, ни единого целого куска шкуры не осталось. Если бы не прорехи, оставленные копьями, я, может быть, и не смог бы прорезать ее. Но сейчас мне было плевать на риск, на судьбу и на троллиху. Я до сих пор чувствовал божий огонь, текущий в жилах, приятную боль в костях, макушка и лицо словно запекались на очаге, и тело наливалось невероятной мощью. Я был всемогущ! Соратники морщились от исходящей силы. Так как мы были на равных, она не причиняла им боль, скорее неудобство, а я не хотел скрывать ее и выпустил на волю.

Единственное, чего я жаждал в тот момент: больше силы! Я понял, что хочу пройти свой жизненный путь и даже со-

гласен умереть ради того, чтобы стать равным богам. Чтобы ощутить в себе мощь Фомрира, мудрость Скири́ра, мастерство Кóрлеха!

– Кай, иди скупнись, что ли? – расхолаживающе сказал Альрик. – А то непонятно, то ли у тебя полголовы снесено, то ли просто троллева кровь налипла.

– И воняет, – добавил Тулле.

Восторженное упоение собственной мощью постепенно спадало, и я начал замечать мошкару, что налетела на запах крови. Тулле довел меня до ближайшего горного ручейка, куда я залез целиком, даже не снимая одежды. Вода ниже по течению покраснела. Я продрог до костей, но продолжал вымывать сгустки крови, куски кишок и чего-то непонятного из волос и одежды, до тех пор пока кожа и волосы не начали скрипеть.

Я глянул на Тулле, растянувшегося во весь рост на плаще.

– Гли́ма? – спросил я.

– Всё никак не уймешься? – лениво протянул друг.

– Я тебе раньше проигрывал. Но сейчас мы на одной руне!

– Говорили же тебе, что у карлов разница в силе зависит лишь от руны. А вот у хускарлов уже есть различия.

– Сейчас мы на одной руне! – повторил я упрямо.

– Значит, и победителя не будет. К тому ж мне лень. С Рыбаком померишься, когда вернемся.

Тем временем троллиху освеживали, шкуру сполоснули в ручье, смахнув блох, и свернули в тугой рулон, Косой про-

верял вырезанные из тела стрелы, копья уже были очищены от крови и отдраены. Все ждали нас.

Я взглянул на хирд. Знакомые до боли лица, выученные наизусть за долгую зимовку истории и воспоминания о единстве во время битвы, – все это вызвало во мне жгучее желание выпить с ними, посмеяться, выслушать сто раз говоренные шутки. Это и была моя семья! Не мать, не отец, а хромающий Вепрь, потерянный Хвит, Косой со взглядом в две стороны одновременно, спокойный, как вода в горном озере, Тулле, насмешливый и хитроумный Альрик, глуповатый, но отважный Рыбак. Вот моя семья!

Может, и Даг бы смог войти в нее. Жаль, что все так получилось.

На правах отхватившего руну мокрую и тяжеленную шкуру тащил я. До дома Видарссонов идти было целую вечность и еще немного сверху, зато в итоге братья-скупердяи увидели уставших воинов, сгибающихся под тяжестью трофеев.

На следующий день мы вернулись в Кривой Рог на телегах, нагруженных колбасами, вяленным мясом, крупами, овощами и, самое главное, тяжеленным бочонком с домашним отменным пивом, которое мы слегка распробовали в сеннике у Видарссонов. Мой кошель приятно оттягивал пояс, заглотив еще полмарки серебром.

– Пожалуй, тебе стоит заменить оружие, – заметил Альрик, когда мы подходили к пристани.

Я глянул на отцов топорик, который невесомо висел на

поясе. Он тускло отсвечивал в свете масляных ламп. Потертый металл с зарубками, гладкое блестящее топориче, еле заметные руны, высеченные по дереву, кожаная оплетка. Он был хорош. Сколько снежных волков пало под его напором! Но все свои руны я добыл не им. И после получения третьей он стал слишком мал и легок. Да я даже не смог разрубить им морду морской твари, которая чуть не убила Рыбака.

День был ярмарочный, и Альрик отпустил за покупками, мол, с разгрузкой и без меня справятся.

Я проверил кошель и, прихватив Тулле, отправился за оружием. Обычный топорик для безрунных стоил всего полмарки. Более тяжелый, из хорошего железа, подходящий для карлов, не должен был стоить больше, чем марку серебром. Может быть, полторы марки. Хирдманы постепенно меняли оружие на более подходящее по весу и размеру, но вот, например, Тулле бился мечом, а самый захудалый меч продавали не дешевле трех с половиной марок серебром. Ни у кого из нас столько не было, включая хёвдинга. А значит, Тулле будет сражаться мечом, который в его руках сейчас, как деревянная палка, пока не накопит по меньшей мере пять марок. А их не набрать и за год! А при нынешних наших заработках так и за три года не собрать.

Мы, конечно, надеялись, что теперь-то, с хёвдингом на пятой руне и полностью трехрунным хирде мы сможем найти работу получше. Но то были лишь надежды...

Под торговые ряды в Кривом Роге выделили огромное по-

ле позади города, поставили лавки, столы, кое-где на скорую руку даже срубили домики. Теперь тут года два трава расти не будет: землю утоптали до твердости камня. На свадьбу съехались не только именитые гости, слетелись сюда и скальды-песенники, и жрецы-калеки, и, конечно, торговцы со своим товаром, навезли и иноземных тканей, и заморских вин, и украшений видимо-невидимо.

Мы с Тулле прошли мимо рядов с глиняной утварью, с плетеными коробами, с рыбой как вяленой, так и свежей, трепыхающейся в бочках с водой. Миновали солевой ряд, самый тихий из всех, товар-то был одинаковый. Я засмотрелся на блестящие яркие ткани. Надеть такую рубаху из алого атласа, так и никаких цепочек с серьгами не нужно – будешь блестеть сразу целиком. Только тонковата ткань, ни тепла не удержит, ни от дождя не сбережет, ни ветер не остановит, а поверх нее надевать что-то еще, так только портить.

А вот оружейников оказалось совсем немного. Вообще лишь один. Зато расположился он чуть ли не на целый ряд, расставил столы кругом, сам стоял посередине, а покупатели подходили снаружи и свободно разглядывали товар. А поглазеть было на что. Мечи, топоры, булавы, молоты, разнообразные наконечники копий и целые столы того, что я с трудом мог опознать и уж точно не знал, как правильно применить. Торговец шустро отвечал на вопросы, его помощники бегали неподалеку, следили за товаром и подавали запрошенные вещи.

Мы медленно обходили по кругу, разглядывая оружие. Я остановился около необычного искривлённого меча. Что за странная штука? Зачем погибать так клинок? И лезвие тонкое. Ударить по такому нормальным мечом, оно вмиг переломится. На клинке были еще и какие-то рисунки, не наши, не руны на удачу, защиту и скорость.

– Молодого карла заинтересовала сабля? – торговец заметил интерес и сразу же подкатил с разговорами.

– Са... сабля?

– Сабля, – кивнул торговец, – оружие с далёкого юга, отлично рубит, восхитительно режет, колоть, правда, неудобно, но там, где ими сражаются, это и не нужно.

Он взял ту саблю и сделал несколько взмахов с удивительной ловкостью для такого толстого человека. Скорость – это, конечно, хорошо, вот только кольчугу такой меч не прорежет, а бездеспешных дураков у нас особо не водилось. Разве что мой хёвдинг, но за ним и с саблей не утонишься.

Торговец понял, что этот товар меня не заинтересовал, заметил, что Тулле топчется возле мечей, и метнулся к нему.

– Вот

На прилавок легли два меча в ножнах. Тот, что лежал поближе ко мне, был немного короче.

– Меч – это самое совершенное оружие. Многие говорят, мол, меч – это хорошо, но копье колет лучше, топор рубит сильнее, а резать удобнее ножом. Зато меч позволяет делать все это сразу.

Каждое слово торговец подтверждал ударами собственного меча. Он рубил воображаемые руки и ноги, выпускал кишки и подрезал сухожилия обратным движением руки. Опыт у говоруна явно был немалым, и четвёртая руна подтверждала это.

– Ты! – обратился он к Тулле. – Хочешь попробовать?

– Д-да, – от неожиданности друг даже заикнулся.

– Возьми, не стесняйся.

Тулле вытащил тусклый меч из ножен. Весь клинок, на первый взгляд, был покрыт непрерывной вязью. Присмотревшись, я понял, что узор не вычеканен, это сам металл будто сплетен из разноцветных полос, как девичья коса. Торговец поспешил объяснить, что мы видим.

– Вот это, – палец с обломанным ногтем ткнулся в светлую полосу, – часть мягкого металла. Это так называемый плетёный меч. Несколько прутков железа – твёрдого, мягкого и гибкого – сколько-то лет держат закопанными в землю, потом сковывают вместе, перекручивают, снова проковывают и так до тех пор, пока не выйдет нужный результат. Потому такой меч гибок, крепок и отлично держит заточку.

В подтверждение своих слов торговец выхватил клинок у Тулле, вогнал меч в дубовую плаху и надавил на клинок. Лезвие выгнулось будто плечи лука, а когда торговец его отпустил, распрямилось, обиженно задрезбевая. После этого мужчина выдернул у себя волос и, подбросив, разрезал на лету.

– А теперь смотри на рукоять. Видишь? Она под сталь клинку: лёгкая гарда, оплётка из акульей кожи и тяжелое бронзовое яблоко, что смещает равновесие клинка к рукояти. Можно на летнем зное зарубить десяток врагов, а рука не устанет и скользить не начнёт. Это идеальный меч, его веса и прочности хватит до пятой руны, а отличное качествоковки позволит его ещё и внукам передать. И всего-то за двенадцать марок серебра!

Глаза Тулле, что разгорались восторгом по мере рассказа и показа чудо-меча, тут же погасли. Столько серебра мы не наберем и всем хирдом. Да и зачем платить столько за меч, который станет бесполезным всего через пару рун?

– Вообще-то я топор хотел посмотреть, – вмешался я, чтобы Тулле не пришлось сознаваться в собственной несостоятельности.

Внимательно осмотрев меня, будто только увидел, торговец снял с одного из столов верх, там оказались козлы, на которые он взгромоздил колоду. Потом принялся подавать мне топоры, попутно рассказывая, чем они друг от друга отличаются и как ими пользоваться. Как будто я сам не знал!

– Это обратный полумесяц, хороший топор, но рубить лучше только бездеспешных.

Хрясь! Топор едва вошел в бревно, больно отдавшись в кисть. В руку уже ложился следующий.

– А вот это полумесяц из двух видов железа. На обух пошло более мягкое железо, а лезвие из отличного твердого

металла. Опять же – меньше в руку отдаёт.

Тумм!! Лезвие вошло в дерево до середины, но я скривился и убрал топор. Казалось, еще один удар, и он развалится на части.

– Этот прямо как твой, только вдвое тяжелее. Ну как?

Хряп! Топорик легко и непринуждённо рассек твёрдые волокна дерева. Неплохо! Я отложил его в другую сторону.

Бумм! Хрясь! Бздынь! Я перепробовал не меньше дюжины разных топоров, и многие из них были неудобны. То слишком тяжелы, то чересчур легки. Некоторые имели ненужные узоры, причем не всегда понятные. Меня эта возня изрядно злила. Неужто подобрать обычный удобный топор так сложно? Это всего лишь оружие, которым я буду рубить тварей и врагов, да и то его придется менять, а выбрать сложнее, чем жену, с которой проведёшь всю жизнь.

В руки легла тяжелая двуручная секира. Простая, из темного металла, без чеканки, резьбы, без шипа, крюка или молота на обухе. Топорище хваткое, удобное, из шершавого дерева.

– Ты парень крепкий, – сказал торговец. Он, в отличие от меня, не выглядел раздраженным или усталым, говорил с прежним азартом и любезной улыбкой. – Кольчугу наденешь и без щита выйти сможешь, ты ведь больше атаковать привык, чем защищаться. Как раз по тебе вещь.

С широкого размаха секира вошла в колоду гладко и точно. Да, это было то, что нужно.

– Сколько просишь?

– Четыре марки серебра, не меньше. Глянь, какое железо, а ковка какая? Кузнец полгода трудился только над этим лезвием.

– Больно дорого за оружие для трехрунного. Я столько за год не получу. А за сколько отдашь?

– Да хоть ты тресни, ни единого эйрира не уступлю.

Я выудил один из ранее отложенных топоров, попроще и похуже, но все же лучше моего топора.

– А этот?

– Две с половиной марки.

Я злобно глянул на жадного торговца, но тот встретил мой взгляд без опаски. И правда – я со своими тремя рунами ему не соперник, да и с оружием он управлялся куда как ловко.

Тулле дернул меня за рукав.

– Пойдем, нет тут для нас ничего.

– Нет, постой. А как же так вышло, что на всей ярмарке в таком большом городе всего лишь один продавец оружия? – спросил я у торговца. – Тут даже есть мужик, что кормится, постригая другим бороды, а оружейник всего один? Ни поторговаться толком, ни пойти к другому, чтобы цену сбить, ничего вообще!

– Потому что я заплатил ярлу и попросил его остальных торговцев оружием не пускать. Цены мои правильные, товар отменный, а что серебра тебе не хватает, моей вины в том нет.

– Четыре марки за секиру! Это правильные цены? – заорал я. – Ты ее словно из костей своего сына ковал! Двенадцать марок за меч! Где ж это видано, железо на серебро один в один менять? А если я к ярлу пойду? Мы невесту для его сына привезли! Глядишь, послушает меня ярл!

– Да и сходи, чего ж не сходить, – ухмыльнулся торговец. – Заодно попроси ярла показать новый меч. Вот тот за серебро и вовсе не выкупишь.

– Я готов взять тот топорик за полторы марки. И то переплачиваю изрядно.

– За полторы марки могу тебе нож продать, раз ты до настоящего оружия пока не дорос.

Я зарычал, выхватил топорик из-за пояса и... отлетел назад. Тулле!

– Не мешай! Ты слышал? Он меня за сопляка держит!

– Ему тоже язык разрежешь? А кто плохо глянет, тому глаза выкалывать кинешься? Этот не рабынин сын, за него ви́ру спросят немалую.

Торговец сбледнул немного, видать, слышал о том случае, а я сразу же успокоился. И правда, не стоил он того.

– Мы с тобой еще увидимся, торговец. Морские воды часто приносят неожиданные подарки и встречи! – последнее слово я оставил за собой.

Глава 6

С ярмарки я возвращался в расстроенных чувствах, но, оказалось, то была меньшая из наших бед.

«Волчара» покачивался возле пристани, уже изрядно нагруженный припасами, в центре, возле самой мачты, стоял радующий глаз бочонок с пивом. Точно из такого же бочонка Вйдарссоны поили у себя в гостях, так что мы знали, каково на вкус их варево, и я заранее предвкушал, как мы откроем бочку и выпьем не по жалкой кружечке, которую со скрипом нацедили «радушные» хозяева, а угостимся вволю. Уж больно оно было хорошо. Какие травы добавляли туда? Будь братья чуть погостеприимнее, может, и удалось бы выманить рецепт, но к нам так усердно не подпускали ни жен, ни детей, что стоило радоваться хотя бы этому бочонку.

Задумавшись о пиве, я не сразу заметил, что возле корабля стояли двое незнакомых воинов в полной оправе. А где же Ящерица? Альрик оставил его следить за судном и большим Рыбаком. Ящерицей прозвали Лейфа, стройного и юркого парня, что, следуя традициям хирда, выбелил длинную челку, виски и затылок же выбривал начисто. Несмотря на смешливый характер и внешнюю простоту, Лейф был известен надежностью. Любое поручение он выполнял с точностью, Альрика чуть ли не боготворил и каждое его слово принимал за истину. Такая преданность и льстила, и пугала од-

новременно. Если бы Альрик приказал Ящерице в одиночку убить тролля, то, я уверен, что Лейф либо сдох, пытаясь исполнить хёвдингову волю, либо все же убил, измотав зверя.

– Кто такие? – воины преградили нам с Тулле дорогу.

– Мы из хёрда Альрика. А это его корабль. По какому праву мешаете нам пройти?

Наших на «Волчаре» не было. Мы ж по рынку ходили всего ничего. Куда все подевались?

– Альриковы они. Глянь, те же волчьи плащи, те же белые волосы. Как звать? – сказал воин с длинными усами и бритым подбородком.

От него веяло силой не меньше шестой руны. Надо же, поставили на охрану человека сильнее, чем наш хёвдинг!

– Кай Эрлингссон и Тулле Скагессон.

– Они это. Беззащитный говорил, что они придут.

– А что случилось? Вы сами кто?

Длинноусый пожилой воин вздохнул и ответил:

– Тóркель Мачта тут случился. Нас Дагна Сильная прислала, чтобы защитить ваш корабль.

Я скрипнул зубами. Всю осень и зиму мы прожили спокойно, я даже подзабыл о нем. Точнее, каждый день я просыпался с мыслью, что должен стать сильнее и убить Торкеля, отомстить за дядю Ове и за всю деревеньку Ра́странд, но почти не вспоминал о том, что и Торкель хочет отомстить мне за смерть того паренька в радужной кольчуге, как его там звали... Рбальд. А тут внезапно появился. Как только

узнал? Как только успел домчатся?

– Где наш хёвдинг? Где хёрдманы? – спросил Тулле.

– Альрик отправился к Дагне, узнать, что да как. Часть ваших пошли за ним, а остальные у Орсовой женщины. Вашего паренька Торкель порезал малость.

– Рыбака? Он тронул раненого? – вскипел я.

– Нет, того не нашли. Другого. Который на корабле оставался.

Тулле снова осадил меня и успел задать вопрос первым:

– Лейф? Он жив? Рана опасная?

Длинноусый замялся.

– Выживет, коли не загниет рана. Но там в другом дело.

Сами увидите.

Мы переглянулись с Тулле и бросились бежать к дому местной лекарки. Хирдманы были там, стояли бледные, злые и растерянные. Перед ними на пустой перевернутой бочке россыпью лежали разнообразные монеты, кольца, браслеты, цепочки, – все, что успели насобирать за недолгое время ватажничества.

– Кай, не купил топорик? Сколько у тебя серебра? – окликнул меня Вепрь.

– Не купил, не хватило денег. Думаю, надо было в кузнецы податься, больше бы заработал, – отозвался я. – Как Ящерица?

– Иди, сам глянь.

Мы, пригнувшись, вошли в небольшой дом, где ухажива-

ла за больными Орсова женщина, лекарка. По стенам висели пучки резко пахнущих трав, их аромат отгоняет хвори и вычищает воздух. Очаг посередине был пуст, ни веточки, ни полешка. Наверху, под крышей были прорублены небольшие окошки, через которые проникал свет. Свет и прохлада. Неужто она не заботится о том, чтобы обогреть больных?

На ближней к двери лавке сидел Рыбак, что вместо привычного глуповатого выражения лица встретил нас серьезным взглядом, между его светло-рыжими бровями залегла первая морщина. Одна штанина была закатана, и там уже не атели ужасные рытвины. Остались лишь бледные синеватые рубцы. При помощи доброй Орсы лекарка смогла вытянуть яд медузы и закрыть раны. А шрамы? То лишь напоминание о битвах и порой о глупости. У меня самого еще белела полоса от пореза, что нанёс двурунный во время тренировки, но она не станет шрамом и скоро уйдет.

На лавке подальше сидел Лейф Ящерица. На первый взгляд у него все было в порядке. Руки-ноги целы, голова не в крови и не перемотана. Может, дело обошлось царапиной? Торкель же не мог напасть на вольного хирдмана в чужом городе без уважительной причины, а Лейф не стал бы оскорблять Мачту почему зря.

– Лейф, а нам сказали, что тебя ранили, – начал было я и тут же осекся.

Ящерица повернул лицо, и я увидел, что левой щеки у него не было. Точнее, часть щеки была срезана, и через ды-

ру виднелись зубы и десны. В руках Лейф держал тряпочку, которой стирал стекающие кровь и слюну. Обычно веселые глаза хирдмана посерели и словно бы застыли, как застывает варево из хрящей. Он попытался что-то сказать, но стоило ему открыть рот, как рана закровилась сильнее, и Лейф изо всех сил попытался сдержать гримасу боли. По его щекам потекли слезы.

– Пошли вон! – рывкнула невысокая полноватая женщина, влетевшая в дом. – Нечего смотреть. Я уже все сказала! Идите и решайте в другом месте.

Я настолько был потрясен, что забыл пригнуться и с размаху треснулся головой при выходе. Держась за ушибленное место, подошел к ребятам. Тулле вышел следом, бледный, растерянный и злой. Рана и впрямь неопасна, если не загноится и не воспалится, но с этим Орсова женщины справлялись легко, если то была не дырка в животе.

Эта рана не лишала Лейфа возможности сражаться и быть воином. Я слышал о случаях, когда отрубали большие пальцы на обеих руках, чтобы воин не мог взять ни копья, ни меча, ни лука. Рана не мешала Лейфу возлечь с женщиной и зачать детей. Но насколько же поганой при этом она была! И насколько же ловок с мечом Торкель! Как он сумел так четко ударить, чтобы срезать щеку Ящерице и не убить, не навредить больше задуманного? Почему-то я не сомневался, что именно таков и был его замысел.

– Что сказала Орсова женщина? – спросил Тулле у ребят.

– Сказала, что есть три пути. И выбрать нужно в ближайшие три дня. Первый – Ящерица должен получить следующую руну. Благодать залечивает многие раны, а эта – не самая тяжелая.

Что верно, то верно. В первый раз благодать вылечила мне сломанные ребра, на третьей руне – разлетевшуюся кость и содранную кожу на лбу. Отрубленную руку или оторванные пальцы божья милость не вернет, но небольшой кусок щеки она точно залечит.

Вот только Ящерица получил третью руну не так давно, во время охоты на волков. Как же он сумеет в таком состоянии сразиться и победить достаточное количество сильных соперников?

– Но нужно, чтоб он получил руну в ближайшие три дня, пока края раны не зарубцевались, – добавил Косой. – Она сказала, что пока держит их свежими, но долго так делать нельзя.

Да еще и в три дня? Даже если бы у нас был еще один тролль в запасе, его смерти не хватит на четвертую руну.

– Мы думали купить рабов, да серебра не хватает.

Я молча снял кошель и положил в общую кучу. Вепрь открыл, высыпал серебро. Полторы марки. Это один раб. Или две немолодые рабыни. Тулле скинул браслет и пару колец, больше у него не было. На вид тут было чуть больше четырех марок. Еще вложатся Альрик и остальные хирдманы, но даже так мы вряд ли наберем пятнадцать марок. А скорее все-

го, понадобится больше, ведь это же безрунные, их смерти помогают только на первых рунах, а после получения пятой и вовсе будут бесполезны.

– А два других пути?

– Можно оставить рану так. Она заживет, дыра останется. Лейф сможет носить повязку с тряпкой, чтобы не вытекала слюна. Есть будет сложновато и выглядеть будет страшно. Плавать будет сложнее. Ну там сами додумаете. И еще она сказала, что можно попытаться зашить дыру.

– Так это же отлично!

– Ты когда-нибудь пробовал зашивать дырку на рубахе? Если дыра большая, ткань собирается складками, лежит неровно, потому обычно заплату кладут. Но кожа – не тряпка, на нее заплатку не положишь. Орсова женщина предупредила, что придется стянуть всю кожу на лице. Левая бровь сползет вниз, нос скривится, рот уйдет вбок и будет кривой. А пока рана будет заживать и срастаться, ему нельзя будет ни говорить, ни жевать, ни чихать, ни зевать. Есть можно только жидкое-теплое: водянистые каши да пустые супчики. А на корабле, сам знаешь, такое каждый день не наваришь.

Я стиснул кулаки от бессильной ярости. Торкель, троллево отродье! Да какое же троллево? Тролли сражались честно, до самой смерти, других за себя не выставляли, пустых ран не ставили, да и на людей не охотились, ели лишь коров да овец. А этот ублюдок! Мразь! Выблядок тваринный! Злость

бурлила во мне и обжигала душу, по щекам поползли слезы, и я с силой стер их, обдирая кожу.

Не стоило мне так думать, но лучше бы уж Вепрь получил такую рану. Он не так молод, некрасив, и кривое лицо лишь добавило бы ему свирепости. Но Ящерица! Прожил ли он двадцать зим? Много ли женщин побывало с ним под одним одеялом? Сможет ли он также весело и бесшабашно улыбаться впредь?

Через какое-то время подошел Альрик, мрачный, точно грозовое небо, зашел в дом глянуть на раненых, почти сразу вышел, посмотрел на жалкую кучку денег. Косой еще раз пересказал ему все, что знал про рану Лейфа. Беззащитный покачал головой:

– Не хватит. Десяти рабов не хватит. Тут и двух десятков может быть мало. Мы не наберем столько серебра. В городе уже знают про этот случай. Оружие задорого не купят, да я и не дам его продавать, а людей дешево не продадут. Особенно на смерть. Тут такого не любят.

– Да и нигде не любят, – сказал Тулле. Его вообще воротило от бессмысленных смертей, после того как он пришиб дядюшку.

– Что сказала Дагна? – спросил я.

– Она услышала о нападении на наш корабль прямо на городской пристани, решила вмешаться. Заставила ярла поставить охрану, потребовала от Торкеля объяснений, но тот выплатил малую виру за ранение и рассмеялся ей в лицо. Ра-

нение не смертельное, не увечное, не калечное, а что уродом будет Лейф, так мужчина и не должен быть красавцем. На поединок она не могла его вызвать – слишком большая разница в силе. Ярл отказался вмешиваться, не хотел ссориться с ярлом Скирре. Была бы ватага у Дагны, она бы что-нибудь сделала, но так... Дагна потребовала, чтобы Торкель ушел из Кривого Рога. И тот ушел. Только вот сказал, что если кто даст моему хирду работу, тот станет его, Торкеля, личным врагом. Так что в Кривом Роге мы ничего найти не сможем и заработать тоже.

Альрик криво усмехнулся.

– Но благодаря Дагне мы сумели сохранить корабль.

– Что делать будем? – как-то жалобно спросил Косой.

– Уходим.

– А Лейф?

– Лейф сам решит, что выбрать. Это его жизнь и его лицо.

А мы поможем, чем сможем.

И хёвдинг ушел к Ящерице.

Я не знал, что бы решил на месте Лейфа. Скорее всего, пошел бы убивать всех встречных людей в городе, пока не получу следующей руны. Но если я когда-нибудь на самом деле окажусь на его месте, то не смогу так поступить. Не из жалости или справедливости. Просто потому, что не смогу убить достаточное число воинов выше себя по руне. Скорее всего, только одного – из-за неожиданности. Но Ящерица – не я. Он так не сделает. Так и останется на всю жизнь уродом

из-за Торкеля.

Может, потому Фомрир наложил на меня такое условие? Знал, что я смогу поступить бесчестно, смогу убить безвинных и безрунных, коли на то будет нужда, смогу ради своей выгоды пойти на подлость. Знал и потому сделал это бессмысленным. А убить воина выше тебя по руне еще и постараться нужно. А вот Лейф мог бы убить и вылечиться, но никогда так не поступит.

Дрянной мир! Идиотские законы! И боги-слюнтяи! Я бы понял Скирира с его тягой к справедливости, Мамира с его заморочками и тягой к закрытым знаниям, миролюбивого смазливового Фольси. Но Фомрир! Тот самый Фомрир, что ценит лишь силу! Фомрир, что сразил половину всех мыслимых и немыслимых чудовищ! Какое ему дело, как я получу силу, если я направлю ее потом на его лютых врагов – тварей?

– Он выбрал зашить рану.

Я вздрогнул от неожиданности. Не заметил, как Альрик вернулся, да еще и вместе с Рыбаком.

– Три марки оставим на лечение. Пусть спокойно живет тут, дожидается, пока рана не заживет. Лекарка согласна приютить его. Потом будем проходить мимо, заберем Лейфа обратно, если будет на то его желание. Всё! Сегодня же отплываем.

Альрик не стал прощаться с ярлом, приказал перетащить пожитки Ящерицы в дом Орсовой женщины, оставил сереб-

ро и обещание вернуться осенью. Мы получше закрепили на корабле припасы, выданные Видарссонами, подняли парус и ушли с первым же отливом.

Неудачным выдался этот поход. Мы потратили больше, чем получили, и особенно жаль было Лейфа. Альрик же ни словом, ни взглядом не упрекнул меня. Это было его решение, и он пошел на него с открытыми глазами. Теперь каждый в хирде желал стать сильнее. Каждый жаждал поквитаться с Торкелем Мачтой, напластать его толстую шкуру мелкими кусочками и скормить рыбам. Но не сейчас. Сейчас мы были слабы. Сейчас нам бы убраться подальше от этого берега в целости.

Когда Альрик решил, что опасность миновала, мы пристали к берегу, заплыв в устье небольшой речушки, и устроили пирушку. Не потому, что нам было весело, а для поднятия духа. Разожгли огонь, нажарили мяса, вытащили бочонок Видарссонов.

Хёвдинг сел напротив пляшущих языков пламени, взял в руки первую кружку с пивом и негромко заговорил. Все тут же умолкли. Нечасто Альрик баловал нас историями.

– Эту историю рассказал мне дед, когда еще был крепок и телом, и умом. Он прожил долгую жизнь, видел немало, слышал еще больше. Жаль, что он так и не смог шагнуть в хирд Фомрира, умер в кровати, ходя под себя и лепеча, как малое дитя.

Давным-давно жил конунг Хакбн Детоубийца. Он был

храбр и жесток. В лютых боях поднялся конунг до сторхельта, и всего лишь шаг оставался ему до богов.

Но был у него один страх: Хакон боялся, что когда-нибудь придет к нему сын или родственник того, кого он убил, и захочет отомстить. Потому Хакон был неоправданно жесток с детьми врагов своих, вырезая целые роды, чтобы никого не осталось в живых.

В один из дней напал он на Кóлпборг, где пряталась вдова его давнего врага с двумя маленькими сыновьями. Когда Хакон вошел в город, спряталась вдова в доме Орсы, месте святом и неприкосновенном даже для богов. Но Детоубийца презрел божьи законы, ворвался в храм со своей дружиной. Он убивал всех на своём пути, стены плакали кровью и железом вонял дым благовоний. Заслонила детей вдова, умоляла не трогать, клялась, что не поднимут они руки на убийцу их отца. Но это Хакона не остановило. Голыми руками он раздавил ее череп, старшего сына задушил, а младшего на копье, как знамя, насадил, а после поджег с четырёх углов храм и во всеуслышание объявил, что плевать ему теперь на волю богов и законы людей. Он сам отныне закон и воля.

Пришла к нему во сне Орса, окутавшись лучами закатного солнца, и возвестила, что будет так, как он сказал.

Сел на корабль могучий Хакон богоравный и лишь отплыл от пристани, как его корабль пошел на дно, будто сама вода его не держала. Воины хотели добраться вплавь до суши, но чудища морские им и шанса не дали. Всех, кроме

Хакона, в розовую муть разорвали.

Тогда Хакон отправился домой пешком, но голоден и холоден был его путь. Ни одного зверя лесного, ни рыбы речной он не сумел поймать, хотя был изрядным охотником и рыбаком. Даже огонь не разгорался под его руками.

Когда же он вернулся в дом и крепко обнял жену, что была на сносях, то в тот же миг она скинула ребёнка, что под сердцем носила, и сама на руках у мужа умерла. Остальные же дети погибли вскорости: кто утонул, кто с обрыва упал, кто куском хлеба подавился. А во время прощальной тризны по погибшим все пиво в бочках мочой вмиг обратилось, а еда дерьмом стала.

Поняли тогда люди в его землях, что проклят конунг, выгнали его и посыпали солью дорогу за ним, чтобы не смог вернуться Хакон Детоубийца. Бросился на них бывший конунг, хотел убить хоть кого-то, но не смог коснуться даже края одежды.

Тогда он ушел в лес. Долго и мучительно умирал Хакон, не в силах ни глотнуть воды, ни поймать добычи, ни согреться огнем.

Но мы! Мы не хотим нарушать волю богов, мы следуем заветам наших отцов. Торкель напал на нашего друга вероломно, изуродовал, срезал его улыбку и, возможно, навсегда. А потому и мягкосердечная Орса, и вспыльчивый Фомрир будут на нашей стороне.

Альрик одним махом проглотил пиво и почти сразу же

выплюнул его.

– Что за ослиная моча? Это из бочонка Видарссонов?

Я понюхал свою кружку и скривился. Это пиво скисло, видимо, пару лет назад, потом вскипело на летнем солнце, промерзло за зиму, весной на бочонок помочились все окрестные собаки, и лишь потом он попал к нам на корабль.

Совпадение с только что услышанной историей неприятно царапнуло, но я был согласен с Альриком. Мы в своем праве!

Глава 7

Оскаленная пасть матерого волка была направлена в сторону закатного солнца, и мы плыли в розово-оранжевую морскую гладь, заставляя ее переливаться серебром и золотом. Старик Хьйолкэг прикрыл последние из трех оставшихся ноздрей и заснул в ледяной ловушке крепче прежнего, а потому не было ни малейшего дуновения ветра. Мы не стали убирать парус в надежде поймать первый же порыв. Размеренный плеск весел не утомлял трехрунных воинов, а успокаивал, погружая в дремоту с открытыми глазами.

Альрик сидел на носу и, касаясь рукой высеченной из дуба волчьей морды, молчал. Возле кормового руля стоял Вепрь, впрочем, он лишь удерживал наш курс. Море было чисто. Ни скал, ни островков, ни рифов.

Поодаль игрались какие-то рыбы, сверкали на солнце их блестящие чешуйчатые спинки и едва слышно плескала вода, когда они заныривали обратно. Смотрящий на мачте предостерегающе вскрикнул, и мы все как один, посмотрели в сторону левого борта. Из глубины поднялась плоская широкая морда змеи, а ее длинное тело извивалось, скользя в водной толще. И хотя змея была толщиной с ногу, наш кораблик ее не интересовал. Она охотилась на рыбу, с легкостью выхватывала то одну, то другую из косяка.

Альрик даже не шелохнулся. Не взял копьё, не глянул на

змею. Его белокурая шевелюра потемнела, так как в последние пару месяцев хёвдинг совсем перестал следить за своим внешним видом. И мы, следуя за ним, не обновляли прически, только Снежный Хвит по-прежнему щеголял абсолютно белыми волосами и белой щетиной, впрочем, я уже знал, что это его природный цвет. Повезло родиться таким. Или не повезло. Смотря как посмотреть. Его белая кожа не принимала солнце и мгновенно сгорала, потому он вынужден был постоянно смазывать ее жиром, а красноватые глаза с редкими белыми ресницами плохо видели на ярком свету.

Я обернулся на Хвита. Он сидел позади по левому борту и греб, зажмурив глаза. Его губы шевелились. Он снова пытался сложить песню.

Прошлая его попытка была настолько ужасной, что хирдманы заучили ту песнь наизусть и долгое время говорили друг с другом строками из нее, покатываясь от смеха. Это, конечно, обижало Хвита, но рано или поздно он должен был понять, что Свáльди не дал ему скальдического дара.

Трое бпрочь, тролль же
Карлов много встретил,
Труп гниющий треплет.
Стрелы вдруг пропели,
Копья полетели,
Жаль, ужалить сложно
Шкуру, что покрыла
Тело того тролля.

С этих строк начиналась героическая песнь о победе над троллем. Дальше шло подробное описание каждого из бойцов и его отваги.

Энок – ослепитель,
Сыплет он стрелами.
Сельди битвы¹² мчатся,
Глаз они пронзили
Зверя, что зевает...

Стоит ли говорить, что теперь у Косого было новое прозвище? Какой же он Косой, когда самый настоящий ослепитель! Да ослепитель не простой, а «зверя, что зевает». Мы перестали говорить «задери тебя тролль», вместо этого ругались замысловатыми выражениями вроде «пусть тебя поглотит зверь, что зевает».

Вепрь вихрем взвился,
Пятки его вижу.
Камнем Вепрь рухнул,
И двоих пришиб он.

Вепря настолько злили эти строки, что при нем мы не осмеливались произносить их, но между собой часто шептали «пятки его вижу» – это означало, что Вепрь поблизости.

¹² Сельди битвы – иносказательно – стрелы.

Альрик злобно зыркнул,
Молния очами,
Грозен Беззащитный,
Он подобен богу.
Без щита и меди,
Без кольчуги толстой,
Словно ветку ивы
На ветру качает.
Ясень битвы¹³ ясно
В горло зверя грянул.

И там еще строк двадцать подробного описания смерти тролля. Мы не стали наделять своего хёвдинга новыми эпитетами. Просто стоило Альрику хоть немного рассердиться, как кто-нибудь тихонько говорил: «Молния очами», второй подхватывал: «Грозен Беззащитный» и так далее.

Я был несказанно счастлив, когда Хвит обиделся на нас на целую седмицу и заявил, что не будет сочинять песнь про победу над троллихой. Кто знает, какими эпитетами он собирался наделить меня? Там вполне могло быть что-то вроде «Кровь наш Кай хлебает, словно тот же Эрлинг. Кровь отцова ясно в теле проступает».

Хотя, по правде сказать, если бы не вирши Хвита, настроение в хирде бы совсем упало. После охоты на «зевающих зверей» у нас наступило долгое затишье. Торкель, видимо,

¹³ Ясень битвы – иносказательно – копьё.

хотел поиграть с Альриком, вынудить его избавиться от меня. Все северные ярлы были оповещены о том, что нельзя давать работу Беззащитному и его сноульверам, если они не хотят сделать Торкеля своим врагом. Все знали, что за Торкелем, который сам по себе значил не так много, стоит богатый землями и воинами ярл Скйрре Пивохлаб.

Хёвдинг злился, скрипел зубами, но решения не менял.

Как-то раз после очередного пустого плавания я подошел к нему и сказал, что готов оставить хирд.

– Ты отличный хёвдинг, Альрик. Это большая честь – сражаться под твоим именем. Только не по душе, когда братья из-за меня вынуждены хлебать воду вместо пива и есть пустые каши вместо доброго мяса. Я сумею проложить путь и без твоего покровительства.

Беззащитный ослабил, привычно тряхнул шевелюрой:

– Хороший ты малец, Кай. Правильный, хоть и диковатый. Значит, хочешь уйти от нас? Это смелое решение. Сколько тебе зим, четырнадцать? Обычно в этом возрасте только-только о второй руне начинают мечтать, а ты уже на третьей.

Во рту появилась неприятная горечь. Я почему-то думал, что Альрик гордо откажется от моего предложения, треснет или обнимет за плечи и скажет, что мы с ним дойдем до края света и сразим сотни тварей, взлетим до сторхельтов и вместе шагнем в обитель богов.

– Только вот какая закавыка! Когда я принимал тебя в

хирд, то сказал, что не смогу этого сделать, если хотя бы трое из ватаги откажут. С выходом тоже самое. Если трое хирдманов согласятся с твоим уходом, так тому и быть. Но тебе придется их убедить. Готов?

– Я расскажу им правду. И про то, что Ящерицу порезали из-за меня.

– Тем легче будет, – еще раз блеснул зубами Альрик. – Готовь речь к вечеру.

Остаток дня я слонялся вдоль обрывистого берега и складывал слова. С одной стороны, я считал, что без меня хирду будет лучше. Торкель узнает, что я ушел от Альрика, и перестанет запугивать людей. С другой стороны, я не хотел уходить. Здесь я чувствовал себя на своем месте. Когда Беззащитный собирал хирд, он смотрел не только на бойцовскую удаль будущего хирдмана, но и на его нрав, узнавал, чего тот хочет и куда стремится. Такой хирд имел все шансы дорасти до хускарлов и не распасться, как это часто бывает. Не раз и не два мы слышали, как обычные хирдманы получали пятую-шестую руну и уходили из ватаги, чтобы собрать новую уже под своим началом. Я сперва тоже хотел так поступить, но, глядя на хёвдинга, понял, что сейчас не потяну хирд ни по затратам, ни по силе, ни по возрасту, ни, самое главное, по терпению.

Во время торга я быстро приходил в ярость. Мог, разозлившись, врезать торговцу или развернуться и уйти, лишившись выгодной сделки. Меня раздражали нанимате-

ли-скупердяи. Тех же Видарссонов я бы сжег вместе с хутором и семьей, особенно после обмана с пивом. А Ящерице я и так не мог смотреть в глаза.

Я наблюдал за Альриком и учился у него выдержке, спокойствию, хитрости. И я хотел бы пробыть с ним подольше, хотя бы года три-четыре. Но уходить сейчас...

Вечером я вернулся к месту ночевки, вдрызг расстроенный. Я успел и проораться за это время, сочинить две речи и полностью забыть их, поспать пару часов и даже пореветь от бессилия. Я был готов.

Ярко горит костер, в стороне переливается искрами второй, там на тлеющих углях запекается молоденький кабанчик, Хвит медовым голосом ругается на Энока Ослепителя, но в его устах любая ругань звучит как песня. Вепрь занят обжаркой мяса, он не доверит столь важное дело «безруким и убогим». Рыбак с легкостью таскает на берегу мелкую рыбешку и крабов, опуская пальцы в воду, а Тулле складывает их в свой шлем. Завтра будет неплохой супчик. Альрик обсуждает что-то важное с Арне Кормчим, скорее всего, какие-то мелочи по кораблю и будущему походу. Йодур и Трюггви в стороне рубятся на мечях, самые заядлые любители сражений. Кто-то подремывает, закутавшись в белый, точнее, уже изрядно потертый и замызганный серый плащ, кто-то затачивает давным-давно сглаженные выщербины, скорее всего, это Эйрик Секира. Он боготворит свою секиру, таскается с ней повсюду и следит за ее состоянием

тщательнее, чем за собственным.

Знакомое до боли зрелище. И мне было тошно думать, что уже завтра или через несколько дней я больше не увижу этих людей.

Я подошел к кострам, сел на вытащенный топляк, набрал воздух и громко сказал:

– Братья! Сноульверы! Я должен вам кое-что сказать.

Убедившись, что все смотрят на меня, я продолжил:

– Вы знаете, что я получаю благодать только за смерть более сильных врагов, потому я не получил руну во время первой жертвы. Я получил ее, лишь когда на мою деревню напали перворунные щенки. Они убивали стариков и детей не из мести и не из злости, только ради силы. Я сумел убить того, кто поднял секиру на меня. Он был в кольчуге, шлеме, вооруженный, полный сил и азарта. У меня не было даже ножа. Безрунным оружие не полагается! Я убил его подвернувшись под руку свиноколом и получил благодать Фомрира. Это был Роальд, сын ярла Скирре. За ним должен был присматривать Торкель Мачта.

Хирдманы молчали, слушая мою историю. Я кое-что уже рассказывал во время зимовки, но без имен.

– С тех пор Торкель и Скирре хотят отомстить мне. Они подослали Тбре Длинный Волос, чтобы тот похитил меня, но Альрик подошел вовремя и спас мою шкуру от огня и пыток. Теперь Торкель хочет причинить зло всем, кто меня окружает и поддерживает. Из-за меня Лейф получил ту мерзкую ра-

ну. Из-за меня хирд не может найти достойную работу. Из-за меня у сноульверов такие беды. Потому я принял решение покинуть хирд. Я мог бы уйти тайком, не прощаясь, но хотел сказать вам это в лицо, честь по чести. Мне не нужно ваше согласие или что-то подобное. Знаю, хёвдинг, ты придумал это условие лишь ради меня.

– Если бы ты хотел уйти ради славы или ради семьи, я бы слова не сказал, – подал голос Альрик. – Но ты делаешь это ради хирда, ради сноульверов. А значит, и сноульверы имеют право высказаться. Кто согласен, что Кай Эрлингссон должен уйти?

Энок поднялся и посмотрел в мою сторону. Точнее, я полагал, что в мою. Один глаз Энока уходил сильно налево, и я в очередной раз удивился, как он умудряется целиться и попадать точно в яблочко за пятьдесят шагов, а копьем мог промахнуться даже в нескольких шагах.

– Если мужчина хоть чего-то стоит, у него обязательно будут враги. И чем сильнее враги, тем большего уважения он достоин. Кай Эрлингссон с первой же руны умудрился заполучить отменных кровников, и я хотел бы посмотреть, как он справится с ними. Я против.

Вепрь коротко сказал:

– Я как Косой.

Рыбак глуповато и наивно улыбнулся:

– Он спас мне жизнь. Я готов сделать то же для него.

Трюггве-мечник добавил:

– Кай молод, но отважен без меры. Он хороший брат.

Йодур кивнул, подтверждая его слова, как и другие ульверы.

Тулле, мой лучший друг, поднялся тяжело, будто к нему привязали жернова.

– Если бы на ферме появился такой работник, из-за которого постоянно случались беды, я бы его выгнал, даже если в том не было его вины. Например, если бы женщины передрались между собой за право согреть его постель или волки стягивались со всего леса на его запах, как морские твари на Рыбака. Я бы попросил прощения, дал денег и выпроводил со своих земель. Потому что благо многих выше, чем благо одного.

Да чтоб сожрали меня все тролли мира! Только не снова. Тулле, ты же знаешь про Дага и про его предательство! Я впился кончиками пальцев в волчий плащ и почувствовал, как шкура расползается под рукой.

– Поэтому я считаю, что Альрик должен решать не как друг Кая, не как наш брат, а как хёвдинг. Он должен думать обо всех, а не о каждом. Уже пострадал Ящерица. Уже страдает весь хирд. Кай должен уйти.

С громким треском под рукой сломалась железная фибула, плащ свалился с плеч.

– И я уйду с ним. За свою жизнь я отвечаю лишь перед собой.

Жар опалил мои уши. Как я мог подумать о Тулле плохо?

– Ты не прав, Тулле, – возразил хёвдинг. – На ферме – да, так и стоило бы поступить. Но мы не пахари, мы воины. Энок хорошо сказал. У каждого из нас будут враги. Что же мне, всех хирдманов разогнать? Что скажут люди? Что Альрик не только беззащитный, он еще и трус, выгоняет людей из ватаги из-за страха. Я попросил вас высказаться, чтобы каждый сам принял решение. И чтобы Кай услышал мнение всего хирда, а не только хёвдинга.

Он помолчал, давая возможность осмыслить его слова.

– Если мы не найдем до конца лета работу, то уйдем из северных морей. Мир велик.

Снежный Хвит вдруг отвернулся, его пальцы зашевелились, будто перебирали струны, а глаза устремились в темное беззвездное небо. Я подскочил к нему, схватил за горло, что выглядело бы смешно, если бы он стоял, так как я Хвиту по плечо.

– Не смей! Никаких песен обо мне! Никаких стихов! Я тебе язык отрежу, если услышу свое имя.

– Но ведь... – моя рука не причиняла ему никаких неудобств, да и испуганным он не выглядел. Скорее обиженным. – Ведь отличная бы виса получилась. О дружбе, честности, верности. Гораздо лучше, чем о тролле. Тролли встречаются чаще, чем такие люди!

– Мне плевать! Я не хочу слышать ничего о Кае или Тулле, понял?

– Хорошо. Но эта песнь получилась бы превосходной.

Я прежде не задумывался о том, какие слухи могут пойти об Альрике, если я уйду. Или того хуже, обо мне. Мало кто знает, почему Торкель вдруг обозлился на Беззащитного, так что люди могут подумать, будто это я струсил и бросил хёвдинга, не пробыв под его началом и года. Кто после этого возьмет меня в хирд? Кто согласится нанять труса на стоящее дело? Тогда мне и впрямь придется уйти из северных морей. А ведь говорят, что за их пределами карлы все равно что безрунные у нас, ничтожные существа чуть повыше трэлей. Говорят, там такие твари, что нам и не снились. Говорят, там моря кишат рыбами, что могут проглотить тридцативёсельный драккар и не заметить даже. Говорят, там летают такие птицы, что их помёт может проломить крышу дома.

Так что я решил остаться с Альриком до поры до времени. Торкель ненамного сильнее хёвдинга. Он был на пятой руне, сейчас, может быть, добрался до шестой. Но я бы не хотел выставлять Альрика вперед себя. Я – кровник Торкеля, а значит, я должен его убить.

А спустя пару недель я услышал новую песнь Хвита. Он сдержал слово, в ней не было ни моего имени, ни имени Тулле, но легче от этого не стало.

Сначала Хвит давал понять, что речь пойдет обо мне, победителе тролля:

Злата страж¹⁴ отважный

¹⁴ Страж злата – иносказательно – мужчина.

Зверя резал резво
Каменного меха¹⁵,
Кровь покрыла очи.

Потом постепенно переходил к вражде с Торкелем Мачтой и его нападению на Ящерицу:

Ясень волка моря¹⁶,
Зло тая как золото,
Вскрыл дорогу крови¹⁷
Брату, не боровшись.

Потоптавшись на праведном гневе хирда и наших попытках собрать денег на рабов, Снежный впледел туда рассказ о моих чувствах.

С краю моря крикнул,
Ярость изрыгая,
Рун измерил – рано,
Силы не хватает.

И ведь сумел угадать каким-то образом, сложил слова так, будто сам был на моем месте. Я чуть не разрыдался, слушая

¹⁵ Каменный зверь – иносказательно – тролль. Так его называли за прочную шкуру.

¹⁶ Волк моря – иносказательно – корабль. Ясень корабля – мачта. Итого ясень волка моря – это мачта.

¹⁷ Дорога крови – иносказательно – рана.

эту часть песни. Дальше Хвит пересказывал наш разговор у костра.

– Прочь уйду, – печально
Он изрек, – реками,
Рукавами моря,
Птичьими градами¹⁸.
Ясень кнорра¹⁹ ясно
Жаждет моей жизни.
Пусть по следу ступит
И меня настигнет.

Хвит смог передать и слова Энока, и ответ Рыбака, а когда перешел к речи Тулле, не у одного меня перехватило горло. В песне почему-то все это переживалось даже сильнее, чем в жизни.

– Брат ты мой, обратно
Шаг вести не нужно.
Враг-хускарл за карлом,
Не за хирдом рвется.
Брось ватагу, братьев!
В мир иди без страха.
За твоей спиною
Я стоять останусь.

¹⁸ Птичий город – иносказательно – лес.

¹⁹ Ясень кнорра – мачта.

Тулле судорожно вдохнул. Он не дышал все то время, пока Хвит вел речь от его лица. Тулле не знал, насколько прекрасен был его поступок и как он был важен для меня, и лишь сейчас, услышав свои же слова в сложенной песне, понял.

Когда песнь закончилась, я снял кошель с пояса и отдал Хвиту полмарки серебра. Никогда раньше не понимал, почему скальдам дают деньги всего лишь за сплетенные в единую вязь слова, а теперь понял. Потому что серебро – это единственный способ выразить свою благодарность творцу, не говоря ни слова.

Глава 8

– Арне, зайдем в тот фьорд. Там может быть деревня, – сказал Альрик.

Снова. И снова «Волчара» направил свою морду к берегу, устало вывесив деревянный язык промеж клыков. Мы опять взялись за весла.

В городах сноульверов никто не хотел нанимать, многие боялись заговорить с нами, кое-кто даже запрещал причаливать, будто мы несли на корабле черную чуму. Весть о Торкелевом обещании изрядно разнеслась по округе. И никто толком не знал причин его нелюбви к нам, потому люди начали сами придумывать.

Чего только мы не наслушались. Мы убили беременную жену Торкеля. Альрик увел жену Торкеля. Кто-то из нас изнасиловал жену ярла Скирре. Мы обманом забрали работу у ватаги Торкеля. Отец одного из сноульверов зарезал сотню детишек, среди которых был сын Скирре, – это была самая близкая к истине молва, вот только люди сложили ее из двух правдивых частей и получили глупую ложь, ведь все знали, что дети Скирре были тогда совсем младенцами. Среди сноульверов есть дитя морской твари, – это, скорее всего, был намек на Рыбака. Альрик искупался в крови дракона и стал неуязвимым, – непонятно, правда, почему Торкель вредит Беззащитному, но разве слухи должны быть осмыс-

ленными? Наш скальд получил дар висосложения, поцеловав пупок Свальди, поседел от обилия мыслей, что поселились в его голове, а потом сложил хулительную песнь, из-за чего Торкель облысел и не мог взять женщину. И неважно, что Мачта был лысым задолго до того, как Хвит сложил свои первые строки.

Потому Альрик решил больше не заглядывать в города. Теперь мы прочесывали берега, заходили в деревушки и забытые богами поселения, многие из которых выглядели хуже, чем Растранд. Там мы предлагали свои услуги и порой даже находили небольшую работу, явно не стоящую внимания трехрунных воинов. Один раз мы вылавливали в озере тварь, что сожрала ребенка, а это оказался всего лишь здоровенный сом. Если бы крестьяне пошуровали сетью, то справились бы и сами. В другой раз три дня бегали по лесу в поисках гоблинов, которые резали скот, но нашли лишь стаю разжиревших волков. Местный пастух изрядно обленился и после потери трех овец придумал эту историю. А однажды мы выкопали колодец. Трехрунные воины рыли землю, будто черви! И за это мы получали лишь скудный набор съестных припасов: зерно, мед, подсохшую редьку и грибы – сейчас как раз было их время.

Хирдманы тихо роптали. Не для того они оставили семьи, чтобы работать на землепашцев и рыбаков. Все мечтали о славе и серебре. Альрик же продолжал вести свою линию. Мне порой думалось, что если бы я сейчас спросил своих

собратьев насчет ухода из хирда, многие бы согласились.

Мы устали.

Кормчий умело провел корабль мимо темных рифов и вошел в кривую извилистую бухту. Мы еле шевелили веслами, опасаясь налететь брюхом на скалу. Изрядно вспотев, больше от напряжения, чем от тяжелой работы, мы доплыли до берега, разрезанного пополам небольшой речушкой. В этот раз наши усилия оправдались. Тут и впрямь было селение. Целых три дома.

К нам вышли четверо мужчин с луками и стрелами.

– Кто такие? Зачем пришли?

– Я Альрик Беззащитный. Мой корабль «Волчара». И мой хирд – сноульверы. Прошу разрешения спуститься на ваш берег и переночевать. А если у вас есть какая беда, мы готовы решить ее.

– Есть у нас беды, да только вряд ли вы сможете помочь.

Корабль подплыл совсем близко, и теперь мы могли переговариваться, не выкрикивая слова во все горло. Местные стражи вблизи выглядели не так опасно. Это были всего лишь старики, и я не был уверен, что они смогут натянуть лук как следует.

– Так вы скажите, отцы. За спрос обычно не бьют.

– Одна беда – редко к нам заплывают гости, и все из-за проклятых скал в бухте. Вот кабы вы очистили проход, так жизнь у нас враз бы наладилась.

– А вторая беда?

– Вторая – наши дети выросли, а ума так и не нажили. Если бы вы смогли вложить им чуток смекалки, так и желать было бы нечего.

– С такими бедами нужно к богам обращаться.

Альрик не разозлился на стариков за их дурацкие шутки. Видимо, детки просто пошли умом в своих родителей.

– Мы способны на многое, но такие подвиги нам пока не под силу. Со скалами мы как-нибудь за десяток лет, может, и справились бы, но человеческую глупость искоренить нельзя.

Встречающие убрали луки за спину и спокойно взирали на то, как сильные воины в полной оправе спрыгивают с борта и выходят на их берег. Альрик подошел к ним, раскланялся и принялся болтать о местных делах. Как и всегда.

Мы же привычно раскидывали лагерь для ночевки. Нечасто хозяева зазывали нас в свои дома, да и мы не рвались. Уж больно кусачие там жили клопы, дикие и голодные, падкие до крови трехрунных. Лучше уж завернуться в плащ и полежать возле дымного кострища, чем всю ночь чесаться да хлопать себя по лбу.

Лишь когда сварилась немудреная рыбная похлебка да были выпечены на камнях жесткие лепешки, хёвдинг вернулся к нам, довольно улыбаясь.

– Никак они пообещали привести дочек? – пошутил Эйрик Секира.

Второй его страстью после обожаемого оружия были жен-

щины.

– Кажется, мы скоро сможем наполнить кошель и поднаться в рунах, – ответил Альрик.

Я недоверчиво глянул на стариков и их жалкие хижины. Неужто у них такая лютая нужда в карлах, что они готовы заплатить серебром? Точнее, не так. Неужто они наберут хотя бы одну медную монету на всех четверых?

– Как скажешь, хёвдинг, – пробасил Вепрь. – Думаешь, они тут сидят на золоте?

– Все мужчины из этого селения уехали. Местные ярлы не поделили между собой какой-то островок и собираются прояснить этот вопрос силой. Своих людей у них немного, потому они готовы платить за пришлых воинов. Как я понял, серебра не так много, потому берут карлов и хускарлов, что подешевле. Даже если заработаем гроши, то полученная сила останется с нами.

– Может, они уже набрали войско?

– Клич по городам они не делали. Стягивают только тех, кто случайно оказался поблизости. Так что с утра плывем к ярлу.

– А к которому?

– Кто ближе окажется.

Мне тоже плевать на кого работать. Вряд ли тут есть правый или виноватый. Главное, я смогу опробовать новые силы на деле. Я не раз бился с Тулле и другими братьями и обнаружил, что несмотря на то, что я прожил меньше зим, чем

остальные хирдманы, я ничуть им не уступаю. Тулле быстрее бегал, но проигрывал в силе и скорости боя. Вепрь был сильнее, но я ловчее и увертливее. А один раз я сумел продержаться аж десять вдохов против Альрика. Я смог бы и дольше с ним биться, да мой топорик стал слишком легок и неудобен. Трюгтве предлагал утяжелить его, но я отказался. Менять что-то – только портить, а вдруг я смогу его продать и купить что-то получше?

От Альриковой новости настроение в хирде изрядно улучшилось. И с первыми лучами солнца мы двинулись в путь. После медленного и осторожного выползания из скалистой бухты в открытое море «Волчара» понесся как на крыльях. Мы гребли с охоткой, не жалея сил. Наконец-то настоящее дело!

Я видел не так много ярлов, всего-то двоих, но этот ярл больше походил на уставшего крестьянина. Он лично встретил нас на пристани, напомнив отца. Эрлинг тоже приветствовал приезжих хускарлов еще на берегу, это и знак уважения, и мера предосторожности. Кораблей тут стояло не так много, два кнорра, шестивесельный драккар и еще пара мелких суденышек. Если судить только по ним, ярл собрал семь-восемь десятков воинов. Кажется, намечалась настоящая война, а не небольшое сражение. И все за какой-то остров.

Впрочем, осмотрев местность, я догадался, почему остров так важен для этих ярлов. Земля здесь была не самой удоб-

ной для жизни: сплошь скалы, обрывы да камень. Поместья бондов разбросаны далеко друг от друга. Хутор самого ярла находился в глубине суши, и самый лучший путь к морю оттуда был по узенькой речушке, что летом больше походила на ручеек, зато по весне разливалась до двадцати шагов в ширину, если судить по камням, раскиданным вокруг нее.

Если земля на острове хоть немного была пригодна к пахоте, то понятно, зачем он местным земледельцам.

– Ярл Сигарр²⁰, мы прибыли помочь вам в вашей битве. Я Альрик Беззащитный, а это мои сноульверы, все проверенные на деле воины.

Мне понравилось имя этого ярла, оно сулило нам победу, а вот сам ярл выглядел не очень. Тощий и долговязый, как Торкель, вот только Мачта был жилист и силен, а Сигарр слаб и изможден. Он дергался и непрерывно теребил какой-то амулет на шее. Я не сразу рассмотрел его. То был крошечный топорик из серебра, сплошь покрытый рунами. Топор – символ Фомрира, а по Сигару было видно, что он кто угодно, только не воин.

– При... – ярл Сигарр кашлянул, стер слюну со рта, – приветствую в Стэйниорде²¹. Я рад приветствовать столь известного хёвдинга. Только я не могу вас взять на службу.

Он снова закашлялся, с хрипом втягивая воздух. Альрик спокойно ждал.

²⁰ Сигарр – в пер. воин победы.

²¹ Стэйниорд – каменная земля.

– Не могу взять, – просипел ярл, когда смог задышать. – Я набрал людей. Да и оплата небольшая, не по вашим меркам.

– Для последователей Фомрира серебро – не главная цель, – как я и думал, хёвдинг заметил топорик на шее Сигарра. – Слава, упоение битвой, возможность стать ближе к богам – вот ради чего стоит жить.

– И трофеи? – уточнил ярл.

По крайней мере, он был неглуп.

– И трофеи, – подтвердил Альрик. – Но если мы не нужны, то, может, ваш недруг окажется более... гостеприимным.

– Если я одержу победу, заплачу тебе полторы марки и каждому выжившему воину по полмарки. Трофеи с убитых ваши.

– Согласен, – кивнул Беззащитный.

На мой взгляд, оплата была невелика. Одно дело сражаться с глупым троллем, и совсем другое – с людьми, что так же, как и ты, умеют думать, сражаться, способны на хитрости и подлости. А еще могут получать божественную силу.

– Сегодня вечером будет пир. Там познакомлю с другими хёвдингами. Пока же милости прошу.

Сигарр убрал наконец руку с амулета и махнул стоящему неподалеку мужчине. Вот тот выглядел как матерый вояка: изрытое шрамами лицо, налитые силой тяжелые плечи, широкие ладони с короткими пальцами в самый раз для массивной секиры, что он легко нес с собой. И невероятная девятая руна. Странно, что Сигарр просто не приказал ему в оди-

ночку вырезать семью другого ярла. Хотя я ж не знал, на какой руне находятся люди с той стороны. Может, там сплошь хельты, что уже отведали тваринных сердец? Тогда одного сакравора²² будет недостаточно.

Мы ввязались в драку, ничего не зная о врагах. Но я не винил Альрика. На его месте я бы тоже ухватился за эту возможность.

Сакравор провел нас к небольшому домику. Вдоль стен стояли широкие лавки для сна, лежали одеяла и звериные шкуры, с балок свисали на тонких цепях заправленные масляные лампы. И все. Ни места для очага, ни утвари, вообще никаких вещей, что делали дом домом.

– Эти дома построили специально для приезжих, – буркнул воин с секирой. – Вы уж не держите зла.

– Благодарю, – вежливо осклабился Альрик.

Эйрик плюхнулся на лавку.

– Не нравится мне этот ярл. Слабенький он, хилый. И неприветливый.

– Все верно он делает, – сказал Тулле. – Кто знает, вдруг нас с той стороны прислали? А тут мы под присмотром, обидеть никого не можем. Да и незачем бойцов, коих взяли на одну битву, в свое поместье запускать.

– К тому же сражаться будем не тут. Не удивлюсь, если они уже насчет места и времени договорились.

– Договорились? – я недоуменно поднял бровь. – Это что

²² Сакравор – воин с секирой.

за война такая? Что за дурни так сражаются? Не лучше ли было бы тайком напасть на врага и вырезать всех ночью?

– Конунг Рагнвальд Беспечный настрого запретил междоусобные войны, – пояснил хёвдинг, расстелил шкуру и растянулся во весь рост на лавке. – Сказал, все ссоры выносить на общий тинг и его, Рагнвальда, суд. Думаешь, почему ярл Скирре не уничтожил Сторбаш и решил удовольствоваться одним глупым мальчишкой? Ты ж вроде сын лёндермана, должен немного разбираться в законах.

– Не понимаю я эту говорильню. Говоришь, воевать запрещено? Так что ж, эти ярлы против воли конунга пошли?

– Порой я забываю, что ты получил первую руну всего год назад.

Намек на то, что я еще ребенок. Но очень вежливый. И в какой-то мере даже лестный, ведь всего за год я добрался до третьей руны.

– Как раз конунг Рагнвальд и предложил такой выход. Кто победит в битве, тот и получает остров. И никакой затяжной войны, кровной мести, обескровливания семей. Вольные ватаги смогут подзаработать и подняться в силе. Все в выигрыше.

– Получается, что победит самый богатый?

– Или самый щедрый. Тот, кто перетряхнет все сундуки и вывернет все карманы ради того островка. Ладно, я немного вздремну перед пиром. Кто знает, насколько он затянется.

Вскоре послышался мерный сап. Я отчаянно зевнул и ре-

шил присоединиться к хёвдингу. Действительно, кто знает...

Для пиршества отдельного здания не строили. На скорую руку сделали длинный навес, поставили там столы и лавки, вместо стен повесили толстые одеяла и шкуры, а в дальней части такого странного зала, там, где будут сидеть ярл с хёвдингами, и вовсе была туго натянута парусная шерстяная ткань. Зал освещался десятком масляных ламп. Между столом ярла и длинным столом для хирдманов ярко полыхал огонь, отпугивая вечернюю сырость, которой тянуло с моря.

Все, кто входил в зал, были безоружными, лишь поясные ножи разрешалось оставить. Это тоже было разумно. Тут собралось несколько разных ватаг. Мало ли как пойдет застолье?

И куда бы я не глянул, мой взгляд натыкался на суровых, битых жизнью хускарлов, похожих на того сакравора. Они прожили не меньше сорока-пятидесяти зим, но прожитые года не повисли на кряжистых шеях тяжким грузом, не согнули широкие спины. Напротив, возраст укрепил их корни и закалил тела. Я супротив них выглядел как десятилетний дубок против двухсотлетнего дуба-великана. То были люди ярла Сигарра. Они приглядывали за порядком и показывали гостям, что не стоит злоумышлять против их ярла.

Если бы у Сигарра было хотя бы пять-шесть десятков таких воинов, то ему не пришлось бы нанимать чужаков, но их было всего с десятков. И еще десяток совсем молоденьких воинов, едва-едва получивших первую руну. Где же бы-

ли остальные? Куда делись мужчины старше двадцати лет и младше сорока? Охраняли усадьбу ярла?

Сигарр вошел в зал одним из последним, сакравор следовал за ним по пятам. Видимо, он был его заплечным, хотя это выглядело странно. Обычно заплечным становится друг детства, тот, с кем ты вырос, тот, кому можешь доверить жизнь. Бывает, что за спину встает брат или сын. Или соватажник, с которым прошли не одну битву. Но чтобы заплечным стал воин в два раза старше? Я даже не слышал о таком. Видать, не так-то прост этот Сигарр, хоть и слаб здоровьем.

Ярл поприветствовал собравшихся воинов, выпил первую чарку со всеми, а затем высокий стол занялся своими делами.

За общим столом было шумно и весело. Расторопные рабыни меняли кувшины с пивом и брагой, вздрагивали от шлепков по тощим задам, кулёчные доходяги-рабы меняли огромные миски с мясом. Я уже не вспоминал о собственном провале на пиру отца и пил свободно. Как-никак третья руна! Да и не одна кружка пива выпита за это время. Теперь я знал меру.

Рассадили нас тоже с умом: те кряжистые мужики равномерно распределились между наемниками и вмешивались в разговор, если он начинал принимать неприятный оборот. Ни одному хирду не позволили сесть кучей, а раскидали попарно. А еще за столом сидели женщины.

Хвала Скириру и Орсе, ярл Сигарр не сошел с ума, что-

бы позволить крестьянкам сесть за стол с воинами. То были особые женщины! Они, как и Дагна, выбрали путь Фомрира и были полноправными воинами в одном из прибывших хирдов. Только вот красотой Дагны никто из них не блистал. Глядя на них, я понимал, почему женщинам не стоит сходиться с пути Орсы. Сражения никого из них не сделали краше. Чересчур широкие плечи, тощие зады, груди не видно за плотными слоями одежды, у некоторых были выбриты виски (как я понял, в подражание самой знаменитой женщине-воину), кое-кто похвалялся шрамами.

Но чем больше пили мужчины, тем симпатичнее становились воительницы. Со всех концов слышались крики «Дранк», и хирдманы рассказывали о своих подвигах или делились смешными историями о неудачах.

История о наших приключениях у Тугой Мошны и охоте на троллей вызвала одобрительный гул. В начале все похвалы обрушились на Энока и его невероятный выстрел точно в глаз троллю, так как Альрика рядом не было. Зато во второй половине рассказа воссияла моя слава.

– А потом Кай крикнул: «Да это же троллиха!», вырвал из земли столб и как давай её охаживать!

Я благодарно посмотрел на Бьярне, сам я вступить с речью не мог, пережевывал особо жёсткий кусок мяса, его прожилки напрочь забили все промежутки между зубами.

Когда я наконец справился с неподатливой снедью и глотнул пива, сильный удар локтем пониже рёбер едва не выбил

его обратно.

– Так ты Кай Погонщик Троллей? – девичий голос справа звучал с неподдельным интересом.

– Скорее Пожиратель Троллей! – хохотнул слева Тулле.

Тем временем рассказ уже дошёл до того места, где троллиха бросилась на меня. Отхлебнув еще пива, я перехватил нить рассказа, а братья по оружию дополняли речь. Присутствующие хирдманы из разных ватаг, все опытные сильные воины, хвалили мою храбрость и ярость. Вот это настоящая жизнь! Сначала подвиги, потом пиры и хвалебные речи! Я и не вспоминал про переломы, Ящерицу, про долгие бесплодные переходы и жидкие похлебки, разбавленные дождевой водой.

Пока говорил, меня буравил взгляд этой девушки справа. Я подвёл итог длинным глотком пива и закашлялся, поперхнувшись из-за еще одного тычка локтем поддых.

– А ты действительно могучий воин, Кай Эрлингссон! – снова она.

Я обернулся на нее. Там сидела женщина лет двадцати пяти и широко улыбалась. Мда, совсем не Дагна!

– Конечно. У нас в ватаге все такие, просто мне в этот раз повезло больше.

В ответ на мои слова она весело расхохоталась, и её косо обрезанная челка съехала в сторону, открывая спрятанный прежде левый глаз. Я невольно вздрогнул. Если правый глаз был привычного голубого цвета, то левый был чёрным, как

потухший уголёк. Теперь понятно, почему она не сидит дома и не нянчит детей. С такой отметиной замуж не выйдешь, да и не каждая ватага возьмет человека с таким знаком.

Девушка заметила мой взгляд и перестала улыбаться. Поправив чёлку, она шумно отхлебнула из рога, качнулась ко мне и жарко прошептала на ухо:

– Ну, вот ты и узнал мой маленький секрет, расскажи теперь свой!

Я кое-как отбился от её пьяных расспросов, против воли узнав о ней больше, чем нужно. Зачем мне ее имя, имена родителей, длинный и сбивчивый рассказ о ее поселке и куца остальной словесной чепухи? Единственное, что показалось немного интересным, так это история о ее глазе. Хельга сказала, что родилась, как и все нормальные дети, с двумя голубыми глазами, но как-то раз не вовремя подвернулась под руку пьяному отцу. Он треснул ее по голове так сильно, что она два дня лежала пластом. Думали уже, что помрет. Потом Хельга пришла в себя, но один глаз навсегда остался черным. Родители решили, что не рука Орсы ее вылечила, а дыхание Бездны, твариной праматери. Вполне разумно. Я бы тоже так решил. От этого стало еще тошнее.

Выслушав всё это, я развернулся к Тулле, налил еще пива и подхватил залихватскую песню, что уже затянули под ритмичные удары бодрана.

– Кай, а Кай!

– Да?

Что этой женщине от меня нужно?

Ответ пришёл незамедлительно. Хельга впилась мне в губы. Во рту появился чужой вкус пива, чеснока и мяса. Горячие губы с языком мокро прошлись по моему лицу, словно вылизывание собакой, а не поцелуй. По подбородку потекла тягучая струйка слюны. Слышался гогот, подбадривание и улюлюкание.

С победным «Ха!» Хельга отцепилась от меня, встала из-за стола и пошла в сторону выхода, сделав знак следовать за ней. Я вытер рот рукавом и длинным глотком допил пиво, поймал рабыню с кувшином, налил ещё и залпом выпил. Хотелось напиться и в баню, несмотря на то, что я помылся перед самым пиром.

– А чего ты с ней не пошёл? – Тулле смотрел на меня с искренним недоумением. – Не красотка, конечно, но ведь и не рабыня.

– Ты глаза её видел?!

– Нет, а что? У неё нет глаза? То-то волосы так обстригла!

– Да лучше бы одноглазая была. У нее глаза разного цвета. Один нормальный, а другой черный, как безлунная ночь.

– Фу ты, гадость какая! Давай тогда лучше пить!

И снова полилось рекой пиво, на которое я теперь налегал сильнее, чем прежде, пока не почувствовал, что пора прогуляться до ветру. Шатаюсь и раскачиваясь, я добрал до нужного места, сделал свое дело и пытался непослушными руками завязать поясok на штанах.

– А я уже думала, что не придёшь. – прошептали мне на ухо.

К спине прижалась грудь, если это можно так назвать, сильные руки обхватили меня, поползли вниз, ловко завязали пояс, попутно ощупав все, что ниже.

– Я... я не к тебе шёл.

Я не очень хорошо соображал, но знал, что времени после ее ухода прошло немало.

– Все так говорят. Пойдём! – Хельга схватила меня за руку и потащила за собой.

Я, наверное, мог бы освободиться, будь я трезв. Но сейчас я даже не понимал, в какой стороне пиршественный зал, куда мы идем и зачем. Да и хватка у девицы была неженская. Проще было бы отрубить ей пальцы, чем разжать. Пока я соображал, мы оказались на пристани и поднялись на какой-то корабль.

Девица, не отпуская руки, ловко развернула несколько шкур, бросила сверху плащ, толкнула меня на походную постель и опустилась рядом.

Глава 9

– Кай, ты тут? – голос Тулле доносился будто издалека.

Я с трудом приоткрыл глаза и снова зажмурился. Свет больно бил, усиливая и без того режущую головную боль. Мерзко крутило живот, словно я сожрал вчера что-то не то, и было непонятно, откуда оно вылетит: сверху или снизу. Убедившись, что прямо сейчас ничего ниоткуда извергаться не собирается, я вылез из-под плаща.

Вылез и скривился. Опять то же самое.

Я что, каждый раз после пира буду просыпаться на незнакомых кораблях? Да еще и в одиночку? А в этот раз было или не было? Мужчина я уже или как?

– О, Кай, так вот вы чем занимались всю ночь! – мой друг широко улыбнулся. – Вы ловили ручную рысь Хельги, а потом ты упал в воду и тебя пытался задушить осьминог?

Голос Тулле звучал так невинно и искренне, что я почти повелся. Но тут я вспомнил кое-какие детали ночного приключения. По крайней мере на один вопрос у меня был вполне определенный ответ, без всяких сомнений и двусмысленностей.

– Можно и так сказать, – буркнул я и еле удержал съеденное вчера.

Кишки скрутило узлом.

Тулле расхохотался. Я тоже попытался, но быстро понял,

что тогда точно изгажу палубу, хоть и не был уверен, как именно. Кроме раскалывающейся головы, болели и другие части тела. С животом все понятно. Но почему так ныла поясница?

Держась рукой за мачту, я натянул штаны и двинулся за Тулле к выделенному нашему хирду дому. Я ковылял словно беременная корова, и с каждым шагом обнаруживал новые очаги боли. Раньше я даже не подозревал, что такие места вообще могут болеть. Что было еще хуже – я постепенно вспоминал прошедшую ночь: отрывками, смутными кусочками, скорее ощущения, звуки, вкусы. Скрип досок. Плеск волн о борт. Сбившееся дыхание. Аромат прогорклого пива. Масляные волосы. Невыносимо приятную и тягучую сладость. Выдох. Пальцы, впившиеся в спину. Царапины и сейчас горели огнем. И ухо. Я дотронулся до него и почувствовал под пальцами запекшуюся кровяную корочку. Она что, пыталась мне ухо отгрызть? Безумная баба. В следующий раз лучше возьму рабыню помягче и потолще, с большими сиськами и пышной задницей.

– Эй, Кай! – до боли знакомый женский голос донесся сзади.

Я не стал оборачиваться и проверять, она это или нет, лишь зашевелил ногами пободрее. Нет так уж и болят у меня ноги, с утра можно и пробежаться. Тулле, хрюкая и давясь от смеха, припустил следом.

– Кай, подожди!

Вот уже и наш дом. Я влетел внутрь, дождался Тулле и захлопнул дверь. Не то чтобы это было сложной преградой для четырехрунной девки, но не станет же она прилюдно вламываться в чужой дом?

Наше прибытие встретил взрыв хохота, привычные скабрёзные шутки, смешные для всех кроме того, над кем шутят, ободряющие хлопки по спине, от которых по телу прокатились новые волны боли. Я невольно поморщился, чем вызвал очередной приступ смеха у хирдманов.

– К нашему Каю все время каких-то троллих тянет, – как бы невзначай обронил Альрик. – Уж не пора ли дать ему настоящее имя?

– Что-то ничего на ум не приходит, – пожал плечами Хвит, ныне признанный скальд хирда. – Любимец троллей плохо ложится в песню.

– Ты титьки у нее хотя бы нашел?

– А то, может, она вовсе и не она была?

Я был бы счастлив поговорить с ребятами об этом, только в другой раз. Когда голова не будет разламываться от боли, вчерашнее мясо не будет лезть обратно, и волны удовольствия и стыда не будут окатывать при каждом новом воспоминании. Поэтому я скривил злобную морду, отполз в дальний угол и отрубился там.

Следующие несколько дней стали настоящей пыткой. Я слышал, что девушки после первой проведенной с мужчиной ночи привязываются к нему, а парни, наоборот, бегают

за девками лишь до той самой ночи. Но для Хельги я явно не был ни первым, ни вторым. Так чего же она продолжала бегать за мной?

Стоило лишь выйти из дома, как я сразу наткнулся на ее прищуренный голубой глаз. Продолжать знакомство желания не было. Слишком уж она стара да жестка для меня, да и знак бездны не увеличивал ее привлекательность. Потому я толком не выбирался на волю и не смог познакомиться с остальными хирдами, помериться силами и добыть новый топорик.

Ярл Сигарр, несмотря на хилость, не был дураком и устроил небольшое торжище, где гости могли продать оружие, из которого они выросли, и выбрать что-то подходящее. Конечно, оружие продавалось и перепродавалось, и с каждой покупки Сигарр хотя бы один эрторг да клал в карман. Кормил он воинов исправно, но простой едой. Копченые колбасы да пряные меды можно было лишь купить в торговых рядах. И при этом ярл не выглядел скупердям, как Торир Тугая Мошна. Может, потому что он не скупился на улыбки, на разговоры и на самое необходимое.

Сигарр скрывал от гостей расположение своего хутора и остальных поместий, прятал вольных девок, зато отстроил временное поселение и пригнал кучу рабынь на любой вкус. И своим угодил, и чужих не обидел.

Через несколько дней я уже лез на стену от скуки и не мог дожидаться начала боя. Ярл с хёвдингами каждый день

чего-то совещался и совещался. Зачем эти бестолковые разговоры, если можно просто столкнуться лбами с вражеской армией и выяснить на поле боя, кто сильнее? Какой бы ты хитроумный план не придумал, все равно все будут решать мечи и топоры! Кто сильнее, у кого выше руна, кто отважнее и кто удачливее.

Альрик рассказал, что Сигарр стал ярлом не так давно. Его отец и старший брат были настоящими воинами, крепкими, храбрыми. А Сигарр с детства был слабеньким, быстро уставал от борьбы, запыхивался во время бега, заболел после небольшого купания. Руну он получил в срок, как и все, но она не помогла ему стать здоровее. Жрец сказал, то была врожденная хворь, которой одарили Сигарра боги, и они не стали забирать ее. Потому Сигарр, как подросток, уехал в отдаленное поместье, где и жил с немногими помощниками.

Отец Сигарра, ярл Сигвальди Добряк, в свое время изрядно поватажил и вернулся в родные земли, остановившись на десятой руны – пороге хускарла и хельта, и его люди, те самые опытные воины во главе с сакравором, почти не отставали от хёвдинга.

Пока Сигвальди был жив, его сосед – ярл Хрейн – сидел тихонечко и не зарился ни на какие земли, но стоило Добряку поперхнуться костью и помереть прямо за пиршественным столом, как Хрейн выполз наружу. Он совершал мелкие набеги на земли Сигвальди, ловил его корабли, не оставляя свидетелей. Сигарр предлагал брату пойти на суд кóнун-

га Рагнвальда, но тот был слишком горд и говорил, что справится сам.

Немало хороших воинов погибло в те годы. А потом и сам брат погиб в неравном морском бою, только и смог передать Сигарру небольшой амулет – топорик Фомрира.

Никто не ожидал, что ярлом станет слабак Сигарр, и не все местные были с этим согласны, вот только заплечный еще самого Сигвальди, опытный сакравор на девятой руне, что отказался следовать за старшим сыном ярла, внезапно занял сторону Сигарра. Да что там! Встал за его плечом, поднял всех старых советажников, оторвал их от земли и внуков, заставил признать Сигарра ярлом.

Тот же сразу отправился к конунгу, поведал ему свою историю и добился разрешения спорного вопроса на одной-единственной битве. А чтобы все было справедливо, Рагнвальд Беспечный отправил своих людей приглядеть за сражением.

В означенный час хирды погрузились на корабли и отплыли к острову, причине всех бед.

Странно это было. Обычно на закате причаливают к берегу и ночуют на твердой земле. А сейчас все было наоборот. Едва солнце коснулось круглым боком земли, как мы оттолкнули «Волчару» от причала и дружно взялись за весла, уходя в ночное море.

Когда же опустилась темнота, мы последовали за мерцаю-

щими огоньками на впереди идущих судах. На нашем также горели лампы: одна на носу, вторая на корме и третья – на верхушке мачты. Если прочертить между ними линии, то получится фигура с тремя углами, так дети рисуют на песке кораблики. И можно не бояться, что в ночи не заметишь союзный драккар и врежешься в него.

Звуки ночью слышались иначе. Более гулко. Более громко. Мы не говорили и не смеялись. Молча гребли, вглядываясь до рези в глазах в огоньки и вслушиваясь в плеск весел. Если вдруг решит всплыть какая тварь, то мы у нее будем как на ладони, а вот ее саму не заметим, пока не окажемся у нее в пасти.

Я не боялся смерти, но предпочел бы умереть, стоя на земле. Да, я все еще не хотел становиться ватажником Нарла и грести целую вечность на его золотом корабле. И вообще – это несправедливо! Фомрир дал условие на получение руны, Фомриру я приношу жертвы, но если помру в море, то последую за Нарлом.

– Оооой! – раздался протяжный крик.

Альрик тут же приказал сушить весла. Мы замерли. Где-то тут был остров с его рифами, неровными берегами и прочими прелестями, а мы, как слепые котятa, плыли наощупь.

– Двое сторожат, остальным спать!

Я завернулся поплотнее в плащ и улегся на палубу. Когда теперь еще доведется поспать?

– Подъем!

Уже? А ведь, казалось бы, только что заснул после своей очереди. Я протер лицо морской водой, огляделся. Солнце еще не встало, но небо уже посветлело. Еле виднелись бледнеющие звезды. Остров оказался совсем близко. Слишком близко для ночного плавания, я бы сказал. Видать, у Сигарра отменный кормчий, что может ходить по морю вслепую. Остальные корабли стояли неподалеку.

Все воины напряжённо смотрели на восток. Ещё немного, и можно будет бежать к крепости. Некоторые со страхом проглядывали на берег – там стоял наблюдатель от конунга. И он впечатлял! Полноценный хельт, двенадцатая руна, секира в человеческий рост, кольчуга, сплетенная из толстых колец. И самое главное – он не сдерживал силу. Она омывала горячими волнами, путала мысли и давила мельничными жерновами, ни у кого даже мысли не возникало нарушить правила и сойти с корабля прежде назначенного времени.

Скоро рассвет. Мы принялись поправлять оружие и доспехи. Я несколько раз присел, пара наклонов – и кровь уже бурлит в теле от предвкушения славной битвы, заново перетянул завязки куртки, закрепил наручи, повесил на спину щит, топорик, как обычно, на поясе. В последнюю очередь взял два увязанных обрывками бечевки копья.

Первый луч солнца ласково коснулся верхушки мачты. Заплетенная в косу борода наблюдателя качнулась от кивка, и давление чужой силы сразу же пропало. Я словно глоток

свежего воздуха вдохнул.

Началось!

Мы спрыгнули в лодки, в несколько взмахов достигли берега, подхватили назначенного нам проводника и рысью последовали за ним.

Согласно плану именно наш хирд, как самый равномерный и слаженный, должен был первым занять крепостицу и удержать её до подхода остальных сил. Это не сильно понравилось остальным хёвдингам, ибо сулило нам больше славы, правда и риск был больше.

Мерный бег не был похож на безумную погоню за троллем, но и не походил на патрули в поисках следов сноульверов. Проводник по имени Акун Челюсть вёл нас самой короткой тропой, тяжелая огромная челюсть первородной твари, что он приспособил вместо оружия, в такт шагам покачивалась на плече. Я бы такую, конечно, поднял, но сражаться бы ею не смог.

– Почти на месте, – с этими словами Акун снял чудовищное оружие с плеча и двинулся в обход последнего холма.

На ходу развязывая копьё, я последовал за остальными.

Дом, выстроенный на пригорке, был окружён невысоким частоколом, вместо ворот имелся только проём в стене, но самое главное – там были враги. Мы увидели несколько человек, что уже забегали внутрь, а чуть подальше, примерно на таком же расстоянии от дома, что и мы, шел вражеский отряд. Враги соображали ничуть не хуже.

Акун, не оглядываясь, помчался к дому. Альрик крикнул: – Вепрь, Трюггве – за мной, остальные – в бой! – и побежал следом за Челюстью.

Мы рванули изо всех сил, чтобы перекрыть врагам путь к поместью. Те уже не спешили, поняли, что боя не избежать. Мы выстроились в линию, слева от меня встал верный Тулле, справа – Эйрик. Я глянул на их лица, пытаюсь угадать, что они сейчас чувствуют. Лицо Эйрика было спокойным и сосредоточенным, словно он собирался дрова нарубить, Тулле же кривился, как от зубной боли.

Наш строй шагнул вперед. Снова меня подхватило то же ощущение, что во время охоты на каменного зверя. Единение. Чувство плеча. Я уже не был собой. Я был сразу всеми, целым хирдом, я-мы был сильнее, чем один человек, быстр и несокрушим. Во мне-нас не было страха. Разве великан боится мышь?

– Тум! Тум! Тум! – я слышал бой сердец всех сноульверов.

Люди с другой стороны были разобщены. Они шли не вместе. Каждый был за себя. И каждый видел перед собой единое, и это единое было направлено лично против него.

Шестьдесят шагов. Копьё в правой руке подрагивало от нетерпения, щит все ещё был за спиной, но я не боялся шальной стрелы. Хирд прикроет. Тум!

Сорок шагов. Я вскинул копьё и отвел руку назад.

Тридцать шагов. Пора! Я выбрал цель – карла с неприят-

ной на вид секирой – и швырнул первое копьё. Не глядя на результат, перебросил второе в правую руку и снял щит со спины. Тут же рядом со мной вонзился в землю вражеский подарок. И без того расхлябанный строй противников рассыпался.

Тум! Щит вперед! Удар копья направо. Враг дернулся, и тяжелая секира Эйрика врубилась ему в плечо. Я выхватил топорик и набросился на следующего. Тум! Он взмахнул коротким мечом. Не меч, а кинжал-переросток! Принял удар на щит и тут же рубанул сам. Рука противника бессильно обвисла, вспоротая от локтя до запястья. Потому и нужны хорошие наручи. Тум! Еще удар! Топор прошелся по лицу противника вскользь, оставляя рваную рану. Он упал и завыл, прижав здоровую руку к щеке.

– Тулле! – я чуть отодвинулся, и Тулле быстро перерезал раненому горло.

Немногие уцелевшие из вражеского хирда отступили. Бежали в сторону леса, бросив раненых.

Единение распалось.

– Все в дом! – прорычал Эйрик.

Скоро появятся новые враги, нужно успеть занять поместье и наладить оборону до прихода основных сил. Потому мы взяли только самое ценное и ушли под защиту частокола. Я успел схватить лишь кошель и меч. Как раз вовремя: топорик, данный отцом год назад, треснул поперек лезвия. Теперь только на перековку. Правда к мечу придется при-

выкать и привыкать быстро. Другой замах, другое расстояние, другие удары. Отец учил разному оружию, мало ли что в жизни пригодится, только вот уже больше года я сражался одним топориком. Заработаю серебра, куплю нормальное оружие, под пятую руну, не меньше.

Тем временем, хирдманы готовились к будущему штурму. Поместье явно заброшено, но главный дом был еще крепким, лишь крыша вся заросла высокой травой. Рыбак взялся за ее расчистку. Частокол скорее обозначал границы, чем защищал их, но и он поможет задержать врагов. Грядки уже давно затоптали, колодец засыпало землей, а сараюшки обвалились, их жалкие покосившиеся останки разбирали на части, отбрасывая гнилье в сторону.

Не было ворот.

– Дом пуст, – сказал Косой, вынырнув из дверного проема. – Ни лавок, ни даже чашки какой.

Трюггве с Вепрем вытащили трупы и положили их с другой стороны ограды. Эйрик, Ивар и Альрик умчались к ближайшей рощице, хёвдинг хотел было позвать меня, но заметил треснутый топор и передумал. Там Секира срубил ель, Беззащитный практически в одиночку дотащил ее до проема и уложил так, чтобы ветви торчали наружу. Так себе защита. Любой пятирунный вытащит ее и не запыхается. Но это хотя бы заставит врагов немного задержаться.

Я уселся на землю. Пока было время, хотел оценить трофеи. В кошеле обнаружилось только серебряное кольцо да

пара серёг с запекшейся кровью.

Мне на голову с размаху нахлобучили шлем и для верности еще и прихлопнули сверху, отчего в ушах зазвенело.

– Держи! – сказал Эйрик Секира. – А то мне маловат слегка.

Я кивнул в благодарность, снял подарок, чтобы рассмотреть его во всей красе. Шлем оказался отличным. Вытянутый опытным кузнецом из одной пластины, полукруглый, легкий, он выглядел весьма прочным. Изнутри он был подбит войлоком, а кожаные ремешки, сплетенные сеткой, берегли от прямого прикосновения железа. Я снова надел подарок Эйрика: сидит как влитой. Я мотнул головой, потряс, подергал в разные стороны, и он даже не шелохнулся. Это был очень хороший шлем, и стоил он гораздо дороже, чем моя помощь Эйрику. Впрочем, он отдал его сам и по своей воле, так что всё в порядке.

И в конце пришла очередь меча. Простенькие ножны не сочетались с массивным бронзовым эфесом, покрытым искусной насечкой в виде листьев. Сам клинок был коротковат. На пару пальцев короче – и это был бы уже кинжал. Шириной в четыре пальца у основания, он плавно сужался к острию, достаточно тяжелый, но основной вес приходился на рукоять.

– Неплохой меч был, – Альрик опустил рядом со мной.

Сегодня он был далеко не беззащитным: кольчуга тройного плетения, шлем, за спиной щит.

– Был?

– Видимо, прежде это был меч для пятирунного воина, не меньше, а потом сломался, и из остатка переточили это, – Альрик улыбнулся и продолжил: – У меня был похожий, только не сломанный, а сточенный до игольной толщины. Дед подарил на первую руну.

– И где он сейчас?

– Сломался о чужие рёбра. Как тебе первая настоящая битва?

– Битва как битва, – я не понимал, с чего бы хёвдингу интересоваться моим мнением.

– Тулле сказал, что ты отдал ему своего подранка, – Альрик уставился на меня испытующим взглядом.

– Да там вторая руна всего, – пожал я плечами. – Мне с него пользы как с козла молока, а для Тулле шаг к следующей руне.

Хевдинг похлопал меня по плечу, поднялся и отошел в сторону. Я оглянулся: он подошел к Ларсу и перекинулся с ним парой фраз, затем к следующему хирдману. Он словно бы проверял, не передумали ли мы после краткой схватки, не испугались ли. Альрик не был с нами в цепи, потому он не знал, что чувствовали мы одно и то же.

Я усмехнулся, встал и сделал несколько взмахов новым мечом. Привыкал.

– Ярл Сиггар идёт! – крикнул Энок Косой с крыши дома. Отлично! Они успели до прихода вражеских сил. Может,

с другой стороны острова пути к поместью менее удобные? Или тот ярл придумал какую-то хитрость?

Акун с одной стороны и трое наших с другой оттащили дерево, впуская людей ярла и остальные ватаги, в подворье сразу же стало тесно.

Сам ярл выглядел бледновато, постоянно кашлял и сплевывал. Сакравёр стоял рядом и поддерживал Сигарра. Остальные же едва-едва разогрелись во время прогулки.

Галдёж стоял невероятный. Хевдинги переговаривались с ярлом, карлы из разных ватаг слушали краткий пересказ нашей схватки.

– Враг идет!

Разнесшийся рёв лишь отдалённо походил на мягкий голос Хвита. Видимо, Энок не смог докричаться до гомонящих хирдманов и попросил помощи у скальда. Вмиг наступила тишина, каждый отряд уставился на своего хёвдинга, а те, в свою очередь, на ярла.

Сигарр выпрямился, убрал тряпицу ото рта. На его шее блеснул железный топорик. Осанка ярла изменилась, он выглядел более уверенно, взгляд стал внимательным и колющим.

– Сигурд, твои люди держат ворота.

– Да, ярл.

Сигурд развернулся и рывкнул что-то невразумительное своим людям. Именно в его хирде и находились те женщины-воительницы. Хельга тоже была там, моргнула мне голу-

бым глазом, хитро улыбнулась и последовала за своим хевдингом к проему.

– Корень, Медведь, вы с ним.

Из личной ватаги ярла вышли два пожилых воина: один худощавый и невысокий, другой огромный и толстый. И я бы не поручился, кого как звали. Шутки при наречении имени бывают разными.

– Сноульверы и хирд Орма следят за стенами.

Я любил такие планы, простые и понятные: стой там, бей всех, кто с той стороны. Интересно, что бы придумала Дагна? За то время, что мы тут проторчали, заставила бы вырыть ров, выстроить каменную стену в три роста высотой, сделать ловушки с кольями в лесу? Или потрясла бы сиськами перед врагами, те бы сами друг друга поубивали.

Сам же Сигарр засел в доме. Оно и правильно. Если уж платишь наемникам, то и на первую линию выставляешь их. Свои люди – не чужие, их так просто не купишь, а потому их стоит беречь. Да и кто знает, кого еще нанял тот ярл? Хорошо, если там все низкорунные карлы. А вдруг он сумел найти опытных хускарлов? Тогда запас сил в виде мощных людей Сигарра лучше приберечь.

Мы с Тулле заняли небольшой участок слева от ворот. Несколько лучников из других ватаг поднялись к Эноку, крыша подозрительно поскрипывала, но пока держала вес. Жаль, что не получится снова биться в едином строю, в стае. Но страха не было.

– Идут! – выкрик самого зоркого воина в хирде стегнул как бич. Сердце забилося сильнее, разгоняя кровь, слух обострился, внутри живота пламенем разгорался азарт охоты.

– Там Торкель! – удивленно и радостно воскликнул Энок. Мачта? То ли это судьба нас сводила, то ли он как-то проследил за нами.

Тулле опасливо глянул на меня. Я оскалился и крикнул:

– Чур, лысина моя!

Мой выкрик вызвал несколько заинтересованных взглядов.

– Кошель себе сошью, – пояснил я.

– Тогда мне череп! – подхватил Альрик. – Кубок будет.

И уже скоро весь наш хирд громко и весело делил Торкелеву тушку: Хвит затребовал берцовую кость для флейты, Энок – сухожилия на новый лук. Все присутствующие воины постепенно проникались нашей весёлой злостью и уже с нетерпением ожидали подхода врага.

Косой вскинул лук, задрал его вверх, и выпустил стрелу. Я следил за ней взглядом, она поднималась все выше и выше в бездонное синее небо, пока не исчезла в лучах рассветного солнца. Я не заметил, когда она снова появилась, но чёрный росчерк недолго падал, исчезнув за частоколом. Следом за Эноком и остальные лучники принялись выпускать стрелы.

Ответ пришел довольно скоро.

– Поднять щиты!

Мы едва успели их вскинуть, как щиты затрясло от первых ударов. Одна стрела даже смогла пробиться через толстую древесину и показала краешек наконечника, точно кончик клюва железной птицы. Я мельком посмотрел на Тулле, тот был в порядке. Но кровавую дань стрелы все же собрали. Кто-то не успел исполнить приказ, чей-то щит не выдержал выстрелов, должно быть, среди лучников были и хускарлы. Сноульверы пока все были целы, мы стояли прямо под частоколом, и в нас было сложнее попасть. Впрочем, судя по радостным воплям наших лучников, у врага дела обстояли хуже.

В очередной раз спустив тетиву, Энок счастливо расхохотался:

– Тебе, Фомрир!

Добрался до четвёртой руны раньше всех! Счастливчик.

Энок натянул тетиву, раздался треск дерева, обломки сломанного лука повисли в руках незадачливого стрелка. Слепитель покачнулся, аккуратно слез с крыши, вытащил меч и присоединился к нам с Тулле.

– Не рассчитал силу, – недовольно буркнул он.

Враги пошли на приступ. Безуспешно забросали копьями воротный проём и пытались прорубить путь сквозь ель, что перекрывала проход, но свежие зеленые ветви только гнулись от ударов мечей, хлеща в ответ. Защитники застопорили дерево, воткнув копьё между сучьями, так что вытащить его было не так легко, как вначале. Женщины Сйгурда сра-

жались не только оружием, но и словами. Они поливали противника оскорблениями и насмешками, проходились и по их внешнему виду, и по манере боя, и по вероятным постельным подвигам. Даже у меня покраснели уши от их шуточек. Не хотел бы я с ними нечаянно поссориться.

Я с трудом оторвался от перебранки у ворот. Кто-то лез на частокол. Его мы быстро взяли на копья и снова заскучали. Оглянувшись, я увидел, что у Халле с Ларсом не все так хорошо, их теснили трое перебравшихся через стену воинов. Я рванул туда, но остановился возле воротного проёма. Один из хускарлов Сигарра уже помог Ларсу и Рыбаку, снес двоих нападавших одним взмахом молота.

В воротах бой стал более напряженным. Часть веток уже отсекли, и местами воины рубились, разделённые лишь тонким стволом дерева. Мужчины и женщины Сигурда, пользуясь узостью проема и прикрытием бревна, сменяли друг друга. Один вступал в бой в тот же миг, как другой отступал из-за раны или вражеского напора. Если наше единение в бою было похоже на волчью стаю, то люди Сигурда напоминали работу водяной мельницы: двигались в своём ритме, как деревянные шестерни под напором воды, что вращают тяжёлые жернова. И не дай Фомрир попасть под них!

Я уже собрался возвращаться к Тулле и Эноку, как вдруг кружение мельничного колеса застопорилось. Кто-то не успел занять место в цепочке, через бревно перемахнул обнаженный по пояс карл с рунными татуировками, вскинул

меч над неудачливым воином Сигурда. Я прыгнул с места, одновременно швырнув копье. Татуированный уклонился. Я сбил Сигурдова человека и принял предназначенный ему удар на щит. Рука онемела, будто я попал под кузнечный молот. Тут уже подоспели хирдманы, отбили атаку, и колесо снова закрутилось.

Я подхватил сбитого воина, помог подняться и растерялся, увидев знакомые глаза – чёрный и голубой.

Глава 10

Я смотрел на треснувший топорик и прикидывал, получится ли его заточить так, чтобы продать потом как целый. Может, замазать трещину чем-нибудь, а потом подкрасить? Взял точило и принялся водить по зазубренному лезвию.

– Я вот чего не понимаю, – сказал я Тулле, сидевшему рядом. – Зачем тот ярл пустил нас за ограду? Обороняться проще, чем нападать. Пусть даже и с таким жалким частоколом без ворот.

Хёрдманы Сйгурда в отличие от нас не сидели на месте. Они сооружали что-то непонятное в проеме, что-то вкапывали и вколачивали в землю, лишь бы как-то прикрыть дыру в заборе. Задачу охранять вход с них никто не снимал.

За двором и подступами сейчас следили ватажники Орма, потому мы могли перекусить и отдохнуть. Первый штурм был отбит легко. Слишком легко. Словно в нас просто потыкали палочкой, обнаружили, что мы кусаемся, и отступили. Скорее всего, это были не основные силы врага, а молодые неопытные воины. Хотя тот татуированный выглядел внушительно!

– Думаю, потому что ему плевать на условия, выставленные конунгом.

– Да ладно? Там вон какие дядьки! Если попробует смухлевать, мигом вобьют уважение к конунгу.

Давешний хельт стоял неподалеку от поместья так, чтобы никому не мешать, но всё видеть. Причем он был не один. К нему присоединился и второй, не менее высокорунный воин, только не с секирой, а со здоровенным мечом. Понятно, что после десятой руны ты можешь и груженной камнями телегой отмахиваться, силенок хватит, но таскать с собой постоянно такую дуру я бы не стал.

– Нет, нарушать он их не будет. Кай, ты подумай, с кем именно он враждует?

– С ярлом Сигарром и всем его родом, судя по всему.

– Если бы он сам засел в поместье, где был бы Сигарр?

– Да кто ж его знает? Вокруг забора бы явно с нами не бегал.

– О чем я тебе и толкую. Если бы мы не заняли поместье, то Сигарр мог бы прятаться где угодно, пока мы не отбили дом. А сейчас тот ярл точно знает, где Сигарр. С нами.

Я отложил точило в сторону.

– А ведь верно. Ему не обязательно выполнять кóнунгово условие. Ему нужно убить Сигарра, и войне конец.

– Наконец и ты сообразил. Поэтому тот ярл не торопится атаковать в полную силу. Времени у него предостаточно. Вон, еще даже не полдень.

Я задрал голову к небу. Погода на удивление была ясной и безоблачной. В двух рубахах и толстой кожаной куртке я уже упарился, к шлему было не притронуться. Хорошо хоть ветер дул.

– А почему конунг им просто не приказал встать в круг? Обычно именно так и решают споры.

– Потому что я понравился Рагнвальду, – сказал кто-то позади меня и закашлялся.

– Ярл Сигарр! – подскочили мы с Тулле от неожиданности.

Худой, с впавшими щеками парень, младше Альрика, старательно продышался, привычно зажал в ладони топорик, висящий на шее. Сакравор стоял рядом и недовольно хмурился.

– Ярл, тебе лучше вернуться в дом, – пробасил он.

В левой руке он держал щит, только не привычный круглый, а ростовой, за которым можно укрыться целиком, не пригибаясь. С таким щитом секирой не помашешь! Впрочем, секира тоже была с сакравором, висела за спиной. Сейчас он защищал ярла от случайных или неслучайных стрел.

Сигарр проигнорировал его слова и сел на вытоптанную землю.

– Я понравился конунгу. Рагнвальд видел, что я не воин. К тому же, не будет выгоды конунгу, если вдруг прервется один из двух славных родов. Он сказал, что остров отойдет тому, кто сможет его защитить, и назначил условия проверки. Убивать самого ярла нельзя, но в пылу сражения может и не такое случиться. В темноте так легко ошибиться и зарубить кого-то не того, – задумчиво сказал он, не глядя на нас напрямую.

– Значит, основная битва будет ночью? – спросил Тулле.

– Да, но это не значит, что вас не убьют днем, – улыбнулся ярл и протянул руку заплечному, чтобы подняться. Затем пошел к остальным наемникам.

Чем-то мне был симпатичен этот ярл. Хотя если бы он жил в Сторбаше, тот я, что был до получения руны, издевался бы над ним каждый день. Я и сейчас считал, что прав тот, кто сильнее, вот только уже не был уверен, что такое сила. Только ли та сила важна, что в руках и ногах? Сила может быть и в голове, и в сердце, и в кишках: ум, верность, храбрость значат ничуть не меньше. Даг всегда был сильнее в глиме и в мечном бою, но считал ли я его лучше себя? Нет, потому что ему не хватало рвения идти вперед.

После полудня мы сменили людей Сигурда на воротах. Я б на их месте разозлился, ведь после первого штурма они так хорошо укрепили завал в проеме, что стоять там – все равно что стоять за частоколом. Но Сигурд лишь хмыкнул, хлопнул Альрика по плечу и сказал:

– Ну, настоящие мужики уже поработали. Теперь тут даже щеночки справятся.

Мое место было на левом краю, где завал пониже, справа стоял Бьярне Левша. Я прислонил копьё к частоколу, топор воткнул прямо в него и присел рядышком, прислонившись к кольям. Тулле опять начал говорить о том, как бы он обустроил эту усадьбу, где поставил бы хлева и амбары.

– Коров и лошадей держать не получится, слишком мало

места для пастбищ. Да и зачем лошади на острове? Думаю, козы подошли бы лучше. С них и молоко, и шерсть, и мясо. Они едят любую траву, прямо до земли выстригают. А весной могут даже кору с деревьев обдирать. Козы вообще неприхотливы. И еще свиней завел бы. Их можно и рыбой кормить. А так-то остров не очень высокий. Как думаешь, во время шторма вода докуда доходит? Само поместье высоко, сюда не достанет, а вот нижние поля может и затопить. Надо там землю посмотреть, может, там ее и вовсе нет – так, голый камень, едва прикрытый травами. Дрова, конечно, придется завозить. Если леса мало, так можно и коровыми лепешками топить, но где ж здесь коров держать? Тут и травы столько не будет, чтобы они насрали хотя бы на одну растопку. Ты как думаешь? Кай?

– А? – я приоткрыл один глаз.

Не знаю, что может усыпить лучше, чем рассуждения Тулле о скоте.

В стороне Энок перебирал запасные копыя, полученные от всего хирда. Его стрелковое мастерство изрядно всех впечатлило. Он взвешивал в руке каждое копьё, ставил метку углём и вонзал в землю перед собой, одновременно перебрашиваясь шутками с парой Сигурдовых воительниц насчет того, какой длины должно быть копьё у настоящего мужчины.

– А с северной стороны я бы посеял ячмень. Ячмень неприхотливый, холодные ветра выдержит, да и чем злее погода, тем ядренее выйдет пиво. Так мой отец всегда говорил,

а уж он в пиве разбирался. А на востоке посадил бы репу. Я вот не очень люблю репу, но куда ж без нее. Репа любит солнце...

Проснулся я от кошмара. Чудилось, та самая троллиха переломала мне кости так, что я не чувствовал всю левую половину тела. Хотел пошевелить рукой, а не мог, хотел дернуть ногой, а она не слушалась. Перепугался до смерти. Лучше уж сдохнуть, чем жить калекой. Дернулся изо всех сил и проснулся. Рядом заржали ребята.

На мне, привалившись всем телом, лежала Хельга, ее рука крепко прижимала меня к земле и не давала шевельнуться, потому и был такой сон.

– Эй! Троллева девка! Слазь! – шипел я, пытаюсь вырваться из ее объятий.

Тулле перекатился в сторону и сипло втягивал воздух, содрогаясь от беззвучного смеха. Скотина! Нет бы помочь.

Я дернулся в одну сторону, в другую. Что она жрет, чтобы на четвертой руне быть такой сильной? Не просить же взаправду помощи? Как меня тогда назовут? Бабьей подстилкой?

Спасли меня, как ни странно, враги. Они все же собрались на приступ, и после оклика смотрящего Хельга вскочила, схватившись за нож. Даже на душе потеплело: вот же страшная девка, да еще с этой твариной меткой, но воин из нее получился правильный.

– Кай, я хотела...

– Хельга! – заревел Сигурд. – Повалялась с парнем и хватит. Дуй сюда.

Она улыбнулась, показала средний палец моим собратям и убежала к хёвдингу. А я с кряхтением пытался встать, чувствуя, как в онемевшем теле наконец забегала горячая кровь. Троллева девка! Как я драться буду, если толком кулак сжать не могу? Я попрыгал, помахал руками, поправил сползший шлем, затянул завязки потуже, взял копье. Теперь пусть приходят.

Только что враги стояли вне досягаемости броска копья и вот уже мчатся прямо на нас с громкими криками. Я невольно отступил и уперся спиной в щит сзади стоящего, оглянулся. Это был Вепрь. Он подтолкнул меня вперед и тоже зарорал. Хирдманы рядом подхватили крик. Тогда закричал и я, вышвыривая ненужные страхи и сомнения.

– Ааааа! Сдохните! Я убью всех! Тебе, Фомрир! Сноульверы!

Над головами пролетели стрелы, вражеские воины подняли щиты, прикрывая голову, и продолжили бежать. Один кувыркнулся, получив стрелу в ногу. Другой свалился и завизжал, держась за торчащее из живота древко. Были еще упавшие, но подступающую волну это не остановило. Откуда-то сбоку подтащили несколько бревен, положили одним концом на завал, по ним легко взбежали оружие воины и спрыгнули прямо на нас.

Первого двурунного мы насадили на копья: мое вошло в

живот, Тулле же пробил грудь. Осевшее тело стекло с наконечника, но я не успел поднять копьё, как налетел патлатый мужик в кольчуге. Йёдур прикрыл меня щитом, отпихнул противника и рубанул мечом по ноге. Кольчуга! Да у них там что, сраные ярловы дети в наемники подались? Одно-го Роальда по самые уши хватило. Я вонзил копьё в горло окольчуженному, и одновременно брэдэкс²³ Вепря врезался в его плечо, прорубая и броню, и кости. У меня промелькнула мысль, что зря это он, хорошая же кольчуга.

Дальше мы работали в паре с Йодуром. Он прикрывал щитом, я встречал нового врага ударом копьё, и пока тот пытался уклониться, Йодур рубил мечом. Пот, текущий ручьем из-под шлема, разъедал глаза. Наконечник чужого копьё скользнул по щиту и уже не грозил раной или смертью. Мой выпад под щит вспорол напавшему ногу выше колена. Воин упал в грязь, загребая рукой жидкое месиво из земли и крови. И сразу же с бревна спрыгнул следующий.

– А-а-а-а!

Двуручная секира медленно взмыла над моей головой, пока я возвращал копьё. Враг не успевал! Отступая от моего выпада, рыжий сакравор наступил на чьи-то кишки. Подскользнулся, и мое копьё ударило не в грудь, а вспороло глубокую борозду по его лицу и вошло под глазницу. Рыжий отшатнулся, выронив секиру. Я вытащил оружие и заметил на наконечнике кроваво-белое яблоко. Это был глаз.

²³ Брэдэкс – скандинавская боевая секира.

Лопнувшие кишки заполнили воздух вонью дерьма, которая вытеснила запахи крови и пота. Вепрь разошелся, и почти каждый удар его секиры разрубал броню, кожу, мясо и кости.

Следующий выскочка принял мой укол на щит, и глаз расплескался о дубовые доски. От отдачи свело левую руку, которую уже повредили в прошлом бою, и я не смог ударить в ответ. Йодур рубился с мечником справа. Я остался без защиты. Выскочка зарычал, размахнулся щитом и не заметил выпада Тулле. Копьё друга распороло ему щёку, раскрошило зубы и пронзило нёбо.

– Гркл, – пробулькал парнишка, выплевывая кровь и ошметки зубов.

И упал.

Я подсек ногу Йодурова соперника, и меч тут же раскрыл ему череп.

Через завал перескочил крупный воин с развевающимися черными волосами и огромным копьем в руках, железный наконечник, казалось, доходил аж до середины древка. Четвертая руна. Вот удача! Он рванул ко мне, перепрыгивая через трупы. Йодур едва успел подставить уже порядком истертанный щит под его удар и охнул, отступив на шаг. Лезть в бой без щита и стоящей брони было глупо со стороны врага. Он же не Беззащитный. Но четырехрунный умудрился отвести мой удар древком. Быстрый! И сильный.

Я, Тулле и Йодур насели на копейщика вплотную, но не

могли никак его достать. Он с легкостью отбивал наши удары, используя обе стороны копья. Я никогда не видел ничего подобного прежде. Копьем всегда тычут вперед, и всё, а этот изображал настоящую мельницу. Но и он не мог атаковать нас, так как стоило ему замахнуться в одну сторону, как в него бы ударили с другой. Йодуру приходилось тяжелее всего. Каждый удар, что он отбивал щитом, будто навешивал на него свинцовые гири. Мечник двигался всё медленнее и медленнее. После очередного удара его левая рука опустилась, и щит выскользнул. Я подхватил его, и когда тупой конец копья понёсся вперед, вскинул для защиты, но не успел.

Торец копья ударил не в центр щита, как должно, а врезался в верхнюю его часть. От удара краем по скуле из глаз брызнули слезы, голова загудела точно колокол. Я прикрыл щитом лицо и стал вслепую размахивать копьем в надежде, что зрение и голова придут в норму.

Первое, что я увидел, когда в глазах прояснилось: Тулле оседал на землю, зажимая окровавленный живот.

С яростным рычанием я сделал выпад в сторону ублюдка с копьем. Я знал, что не смогу попасть, он был слишком далеко, но тут через завал перемахнул еще один воин и толкнул четырехрунного в спину. Наконечник копья легко пробил и куртку, и плоть, разорвал кишки и, скрежетнув о позвоночник, вышел из спины. Копейщик захрипел и рухнул, забрав мое копье. Я с одним щитом в руках растерянно посмотрел в глаза новому противнику. Он оскалился, крутанул топорик

в руке и свалился, пронзенный двумя стрелами с крыши поместья. Я выхватил топорик из-за пояса и приготовился к следующей встрече. Теперь я был один, без Тулле и Йодура. И я был готов.

И тут мои колени подкосились. Еще толком не разглядев лица, я уже знал, что это был он. По уверенным шагам. По развороту плеч. По длинному тяжелому мечу. По сгустившемуся воздуху, от которого сперло дыхание.

Я тоненько заскулил, сам не осознавая того.

Передо мной выросла знакомая фигура. Высокий, тощий настолько, что это даже кольчуга не скрывала, и невероятно сильный.

Торкель Мачта воздел длинный меч и обрушил его на меня. Усилием воли прогнав страх, я прикрылся щитом. Со звоном и хрустом меч разрубил щит, несмотря на железный умбон и оковку по краю. Рука противно щелкнула в плече, и всю левую половину тела затопила боль. По обмякшей руке потекла горячая струйка. Торкель ещё раз поднял меч.

– А я думал, что живым нужен, – задыхаясь, выпалил я.

В последний миг меч повернулся, ударил плашмя по шлему и соскользнул влево по выбитому плечу, обжигая болью. Я упал на четвереньки, едва не уткнувшись носом в кровавое месиво. Ко рту подступила рвота.

В спину ударила горячая волна чужой силы, Торкель отскочил назад. Фыркнул метательный топор, с хрустом врубаясь в щит Мачты. Перед носом оказались чьи-то ноги. Меня

подхватили и оттащили назад. Сноульверы отступали, а на наше место вставали хускарлы, личная ватага ярла.

– Назад! – разнесся по полю голос моего личного врага.

И поток желтой вонючей жижи хлынул прямо на мои ноги.

Поместье в тот день ярл Хрейн штурмовал еще не раз, отправляя вперед одних лишь карлов. И каждый раз на помощь хирдманам у ворот приходили воины ярла Сигарра. Своих ватажников Хрейн пока не показывал, берег силы. Из сноульверов никто не погиб, но ранены были многие. Я толком не мог пользоваться левой рукой, половина лица выглядела как фиолетово-синяя подушечка для иглоков. Тулле лежал со швами на животе, ему повезло, и копье не достало до внутренностей. Йодур, что прикрывал меня всё сражение, легко отделался и спустя пару часов вернулся в бой.

С той стороны потери были больше, но мы не знали точно, сколько людей у Хрейна. Альрик был уверен, что не меньше двадцати человек прячутся в лесу, а может и больше. Сейчас Хрейн швырял в бой лишь наемников, потихоньку подтачивая наши силы. Сигарр говорил, что личная ватага у Хрейна поболее, чем его, но там мало кто перевалил за пятую руну.

Ха, пятая руна. Всего лишь. Один четырехрунный на равных сражался с тремя трехрунными, вывел из строя двоих, и если бы не случай, то расправился бы со всеми. Как драться с пятирунным воином? Впятером? Вдесятером? Как там го-

ворил безносый Хакан? Против двурунного он ставит двоих однорунных. А сколько человек поставить против Торкеля?

– Ну что, не задалось с кошелем?

Альрик устало опустился на траву рядом со мной. Он единственный из хирда, кто не пропустил ни одного штурма, раз за разом вставал на воротах, и даже его пятирунная выносливость начала истощаться.

Я глянул на него, не издевается ли хёвдинг, но не заметил и намека на усмешку.

– Он силен, – выдавил я, стараясь не вспоминать блеск меча, падающего на мое плечо, ничего не выражающее лицо Торкеля, словно он не биться пришел, а прогуливался.

– Я слышал о Торкеле Мачте прежде, но видеться не приходилось. И это тяжелый враг. Лучше бы убить его здесь.

Комок горькой желчи снова подступил к горлу, я сгорбил-ся и закашлялся, чтобы прогнать его прочь.

– Хрейн неплохо всё продумал. Только кое о чем он забыл, – улыбнулся Беззащитный.

Я поднял голову, посмотрел на истоптанный истерзанный двор, залитый кровью, забрызганный человеческими кишками, мозгами, слюнями, щедро осыпанный щепками изрубленных щитов, обрывками одежды, истыканный стрелами. Выбежал Косой со щитом над головой и начал собирать целые стрелы, проверяя наконечники. Сигурдовы девки снова колдовали над завалом, поднимали еще выше. С другой стороны дома, я знал, лежат полтора десятка тел. Серьезно ра-

ненных мы отнесли в дом, сейчас там и шагу ступить негде. Как держался Сигарр, я не мог представить.

На мой взгляд, что бы там ни забыл Хрейн, пока у него дела неплохи.

– Да, нас всё меньше. Но при этом мы становимся сильнее.

Альрик вздернул уголок рта, искривив его в жуткой усмешке, и крикнул:

– Тащи пленных!

После каждого штурма мы находили во дворе одного-двоих раненых, но еще живых врагов, что не сумели вовремя отступить. Их на скорую руку залатывали и оттаскивали в сторону.

Из поместья вынесли на руках троих воинов, находившихся на грани смерти, усадили, прислонив спиной к стене, дали в руки ножи. У одного стесано пол-лица, и кровь пузырилась на его обрубленных губах, другой хрипел при дыхании, видимо, ему достался удар в грудь. К первому подтащили раненого врага, помогли нацелиться... Рука с ножом рухнула, перерубая горло пленному. Недолгое ожидание.

– Следующего.

Убрали труп, принесли другого пленного. Снова нож. Снова горло. Ожидание.

– Тебе, Фомрир! – донесся шепот, сорвавшийся с изуродованных губ раненого.

И только после этих слов до меня дошло. Я приподнялся, стер набегающую слезу, после удара у меня почему-то сле-

зился один глаз, и всмотрелся в лицо ныне четырехрунно-го воина. Его кожа зашевелилась, забугрилась, из ран снова потекла кровь, запекшаяся корка отодвинулась чуть дальше, потом еще дальше. Воин вскочил на ноги и заорал:

– Тебе, Фомрир!

– Хвала Фомриру! – отозвался я.

Полностью его лицо не восстановилось, слишком много было отрезано плоти, но раны затянулись, кожа покрылась глубокими шрамами, а кончик носа так и остался плоским и гладким, словно по нему с силой врезали доской, и он не выпрямился до конца.

– Теперь будешь Плосконосым, – хлопнул его по плечу соватажник.

– Да хоть Плоскозадым зови, – хмыкнул четырехрунный.

Странное лечение продолжалось до тех пор, пока пленные не закончились, и в строй вернулись пять человек.

– А почему не отдали пленных самым сильным воинам? Почему не тебе? – спросил я у Альрика. – Один шестирунный хускарл помог бы больше, чем пятеро карлов.

– Мы обсуждали это, – пояснил хёвдинг. – Не знаю, хватило бы пленных хотя бы на одну руну для меня, они же все низкорунные. То же самое и с Сигурдом, и с Ормом. Потому Сигарр решил использовать их, для того чтобы спасти тех, кто точно бы умер. Как там Тулле? Скольких убил он?

– Одного точно. Может, двоих. Или троих. Я не видел.

– Значит, скоро поднимется. У нас двое взяли четвертую

руну.

– Троллевы выкормыши, я снова отстаю, – попытался улыбнуться я, но синяк тут же напомнил о себе болью.

– Отдыхай. Ночью будут нужны все.

Глава 11

Ночь давно перевалила за середину, луна и звезды сияли так ярко, будто старались превзойти солнце. Пульсирующая боль в плече уже почти не беспокоила, тревожило лишь то, что я мог не дожить до утра. После полуночи Хрейн перестал сдерживать силы.

Все началось с крика часового из Ормова хірда:

– Факелы, враги идут!

Я вскочил на ноги и поднял щит – в такой темноте стрел и не видно. Но эти были хорошо заметны на тёмном небосклоне. Горящие стрелы с гудением падали на нас, на дом и на частокол. Те, что влетели в толстую дерновую крышу поместья, погасли, не успев разгореться, зато внезапно вспыхнул частокол в нескольких местах. Утробно загудело раздувающееся ночным бризом пламя, в небо повалили клубы дыма, пряча от нас всё ещё летящие стрелы. Масло? Они облили ограду маслом? Часовой поленился взять на крышу щит и свалился, поймав телом несколько стрел. Каждый удар о мой щит вызывал волну боли в плече.

Вскоре обстрел прекратился, и начался штурм.

Укрепленный завал в проеме задрожал, затрясся и исчез, выдернутый вместе с вкопанными кольями. На мгновение нас накрыло нескрываемой мощью хускарлов, что за мгновение уничтожили труд Сигурдова хирда. Ворвавшаяся в

брешь железная река была остановлена запрудой из ярловых людей. Я, разинув рот, смотрел на их бой. Бешено мелькали мечи, с диким треском ломались щиты под мощнейшими ударами топоров и секир, высверкивали искры от столкновения металла. И густая волна силы, идущая оттуда, приморозила нас к месту.

Из гущи сражения вылетела рука и шлепнулась прямо перед нами. Она еще крепко сжимала меч. Я сглотнул скопившуюся слюну. Если ватага Сигарра не выстоит, то нас сметут, даже не заметив.

Громкий удар со стороны отвлек от неутешительных мыслей. Альрик рявкнул:

– К стене!

Несколько брёвен из частокола напротив вывалились. Те, у кого были запасные копыя, метнули их в открывшийся проход. В брешь хлынули воины, к счастью, примерно с такими же силами. Но мы не смогли остановить их так надежно, как хускарлы Сигарра. Строй рассыпался, и бой свёлся к отдельным поединкам.

На меня со свирепым рёвом, вращая два топора, нёсся враг. Перехватив копьё пониже, я длинным выпадом послал остриё во врага. Копьё пронзило живот противника, воин смог сделать несколько шагов, всё глубже насаживаясь на наконечник, прежде чем умер. И как он только до четвёртой руны дорос? И когда, тролль меня задери, вырасту я?

На помощь подоспели девки Сигурда. Общими усилия-

ми мы вытеснили ворвавшихся воинов за ограду и удержали пролом. Изредка я оглядывался на ворота, где насмерть стояли хускарлы, и каждый раз озноб пробежал по спине. Может, Сигарр все же ошибся? Может, лучше было бы убить Хрейна втихую? Прирезать ночью, сжечь дом и родных, чем вот так терять людей отца в ненужной битве?

– Тебе, Фомрир! – взревел кто-то из гущи битвы, и меня окатило волной новой мощи, только что полученной, не сдерживаемой ни опытом, ни волей. Кого-то из карлов сшибло с ног, кто-то проблевался, правда, непонятно чем, мы толком и не ели за весь день. Я же сумел устоять на месте. Несмотря на силу, этому воину было далеко до Тинура.

– Сакравор, – блеснул зубами Альрик. – Он поднялся до десятой руны.

Я еще раз оглянулся на сечу возле проема и увидел, как огромная секира замелькала с бешеной скоростью, как заплечный Сигарра в одиночку начал теснить наступавших, и крижистые мужики за его спиной добивали раненых, если там было кого добивать.

– Теперь наш черед! – рывкнул хёвдинг и завращал мечом. Йодур вдруг замер, рядом рухнул рассеченный им воин. Наш мечник вскинул щит к небу и только собирался что-то крикнуть, как ему в горло вонзилось копьё. Я бросился к нему, но было уже поздно. Трюггве, его вечный друг и соратник, всхлипнул по-бабьи.

И бой как-то внезапно оборвался.

Хускарлы Сигарра выкинули всех за ограду, Альрик также закрыл наш проем. Огонь на частоколе не угасал, он перекинулся на новые бревна, захватывая нас в кольцо. Двор был освещен ничуть не хуже, чем днем. Несмотря на прохладный ветер, лицо опаляло жаром, и тяжело было дышать. Непонятно, только ли от дыма на глазах стояли слезы.

– Хёвдинг, тут Одр...

Я оглянулся. Скромняга Одр, незаметный в пиру, но не в бою, держался за шею, откуда хлестала кровь, и даже в красно-желтом свете огня было видно, как быстро бледнеет его лицо. Несколько вздохов, и он умер. Ушел в ватагу Фомрира. Он займет там достойное место. Кто получил за его смерть руну?

Сакравор, ступивший на порог хельта, угрюмо принимал поздравления собратьев, но его мысли явно были заняты другим. Он осматривал лежащие вперемешку тела друзей и врагов, полыхающий частокол, темные провалы. Я не сводил с него глаз.

Из дома вышел бледный, как погибший Одр, ярл Сигарр, вытирая слюну после кашля.

– Что скажешь? – негромко спросил ярл у своего заплечного.

– Выстоим, – ответил сакравор. – Не беспокойся почем зря. Мы выстоим.

– А наши люди? Наши хирдманы?

Я с удивлением понял, что Сигарр спрашивал про нас.

Ему было не плевать на наемников?

– Они отлично сражаются. И многие подросли за этот день. Иди лучше ляг.

– Я не уйду. Скоро будет последний бой. И хоть я не могу сражаться перед тобой, как подобает ярлу, я буду стоять позади, а не прятаться за стеной, как пугливая девка.

– Мои девки самые что ни на есть боевые. Пугливость – не про них, – пробасил Сигурд.

Он тоже поднялся на руну и сейчас выглядел полным сил.

– Не про нас, – прошептали мне на ухо, и чьи-то руки обняли меня со спины.

Хельга! Я вырвался из ее объятий и поспешно ушел к Тулле, который как раз перематывал себе живот тряпками.

– Что, прикипела к тебе тварина девка? – посмеиваясь, спросил друг.

– Не пойму никак, что ей надо. Она же старая.

– Видать, полюбился ты за ночь. А сегодня ей еще и жизнь спас. Теперь не отстанет, того и гляди, попросится в наш хирд.

– Да чтоб твой язык сожрали тролли за такие слова! – невольно выпалил я.

Мы замолчали. Потом я сказал:

– Йодур умер. И Одр.

– И все ранены, кроме Альрика. Его без кольчуги не достанешь, а уж когда железо надевает, так и вовсе бесполезно с ним биться. – Тулле затянул потуже узлы, надел рубахи,

куртку, поправил на поясе меч. – Мы пока хорошо идем. В других хирдах больше людей погибло.

Мы насторожились, одновременно вытащили оружие и повернулись к дыре в частоколе. Со стороны вражеской стоянки слышались крики и другие звуки, которые явственно говорили о сражении. Только с кем они там могли смахнуться? Может, Сигарр нанял еще один хирд и оставил его в запасе? Вот только ярл и сам выглядел озадаченным, сакравор тут же оттащил его к дому и встал спереди, взяв секиру в одну руку и щит в другую. На десятой руне он мог размахивать секирой будто это легонький топорик.

Подозрительные звуки быстро прекратились, и какое-то время всё было тихо.

– Что это было? – прошептал Тулле.

– Кажется, ярлу Хрейну тоже захотелось заполучить хельта, – прокашлявшись, сказал Сигарр.

– Но как? – я недоуменно посмотрел на него. – Мы не отдавали своих людей.

– А они не наших убивали.

Я беспомощно оглянулся на Тулле. Как это? Как можно убивать своих? Тех, с кем стоишь по одну сторону частокола? С кем только что сражался бок о бок? Я могу прирезать спящего, готов убить незнакомца только ради лечения несмертельной раны, добить раненых. Я легко отнесся к прозвищу отца и его истории. Но поднять руку на соратника для меня было все равно что поднять руку на мать.

– Идут!

С той стороны веяло силой. Сакравор шагнул к воротам, убрал сдерживающие барьеры и выпустил волну мощи почти что хельта. Я проверил топорик на поясе, взял первое попавшееся копьё, поднял щит и двинулся за Альриком к огневой стене.

* * *

...Отпустив древко, я присел, чтобы избежать косо­го взмаха секиры, едва не обезглавившего меня. Выдернув топорик, я приготовился к новой схватке.

Краешек неба уже побелел, знаменуя приближающийся рассвет, но до него еще нужно было дожить. Я был вымотан до последней косточки, кишки сворачивались от голода, и всё больше хотелось упасть и лежать, пока меня не убьют или не закончится этот бой. Если бы несколько собратьев не получили четвертую руну, мы были бы уже все мертвы. Вот только новая руна не гарантировала жизнь. Эйрика Секиру убили уже после повышения, несмотря на новые силы.

Врага отшвырнуло в сторону, будто его снесло бревном. Из темноты выступил Торкель Мачта, о котором я успел позабыть. Жаль, что он не забыл про меня. Внутренности тут же скрутило в тугий узел.

– Этот мой! – проревел он, указывая на меня мерцающим в отвесах пламени клинком.

– Странно, а я думал, что это мой хирдман, – сказал Альрик, становясь рядом.

Хвала Фомри́ру, Скири́ру, Мами́ру, Хунóру и даже слонтяю Свáльди! Я не один.

Слева от Альрика встал Вепрь, справа оказался Тулле, готовый сражаться, несмотря на рану.

– Вот как, – ощерился Торкель, – значит, придётся лишних убить.

На слова Торкеля мы ответили оружием. Мачта ускользал от ударов живой волной, мечи и топоры в лучшем случае встречали дерево щита и железо меча, в худшем – бесполезно секли воздух. Сначала мы даже теснили его, всё же четверо на одного – это неравный бой, но спустя несколько вдохов Торкель перешёл в нападение.

Описав мечом полукруг и заставив нас отступить, Мачта принялся рубить и колоть с бешеной скоростью, его длинные руки и огромный клинок не давали нам возможности приблизиться. Вепрь не успел отступить после атаки и остался без щита. Самонадеянно рванувшего в контратаку Альрика спасла от вспоротого живота лишь кольчуга. Мы с Тулле не могли даже подойти: Тулле из-за раны, я – из-за длины топора.

Казалось, Торкель знает прежде нас, каким будет следующий удар. Каждый его шаг, каждый поворот тела, взмах меча или движение щитом идеально пресекали попытки его достать. Изломанными шагами разной длины он заставлял нас

мешать друг другу, менял направление удара, менял темп боя, запутывал. Я чувствовал себя щенком, что напрыгивает с громким тьяканьем на волкодава.

А ведь я нужен живым! Не дав себе додумать эту мысль до конца, я стряхнул щит с руки и, не обращая внимания на боль в незажившем плече, прыгнул следом, занося топор над головой.

– Если! – топорик опустился, со звоном отскочив от умбона.

– Я! – лезвие проскрежетало по оковке.

– Тебе! – из вражеского щита полетели щепки.

– Нужен! – задребезжал разрубленный обод.

– Живым! – захрустело разрубленное дерево, разлетевшись во все стороны.

– Тогда! – снова прозвенело лезвие об умбон.

– Схвати меня! – яростный удар обрушился на остатки щита Торкеля.

Дзинн! Со звоном топорик разлетелся на осколки.

Торкелю хватило одного мгновения, чтобы пинком в живот отправить меня в полёт.

Судорожно проталкивая воздух в лёгкие, я видел, что моя отчаянная атака принесла меньше пользы, чем я ожидал. Мачта быстро оправился и поймал на щит бродэкс Вепря. Встрявший топор вырвался из рук хозяина вместе с поворотом щита и обухом ударил Вепря в лоб, выбив из него дух. Тулле нырнул под меч Торкеля, ткнул в бок клинком. Коль-

чуга выдержала, зато не выдержала голова друга, когда на неё опустилось наверху меч. Я рванулся встать, помочь, оттащить Тулле, но ноги подломились, и меня вырвало желчью. Торкель отступил на полшага и коротко двинул мечом, чтобы перерезать горло Тулле. Звякнул металл о металл, Альрик сумел отбить в сторону меч этого троллева выродка.

Пятая руна против пятой руны. Если бы не произошедшее ранее, я бы сказал, что шансы равны, но сейчас я боялся за Альрика, что мог погибнуть по моей вине. Я снова попытался встать, но проще было сдвинуть гору, чем подняться на ноги.

Я неоднократно видел Беззащитного в бою, он силён и быстр. Сейчас же он превзошёл самого себя, его меч сверкал серебряной молнией, сам Альрик каплей ртути перетекал с места на место, смазываясь в движении. Торкель же, напротив, был нарочито медлителен и почти не двигался, но небольших движений хватало, чтобы отразить все атаки хёвдинга. Внезапно Мачта взорвался движением и, изогнувшись в длинном выпаде, рубанул Альрика в открытую грудь, со звоном разлетелись разрубленные кольца, брызнула кровь. Хёвдинг покачнулся и поднял щит, но следующий удар Торкель нанёс по ноге, пусть не разрубив бедро, но сбив Беззащитного с ног.

Мачта вскинул голову и, глянув на небо, быстрым шагом двинулся ко мне. Трюггве, что попытался его перехватить, Торкель просто сшиб броском щита. Схватив меня за шкир-

ку и приподняв, как щенка, гад радостно оскалился.

– Ну вот и встретились, Свинокол!

Впрочем, радость быстро исчезла, когда я пропорол его предплечье ножом. От неожиданности Мачта меня отпустил. Я шлёпнулся на землю и сразу же ткнул ножом под его кольчугу, надеясь попасть в бедренную жилу. Торкель вскрикнул от боли и пнул меня по рёбрам, подбросив в воздух. Нож я выронил, но у меня и так уже не было сил сопротивляться.

Я лежал на земле, уставившись в прозрачное бледно-голубое небо. Там выцветала и таяла на глазах последняя утренняя звезда. Внезапно небо исчезло, заслоненное огромной ладонью, которая вцепилась в ворот и поволокла меня прочь. Единственное, о чем я мог думать, так это о новеньком шлеме. Как здорово, что Эйрик дал мне шлем! Ведь иначе бы я сейчас бился о железки и тела головой. Надо будет поблагодарить Эйрика еще раз. Но ведь он мертв? Впрочем, это не беда. Я тоже скоро умру. Там, в строю позади Фомрира, мы и встретимся. Там будет Йодур и Оддр. А Тулле не будет. И хорошо, что его там не будет.

Моя голова билась и билась обо что-то, наполняясь звоном. Звон все нарастал и нарастал, он уже захватил весь шлем, уши, череп, еще чуть-чуть, и он польется из рта и глаз.

– Всем прекратить!

Зычный голос перекрыл битву, заглушил гам и бряцание оружия. Он даже вытеснил звон в моей голове, я сумел прийти в себя. Следом пронеслась ледяная волна силы, оглуша-

ющая и смывающая волю. Державшая меня рука ослабла, и я выскользнул из захвата, откатившись в сторону.

– Нет! – взревел Торкель. – Это мой пленник.

– Согласно условиям конунга Рагнвальда все пленники после рассвета должны быть отпущены, и все распри закрыты, – возразил ярл Сйгарр.

Он сжал кулак, крепко обхватывая амулет-топорик, и спокойно смотрел на бешеного Мачту, который мог убить его одним ударом.

– Плевать на Рагнвальда! У меня свои счеты.

– Тогда я прошу сводить их где-нибудь в другом месте. Сейчас этот юноша под моей защитой.

– Ты себя-то защитить не можешь, сопляк!

Если спокойный Торкель пугал до дрожи в коленях и завязывающихся в узел кишок, то от взбешенного Торкеля я готов был наложить в штаны. И сделал бы уже это, если бы было чем.

Я медленно отползал к дому, стараясь не привлекать внимания. Меня кто-то подхватил под руки и поволок подальше от недавней сечи. Я задрал голову и увидел пыхтящего Энока.

– Кошель, говоришь, – шепнул он.

Тем временем сакравор, залитый чужой кровью, подошел к ярлу, опустился перед ним на колени.

– Мой ярл, ты победил Хрейна. Поздравляю!

– Мы победили. Ты победил, Эрн. Потому я отдаю этот

остров тебе. Вся земля, все леса и все звери на нем теперь твои.

Во двор поместья потихоньку начали входить люди Хрейна. Сначала немногие оставшиеся в живых наемники, затем личная ватага ярла, последними ступили наблюдатели. Кажется, конунг выбрал их не сколько из-за силы, сколько из-за внушительности. Я же видел Флиппи Дельфина, настоящего сторхельта, и он выглядел, как обычный мужик, только малость пошире в плечах. Эти же, скорее всего, родились размером с молодого бычка и вымахали чуть ли не со взрослого тролля: на две головы выше Тулле, воловьши шеи, массивные челюсти. Кольчуги, в любой из которых я бы даже не смог стоять, на их телах казались тоненькой яблочной кожурой.

– Встать можешь? – спросил Косой.

– Лучше полежу.

От малейшего напряжения живот скручивало болью, и я еле-еле успевал сглатывать подступающую рвоту.

Это было странно. Только что мы убивали друг друга, сноульверы еще не оттащили трупы, еще не очнулся Тулле после удара по голове, Вепрь перевязывал раны ругающегося Альрика, не успело остыть тело Эйрика Секиры, а наши противники стояли рядышком – мечом подать, и нужно просто сидеть и смотреть на них, а не рубить, кромсать и пронзать. Если бы Торкель не охладил мой пыл, смог бы я сдержаться? Да, конечно, смог. Достаточно только глянуть на конунговых наблюдателей.

– Все условия выполнены. Все правила соблюдены. В споре победил ярл Сигарр. Остров отходит к владениям ярла Сигарра. Конунг Рагнвальд не потерпит никаких дрызг между вами. Ярл Сигарр, ты подтверждаешь?

– Да.

– Ярл Хрейн, ты подтверждаешь?

Из строя выступил пожилой обрюзглый мужчина с толстым красным лицом и осоловелыми глазами. Он сплюнул и просипел:

– Я не согласен.

Один из наблюдателей медленно положил руку на меч и повторил вопрос:

– Хрейн, ты подтверждаешь? Или хочешь пойти против воли конунга?

– Подтверждаю. Но ярлом должен быть достойный воин, а не этот дохляк.

– Ярла выбирают люди, – вмешался Сигурд.

– Кбнунг Рагнвальд Беспечный признал права ярла Сигарра на владение землей. И признал его победителем в споре. Все возражения отныне считаются посягательством на власть конунга. Тебе есть что сказать, ярл Хрейн?

– Нет. Уходим.

– Наемники должны быть распущены в ближайшие семь дней. Или они могут пойти под руку ярла.

Ярл Хрейн кивнул, развернулся и ушел вместе с личной ватагой. Торкелю ничего не оставалось, как последовать за

ним. Он лишь глянул на меня в последний раз, задумчиво так, словно прикидывал, как лучше разделать мою тушку, и убрался наконец.

Глава 12

Я с тоской смотрел на стол, заставленный кувшинами с пивом и горьким медом, там даже были глиняные запечатанные бутылки с иноземными винами, что в свое время привез отец ярла Сигарра. Горами вздымались блюда с жареной свиной, копченым салом, птичьих масляные тушки исходили ароматным дымком, белый козий сыр с травами соседствовал с жирной пропеченной рыбой, на которую, впрочем, никто и не зарился, лепешки блестели от масла. Рабы раздавали кабаньи ребра, щедро политые жиром. Я сглотнул слюну, отхлебнул воды и скривился. Как же надоело пить одну воду!

Торкель всё же сумел испортить мне жизнь. Уж не знаю, что он там повредил мне во внутренностях, но я вообще не мог есть, даже от куска хлеба выворачивало, от запаха мясного воротило. Да что там мясо! Я воду смог проглотить, не выплюнув кишки, лишь к вечеру.

Рядом слегка покачивался Тулле с перемотанной головой. У него с кишками всё было в порядке, но почему-то он тоже не мог ни есть, ни пить, хотя ему Торкель врезал по голове. А вот Вепрь, который вырубил себя своим же бродэксом, жрал в три горла и пил за пятерых. Видать, его голова покрепче Туллевой будет.

После победы ярл Сигарр позвал всех наемников в дом отца, не опозорил себя подозрениями и недоверием. На

небольших лодчонках мы поднялись вверх по реке, мимо густых хвойных лесов и высоких обрывистых берегов, остановились возле приметной серой скалы, где нас встретили и на телегах отвезли прямо в самую чащобу. Меня укачало на ухабистой дороге так, что я не заметил, как мы выехали из леса и оказались в поселении Сигарра. И это было поистине великолепное место.

С одной стороны выстроились стеной толстенные разлапистые сосны, с другой – вздымалась величественная гора, от которой был отколот презренный кусок, обнажая разноцветный камень. Когда я поднял глаза наверх, подумал, что гора сделана из чистого серебра, так ярко сверкали на ней серебрястые нити в солнечном свете. Оказалось, что это крошечные ручейки просочились через камень и стекали, сплетаясь и расходясь, точно тончайшая вязаная шаль у невесты. Они как раз и блестели. У подножия горы торопливо бежала небольшая речушка, на берегу которой стояло поселение.

– Мы называем эту гору Серебряной, а речку – Серебрянкой. А это Сёльвхус, серебряный дом.

И это был самый большой дом, который я только видел. Весь поселок уместился в этом доме. Под его крышу драккар целиком бы влез, может быть, даже с мачтой и парусом. Встречать нас высыпала целая толпа женщин, девок и детей, немного стариков, словно все мужчины, что были на землях Сигарра, – это его хускарлы. Я помнил историю об отце Сигарра Сигвальди Добряке, и всё же не сразу сообразил, что

Хрейн вырезал почти всех мужчин.

Сигарр изрядно утомился во время обратного пути, кашлял чаще обычного, на его бледном лице пунцовыми пятнами горел румянец, но он собрался с силами и поприветствовал людей. Старух и стариков он обнял, каждому что-то сказал, а потом обратился к нам:

– Благодарю, добрые воины, за доблесть и силу. Надеюсь, вы останетесь погостить на эти семь дней, отдохнете как следует, залечите раны. Наша серебряная вода благословлена богиней Орсой и очень полезна для восстановления сил. И чтобы ваш отдых проходил без лишних сомнений, обещанную плату я отдам тотчас же.

Сакравор уже успел принести небольшой, но тяжелый сундук, доверху набитый разномастными серебряными монетами, кольцами и цепями. Сигарр подозвал хёвдинга Сигурда и аккуратно передал ему приличную кучу серебра. Этот хирд понес самые большие потери и уменьшился на треть. Затем заплатил Орму и его хирду, мы прибыли последними и плату получили тоже последними.

Альрик еле слышно сказал:

– Тут больше договоренного.

– Я плачу тем, кого нанял, а не тем, кто вернулся, – так же тихо ответил Сигарр.

После этого вся женская орда нахлынула на нас, подхватила, закружила и отволокла в дом. Внутри зал был разделен тонкими перегородками на небольшие комнатушки, я даже

не успел разглядеть, что там, как тут же оказался раздетым до исподнего, а древняя позеленевшая от старости бабка тыкала когтистым пальцем мне в живот. Я взвыл от боли и посмотрел вниз. Ребра были разукрашены разноцветными пятнами, и только тогда я понял, что мне больно дышать. На животе багровый подтек. Руки-ноги тоже покрыты ссадинами и синяками. И это я еще не видел свое лицо, тоже изрядно расцветченное и опухшее на одну сторону.

– Этого в баню, много жара не надо, не парить, не прогреть. Грязь соскребите, и пусть отлежится, – приказала бабка.

После мытья меня привели обратно, намазали десятком разных вонючих смесей, часть из них влили в глотку, я ими радостно проблевался. Затем уложили на лавку, накрыли полотном, также пропитанным полезным травяным раствором. И я уснул.

Проснулся от гомона и хохота. Вихрастый белобрысый ребенок увидел, что я открыл глаза, подпрыгнул и умчался прочь, вместо него пришла девушка, протянула штаны, рубаху и мою кожаную куртку, отмытую и начищенную. Я быстро натянул одежду, морщась от боли, простреливающей то тут, то там, и вышел в общий зал. А там...

Все комнатухи были сделаны только с одной стороны дома, там и помещались лишь две небольших лавки. На другой стороне жилища были выставлены кругом ткацкие станки, после них шли прялки с веретенами, потом стопками ле-

жали выделанные кожи и шкуры. Бочки и сундуки, покрытые грубой холстиной, стояли подле широких лавок, на которых бок о бок могли улечься три-четыре человека. Стены украшены потемневшими от дыма гобеленами, завешаны шкурами, над лавками висели полки с утварью. Я заметил помимо основных дверей еще четыре боковых, и судя по запаху, ближайшая вела в птичник. Это был не дом. Это действительно было огромное поселение под одной крышей, и тут могли жить одновременно две-три сотни человек.

В дальней половине жилища стоял длинный широкий стол, за которым уместились все воины: и наемники, и местные, девушки суетились, разнося угощение и выпивку, и судя по хохоту, пир начался не только что.

Я, кряхтя, подошел к столу, там сноульверы быстро отыскали мне местечко, накидали на блюдо мяса с сыром, всучили в руки рог с пивом, но от одного лишь запаха скрутило живот. Та же девушка, что передала одежду, поставила передо мной отдельный кувшин с кружкой и шепнула на ухо, что это целебная вода из серебряного источника, и мне можно пить только ее. «Иначе, – добавила она, – потом всю жизнь не сможешь есть ничего, кроме протертых каш».

Так что я сидел среди пьющих и жующих собратьев и тоскливо потягивал водичку из кувшина, потом подошел Тулле с перемотанной головой, его глаза были красны и опухши, ему также всучили кувшинчик и наказали не пить ничего крепче воды.

– Мы изрядно порадовали Фомрира, пополнили его дружину своими и чужими. Так восславим же его! Дранк! – крикнул лучник из дружины Орма.

– Дранк! Дранк!

Тулле кривился от громких воплей. Я похлопал его по плечу, мол, держись.

Тут поднялся Снежный Хвит, и сноульверы притихли в ожидании: что захочет поведать скальд? Опозорится ли он висой на потеху народу или всё же побалует рассказом?

– Каждый воин любит два дела, – начал он речь, и от звуков его глубокого мягкого голоса умолкли даже самые лютые пьяницы на дальнем конце стола, – совершать подвиги и рассказывать о них.

– Я еще и выпить люблю! – добавил кто-то со стороны.

– Да и баб тоже.

Хвит улыбнулся.

– Хвастать подвигами сейчас не след, ведь мы все бились рядом друг с другом, знаем отвагу каждого, кто сидит здесь или остался лежать там. Потому пусть за этим щедрым хлебосольным столом прозвучат речи о подвигах Фомрира, нашего покровителя. Порадуем его уши!

– Да! – Давай! – Начинай! – Что-нибудь веселое!

– Во время ночного сражения мне проткнули спину, но четвертая руна, подаренная Фомриром, излечила меня! В его честь я хочу поведать, как Фомрир хотел порадовать отца.

Я устроился поудобнее, глотнул водицы и приготовился слушать. Уж больно красиво получалось у Хвита пересказывать истории о богах, будто своими глазами это видишь.

Как-то раз Фомрир решил, что негоже отцу пешком ходить, пока Фольси верхом на быке по полям разъезжает. Решил он Скириру ездового зверя в дар поднести. Обыскал Фомрир девять раз по девять гор и нашел там барана круторогого – Кольги перворождённого. Крепко взялся он за витые рога барана, вскочил на него верхом, чтобы объездить, но застонал Кольги от тяжести, переломился пополам под задницей бога.

Вздыхнул печально Фомрир-воин и дальше искать зверя пошёл. Обыскал он девять раз по девять лесов и нашёл Кумри-оленья, догнал и, схватив за рога, наземь поверг. Взгромоздился грозный бог на Кумри-оленья, и в тот же миг умер от тяжести перворождённый олень.

Долго бродил в поисках достойного ездового зверя Фомрир. Обошел он девять раз по девять полей, пока не встретил Кольпи-коня. Грива его была что золотая река, шкура – что поле пшеничное, копыта размером с дом. Подошёл к нему Фомрир и только хотел за гриву схватить, как тут же получил копытом в лоб. Три дня летел Фомрир после удара и, лишь разбив спиной скалу, сумел остановиться.

Делать нечего, пошёл Фомрир по следу Кольпи и, встретив его, вновь изловить попытался. Быстрее зимнего ветра и солнечного луча мчался Кольпи, выбивая копытами русло

новой реки, за ним мчался Фомрир, с трудом держась за легконогим скакуном. Если б не трещина, что появилась в копыте у Кольпи после удара по Фомриру, вовек бы бог-воин не догнал коня, но на исходе третьего дня на побережье настиг Кольпи бог и, навернув длинную гриву на кулак, вскочил ему на спину. Не дрогнул конь под весом Фомрира, лишь всхрапнув, помчался он вскачь. На шум повылазили твари морские. Фомрир выхватил меч и в битву вступил. Сам разил мечом тварей, а Кольпи побивал их копытом. От жара битвы дрожала земля и вскипало море, сильные удары меча рассекали не только чудовищ, но и саму сушу. Так возникли узкие извилистые фьорды, а мощные копыта Кольпи вытоптали бухты. Трижды вокруг земель обскакали конь и всадник, в битве великой вместе сразились и победили.

Повёл Фомрир-победитель скакуна в долину богов.

Там первым делом потребовал у Корлеха сделать седло, достойное конунга богов. Сотворил великолепное седло Корлех, мастер всех ремесел. Вымыл и вычистил коня Фомрир, дал отдохнуть после битвы великой и, оседлав, подвёл к отцу своему.

– Лучший скакун в мире для сильнейшего из богов, – сказал он.

Поблагодарил сына Скирир-конунг и одним махом вскочил в седло. Ушёл по колено Кольпи в землю, а как шагнуть попытался, так и сломался.

Встал с мертвого скакуна Скирир могучий и ещё раз по-

благодарил сына за старания, но другие боги принялись над ним потешаться, за что Фомрир решил и их достойно одарить да так, чтоб навек запомнили.

Я смеялся вместе со всеми до боли в животе над приключениями бога-воина. После таких историй, может, не самых героических и не самых лестных, мое уважение к Фомриру лишь возрастало. Он словно бы тоже пробивал себе место в жизни, ошибался, но старался изо всех сил. И его преданность Скириру, конунгу богов, напоминала нам о том, что верность должна быть у каждого достойного воина. А еще я вдруг вспомнил отца. Я не был дома целый год. Как он там без меня? Хорошо ли прошли роды у матери и кого она родила: мальчика или девочку? Помогает ли Ингрид по хозяйству и много ли сломала носов? Не появились ли под Сторбашем новые твари? Слышал ли Эрлинг о моих деяниях? Знает ли о третьей руне? Донеслась ли до него песня Хвита?

– Тогда я продолжу! – поднялся угрюмый мужик из хирда Орма.

Я с ним не пересекался ни разу, но его огненно-рыжая шевелюра постоянно мелькала перед глазами. Обычно люди с такими суровыми лицами лишь мечами размахивать горазды, а не истории о богах рассказывать. Но его соватажники радостно застучали рукоятками ножей, кружками и кулаками по столу, поддерживая своего скальда.

Рыжий откашлялся, задрал голову наверх, словно мог ви-

деть небо сквозь крышу, и медленно-распевно начал вести рассказ.

– Давным-давно, когда мир был молод, захотел юный воин Фомрир совершить великий и славный подвиг, да такой, чтобы воспели в веках. Чтобы сам бог-отец Скирир поразился его мощи и похвалил. Взял он отцовский щит и копьё и пошёл по миру в поисках подвигов. Сначала он встретил змея о двух когтистых лапах длиной в двадцать шагов. Сразил его Фомрир одним ударом копья. Окинул взглядом мертвого змея и подумал, не маловато ли для великого подвига?

Сказитель приподнял густые золотые брови и глянул на слушателей.

– Маловато! – закричали пирующие. – Разве ж это подвиг?

Я рассмеялся от неожиданности. Понятно, почему этого рыжего так любят в хирде. Он не просто рассказывает, он еще и остальных втягивает в историю.

– Три дня ходил Фомрир по горам и лугам. И встретился ему змей о трёх когтистых лапах длиной в тридцать шагов.

– Ты убил моего сына! – страшно проревел змей, брызжа ядовитой слюной. – За это я тебя сожру с костями!

– Подавишься, – ответил Фомрир и двумя ударами могучего копья убил змея. Окинул взглядом убитого зверя и подумал, не маловата добыча?

– Маловата! Я в уборной и то больше откладываю!

Рыжий нахмурился, печально вздохнул и продолжил:

– Десять дней ходил Фомрир по горам, лугам и оврагам и

встретил змея о пяти когтистых лапах и одном крыле длиною в сто шагов.

– Ты убил моего сына и внука! – взревел великий змей, брызжа ядом и дымом. – Затопчу букашку!

– Перетопчешься, – ответил Фомрир и тремя ударами копья победил змея. Взглянул Фомрир на змея и засомневался, а не мелковат ли змей?

– Ой, мелковат!

– У меня в штанах змей об одном глазе и то длиннее будет! – проорал перепивший карл.

Одна из девок Сигурда рассмеялась:

– Видела я того змея, даже на ужонка не тянет.

Карл вскочил на ноги, покраснев от гнева. Орм рывкнул:

– Потом ей еще раз покажешь! Сейчас дослушай сказ.

Скальд благодарно кивнул хёвдингу и продолжил, но уже без остановок.

Двадцать дней ходил Фомрир по горам, лугам, оврагам и долинам и встретил могучего змея длиною в двести шагов, о семи когтистых лапах и о трёх могучих крыльях.

– Ты убил моего сына и сына моего сына... – начал было громкую речь змей.

– Да понял я, понял, хватит уже, – перебил Фомрир и в две пары ударов сразил змея.

Поглядел Фомрир на мёртвого змея и понял, что все ещё не славен сей подвиг, и дальше пошёл.

Сто дней ходил Фомрир по горам, лугам, оврагам, доли-

нам и ущельям и встретил великого, страшного и могучего змея о девяти когтистых лапах и о пяти могучих крыльях длиною в пятьсот шагов.

– Даже не начинай! – рявкнул Фомрир.

Первым ударом змею язык проколол и четырьмя последующими насмерть убил.

Взглянув на могучее тело, решил Фомрир, что почти достаточно, но все же продолжил свой путь.

Двести дней ходил Фомрир по горам, лугам, оврагам, долинам, ущельям и перевалам и у подножия серых гор встретил деву прекраснее всех виденных доселе. С поклоном поднесла она воды юному богу, а после жарко поцеловала, на травяной ковёр повалила, и принялись они зверя о двух спинах изображать. И вдруг превратилась дева в змею о семнадцати лапах когтистых и о девяти крыльях могучих длиною в две тысячи шагов.

Сильно удивился Фомрир и такие крепкие слова произнёс, что серые горы с тех пор красные стоят. Грохнул кулаком по змее Фомрир, расплескал ее по предгорьям и, не обернувшись, ушёл.

Триста дней Фомрир ходил по горам, лугам, оврагам, долинам, ущельям, перевалам и хребтам. Величайший змей на него без слов напал. Огромен был змей и могуч: двадцать семь его лап твёрдо попирали землю, девятнадцать его крыльев поднимали такой ветер, что двухсотлетние дубы валились. От конца хвоста до морды того змея полдня идти нуж-

но было, и всей этой мощью Ургово семя напало на Фомрира.

Долго длилась битва, расплёскивалось пламя по щиту, разило копье многочисленные сердца, громы и молнии вспыхивали и обжигали землю. Лишь спустя три дня израненный Фомрир победил. И, умирая, сказал змей Фомриру, что отомстит ему теперь старший брат Тоург, как только от спячки проснётся.

Замолчал сказитель и с прежним суровым видом на место сел. Ярл Сигарр передал ему кольцо со своей руки со словами:

– Изрядно позабавил ты меня своей историей. И ведь я слышал ее не раз, но сейчас оторваться не мог.

Хвит сразу же насупился, набычился. Он всегда злился, если при нем хвалили чужие таланты, связанные со сказами или песнями.

Потом встал тихий бледненький юноша из сигурдовых воинов и спутанно пересказал историю про Тоурга и его гибель, только он говорил так тихо, что никто его и не расслышал. Пьяный карл, что хвастался своим змеем, подхватил на руки девку, что насмеялась над ним, и поволок в комнатушки на другом конце дома. Но уже через несколько минут она вернулась за стол, выпила залпом пиво и громко сказала:

– Ужонок, да и тот норовит в спячку лечь!

Веселье набирало обороты, но мне становилось только хуже. От криков, треска, песен и громкого смеха разболелась

голова, словно кто-то изнутри пытался проломить мне череп. Тулле внезапно завалился набок, видимо, тоже не выдержал. Я подхватил его под руку, Альрик взялся с другой стороны, и мы вместе оттащили Тулле в самый дальний угол дома, уложили на лавку и оставили на попечении местной знахарки. Я тоже отыскал уголок и улегся спать, обмотав уши одеялом.

Глава 13

Я сидел на привычном месте у борта и не мог отвести взгляда от широкой спины попутчика. Тулле впереди, Рыбак – возле мачты, чтобы ничего случайно не поймал, Косой слева, Арне Кормчий держал правило. И сакравбр ярла Сигарра – возле Альрика.

Когда он начнет меняться? Как быстро проявится прама-терь тварей в его крови? Как он изменится? Превратится ли в чудовище о трех лапах и одном крыле, как рассказывал рыжий скальд? Или обернется полумедведем-получеловеком, бьёрнманом, о котором ходит немало историй?

Если бы я мог выбирать, то стал бы ульфманом, человеком-волком, гулял бы по лесам и полям, резал бы свежую дичь да набирался бы сил. Создал бы свою стаю и захватил бы все земли.

Непонятно это. Почему после десятой руны нужно обязательно съесть сердце твари? Все знают, что в кишках сидит смелость, в голове – память, в языке – скальдический дар. А что хранится в сердце? Мать говорила, что в сердце есть то, что делает тебя тобой, но если съесть сердце коровы, то ведь мычать не начинаешь и на траву не бросаешься. Значит, если съесть сердце твари, то тварью не становишься, а вот если не сожрать его на десятой, пятнадцатой и двадцатой руне, то беды не миновать.

Сейчас сакравор дошел до десятой руны, но пока он не сделает положенное, хельтом считаться не может. Так, хускарл на последней ступени. Потому ярл Сигарр и отправил его с нами в Кривой Рог, мол, пусть найдет там да выкупит нужное сердце. А ведь сакравор еще и отказывался, говорил, что больше ни на кого руки не поднимет, не вырастет ни на одну руну, но ярл настоял, вручил сундучок с монетами и отправил восвояси. И откуда только у этого ярла столько денег? Поди, отец в свое время изрядно наватажил.

Пока Хьйолькег благоволил нам и дышал через нужную ноздрю, «Волчара» весело бежал по серым водам и без помощи весел. Хирдманы развалились кто как и занимались своими делами. Хвит распустил белые волосы, прикрывая лицо от непривычно теплого солнца, и шевелил губами. Сочинял. Энок Слепитель крепил перья к стрелам. Вепрь просто храпел. А вот Трюггве сидел один, понурившись. Обычно он горячо обсуждал с Йодуром-мечником последние бои и прикидывал, как можно было сделать лучше. А Эйрик бы начищал свою секиру, точил бы, выглаживал древко, убирал малейшие неровности. Мы шутили, что его секирой можно мясо нарубить и на лезвии зажарить, он же всегда притворно злился и говорил, что лучше он нас нарубит и зажарит, чем осквернит оружие.

Я вздохнул и глянул на секиру, лежащую рядом со мной. Его секиру. Альрик сам отдал взамен расколовшегося топорика, сказал, что Эйрик бы не возражал. На острие после

ночного боя остались выщербины, я взял точило и провел по лезвию. Сноульверы обернулись на меня со странными взглядами. Тулле прошептал:

– Я подумал, что это Эйрик...

Я отложил точило. Потом займусь секирой.

– А если на нас сейчас нападут, будет сакравор драться или нет? – спросил я Тулле. – Я бы на его месте не стал.

– С десятой руны не так просто сшагнуть, – ответил он. – Кто-то и десять лет сидит на ней, а кто-то – всю жизнь. Там таких, как мы, нужно не меньше сотни убить, а то и больше.

– У моего отца было сердце огненного червя.

– Хорошее сердце! Сильная тварь. Такое и для сторхельта сгодится.

– Но сейчас его уже нет. Как раз отдали воину на пятнадцатой руне. От него потом так силой пыхало, поболее, чем от конунговых наблюдателей.

– Так чего у тебя с той разноглазой-то вышло?

Тулле поменял тему. Не любил он разговоры о рунах, тварях и тому подобному.

– Да ничего. Ты ж больше к столу не выходил, потому не видел, как она липла к другому хирдману, тоже младше нее.

– И ты ничего не сделал? – ухмыльнулся друг.

– Сделал. Обрадовался, что она наконец отвязалась.

– Странная. То тебя из рук не выпускала, то к другому переметнулась.

– Да она же наполовину мужик. Орсу отринула, к Фомри-

ру ушла, вот у нее все и перемешалось в голове. А нам же как надо: чтобы помоложе да все время разные.

– Не всем, – вздохнул Тулле. – Мне бы и одна сгодилась, только не любая.

Я нахмурился. Неужто он влюбился в кого-то из сигурдовых девок? Они же страшные и староватые, да и не заметил я, чтобы Тулле кому-то из них уделял внимание.

– В соседнем хуторе. Мэва²⁴. Я как чаек вижу, всегда ее вспоминаю. Она похожа на них.

– Такая же наглая и крикливая? – попытался было я перебить Туллены откровения.

– Нет. Такая же чистая, белая и аккуратная. И ныряла не хуже любой чайки, даже с Черной скалы прыгала, а Черная скала – это такое место, где пока летишь в воду, успеваешь имена всех весенних и зимних богов проговорить. Я, когда в первый раз оттуда прыгнул, потом три дня ходить не мог – пятки горели. Мы ведь с Мэвой сговоренные были. Наши отцы хотели нас поженить, а потом я убил дядю, и все расстроилось. Оно и правильно. Вдруг бы я ее убил? Я же вообще не понимаю, что творю.

– Но ты с зимы ни разу не срывался. Самый скучный сноульвер!

Тулле отвернулся к морю.

– Знаю. У меня и раньше это нечасто случалось. Два-три раза за год.

²⁴ Мэва – в переводе – морская чайка.

И замолчал. Он всегда расстраивался, когда дом вспоминал. Вот бывают же такие люди! И ростом, и силой вышли, и с оружием управляют так, что любо-дорого смотреть, идеальные воины. Ан нет. Не лежит у них душа к ватажьему делу. Значит, не Фомрир их благословил. К Тулле явно Фольси благоволит, бог-пахарь. Хвит – Свальди хвалы возносит. Арне Кормчий – Нарлом одарен, сквозь воду скалы и рифы чувствует, знает, когда ветер сменится. Рыбак – Мириннов сын, тут и говорить нечего. Вепрь, видимо, от Корлеха милость получил, уж больно он рукастый, может и смастерить что-нибудь, и приготовить, и рану зашить. На все дела мастер. Альрик ест с рук Фомрира и Мамира сразу: хитрый, умный, говорливый. А я? Я точно Фомриров воин. Пусть я не лучший в мире боец, не бесстрашный и не всемогущий, но больше ни к чему душа у меня не лежит.

– Сечи великанша²⁵,
Ведьма лютой брани²⁶,
Блеск твой белый зело
Не горит сим утром.
Не сверкает брони
Ненавистник²⁷ ярый.
Прорезатель фьордов²⁸

²⁵ Великанша сечи – иносказательно – секира.

²⁶ Ведьма брани – иносказательно – секира.

²⁷ Ненавистник брони – иносказательно – меч.

²⁸ Прорезатель фьордов – иносказательно – Фомрир. Пополнить хирд Фомрира

Хирд пополнил снова.

Эту песню будут петь часто, у многих она отзовется, многие потеряли в сражениях своих друзей, неважно, мечников ли, сакраворов ли, лучников.

* * *

В Кривой Рог мы добрались спустя седмицу. Город не изменился ни капли, столь же шумный и бестолковый даже после свадьбы ярлова сына. Дагны, конечно, уже и след простыл, но о нас местные жители не забыли. Они помнили и о том, как я зарезал на улице рабынина сына, и о троллях, и о том, как ранили нашего человека, и о Торкеле с его угрозами. Может быть, потому Альрика еще с пристани позвали на встречу к ярлу, вежливо, но без права отказаться. Он прихватил с собой Вепря и Тулле, а мы отправились к Ящерице.

Попетляв по разбитым улочкам, мы вышли к дому Орсовой женщины. Там, в небольшом дворике обнаженный по пояс мужчина рубил дрова. Я видел только узкую тощую спину с сильно выпирающими позвонками. Когда он наклонился подхватить полено, показалось, что косточки вот-вот порвут кожу и вылезут наружу белыми точками.

– Эй, знахарка здесь? – спросил Хвит.

Парень, перехватив топор иначе, повернулся к нам лицом.

Глубоко запавшие серые глаза, едва заметные под нависшими бровями, одна из которых сильно просела вниз, тонкий скомканный рот, скособоченный кончик носа словно пытались указать на самое приметное место на лице – изрытую красными точками и прорезями яму на левой щеке. Длинная некогда выбеленная челка падала набок, но не могла скрыть ни шрамов, ни кривого лица.

– Я... ящерица, – вмиг осипшим голосом прохрипел наш скальд. – Это ты?

Парень открыл рот как-то странно, губы разъехались не в стороны, как обычно, а вверх и вниз, как у рыбы, вытасченной из воды.

– Я. Что, не узнать меня? – его голос изменился, как и он сам, стал тусклым и невыразительным.

– У тебя всё зажило? Значит, дальше с нами пойдешь? А чего, тебя тут не кормили? Тощий какой! Кожа да кости, – вмешался Рыбак.

– Нитки не так давно сняли. Ел только жидкую похлебку. Вон, топор в первый раз в руки взял. Разрубил три полешка и уже выдохся. Какой я теперь ульвер?

– Как раз на «Волчаре» и отъешься, – радостно продолжил Халле. – Мы ведь видели Торкеля и даже рубились с ним. Скажи, Кай!

Халле обернулся ко мне и не заметил, как Ящерица испуганно сжался от одного только имени, как забегали его глаза, как побелело лицо. Это не боец. Это уже раб.

– Кай!

– Рубились, – протянул я, не отводя взгляда от Ящерицы. – Втроем не смогли одолеть. Он отбил мне все брюхо, чуть не проломил голову Тулле и едва не зарезал Альрика в кольчуге.

Лейф Ящерица, точнее то, что от него осталось, попятился назад, топор выпал из его ослабевшей руки, а он этого даже не заметил.

– Я, наверное... Мне бы еще подлечиться. Мяса набрать.

– На веслах быстро осильнееешь. Благодарю знахарку и пошли на корабль. Увидишь, стоит тебе только погладить его оскаленную морду, как сразу полегчает.

Рыбак, видимо, не вспомнил, что Торкель резанул Ящерицу именно на корабле, но Лейф не стал возражать.

Альрик вернулся на «Волчару» лишь к ночи, пьяный и веселый.

– Ну что, сноульверы. Поздравляю с новой работенкой! – крикнул он, едва ступив на палубу.

– Что, так сразу?

– Тут снова тролли объявились?

– А может, сначала к Видарссонам наведаемся, поблагодарим за пиво?

– К троллям этих Видарссонов! – взмахнул рукой хёвдинг. – Уж не знаю, почему, но местный ярл так жаждет от нас избавиться, что выкупил трофеи и даже посоветовал подходящий заказ. То ли опасается, что мы резню на улицах

начнем, как Кай в прошлый раз, то ли боится, что приплывет Мачта, и тогда резню начнет он. О, Ящерица! Живой и здоровый? Выглядишь, как дохлая рыба, теперь придется месяц тебя откармливать.

– А что за заказ? – спросил Арне Кормчий.

Тулле и Вепрь тоже изрядно пошатывались. Друг упал рядом, потирая полный живот и обдавая запахом крепкого пива.

– В трех днях пути живет такой ярл Гейр²⁹ Лопата.

Тулле хрюкнул от смеха:

– Надо же, имечко подобрали. И копьё, и лопата. Что это за штуковина такая получается?

– Земли этого ярла находятся на границе с северным краем. Сами знаете, чем дальше к северу, тем меньше людей и больше разных тварей, в том числе и изменившихся. Дружина у Гейра отличная, спаянная, проверенная, ниже пятой руны там никого нет. Насколько я понял, там что ни месяц, с той стороны приходит та или иная тварь.

– И с такими силами Лопате нужна наша помощь? – не понял я. – Зачем? Чтобы подкормить тварюшек?

– Лопата не любит попусту терять людей, в которых он вкладывается и деньгами, и силами. А там такая беда подвалила, с которой можно потерять всю дружину разом, потому он нанимает чужие ватаги. По оплате всё нормально. Полмарки на человека. Если кто-то из нашего хирда завалит

²⁹ Гейр – в пер. копьё.

тварь, то все мы получим по марке на нос. Лопата славится крутым нравом, но не жадностью. Платит всегда полностью, что обещал.

– Так что там за тварь?

– Великан. По силе как стóрхельт.

Я вздрогнул и посмотрел на то место, где прежде сидел сакравор. Если он не добудет сердца твари, то вполне может пойти по той же дорожке.

– Мы только что вышли из серьезного боя, потеряли троих. Ящерица еще не окреп, – хёвдинг потер лицо, глотнул воды из фляжки. – Но это неплохая возможность прославиться. Давненько тут не объявлялись великаны, и все воины будут на слуху не один год, потому я принял предложение. Завтра с утра придет торговец, выкупит трофейное оружие и броню, потом соберем припасов, а на следующий день выходим.

– Альрик, а может, всё же сбегает к Вйдарссонам? – спросил я. – Съестного спросим по старой памяти.

Хёвдинг прищурил глаз и весело хмыкнул:

– Ну, если по старой памяти только. Человек пять возьми с собой. Поблагодари за пиво. И смотри там, не набедокурь. Вйра дороже еды встанет.

На следующее утро мы поднялись с рассветом. Я взял Тулле, чтобы он меня останавливал коли что, Трюггве-мечника, чтобы он немного повеселел, Стёйна, Халле Рыбака и еще Хвита Снежного. Скальд сам напросился, сказал, что хочет

сочинить веселую песенку, да пока подходящей идеи не нашел. Снарядились мы словно в боевой поход: топоры-мечи на поясе, щиты за спиной, у Стейна лук со стрелами, и у всех копья в руках, кроме меня, так как одной секиры вполне достаточно. Тащить всё это на себе, конечно, не шибко радостно, но иначе Видарссонов вряд ли получится уговорить.

Перед самым уходом я столкнулся нос к носу с тем презренным торговцем оружием, что запрашивал четыре марки за обычную секиру. Он сразу же узнал меня, заметил мои три руны и слегка напрягся, я же оскалился, постучал по рукояти секиры и провел пальцем себе по шее. Вдруг это поможет Альрику в торгах?

За то время, что мы тащились в горы по пыльной дороге, я проклял и свои дурацкие затеи, и кожаную куртку, в которой упарился и вспотел, как в бане, и тяжеленную секиру, чья рукоять протерла в плече настоящую дыру. И главное – зачем я попер щит? С секирой щит в руки не возьмешь, да и не будут Видаррсоны обстреливать нас из луков, тем более в спину. Получалось, что я просто так тащил на себе эту круглую дуру.

Поэтому, когда мы добрались до поместья братьев, я был мокрым, уставшим и злым. Особенно злым.

Сначала ведь я хотел добром поспрашивать Видарссонов об ошибке с пивом, посмеяться, показать силу в дружеском поединке, намекнуть на недовольство хёвдинга. Словом, поговорить по душам. Но после неприятного перехода я подо-

шел к воротам, за которыми заходились от лая собаки, со всей силы пнул створки, а когда они не распахнулись, снял с плеча секиру и вогнал в доску, расщепив ее пополам.

– Видарссоны, тролль вас задери! Открывайте! Гости пришли.

Я подождал немного и снова ударил, вырубив одну доску напроочь.

– Открывай! Иначе сам войду.

Со двора послышались голоса, детский писк, собаки уже хрипели от лая, но ворота так и остались запертыми.

Я собирался ударить в третий раз, но Тулле схватил меня за плечо.

– Да отстань! Не видишь, они за воротами отсидеться решили, сволочи!

– Мужиков, поди, дома нет, – тихо сказал друг. – Время не раннее, на поля ушли, скорее всего. Или еще куда по делу.

Я заглянул в прорубленную дыру и увидел перепуганных женщин и нескольких рабов, которые схватились за вилы и топоры, чтобы защитить дом.

– Открывайте, – уже спокойнее крикнул я. – Мы – сноульверы, что троллей для вас поубивали. В сеннике у вас спали.

– А чего ж с оружием пришли? Троллей вроде больше нету, – ответила женщина постарше, не выпуская потрепанный серп.

– Так мы в гости, по старой памяти. Приплыли в Кривой

Рог и решили к вам заглянуть. Уж больно ваше сено мягкое и пиво вкусное, – я не сдержался и последние слова прорычал.

Один пацаненок вскарабкался на крышу дома, взглянул на нас и заорал на весь двор:

– Я его знаю. Он топорики подбрасывал. А тот – мечи. А еще один седой. Это те самые.

Хвит усмехнулся. Привык, что все по первости принимают его за седого.

Створки дрогнули, и старик-раб открыл ворота, впуская нас во двор. Впереди стояла женщина, перепуганная и взъерошенная, как курица, пряди волос выбились из-под серого платка, у ее ног лежал серп, но в руках было блюдо с хлебом и сыром, а позади нее девчонка еле удерживала полный кувшин.

– Прошу прощения, дорогие гости! – слегка запинаясь, сказала хозяйка. – Муж мой сейчас на пастбище, а без него я не смею пускать во двор. Не побрезгуйте, угоститесь с дороги. А сынок сейчас сбегает, позовет мужа.

Обойдя издали, мальчишка едва ли младше меня умчался со всех ног, и я еле сдержался, чтобы не заулюлюкать вслед, подгоняя его, как дичь. Я положил секиру обратно на плечо, взял кусок сыра, кинул на хлеб и запихал все это в рот. Угощение вряд ли остановит меня от убийства местных жителей, если понадобится, но сытый я явно буду добрее. Тут же нам принесли кружки, налили пиво, то самое, видарссоновское, густое и терпкое настолько, что одним запахом можно

было наесться.

– Если прикажете, зарубим курочек и запечем. Но сейчас есть только это, – пролепетала хозяйка, угощая моих собратьев.

– Ничего. А похлебка какая есть? Или колбасы?

– Есть копченая свинина, но муж не разрешает...

– Тащи.

Мы взяли чурбаки и расселись в тени сенника. Я не стал вламываться в дом, памятуя, как Видарссоны рьяно не хотели нас туда пускать в прошлый раз. Мало ли, вдруг озлятся, начнут кулаками махать, а так и до виры домахаться можно. То ли я разозлюсь, то ли Тулле взбеленится, а может, и Трюггве вдруг сорвется, он после смерти Йодура сам не свой.

– Дяденька! – послышался робкий басок из-за угла. – А вы настоящие хирдманы?

– А что, так не видно? – рассмеялся Тулле. – Выходи сюда, не покусаем.

Из-за сенника вышел парень, один в один Видарссон, только чуток поменьше: массивный, косматый. Несмотря на юный возраст, его борода уже доходила до груди. Я невольно пощупал свой гладкий подбородок.

– А вы с тварями сражались? С настоящими тварями, а не со зверями.

Мы переглянулись и рассмеялись.

– А то как же. Я сам на огненного червя ходил. Он длиной что твой дом и толщиной выше пояса. Шкуру и секирой ед-

ва прошибешь, а как прошибешь, так из раны огонь пышет. Рыбак вон морскую безымянную тварь выловил, зубов у нее было не перечесть.

Хвит перебил меня:

– Кай, не умеешь рассказывать – не берись. Сейчас я всё расскажу.

И пошел заливать про огненного червя, которого он в глаза не видел, только мои рассказы слышал, и про хуорку вернул зачем-то, и про морскую тварь, и про волков, которые вообще не твари, но в его устах выглядели сыновьями Бездны. Парень слушал с открытым ртом. Мы потихоньку отхлебывали пиво и как-то подзабыли уже и про мясо, которое всё никак не несли, и про Видарссонов.

– Бьярки, что тут сидишь! А ну пошел коровник вычищать! – рывкнул вернувшийся отец, и парня будто ветром снесло.

– Здравово, хозяева. Видите, к вам гости пришли, а вы их неласково встречаете.

– Незваных гостей и вовсе пинками выпроваживаем, – буркнул один из Видарссонов, самый разговорчивый.

Если бы я услышал что-то подобное чуток раньше, то точно бы отрезал ему либо ногу, либо язык, но сейчас я отдохнул, поел, выпил пива и подобрел, потому всего лишь рывком подскочил к нему, крепко схватил за бороду, вытащил нож и воткнул самый кончик в щеку Видарссона. Немного, только чтобы кровь потекла. Хирдманы тут же ощетинились

оружием, предостерегая второго брата от глупостей.

– Ненавижу ваш поганый город с его погаными улочками, поганым ярлом, погаными торгашами и погаными правилами. Здесь другу отрезали щеку, и его слюни стекали не через рот, а через дырку сбоку, потом он месяц жрал лишь жидкую похлебку, исхудал так, что кости через кожу можно пересчитать. Лицо перекособочилось, как у твари, вышедшей из самой Бездны. А знаешь, что интересно? Ваш ярл запросил за моего друга самую малую виру, настолько малую, что я могу каждого в этом доме так порезать и заплатить виру из своего кошеля. И будете вы не Видарссонами, а тваринными отпрысками. Скажи еще слово и будешь всю жизнь показывать язык аж через две дырки.

Он мелко затрясся, скашивая глаза на меня. Из-за низкого роста мне пришлось вытянуть руку и встать на носочки, но я чувствовал страх этого здорового мужика и свою власть над ним. И это было здóрово. Я даже захотел, чтобы он сделал какую-нибудь глупость, и я смог бы вырезать дыру на его лице. Хотя серебра все же жаль.

Второй брат упал на колени, едва не напоровшись на меч Тулле:

– Прости его, хирдман! Попутал он. Будьте желанными гостями в нашем доме.

– Я не хочу быть гостем там, где мне не рады. Вы подсунули нам поганое пиво. Свою работу мы выполнили честно, а вот вы заплатили, считай что фальшивым серебром.

– Не со зла. Это глупая баба не тот бочонок взяла. Перепутала, дура! Я ее поучил потом, поехал в город, да вы уж уплыли.

– Мне плевать, кто ошибся. Теперь мы здесь!

– Конечно. Сейчас принесу бочонок лучшего пива, самого лучшего!

– И припасы на седмицу на два десятка человек.

Мужик аж трястись перестал. Жадности в нем было больше, чем страха, потому я вогнал нож поглубже.

– Шрам – он украшает воина, а вот гнилые зубы через дыру в щеке – навряд ли.

– Конечно! Припасы. На седмицу. Там много будет. Не унесете!

– В телегу грузи. Из города сын вернет.

Я убрал нож и сел спокойно на чурбак.

– Долго ждать не будем. До вечера вернуться надобно.

Я взял секиру поближе и стал наблюдать. Вдруг пока они таскают мясо да крупу, их снова жадность одолеет? Это я от неожиданности смог его так легко схватить, а если такой бугай возьмет топор или косу, то я увижу Фомрира воочию раньше времени. Но больше Вйдарссоны не кочевряжились: грузили телегу, крепили мешки и короба. Если подумать, а что они могли сделать? Даже если каким-то чудом они убьют пятерых трехрунных воинов, то потом к ним еще одиннадцать придут и спалят хутор со всеми жителями и скотом.

Обратно ехать было куда приятнее. Мы покидали щиты

и копыта на телегу, а сами налегке шли позади. Видарссонов мальчишка, тот самый, что спрашивал про тварей, все оглядывался и каждый раз пугался, встречая мой взгляд.

– А что ты сказал отцу, что он тебя послушал? – наконец решился он спросить.

– Сказал, что вырежу вам всем дыру на лице, если он не послушает.

– А вырезал бы?

– Вырезал, – кивнул я. – В таком деле врать нельзя.

– А я его всегда боялся. Он чуть что по уху бил. А ты ж... – он замялся, подбирая слова.

– Невысокий, – предложил я.

– Да. По плечо всего, и волос еще на лице нет, а вон не побоялся его.

– Так одного вашего тролля Кай зубами порвал, – давась от смеха, сказал Тулле. – Сам прыгнул, нож воткнул в живот, чтоб не сорваться, и давай зубами его грызть, да так, что клочки мяса во все стороны летели и кровь рекой текла. Кай потом с головы до ног красным был.

Парень чуть шею себе не свернул, глядя на меня. Видать, никак не мог представить, что я, такой мелкий, загрыз тролля.

– После такого разве будет он бояться твоего отца!

– Да, видать, не будет.

Альрик встретил нас на пристани с восторгом.

– Ай да, Кай! Ай да, Эрлингссон! И как только сумел уго-

ворить? А еще жаловался, что торговаться не умеешь!

Хвит усмехнулся:

– Если он так всегда торговаться будет, нас ни в один город не пустят.

Сын Вйдарссонов помог разгрузить телегу, походил по «Волчаре», полюбовался на наших парней, напугался от вида Ящерицы, а потом, когда все дела были закончены, подошел к Альрику и сказал:

– А возьмите меня к себе! Я, правда, всего-то однорунный, да и с оружием не очень. Но я старательный! Сильный! Я один могу полный бочонок с пивом поднять.

– И что потом? Бросишь его в тролля? – съехидничал Рыбак.

– Нет. Зачем? Он же разобьется, бочонок-то, – растерялся парень. – Зачем пиво зря тратить? Не хочу я в дом возвращаться. Там отец сейчас бешеный, снова изобьет почем зря. Мне так его до старости слушать придется. Хочу сам пожить, мир посмотреть! В море сходить! На тварей охотиться.

– У меня есть такое правило. Если трое из хирда откажутся тебя принимать, то не возьму, а если уговоришь их, то могу и взять. И еще – у тебя должно быть оружие.

– У меня нет, – развел он руками. – Могу дать телегу и лошадь взамен.

– Так они не твои, а отцовы.

– Я тоже отцов, но не трэль, а свободный человек, взрослый. Пусть это будет мое наследство.

– Звучит правильно. Ну что, кто не хочет, чтобы Видарссон в хирд вошел?

– Моего отца не Видар зовут, а Укси. Я Уксиссон, – возразил парень.

А ведь точно, Видарссоном отца кличут, Видар, значит, его дед.

– Э нет, ты выглядишь как Видарссон и звать мы тебя будем Видарссон, – рассмеялся Альрик. – Ну так что, есть несогласные?

Я пожал плечами. Мне все равно, войдет он в хирд или нет. Так-то я понимал его мысли, он хотел не столько приключений, сколько сбежать от отца, и это не так уж и плохо. Но однорунный нам сейчас не ко двору, да и грядущий бой с великаном не давал ему особых шансов выжить. Впрочем, возражений ни у кого не нашлось, и Видарссон вошел в наше братство.

Глава 14

Ярл Копье-Лопата не понравился сразу. Еще до того, как я его увидел.

Сначала этот здоровый, но глупый Видарссон блевал несколько дней, хотя на море была всего лишь крупная зыбь. Да, «Волчару» покачивало изрядно, порой крутило так, что хуторской увалень от борта к борту перекатывался, протряхивало аж до внутренностей. Из-за ливня ручки весел отсырели и натерли мозоли даже на давно уже промозоленных ладонях. Видарссону весла не доверили, всучили черпак и заставили вычерпывать воду, но толку от него было немного.

Потом ветер сорвал шкуру с одного из мешков с зерном, и его пришлось выкинуть. Едва не улетели копыя, хотя парочку мы всё же потеряли. Ночью чуть не столкнулись со льдиной, которую принесло с севера за сотни миль, хорошо, что Арне Кормчий захотел отлить и каким-то чудом умудрился ее заметить. Я всегда знал, что ходить по морю ночью – дурная идея, но островов под боком не оказалось. Нашел же Лопата, где поселиться! Неудивительно, что к нему только великаны в гости и заглядывают.

Когда показался до крайности неприветливый обрывистый берег, скалистый и сумрачный, к «Волчаре» подошел небольшой кнорр, чтобы проверить, кто мы такие и зачем здесь. Второй же, побольше, ждал в стороне.

– Носовую фигуру снимите, – посоветовали с кнорра. – Ярл не любит, когда гости приходят с оскаленными зубами.

Оставили кормчего, что должен был провести нас к поселению.

Да, люди ярла Лопаты мне тоже не понравились. Они не были такими здоровенными, как конунговы наблюдатели, или такими неприветливыми, как Видарссоны, но видно, что шутить с ними не стоит. Было такое ощущение, что они готовы к сражению в любое мгновение, словно вот-вот схватятся за меч или топор и снесут тебе голову. Обычно я такое ощущал только перед боем или поединком: напряжение мышц, покалывание в ладонях, усиливающееся давление рунной силы, а тут оно было постоянно. Я не мог толком грести из-за неприятных мурашек по шее и спине. Всё время хотелось бросить весло и взять в руки секиру. Или хотя бы щит. Тулле тоже поеживался и сбивался с ритма, да и всем нашим было не по себе, один лишь Видарссон обессиленно сидел возле борта, сглатывал подступающую слюну, не замечая ничего вокруг.

Мы долго плыли вдоль берега, потом свернули в неприемный с моря фьорд. Видимо, Фомрир когда-то вонзил тут меч в огромную гору и рассек ее на две половины. С обеих сторон вздымались бесконечно высокие стены, угрожающе нависая над кораблем. Небо виднелось далеко наверху, а «Волчара» казался крошечным, точно сосновая щепка, попавшая в бурный весенний ручей. И от гор шла та же угроза,

что и от местных воинов. На этих скалах, выглаженных ливнями, ветрами и морозами, не удержалась бы даже самая лихая коза, но всё равно казалось, что откуда-то сверху в любой момент может прилететь стрела или камень. Я заставлял себя держать весло и не тянуться за щитом, вцеплялся в гладкую ручку до белых костяшек, стискивал зубы и греб дальше, то и дело поднимая голову, чтобы увидеть серое небо.

После очередного поворота послышался тихий шепот. Как будто сотня воинов угрожающе бормотали проклятья. Я не самый боязливый человек, но от этого бормотания меня пробил дрожь, начиная от самых ступней. Потом она дошла до колен, до живота, протрясла внутренности и поднялась до горла. С каждым гребком ропот становился громче и громче, мощнее и мощнее, и вскоре мы уже не слышали ничего, кроме этого шума. Я попробовал заорать, но не понял, издал ли я хотя бы писк, только горло засадило от боли.

Еще поворот, и перед нами предстал величественный и бурный водопад. Сплошной поток воды рушился и рушился с недостижимой высоты, разбивая под собой и морскую гладь фьорда, и скалы, и камень. Если заплыть под такую струю, то тебя вколотит в дно, словно кузнечным молотом Корлеха. Кормчий Лопаты знаками показывал, как надо плыть мимо водопада, приказывал то грести всем разом, то лишь одной стороне, чтобы проскользнуть меж подводных скал.

Ледяные брызги, столь мелкие, что казались водяной пылью, пропитывали одежду, оседали на лице и волосах, скап-

ливались на коже и скатывались по спине и груди тоненькими обжигающими струйками. От грохота водопада закладывало уши. Кормчий широко открыл рот, словно безмолвно кричал, и указал пальцем себе на лицо. Я тоже распахнул пасть, и давление на уши сразу уменьшилось. Тулле кривился и морщился, его голова до конца не вылечилась после удара, и от громких звуков, я знал, боль возвращалась.

Мы плыли мимо водопада целую вечность. Проход слегка расширился, и дно расщелины поодаль поднялось выше, оскалилось зубьями. Кормчий уверенно, но медленно вел нас по замысловато изогнутой линии. Поворот. Гул лишь слегка поутих, отдаваясь эхом. Поворот. Еще поворот. И когда рокот воды уменьшился до того, что я начал слышать свой голос, мы вошли в небольшой полукруглый заливчик. Прямо из скал торчали деревянные вытянутые причалы, возле которых стояли несколько кораблей. Людей там было немного. И я никак не мог понять, куда же подевались ватаги. Как они ушли? Стены ведь никуда не делись и также окружали залив, стискивая его в каменных объятиях.

Все причалы вели к бревенчатому помосту, шедшему вдоль стены. Издалека он казался узеньким, в ширину шага, но когда мы приблизились, то оказалось, что помост был сложен из десяти толстенных бревен, уложенных бок о бок.

Ярл Лопата мне не нравился с каждым часом больше и больше.

Двое местных парней подхватили веревку и привязали

«Волчару» к кнехту, кормчий спрыгнул с корабля, кивнул Альрику и ушел. Хёвдинг почесал затылок, посмотрел наверх.

– Приплыть мы приплыли. Куда ж идти-то теперь?

К нам подошел семирунный воин в толстом стеганом доспехе, он был без щита, зато с топориком. Тут что, сильный хускарл служит привратником? У меня отец на седьмой руне!

– Кто такие? Зачем прибыли?

– Альрик Беззащитный со своим хёрдом. Криворожский ярл прислал нас к ярлу Гейру Лопате, сказал, тут есть работа для вольных дружин.

Семирунный покачал головой:

– Маловаты. Трехрунным там делать нечего.

– Пусть ярл Гейр сам решит. Опыт сражения с тварями у нас есть.

– То твари, а то изменившиеся. Вон тех двоих оставь на корабле, они не смогут добраться, – он указал взглядом на съжившегося Ящерицу и бледно-зеленого Видарссона. – По ним платы не будет. Всё нужное берите сразу.

Пришлось надеть куртку, наручи, шлем, закинуть щит за спину, прицепить короткий меч к поясу рядом с ножом, взять секиру и, ощущая себя выучным ослом, положить на плечо мешок со всякими мелочами.

Семирунный подождал, пока мы не подготовимся, отвел нас по помосту подальше от всех причалов и ткнул пальцем

в стену:

– Поднимайтесь. Наверху вас встретят.

Альрик удивленно глянул на него, потом на стену:

– Вот по этому подниматься? Другой дороги нет?

– Либо так, либо возвращайтесь на корабль. Провожатого вам дадут.

Беззащитный дернул себя за бороду в раздражении, но смолчал на грубость.

– Кай, ты полегче. Идешь первым. Дальше Рыбак, Ослепитель, Тулле... Я пойду последним. Без остановки до самого верха.

Я подошел к указанному месту и заметил наконец ступени: вколотые в стену толстые доски. Их специально выкрасили в темный цвет так, чтобы они не выделялись на камне. Доски торчали на длину руки, потому прямо по ним было не пройти – щит цеплялся за стену. Я повернулся вполоборота и двинул вверх. На высоте трех ростов идти стало легче, так как верх доски тут уже не красили, и было видно, куда ставить ногу.

Поднимаясь, я прикинул, насколько это удобно для обороны. Во-первых, лестницу еще попробуй разгляди, во-вторых, один-единственный камень, пущенный сверху, порушит несколько ступенек и возможность подняться. Ну и доски всегда можно было вырубить или вытащить из стены. Но где ярл Лопата принимает торговцев? Неужто тоже здесь? И грузы его люди поднимают на своих спинах? Вряд ли. Я готов

поклониться, что где-нибудь в сторонке есть уютная бухточка с пологим берегом, которую нам не захотели показывать.

Стоит ли говорить, что эта мысль не прибавила любви к ярлу Гейру?

Внизу из-за высоких каменных стен и извилистости фьорда ветра не было, но чем выше я поднимался, тем сильнее становилось дыхание Хьйолькега, и приходилось цепляться рукой за скалу. Сзади мерно пыхтели собратья-хирдманы. Семирунный был прав, Ящерица бы не смог пройти этим путем. Слишком слаб. Когда я глянул вниз, то увидел крошечные скорлупки кораблей, застрявших в каменных тисках.

Последние шаги дались совсем тяжело. Колени тряслись, по лицу и спине текли не ручейки, а целые потоки пота, которые мгновенно леденели на пронизывающем ветру. Пальцы на правой руке, казалось, стерлись до костяшек от постоянного цепляния за камень, а левая и вовсе отваливалась под тяжестью секиры, которую пришлось нести на весу. Я перешагнул укрепленный досками край обрыва и еле удержался от того, чтобы шлепнуться на землю и растянуться, не снимая щита. Меня остановил взгляд человека, что стоял неподалеку и ждал, пока мы поднимемся.

Четырнадцатая руна! Один шаг до стóрхельта. Хотя внешне он был ничем не примечателен. Суховатое сложение, впалые щеки, покрытые коротко стриженной бородой, тугая длинная коса доходила до пояса, глубоко посаженные серые глаза внимательно осматривали каждого поднимающе-

гося хирдмана. Стеганный поддоспешник, плотная кольчуга непривычного плетения, на которой в местах починки виднелись более светлые кольца, обычный с виду меч на поясе. От взгляда этого воина меня пробрали мурашки, как и от всех людей ярла Лопаты.

Он дождался появления Альрика, кивнул и отрывисто бросил:

– Слышал о сноульверах. Мне нужны волки. Тут бегают крупная дичь, и ее нужно загнать.

– Ярл Гейр Лопата? – уточнил Беззащитный.

– Да. Также слышал о вашей вражде с Торкелем Мачтой.

– Верно. Он тоже здесь?

– Здесь. Я его нанял. Плевать, кто из вас прав, кто виноват. Здесь не должно быть никаких свар. Пока великан не будет убит, вы все служите мне, а мои люди не поднимают друг на друга оружие. Любой, кто ослушается, будет закопан заживо.

Его холодные серые глаза ясно дали понять, что он не шутит. Если это его обычный способ наказания, тогда понятно, откуда взялось такое прозвище.

Альрик привычно улыбнулся во весь рот:

– Как скажешь, ярл. Твоё серебро – твои правила.

– Верно! – выражение лица Лопаты ничуть не смягчилось. – Дом, баня, угощение готовы. Сейчас мои люди ведут великана к нужному месту. Завтра будем атаковать.

– Ярл! – остановил его Альрик. – Это просто великан или

ётун?

– Изменившийся, который получил не одну руну, будучи тварью. И да – не советую завтра брать щиты и тяжелые доспехи. Если он ударит и попадет, никакой щит вас не спасет.

Я громко выругался и оперся на рукоять секиры. Клянусь мечом Фомрира, тот семирунный внизу знал об этом, но ни слова не сказал. Поганец зазнавшийся.

Селение у Лопаты было странное, больше похожее на небольшую крепость. Земляной вал, ров, частокол, каменные башни по краям с лучниками, дома из камня и дерева с толстенными стенами и не менее толстыми крышами. И совсем крошечные огородики. Я не понимал, где же они выращивают зерно и овощи. Даже Тулле с его земледельческими талантами недоумевал, как же местные тут вообще выживают. Он разговорился с женщиной, которую приставили к нам для приготовления блюд.

Оказалось, что здешняя земля весьма сурова и почти непригодна для пахоты, да и скота держат совсем немного, в основном, птицу, коз и свиней, так как приходящие с севера твари первым делом нападают на стада. Почти всё зерно и овощи привозные. Рабов здесь тоже не держат, так как работы для них нет, а кормить их надо каждый день. Все в селении были связаны с охотой на тварей, и основной доход ярл Лопата получал с продажи твариных сердец. Два-три сердца позволяют запасти съестное на целый год, но вот уже лет десять Лопата продает их только кбнунгу Рагнвальду по дого-

воренности. А еще иногда сюда приезжают конунговы люди и участвуют в охоте, чтобы подняться на руну, и за это ярл Гейр также берет плату.

Жителей тут немного, и гости бывают редко. Из-за скуки и замкнутости, если твари долго не появляются, случаются споры и драки, и это ярл Лопата пресекает очень строго.

– Видите небольшие зеленые огородики? – пояснила женщина. – Там были заживо похоронены те, что нарушили правила. Зато сейчас их трупы удобряют землю и позволяют вырастить немного зелени.

– Так это не шутка насчет закапывания заживо? – удивился Тúlле.

– Ярл Гейр не понимает шуток.

Пока еще не стемнело, мы с Тулле попросили разрешения подняться на одну из башен и оглядеть окрестности. Пожалуй, в таком месте мог вырасти только такой ярл, как Гейр Лопата. Серые скалы, разломы в земле, серые унылые деревья, серое море далеко внизу и серое же небо. Наверное, поэтому жители носили очень яркие платья, какие в Сторабше обычно надевали только на празднике. На нашей стряпухе, например, желтая льняная нижняя рубаха, на которую сверху надето ярко-красное шерстяное платье, голову плотно обтягивал синий длинный плат, на шее висели бусы, вроде бы невзрачные, но стоило лишь мелькнуть солнечному лучу, случайно прорвавшемуся за тучи, как камушки засверкали золотом и серебром, заискрились на свету. Я вспомнил про

Ингрид и просьбу привести ей сережки. Вот такие камушки ей бы понравились, только непонятно, хватит ли серебра.

К вечеру Ярл собрал всех наемников прямо на площади посередине его крепостицы. Впрочем, выбора у него не было. Домики здесь были маленькими, чтобы их можно было прогреть небольшим количеством дров. Я увидел там Торкеля и его не столь уже большой хирд, Мачта так же узнал меня и искоса улыбнулся, постучал пальцем по щеке, напоминая о случившемся с Ящерицей. Я в ответ провел ребром ладони по горлу, поясняя, что я с ним сделаю. Рано или поздно.

Ярл Гейр прошел в центр и без приветствий перешел к делу:

– Убивать великана будут мои люди. Сегодня его довели до удобной лощины и подкинули парочку коз, чтобы он остался на месте. Завтра все ватаги встанут там, где им скажут. Ваша задача – ослабить его как можно сильнее. Я не рассчитываю, что вы сделаете многое, но подрезать жилы, пустить кровь, отвлечь вы сможете. Слабое место именно этого великана – выносливость. Поэтому вы должны его гнать, злить, заставлять драться. Но он очень силен. Один удар раздробит кости даже хускарлу. Даже хельту. У каждой ватаги будет свое число. Если великан побежит в сторону другой ватаги, например, чьё число два, вы должны протрубить в рог два раза, чтобы предупредить их и остальных. Когда вас отведут на места, то сразу скажут, где кто стоит. Доспехи брать не советую. Скорость и ловкость! Только так.

Трижды прогудел рог в отдалении, и мы спешно повскакивали с земли. Пришел наш черёд.

Я подобрал секиру, проверил, как выходит из ножен трофейный кинжал-переросток. Рядом ульверы тоже проверяли оружие, потягивались и настраивались на боевой лад. Сегодня мы все были без доспехов и без щитов, как и советовал ярл Лопата. Альрик еще раз напомнил план: на рожон не лезть, близко не подходить, колоть и рубить только в спину.

Треск деревьев и кустов приближался. Мы растянулись по узкой лощине редкой цепочкой и ожидали скорого появления чудовища. Но сначала пришла волна удушающей силы. Сердце в груди затрепыхалось испуганным зайцем. Я судорожно задышал и начал оглядываться по сторонам в поисках укрытия. Страх! Он накатывался на меня волнами, и я чувствовал, как сжимаются внутренности. Слева раздался дробный перестук зубов. Моя челюсть тоже предательски задрожала, и я крепко, до боли стиснул зубы. Троль меня задери, я же не трус! Я бился в строю. Я грыз троллиху. Я сталкивался грудь в грудь с морской тварью.

А потом понял. Это не мой страх. Чужая сила давила на меня, а с этим я мог справиться. Флиппи давил сильнее.

Будто подслушав мои мысли, Альрик произнёс:

– Это не ваш страх! Разве сноульверы боятся того, что не

видят?!

– Нет! – раздался не очень стройный хор ответов.

– Разве сноульверы боятся хоть чего-то?!

– Нет! – в этот раз ответ прозвучал слаженно и громко.

– Мы победим эту тварь!

– Да!

– Или хотя бы не сдохнем, – пробормотал я.

После этих слов меж деревьев показалась туша великана. Меня передернуло от омерзения. В три человеческих роста, бледный, пузо висит до колен, ноги без ступней похожи на пни разной длины, левая рука с лишним суставом на каждом шагу задевает землю, в правой – дубина из вырванного с корнем дерева, головенка со слюнявой пастью слишком маленькая для такого тела, срамные части болтаются, ничем не прикрытые. Ко всему прочему, великан был рунным изменившимся, и это намного хуже, чем просто чудовище.

– Энок, давай!

Ослепитель натянул новый тугой лук. Стрела отскочила от толстой кожи великана, и это было неожиданно. Мы разделились на две больших группы и разошлись в стороны, чтобы зажать его в тиски. Хотя этого, пожалуй, зажмёшь.

Великан подходил ближе, не обращая на нас внимания, будто мы были всего лишь букашками под его ногами. Затем он остановился, шумно втянул воздух, развернулся и пошёл к Альрику, снимая с плеча дубину.

Бум! Вздогнула земля, когда великанская дубина грох-

нула по тому месту, где только что стоял Беззащитный. Чудовище снова подняло дубину, и мы бросились к нему. Первые копыя скользнули по толстой коже, не причинив ни малейшего вреда. Твою же... Надо было и мне брать копьё! Я подскочил поближе, размахнулся пошире и рубанул по ноге, секира отскочила, едва не вырвавшись из рук. Так мы его никуда не загоним! А великан продолжал гвоздить дубиной, пытаясь достать верткого Альрика. Хёвдинг уворачивался от ударов в последний момент и отступал, понемногу ведя великана к условному месту, но долго так не продержится. Одна ошибка, и его расплющит.

Я заметил выпирающую вену на ноге и рубанул по ней, тугой струей брызнула кровь окрасив лезвие и часть топорика в красный цвет. Великан взревел от боли и, неловко крутанувшись, наотмашь ударил дубиной, к счастью, слишком высоко. Я отбежал, чтобы не попасть под удар, и встретился взглядом с чудовищем. Жёлтый и красный глаза вперились в меня с нешуточной ненавистью. Верно определив источник боли, великан шагнул ко мне, я же развернулся и припустил что есть духу. На каждый шаг великана выходило пять моих. Нужно бежать быстрее. А еще эта чертова секира! Почему я не взял копьё? С каждым мгновением буханье великанских шагов становилось всё ближе и ближе.

– Кай! Влево! – голос хёвдинга прорвался сквозь грохот приближающейся смерти. Я свернул и почувствовал по слабеющему давлению чужой силы, что наконец отдаляюсь. Ви-

димом, эта тварь начала-таки выдыхаться.

Рядом остановился Альрик и хлопнул меня по мокрой спине. Рубаха сразу же прилипла к ней.

– Молодец, почти куда надо увёл! – Беззащитный широко улыбнулся.

– Он нас не догонит? – лёгкие горели от безумного бега, и вопрос прозвучал едва ли громче шёпота.

– Обязательно догонит! – улыбка Альрика стала ещё шире. – Стань вон там и жди, Ослепитель прикроет.

Заняв указанное место, я ждал, пока Энок с остальными разместятся по указке хевдинга. Лучник встал в двадцати шагах прямо за моей спиной, за ним редким полукругом встроились остальные.

Под треск молодых сосенок на полянку выступил великан и, агукнув, как огромный уродливый младенец, похромал ко мне.

Над головой просвистела стрела и воткнулась в левый жёлтый глаз. Ослепитель снова оправдал свое прозвище. Великан взревел от боли, брызжа слюной, и в открытую пасть влетела ещё одна стрела. Чудовище захлебнулось рёвом и швырнуло в меня дубину... Земля и небо несколько раз поменялись местами. Я прокатился кубарем, едва не напоровшись на свою же секиру, рот был полон земли и сухой хвои. Альрик счастливо оскалился.

– Успел, – проговорил он и сразу же крикнул: – Вепрь, труби шесть раз.

– Шесть? Это же Торкелев хирд!

– Точно! Пошли туда, благо, теперь у нас и дорога есть, – Беззащитный махнул рукой на просеку, оставленную великаном.

Легкой трусцой мы побежали по широкому следу и услышали крики боли и великаный рёв. Добравшись до места, мы увидели следы бойни. Всюду лежали тела раненых и убитых, два десятка карлов были уничтожены мгновенно. Два первых трупа были разорваны на части, а третьему чудовище вообще откусило голову и правую руку. Кажется, раны, полученные от нас, окончательно взбесили великана, и он выплеснул ярость раненого зверя на хирд Торкеля. Это случилось случайно, хотя насчет Альрика я не был так уверен, но очень вовремя.

– Труби пять раз, – Альрик пошёл вперёд, заинтересованно разглядывая следы бойни.

Я же решил разыскать Торкеля Мачту. Пробираясь через изломанные, затоптанные и разорванные тела, я уже не испытывал ничего, кроме облегчения и даже радости, ведь я мог бы сейчас тоже лежать, как попавший под телегу цыпленок, если бы Альрик меня не толкнул.

– Ты! – мою лодыжку что-то схватило, и я едва удержался на ногах.

Опустив взгляд, я увидел знакомую лысину, попытался вырвать ногу, но Торкель держал крепко. Тогда я взмахнул секирой. Кисть по-прежнему болталась на моей ноге, толь-

ко уже не мешала идти. Из разрубленного предплечья моего врага вместо ожидаемого потока крови вышла лишь жиденькая струйка. Ничем не сдерживаемый, я отступил на несколько шагов и перехватил оружие покрепче. Торкель не спешил вставать и вступать в бой.левой рукой он нашарил на поясе нож, неловко вытащил и метнул в меня, промагнувшись на несколько шагов. Никак у Мачты был перебит хребет. Я аккуратно обошёл его и наступил на предплечье. Вокруг собрались все ульверы и молча наблюдали за мной.

Хрустнула разрубаемая кость. Левая кисть Мачты отделилась от остальной руки. За дядю Ове! К чести моего врага, он молчал. Скрипел зубами, извивался, хрипел, но молчал.

Я передал секиру Тулле, не спеша достал меч и опустился возле Торкеля на одно колено. Схватил за куцую бородёнку и посмотрел ему в глаза.

– Помнишь Ящерицу? Ты ему улыбку срезал, – я приставил клинок к щеке врага. И вот тут его проняло. Торкель судорожно дёрнул головой и попытался отодвинуться от острия, но сделал этим только хуже: меч пробил обе щёки насквозь. Да, не совсем так, как он поступил с нашим братом. Я потянул меч на себя, разрезая лицо. Теперь он будет широко улыбаться до конца своей короткой жизни.

После этого я воткнул меч в землю, взял секиру, замахнулся и ...

– Стой, – тихо сказал Альрик, удерживая секиру над головой Мачты. – Подожди рог.

И то верно. Я уселся возле изуродованного Торкеля и стал ждать, глядя на лицо первого врага. Мой первый кровник. Даже было немного жаль его терять. Да и не совсем честно всё получилось. Я хотел подняться до его руны и победить в честном бою, как он победил Ове.

Время текло медленно. И жизнь понемногу покидала Торкеля. Сейчас я больше всего боялся, что он умрет еще до того, как протрубит рог. Это было бы совсем нехорошо, потому я снял с него пояс, разрезал пополам и перетянул культияпки на руках. С раной на лице и с расплюснутыми внутренностями я сделать ничего не мог, а потому мысленно попросил богиню Орсу помочь Торкелю продержаться еще немного.

Странно, я совсем не испытывал к нему ненависти. Я его уважал. Уважал, как искусного бойца и мечника, как верно-го хускарла, как хорошего врага. Я привык уже к его дыханию за спиной. Да, там еще оставался Скірре Пивохлаб, но я его никогда не видел и сильно сомневался, что человек с таким прозвищем может быть стоящим воином. Скорее всего, там грузный бочкообразный мужик, который едва поднимает собственное брюхо.

Я глядел на лысую голову с запекшейся кровью, на едва вздымающуюся грудь, да раззявленный рот и вспоминал, как Торкель легко отбивался одновременно от троих воинов, как играючи убил Ове, как едва не прикончил Альрика. Да, это был...

Отдаваясь гулким эхом, в лошине взревел рог. Я напрягся,

ожидаю нескольких гудков, но его рев все длился и длился, до тех пор пока у трубившего не закончился воздух.

Я вскочил и одним махом отрубил Торкелю голову. И тут же по телу потекла свежая бодрящая сила новой руны.

Глава 15

Вместо холодного земляного пола – стылый камень, который высасывал тепло из тела. Вместо бревенчатых стен – стылый камень. Вместо столба с цепями – хмм, снова камень. Зато цепи потяжелее, лучше скованные. Даже волчий плащ не позволили взять. Я устал сидеть на корточках, оберегая задницу от отмораживания.

Удивительно красивое место! Отсюда можно было видеть разлом фьорда целиком, как он изгибался, уходя в море. По буром-мшистому склону горы мчала воды узенькая река и низвергалась водопадом. Высоко в сером небе верещали, точно стадо больных коз, альбатросы. Неподалеку примостилась стайка диких гусей, всего лишь на расстоянии двух перелетов стрел. Если бы тут был Ослепитель, то он мог бы подбить парочку, а потом Вепрь бы запек их в глине.

Я поерзал, пытаюсь примоститься поудобнее, не удержался на закованных скрюченных ногах и шлепнулся на зад. Да и тролль с ним, пусть уже отмерзнет, зато я наконец почувствовал, как побежала горячая кровь по онемевшим мышцам.

Оглянулся, не идут ли ко мне. Судя по всему, Альрик не унимался. Размахивал руками, втолковывал что-то, указывал рукой на дно фьорда, скорее всего, рассказывал про Ящерицу. И откуда у него столько терпения так долго биться го-

ловой о непробиваемую скалу по имени Ге́йр Лопата?

Сразу после убийства великана некоторые люди ярла остались на его разделку: сердце такого изменившегося уже считается не человеческим, а твариным, а значит, его можно было продать. Хотя я бы все же не стал жрать сердце твари, что когда-то была человеком. Ну, по крайней мере, не хотел бы, но если выбора не будет...

Сам же ярл прошелся по пути движения великана, собирал тела раненых и убитых. Тех, кто был при смерти, он предлагал добить их же соратникам, мол, чтобы не пропала даром их жизнь, а влилась руной в силу собрата. И я не заметил, чтобы кто-то из Торкелева хирда отказался прирезать друга. Всего из его людей выжило пятеро, и один из них – только благодаря убийству умирающего.

– Они убили Торкеля! – сказал излеченный. У него было располагающее лицо: высокий чистый лоб, ясно очерченные глаза и очень честный взгляд. Казалось, что ему можно и кошель свой доверить. – Взяли и убили. Наверное, они и великана на нас натравили! Это все из-за них.

Лопата прошелся по следам битвы, дошел до того места, где мы столкнулись с изменившимся, потом вернулся. Его холодные глаза внимательно осмотрели нас и остановились на мне.

- Утром ты был на третьей руне. Откуда четвертая?
- Я убил Торкеля, – пожал я плечами.
- Он умирал?

– Я не служу Орсе. Он был пятирунным. Как знать, может, и выжил бы.

– В цепи его! Вечером закопать, – бросил ярл буднично.

Против его хускарлов и хельтов сноульверы были ничем, да и Альрик придержал ребят, не давая им вмешаться. Сам же подошел к Лопате, который уже занялся другими делами, и начал что-то ему говорить, но я не слышал, что именно. Меня уже волок в сторону селения девятирунный бугай.

А потом я сидел в цепях, второй конец которых был вбит в скалу, и эти железки явно были рассчитаны не на четырехрунного. Наверное, Лопата сюда приковывал и своих людей, если они нарушали установленные им правила. Я подергал цепи на всякий случай, проверил клин в камне и со спокойной совестью стал ждать.

Каково это – быть закопанным заживо? Вряд ли в этом месте получится вырыть глубокую яму, тут почти везде сплошной камень. Меня засыпят щебнем или придавят валунами? Сломаются ли кости? Или я задохнусь? Но хуже всего то, что я не попаду в дружину к Формиру. Даже Торкель уже приступил к служению богу-воину, и он явно будет ждать моего появления. Как и Эйрик, Оддр, Йодур. Как и отец, когда придет его время. А я стану едой для червей и дерьмом червей, и буду вечно проходить через их склизкие узкие тушки. Раз за разом. Мое сердце будет источено, мои кишки расползутся, мои мозги будут всосаны мелкими букашками.

Успею ли я?

Смогу ли вырваться и прыгнуть с обрыва? С такой высоты я буду лететь долго, может, увижу еще раз «Волчару», перед тем как разобью голову о камни и воду. Где тогда я буду нести службу? Встану ли я в ватагу Фомрира? Наверное, нет, ведь это не будет смертью в бою. Нарл? Возможно. Если я не умру от удара, то уж точно утону.

Я встал, немного попрыгал и снова сел на корточки. Спина промерзла аж до самой шеи. Лучше пусть ноги затекут.

От поселка выдвинулись две фигуры: какой-то местный и Тулле. Альрика уже видно не было. Нет, не буду просить Тулле помочь, а то закопают его. Он, конечно, землю любит, но вряд ли настолько.

– Кай, сейчас не делай ничего. Хёвдинг уговорил ярла Гейра обсудить твое дело, – не успев подойти, сказал Тулле. Словно знал, о чем я думал. – Ты же знаешь Альрика.

Я внимательно посмотрел другу в глаза. Он не стал бы врать. Он знает, как я отношусь к смерти.

Местный одной рукой выдернул клин из скалы, как будто это был мягкий сыр, а не камень. Впрочем, он же его туда и вбивал. И мы двинулись в поселение.

Снова сбор на площади. Там стояла скамья, покрытая шкурами незнакомых зверей, ярко-алый мех отливал на солнце и казался выкованным из меди. Наш хирд стоял слева от скамьи, остатки хирда Торкеля – справа. Альрик шептался с тем мужчиной с честными глазами, улыбнулся, сунул ему что-то в руку и аккуратно перебрался к ульверам. Ярл

Лопата уверенно пересек площадь и сел на скамью, приминая пышный мех. Его лицо, как обычно, не выражало ничего.

– Я не привык к тому, чтобы мои приказы обсуждались. Но Альрик Беззащитный заверил, что его человек не нарушил мой приказ. Я скажу, что видел сам. У Торкеля Мачты отрублены кисти рук и голова. Отрублены, а не отгрызены или смяты. В руках этого карла была окровавленная секира, а его сила поднялась с третьей на четвертую руну, хотя не он убил великана. Значит, этот карл убил Торкеля вопреки моему слову.

Альрик выступил вперед, дождался разрешения говорить и сказал:

– Торкель Мачта давно преследует мой хирд и Кая Эрлингссона. Он хочет убить Кая за то, что...

– Я говорил, – сухо перебил ярл. – Меня не волнуют ваши прежние распри. Я нанял их и вас и сказал, что мои люди не должны поднимать друг на друга оружие.

– Хорошо, – склонил голову Альрик. – С какого момента был начат найм?

– Как только ты вошел в мой дом и отведал мою еду.

– А до какого момента идет найм?

– Пока я не скажу обратное.

– Это не так, ярл Гейр, – мягко возразил Альрик. – Мы занимались только ради убийства великана. Ты сам сказал: пока великан не будет убит, мы служим тебе. Значит, после его смерти мы перестали быть твоими людьми. Верно я го-

ворю?

– Хорошо. Согласен, – кивнул Лопата.

– Кай отрубил Торкелю голову после сигнала рога о смерти великана, а до того Торкель был жив. Значит, мы не нарушили твой приказ.

Ярл Гейр молчал. Все молчали. Я стоял и смотрел на хёвдинга. Неужели Альрик заранее предвидел такой поворот? Потому он остановил мою руку и сказал ждать рог? Почему я не подумал об этом, хотя слышал слова Лопаты своими ушами и знал о его репутации? Смогу ли я когда-нибудь стать таким же хитроумным и изворотливым, как Альрик?

– Кто может подтвердить твои слова? – наконец произнес ярл Гейр.

– Все сноульверы, что были там.

– Мне не нравится, как ты придумываешь отговорки, – ярл Гейр поднялся, и я сглотнул. Одно движение, подкрепленное щепоткой силы, и у меня затряслись поджилки. – Я считаю, что нападение на человека в моих землях должно быть наказано и наказано сурово, иначе все будут думать, что можно не слушать мои приказы. Но вы пришлые. Пришлым был и тот хирд. Потому я позволяю тебе цепляться за отдельные слова. Но обманывать себя я не позволю. Если я прикажу своим людям солгать – они солгут. Твои люди могут лгать, чтобы спасти карла.

Я пожалел, что не прыгнул с обрыва.

– Согласен с тобой, ярл Гейр. Там были еще и люди Тор-

келя. Им незачем лгать тебе. Спроси у них.

Лопата посмотрел на пятерых выживших.

– Если вы скажете, что ваш хёвдинг был убит до рога, этот карл будет закопан заживо.

Воин с честным взглядом вышел из строя и сказал:

– Он хотел убить Торкеля сразу, но его предводитель остановил его руку. Они подождали рог и лишь после этого отрубили голову.

– Все это подтверждают?

Оставшиеся люди что-то согласно пробормотали.

– Что ж, пусть будет так. Что вы хотите взять за смерть хёвдинга: серебро или кровь?

Альрик вмешался:

– Ярл Гейр, ты узнал, что мой карл не нарушал твоего приказа. Но ты отказался слушать историю вражды между нами и Торкелем, потому не тебе судить его смерть. Ты не знаешь, что сделал Торкель нам и почему преследовал. Ни кровью, ни серебром мы платить не станем. Пусть люди Торкеля вернуться домой и там, коли пожелают, передадут это на суд конунга.

Лопата явно не привык, чтобы ему перечили, но возразить было нечего. Он сам сказал, что ему нет дела до нашей прежней вражды, а значит, он не мог вмешиваться. Ярл Гейр сам возвел свое слово до уровня закона. Из-за страха его люди никогда не прекословили, и потому он не привык дотошно следить за словами. Гордыня!

– Снимите с него цепи, – рыкнул он, впервые проявив хоть какие-то чувства. – Завтра с рассветом вы должны покинуть мои земли.

– Конечно, ярл. После оплаты.

Ярл Гейр дернул щекой, потом снял кошель с пояса, взвесил в руке, снял еще серебряный браслет и передал Альрику.

– Завтра с рассветом, – бросил он напоследок и ушел.

Цепи сняли, Тулле набросил на меня волчий плащ, и я сразу же завернулся в него с ног до головы.

– Что сразу не накинул?

– А вдруг бы тебя закопали? Зачем хорошую вещь портить? – рассмеялся он.

Я тоже расхохотался, лишь сейчас осознав, что чудом остался жив.

Люди на площади разошлись, и остался только наш хирд и люди Торкеля. Альрик подошел к тому, кто подтвердил его слова, и похлопал его по плечу:

– Благодарю. Куда вы теперь пойдете?

– Вернемся к ярлу Скирре. У меня там семья.

– Ну, добро, – и серебряный браслет перешел в руки Торкелева карла.

* * *

Наутро, как и велел ярл Гейр, мы спустились по той чудовищной лестнице, и спуск был ничуть не легче подъема.

Приходилось цепляться за скалу левой рукой, внимательно ощупывать ногой доску, чтобы не соскользнуть в сыром тумане, заволочшем фьорд. Я теперь шел последним и думал о том, что если я вдруг ошибусь, то собью всех своих собратьев. Впрочем, после получения четвертой руны оружие, щит и куртка давили гораздо меньше.

Подумать только, я был на четвертой руне! Один шаг до хускарла. До Альрика. Несмотря на то, что Альрик был сильнее всех в хирде, он отставал. Ему было уже за двадцать, а он все еще был на пятой руне. Мне четырнадцать, а я уже на четвертой. Почему так получилось? Беззащитный не был ни слаб, ни труслив. Да, против него играло сложное условие, полученное от богов. Во всех крупных сражениях он был в кольчуге, он не смог получить ничего от работы на ярла Сигарра, а в боях с тварями нужна большая удача, чтобы нанести последний удар. Лучше всего ему подходил бой один на один, где он мог проявить все свои таланты.

Когда мы выбрались из узкого фьорда и распрощались с лоцманом, пересадив того на охранный корабль, я задал Альрику этот вопрос. Тот криво усмехнулся:

– У каждого по-своему плетется нить жизни. Я далеко не сразу понял, какое у меня ограничение. Первую руну я получил легко, ведь никто не надевает доспехи, для того чтобы убить козу. И в честь первой руны отец подарил мне стеганку с вшитыми деревянными пластинами. Страшная такая, серо-синяя, с разноцветными заплатами, защитила бы лишь

от бодливой коровы. Я протаскался в ней года три, охотился, убивал и людей, и зверей. Мои ровесники уже давно были на второй руне, а некоторые даже поднялись до третьей. Меня прозвали Альрик Однорунный. Жрец сказал, что боги ясно обозначили свою волю и хотят, чтобы я выбрал мирное ремесло, занялся бы землей, скотом или кузнечеством. Но мне это было неинтересно. Никто не тренировался с мечом столько же времени, сколько я, никто не таскал столько тяжестей, не бегал в горы, не плавал часами в холодном море. Я мог биться на равных с двурунным. Но в итоге отец сказал, чтобы я перестал мечтать о несбыточном. Я вернул ему стеганку, сел на торговый кнорр и решил, что тогда стану самым богатым торговцем, раз уж стезя воина была недоступна.

– Потому ты так здорово торгуешься!

– Я ходил с торговцем два года. Хотел продавать оружие, но пришлось возить ткани и украшения. Резные бусины, стеклянные бусины, глиняные бусины, бусины с медными опилками, которые горели на солнце огнем, серьги с камнями, железные обручи. А потом мой наставник Скафти решил замахнуться на большее и закупил серебряные кованые украшения. И в первую же ночевку на берегу люди Скафти убили его, чтобы забрать все добро себе. Я проснулся, когда Скафти уже был мертв. И на том же берегу я получил разом две руны.

Альрик замолчал. Солнце поднялось уже высоко, «Волчара» с высунутым языком мчался по морской глади, ветер

бился о натянутый парус, то наполняя его, то позволяя безвольно обвиснуть.

– А потом? – я подтолкнул задумавшегося хёвдинга.

– Потом я торговал еще пару лет, скопил на нормальную броню и оружие, нашел людей в свою ватагу. Хотя вон, Вепрь работал вместе со мной еще на Скафти. Я не хотел идти под чье-либо начало и не хотел брать первых попавшихся воинов, так как помнил, что случилось со Скафти, насмотрелся на предательства. Так что сел на «Волчару» и отправился на поиски приключений.

Альрик улыбнулся и добавил:

– А еще я не нажил себе врагов. Меня многие недолюбливают, вот ярл Гейр вряд ли когда-нибудь пустит меня на свои земля, но нет такого человека, который бы попытался меня убить при первой же встрече. Возможно, потому что во мне еще живет торговец. Может, зря я убил всех предателей на том берегу? Надо было одного оставить. Хвит! – крикнул хёвдинг. – Запевай! Садимся на весла!

Под дружные взмахи весел мы помчались подальше от негостеприимного берега ярла Лопаты.

У Нёры родился первенец-сын,

Он Хёммингом назван был.

Бегал на лыжах с малых лет,

Оленей гонять любил.

Его невеста подросла

Во всей своей красоте,
Но троллиха подло украла ее,
Зимней ночью, в тесноте.

Настало время братья за плуг,
Стоят весенние дни,
А Хемминг потерял быков,
Не знает, где они.

Искал он быков по диким местам
От ранней зари до заката.
Медведицу белую он увидал,
Сосали ее медвежата.³⁰

³⁰ Текст норвежской баллады «Хемминг и троллиха», слегка измененный.

Эпилог

Ингрид встала, поправила примятую юбку, глянула на догорающие пламенем облака. Теперь их подбрюшья были окрашены в фиолетовые, а не в красные цвета, а это значит, что ее снова будут ругать за позднее возвращение в дом.

Он снова не появился. Не приплыл.

Да ну и пожалуйста! Кому вообще нужен этот мелкий задавака? Он, наверное, и про сережки с камушком забыл. Хотя кому нужны эти камушки? Она что, собирается всю жизнь сидеть дома и ткать бесконечные полотна ткани? Прясть, ткать, красить, шить, вязать... словно женщины только и могут, что возиться с тряпками!

Девочка поправила съезжающий поясок. Он постоянно перекособочивался из-за небольшого ножа, подвешенного сбоку. Сколько сражений ей пришлось пережить, чтобы получить этот нож! Хотя правда с самого начала была на ее стороне. Это безрунным оружие не полагается, но она-то была не безрунной! Нет такого уговора, что семилетним оружие нельзя носить. Если у нее уже есть руна, значит, и оружие должно быть. И ведь она не просила топорик, как у того мелкого, или меч. Хотя бы обычный ножик, который носят все рунные свободные люди.

Она Эрлинга и ласково уговаривала, и рыдала перед ним, даже не разговаривала с ним целых три дня, а он и не за-

метил. Лишь сказал: «А чего это так тихо стало?» – и всё. А потом она догадалась вежливо спросить: «Дядя Эрлинг, а я ваша рабыня, да? Мне ребята сказали, что если я рунная и без оружия, значит, я просто рабыня. Тогда заберите это платье, оно слишком нарядное для рабыни. И спать я буду с остальными рабынями, ближе к выходу». После этого Эрлинг сдался и подарил самый настоящий ножик в кожаном чехольчике. Там даже колечки были, чтобы на пояс надевать.

Все ребята в Стóрбаше обзавидовались! Просили подержать, проверить на остроту, но Ингрид гордо отвечала: «Безрунным оружие не полагается! У тебя есть руна? Нету. Значит, я не могу тебе его дать». А потом украдкой прорезала ножиком нижнюю рубаху – проверяла, острый или нет. Оказалось, острый.

И чего она почти каждый вечер бежит к морю? Да́гней говорит, что Кай теперь не скоро вернется. Изредка до Стóрбаша долетали известия о нем, точнее, не о нем, а о хёрде сноульверов и Альрике Беззащитном. Новости были не слишком хорошими. Что-то там они сделали очень плохое, и теперь за ними гоняется какая-то Мачта. Где-то убили настоящего тролля или даже трех. Поймали огромную морскую тварь. Однажды торговцы привезли вместе с товарами и новую песню – непонятную, в которой и про сражения-то ничего не было, больше про разговоры. Дагней потом весь вечер проплакала и повторяла: «За твоей спиной я стоять останусь», а Ингрид пришлось возиться с Фб́льмундом, новым

сыном Дагней и Эрлинга. Фольмунд Эрлингссон! Слишком громкое имя для крошечного младенчика.

Сколько тогда спорили Эрлинг и Дагней! Сколько они ругались насчет имени! Эрлинг хотел назвать его как-нибудь громко и звучно, например, Победитель – Сигфусс или Грозный – Стюрмир. А Дагней говорила, что одного воина в семье достаточно, и второй сын должен остаться дома и заниматься хозяйством, которое, видят боги, уже немаленькое. В итоге дали имя в честь самого мирного бога – Фольси-землепашца, так что придется ему всю жизнь пахать землю и растить хлеб, стать рукой Фольси (Фольмунд – рука Фольси).

Фольмунд родился зимней ночью, когда камни трещали от мороза, и одна из рабынь всегда бодрствовала, чтобы поддерживать огонь в очаге, иначе померзли бы и люди, и кони, и коровы. Много ночей потом Ингрид спала на одной кровати вместе с Дагней и малышом, грея его бок.

Девочка в последний раз посмотрела на море. Показалось, что там вдалеке мелькнул парус, но было уже слишком темно, чтобы быть уверенной. Она снова поправила поясок и побежала домой.

Эрлинга сейчас не было дома, закончился сбор урожая, и он поехал по своим деревням. А Дагней никогда сильно не ругала за опоздания, знала, что Ингрид высматривает корабль с Каем, и молча одобряла подобную преданность. Вот и сейчас она сунула приемной дочке овсяную лепешку с сыром и ушла спать. Фольмунд немного похныкал и затих. В

доме было темно, не считая багровых переливов в остывающем очаге и крошечного пятна света от оставленной лампы.

Ингрид любила это время суток. Оно ей напоминало те дни, когда они с Каем шли по горам и тащили за собой глупых коз. Вечером он всегда разжигал костер, на котором готовил еду, отвратительную на вкус. А еще он рассказывал истории про богов, перевирая одну половину и додумывая на ходу вторую. Сейчас Ингрид знала много таких историй, но тогда она слышала их впервые, и они были такими интересными и живыми, несмотря на постоянные запинки.

Вообще Кай был некрасивым. У него были темные, хотя и не черные, волосы, кривой горбатый нос и глупая ухмылка, он был не таким высоким, как Даг, вечно хмурился и обзывался. Но если бы Ингрид пришлось выбирать, с кем идти в горы: с высоким вежливым Дагом или с грубияном Каем, она бы снова выбрала Кая.

Проснулась Ингрид от того, что замерзла. Снова уснула прямо за столом, разглядывая танец тлеющих углей. Порой ей казалось, что они хотят рассказать что-то очень важное, но не могут. Ей виделись в их мерцании знаки, похожие на те руны, что рисуют на домах и оружии.

Девочка вздохнула, сползла со скамьи и пошла вглубь дома, к своей лавке, где обычно спала. Там лежало толстое шерстяное одеяло, в которое она собиралась закутаться с ног до головы. Шла она на ощупь и надеялась, что не споткнется о забытые горшки. Когда Ингрид нащупала камни, из которых

сложен очаг, то вытащила ножик и поворошила угли. Снизу еще тлел огонь, и от притока воздуха взмыли крошечные язычки пламени, осветив ненадолго дом. Обычно этого хватало, чтобы добраться до лавки.

Но сейчас девочка увидела, как из закутка, где спала Дагней и малыш Фольмунд, вынырнула тень. Эрлинг? Ингрид сразу поняла, что это не он. И завизжала.

После Ингрид всем рассказывала, что закричала лишь для того, чтобы разбудить остальных. Но на самом деле она просто испугалась. Испугалась как обычная безрунная девчонка.

Тень шарахнулась в сторону и тоже завопила, причем тоненько так, со всхлипами. Из закутка выскочила Дагней с распущенными волосами и закричала:

– Фольмунд! Отдай моего сына!

Ингрид поняла, что вопила не тень, а кулек у нее в руках. Фольмунд! Тень пришла, чтобы сожрать Фольмунда! Или хуже того, принести его в жертву праматери тварей и сделать из него самое настоящее чудовище, которое потом придет и сожрет весь Сторбаш. Она сама слышала, как мальчишки недавно говорили о таком случае.

Завопили теперь и рабыни, распахнулась дверь, и одна из девушек выскочила наружу.

Ингрид крепче сжала нож, который все еще держала в руке, и напрыгнула на тень с криком:

– Не ешь Фольмунда!

Тень небрежно отмахнулась от девчонки, но Ингрид была рунной! Она проскользнула под рукой и вонзила нож в ногу тени. Тень зарычала, наотмашь врезала девочке по лицу, от чего она отлетела к очагу и ударилась затылком о камни.

– Не ешь...